BIBLIOTHECA IGNATIANA
Богословие. Духовность. Наука

В.В. Бибихин

# Алексей Федорович ЛОСЕВ
# Сергей Сергеевич АВЕРИНЦЕВ

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

«Скажу по секрету, я христианин. Для меня величайшее достижение в смысле христианского подвига — исихазм… Как-то в жизни должно быть всё по-другому…Меня привлекает идеал ἁπλωσις, опрощения; всё настоящее, мне кажется, настолько просто, что как бы и нет ничего. В том же смысле я понимаю и θέωσις, обожение. Человек становится как бы Богом, только не по существу, что было бы кощунством, а по благодати. В опрощении, в обожении происходит возвышение веры над разумом. Ничего рассудочного не остается. И даже о самом Боге человек перестает думать. Ведь Бог, если о Нем думать, это уже система богословия. А тут полная неразличенность».

Монах Андроник в миру профессор Алексей Фёдорович Лосев.

Записи устных рассказов, частных бесед и суждений крупнейшего русского философа, профессора Алексея Федоровича Лосева за 1965 — 1988 годы.

В электронной публикации сделан небольшой перенос текста (Введение) и добавлено деление на годы.


- 
- Введение
- Записи
  - 1964
  - 1970
  - 1971
  - 1972
  - 1973
  - 1974
  - 1975
  - 1976
  - 1978
  - 1979
  - 1980
  - 1981
  - 1983
  - 1984
  - 1985
  - 1986
  - 1988
  - 1989
  - 1991

- 1992
- 1993
- 1995
- 1996
- 2000
- 2003
- 2004

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128

- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 163
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273

- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

# Введение

Алексею Федоровичу Лосеву требовалось из-за слабости зрения читать на языках. Не зная, как это делалось до меня, я стал читать сразу по-русски. Это пригодилось, и мне позволили часто бывать у него, также и для письма, после чтения, под диктовку. Мне давали делать дома письменные рефераты. В 1970 году, не сумев работать ни в Главлите, куда меня распределили после института, ни в МИМО, ни в издательстве «Мысль», я до 17. 7. 1972 года, когда был принят в сектор информации Института философии АН СССР, имел основным местом работы тихий кабинет Лосева.

Уходя после первого занятия с А. Ф. по Арбату к центру, я был другим. Город изменился, воздух был плотным, пространство глубоким. Я мог двигаться плавно в этой новой густоте. Каждый раз, как я приближался к дому Лосева, Арбат начинал казаться особенно запустелым, люди на нем совсем неприкаянными. Кабинет на втором этаже с окнами во двор излучал строгую отрешенность. Здесь думали. Большой человек в кресле с высокой ровной спинкой между заставленными книгами столом и бывшим камином бодрствовал в молчаливой сосредоточенности. «Здравствуй, Владимир».

Среди чтения и диктовки Алексей Федорович иногда заговаривал о другом. Его книги вмешали не все, чем он жил, часто — только намеки на затаенные ходы мысли. Когда начинались его отступления, я, чувствуя несправедливость растраты такого богатства на одного меня, брал один за другим листки из щедрой стопки «оборотиков» — для экономии на черновики шла использованная с одной стороны бумага — и записывал его слова, какие успевал, не вводя никогда свои. Магнитофона не было на горизонте.

Редко я решался перебивать А. Ф. Мы были такими неравными собеседниками, что, по-видимому, для него главным удовольствием от собственных рассказов оставалась разыгранная им в одном лице драма идей, характеров, положений. Он был редкостный актер. Ни малейшей нарочитости. Захватывал простор сцены, на которой пределы терялись из виду и всему было вольготно. Алексей Федорович словно только комментировал всплывающее в его памяти, сам и постановщик и увлеченный зритель представления. Отсюда бесподобная невозмутимость тона. Прибавьте редкостный словесный, музыкальный и миметический дар.

Я не пытаюсь восстановить пропуски в своих бедных записях.

Получились всего лишь обрывки речей, но в них — его подлинный голос и моя тогдашняя зачарованность. За Алексеем Федоровичем записывали не раз (см., например, Литературная учеба, 1988, № 2, с. 176–179 и мн. др.). Но в новой связи те же мысли яснее показывают, как всё у А. Ф., и античное и современное, было связано чувством воплощенной близости высших сил.

Если бы кто-нибудь или я сам предположил в годы тех ранних записей, что с Лосевым можно спорить, я испугался бы. Если не он прав, то кто же? «По книжке Лосева и Шестакова[1]», записывал я себе 22. 9. 1965, «надо следить за деталями и вдумываться в мысль автора. Не надо торопиться перебить его своими скороспелыми догадками». В конце концов, его мысль была неоспоримо оправдана уже просто тем, что жила. Никто не смел судить со стороны, не рискнув думать сам. А рискнув, не захотел бы уже судить и спросил бы о другом — почему Алексей Федорович во многом остался подземным вулканом, чьи взрывы приглушенно отдавались во внешних слоях.

На упоминавшихся выше аспирантских занятиях каждая древнегреческая форма выступала у А. Ф. помимо своего смысла сама по себе уютной и надежной как горы, море или вечная идея. Платоническая идея, которую Лосев определял как «связку отношений, пучок структур», была подвижной. Статику Лосев приписывал скорее латинскому языку, строй которого сравнивал с порядком легиона перед боем. Гением порядка он объяснял мировое влияние латыни, в сравнении с которой «малосильный греческий язык, просиял — а теперь задворки». Мощь римского начала однако послужила сохранению греческого наследия. Возрождение вспомнило о греческой философии (Марсилио Фичино). Итальянскую классическую филологию 20 в. Лосев ставил высоко за унаследованное живое чувство античности.

# Записи

# 1964

Греческий А. Ф. вел с одинаковой подробностью на всех уровнях от правил чередования, ударения, склонения и спряжения до строя фразы и этимологии. Технические детали, «рассчитанные на зубрежку», не страдали. Он уделял им столько усилий, сколько надо. «У меня выработался метод затверживания», говорил он. Каждый из уровней нес в его преподавании полноценный дух языка, поэтому А. Ф. легко и естественно переходил к замечаниям большого размаха. Выписываю их, насколько удается прочесть.

**10. 11. 1964.** Разбираем фразу «Η φιλια αγινρα εστίη έν τη άτύχία», дружба якорь в несчастье.Атυχία, объясняет А. Ф., это немилость у богини судьбы Τύχη— это просто случай. Греки философы и мыслители, римляне завоеватели, юристы. У римлян для обозначения любви только amor. У греков —η φίλία, дружба; ό έρως любовь нежная; ή άγάπη любовь братская; ή στοργη любовь родительская. Тут душевное богатство. А у римлян главное — дисциплина, строй. Сидит в Риме император и командует людьми, которые живут за 10 000 километров от него, — это вот римляне любили.

Насчет άγάπη позвольте мне побаловаться. Как видите, в этом слове сначала

стоит alpha privativum, отрицательная частица а-. Потом идет корень ληθ. По-гречески Λήθη забвение, это подземная река; когда вы идете вдоль этой реки, вы всё забываете. Т. е. άλήθεια, истина, есть то, что нельзя забыть. Так понимали греки правду: то, что не подлежит забыванию. У немцев правда — Wahrheit, достоверное, проверенное. Наша правда — то, что правильно. А наша истина? Я думаю, что истина происходит от есть, естина. Русский человек материалист, ему то, что есть, что можно потрогать, то и истина. На одном заседании я подошел к Льву Владимировичу Щербе: «Вот вы всё понимаете в русской этимологии, а я ничего. Скажите, истина — это естина?» Он ответил удивительно: «Я думаю, что да, но доказать это не могу».

Порядок слов в греческом очень сложный. По-латински сказуемое, как правило, стоит на конце. Отсюда оно часто на конце и в немецком, в русском в 17 веке.

Γλώττα или γλώσα, значит трудно понимаемое слово. Отсюда глоссарий.

**17. 11. 1964**. Кардинал от καρδία сердце? Cardinalis… Да, пожалуй [2]. А я вам скажу больше: русское сердце и это греческое слово с корнем καρδ— одно и то же. Тут е переходит в а, очень

обычное чередование. Чередование это такое общее явление, просто необозримое. Гласная всегда ненадежна, она всегда может измениться на другую.

Вообще фонема, вокруг нее такая путаница. Фонема у одного лингвиста значит одно, у другого другое. Еще так же повезло понятию модели. Шаумян? У него, наоборот, определенное значение: фонема у него есть чисто теоретический конструкт, который нельзя произнести. Старики никак не могут понять, что фонему нельзя произнести. Фонема не звук, а теоретический конструкт!

Вообще сейчас важные вещи творятся в языкознании. Нельзя соглашаться с теми стариками, что не хотят слышать о структурализме.

Аракин[3]? Он хорошо разбирается в новых учениях. А вообще это только в центре сейчас знают новое, а в других городах глаза на всё свежее закрывают.

Σοφία это мудрость. Но греки народ практический; их даже считали обманщиками; например, римляне в отношении греческой верности и надежности имели особое слово graecofides, греческая вера, в том смысле, что грекам нельзя доверять. У греков Σοφία конечно, мудрость, но все-таки она означает греческую мудрость, иногда даже хитрость. У философов мудрость, конечно, сублимируется в чисто теоретическое высокое значение.

Еще важнее λόγος — и слово, и речь, и разум. Поэтому ни на один язык перевести λόγος нельзя. Verbum? Wort? То и другое просто слово, а в греческом, например в φιλολογία, -λογία от λογος вовсе не слово, а что-то совсем другое.

Ἀρετη часто переводят добродетель, но это значение сложилось только в позднем эллинизме, хотя и до христианства. Ἀρετη — добротность, вот правильный перевод; совершенство в каком-нибудь отношении, обязательно в хорошем.

Вот вам развитие идей. Была политическая, социальная добротность, а позднее развитие языка пошло по линии морализирования. История слов поучительна. Например, наше слово пошлый. Первоначально оно значило то, что пошло, т. е. какую-то повседневную, обыкновенную вещь. Теперь другое значение. Или наше слово воля.

В старых языках есть аромат! Роскошно! Музыка!

Это все можно рассматривать в связи с историей культуры. В слове аретп сразу видно, что это языческая религия, не морализирующая.

**24. 11. 1964**. А. Ф. объясняет второе склонение в греческом. Формы склонения не правило, это факт языка. Правило что-то

обобщает, а тут ведь никакого обобщения нет, есть просто требование говорить именно так, а не иначе!

Тантал — догреческое слово.

В ударении всё закономерно: никакой схоластики нет.

Греческое О при звательном падеже это восклицательное О, как в русском языке: звательная частица.

Хайроэ значит радуюсь; при расставании и встрече говорили χαέρε, χαίρετε. Интересно, что грек другому желает радости, а русский здоровья. Но при расставании русский говорит прощай, просит отпустить ему вину. Тут русский язык далеко замахнулся; тут, видите, обернулась какая-то философия глубокая. А римлянин говорит просто vale, знаете; vale, будь здоров. — Это прощай по-русски глубоко, глубоко… Прости значит освободи? морализирующее значение появилось поздно, после Канта и Гегеля? Да, может быть. Они ведь моралисты.

Палеоазиатские языки: выражение действия есть, а выражение лица достигается другими способами. Там вообще чудные явления.

Гомеровская Илиада — там много наслоений, напластований. «Они жарили мясо на Гефесте…» Ясно, что видели в огне бога, так что идея огня еще не отделилась от реального огня. Дух, понятый неотделимо от понятия вещи. Нет различения между телом и духом.

Дети выучивают язык легко. Некоторые сохраняют эту способность в любом возрасте. Лингвист выучил еще один язык, как Моцарт сочинил сонату. Я знал двух таких полиглотов, Корша Федора Евгеньевича и Марра. Более сорока языков знали — главное, разных систем!

Марр был большой авторитет. Он ослабел, когда Сталин понял, что руссистику надо поддерживать. Во многих случаях Марр был провидцем. Новое у него — список исходных корней. И идея матриархата. Земля, Небо, Уран по Марру — одно женское существо. Земля по Марру то же слово, что немецкое Himmel, небо.

**1. 12. 1964.** В древнем языке странный человек тот, кто ходит по стране. «Сторонник мира»? Да, пожалуй, тоже относится сюда, только здесь полногласие. Тот же корень в словах страх, стремление, о-стров, струя. Общее между ними то, что всё струится!

Теперь μνήμη, богатый корень. Здесь в греческом нулевая огласовка, — μν- Более сильная огласовка бывает разная: вспоминать, Minne, любовь, Minnesang, поэзия. Потом mens, отсюда ментальный. Сомнение? Да, тоже. — Теперь, от mens

немецкое Mensch. Немец ведь понимает человека возвышенно. Но, между

прочим, русское человек — неразгаданное слово. До десятка разных мнений существует.

Русское память связано с мнети. Па — непродуктивная частица, которая указывает на уменьшение значения (как паводок, пасынок). То же самое па-мять, через юс малое. Но па означает кроме того еще что-то скрытое, непроявленное.

**8. 12. 1964**. Откуда несходство языков? Разные расы, разные народы. У одних просто языки длиннее, у других короче; как различны органы произношения, так и языки.

Почему номинатив не чистая форма? Да, в греческом номинативе она как раз не чистая; она деформирована окончанием. В номинативе происходит фонетический процесс сплавления основы с окончанием. Звук — s — один из постоянных и твердых формативов именительного падежа. Чистую основу надо искать в косвенных падежах, в номинативе происходит деформация.

Ποίγτα. Если по-новогречески произнести, то получится пиита.

**25. 6. 1970** я записал себе: «Два дня перепечатываю лосевского Аристотеля; это многим может показаться пусто; это покажется пусто всем дурным; Лосев не предает духа (задача, которую ставил Лорка: поэзия не должна ускользнуть в грязные уши). Но внутренним движением мысли он ответную мысль — будит. Мысль его поразительным образом с реалистической точки зрения слепа; он как Протей принимает разные системы — и не останавливается ни на одной; в отношении ко всем чувствуется глубокая непривязанность и великолепная, ровная, загадочная насмешка. Но в то же время они — его орудие; ведь только хватаясь за рычаги, предоставляемые системами, он может сбросить тяжесть земного, — и он похож на бесконечно мощного гиганта, который под страшной толщей бьется и пробивается наверх, и снова погружается, и снова выходит; такую борьбу взял на себя трудом жизни».

Вчера был у него вечером. Он сидел один в темном кабинете. Потом вышел ко мне в столовую. Он интересуется людьми, с ними прост. Внутренне очень спокоен. У него живой, хлесткий, немного грубоватый юмор. Заговорили о даче. — Да, знаю, сказал он, там письма бросают в лужу… Там профессора ползают в луже и достают письма (это как будто о профессоре Гальперине, или вообще о профессорских дачах).

В нем много мужского. Его «Античный космос», который я

только сейчас увидел, — выбивание огня из камня. Такой страшной, дикой, первой, чуть не слепой силы я не знаю ни у кого. Сорвать покров с неба, с тверди, камня этого! Наука без хляби, писка; живая сила.

Веселие и теплота его женщин; я согрелся. Заговорили о назначении срока следующей встречи на 1/2 месяца вперед.

— Да ни в коем случае! подскочила и заорала Олечка[4], Аннушка уже разлила масло! Что, а кто знает, что с ним будет?! — Знаю, скука всё это. — Нет, Булгаков скука?! — Да не Булгаков, сказал А. Ф. нехотя и досадно, а скука это, что мы все помрем.

Тогда Оля стала кричать, что ей только и велят идти на кухню, да замолчать, да повернуться задом, да… — Да что вы раскричались, время вам что ли не жалко? тоже кричала, смеялась и суетилась Аза Алибековна. Зашла речь обо мне. — А кто у вас командует, ты или жена? (Лосев почти со всеми на ты [5].) — Я. — Да разве ты можешь командовать? Какой из тебя командир? Мне пришлось признаться, что что бы я ни сделал в практической жизни, всё плохо. — Ну вот, видишь… Аза Алибековна стала перебивать нас: «Ну вот, сейчас пойдут трансцендентные разговоры». Всё жаркое, сердечное.

# 1970

**27. 6. 1970.** «Кратил». Этимологии в этом платоновском диалоге мифологически важные, научно — нет. Какой-то восторг у Платона в этих этимологиях: взасос говорит о значении слов[6].

Структурализм считает себя научным. Но то, чем он занимается, это блуд. Обозначим глагол буквой Г, существительное буквой С… и всё! Шаумян среди них один толковый. Он читает курс «Логика науки», у него все строго. Правда, в его отвлеченной логике почти ничего нет для языкознания.

Иванов в науке ничто. Вот Макаев [7] … Он знает. Отрежет как машина, если ошибка. Та же порядливость и в жизни. У армянского католикоса, когда он приехал для визита, спросили, как его представить.

«Скажите только, что Макаев». Этого было достаточно, его сразу впустили. Макаев холостяк, и безупречно умеет держаться. Хороший языковед еще Маковский, который занимается английским. Недавно он женился второй раз…

У младограмматиков была настоящая наука. В греческом окончание аккузатива χωραν, в санскрите acvam, в латинском тоже — т, в славянских жену, из носового *жено(м). Красиво! Правда, у них тоже были свои ошибки, например представление о фатальности всех законов. А структуралисты? Иванов написал статью о санскрите в «Вопросах языкознания». Там нашли больше 100 ошибок. Просили редакцию сказать об этом, хотя бы 5–6 примечаний дать, но те не стали: «Знаем, да что же делать?» Был один француз, который то же заметил. В науке Иванов ничто. Блуд один. Смеются же все. Но вот когда его ударили, он теперь поправляется. В фольклор пошел. Только это же ведь огромная наука. Фольклор связан с мифологией, а это огромная вещь. Это всё. Сказки в учебниках еще не мифы.

Ревзин глава всех этих структуралистов. Так у него вообще ничего нет… Мельчук, Зализняк — это да. У них реальные труды по крайней мере. Добросовестные. Работают. Аверинцев? Он всё время заикается. Не знаю, как он там говорит в университете. Не мои ли лекции пересказывает?

Язык надо понимать как выражение. Настоящее языкознание это эстетика, наука о выражении [8]. Вещь, имя, выражение, ведь это в каком-то смысле одно и то же.

У меня много есть о языке. Целые сундуки. [9] Но нет времени

этим заняться. Ведь сейчас в четырех издательствах лежат мои рукописи. Люди работают на меня, не могу это бросить. Так что занимаюсь теперь пока другими вещами.

Наш мир наследие трех культур: европейской — это личность, римской — империализм, греческой — движение от материи к идее. Только в Европе есть личность. Один немец[10] объездил мир и только когда, вернувшись в Европу, сел за рояль играть Баха, почувствовал себя дома и понял, что только здесь, и больше нигде, есть личность. И есть историзм. Есть начало и конец. А то что азиатская музыка… — а-а-а! (А. Ф. похоже поёт.) Можно кончить где угодно или продолжать без конца. То же — джаз. Африка. Американцы разрешили неграм свободу в музыке, хотя в политике притесняют.

Европеец это Бах: ясно начало, развитие, конец. Историзм вообще идет от Израиля. Египтяне этого чувства не имели. Откуда мир? Неизвестно! Израиль впервые сформулировал, что всё сделал Бог, единый, всемогущий. Тут было положено начало личности. С тех пор пошло всё. Европа стоит на личности.

И понятие о перспективе. Египтяне перспективы не видели; Фидий, Поликлет впервые ее поняли. Но при всем том византийское искусство благодаря чувству личности всё-таки выше, чем греческое искусство 5 в. до н. э. [11]

Молодая японка, идущая в проституцию, делает это, чтобы накопить деньги, и потом создает порядливую семью, словно никакой другой жизни у нее не было. Здесь сказывается то же отсутствие личности. Потому японцы так легко умирали на войне.

Были разные культуры. Тойнби считает, что их 21. У Шпенглера их 8, египетская, древнеиндийская, вавилонская, китайская, потом греческая и

римская (аполлоновская), арабская (не знаю какая) и теперь наша, европейская, фаустовская. В Америке отдельно существовала культура майя. Но из всех этих культур только в Европе есть личность.

Второе начало — Рим, империализм. Без империализма мы теперь уже не можем жить, все равно, будь то в капитализме или социализме. Вся европейская государственность держится на римском начале.

Третье начало, Греция, это идеи. Маркс говорит: «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой». Тут у Маркса чистый идеализм. Коммунизм считает себя материализмом, но велит всё отдать ради идеи. [12]

В античности я тоже не всё принимаю. Или всё, кроме только того, что у них нет личности. [13]

**29. 7. 1970.** У Алексея Федоровича Лосева. Сборы на дачу. Машина. Аза Алибековна нежится с ним. Ее испуганный, часто встрепанный вид. Он держится всегда прямо. Не суетится. Молча прошел в машину; когда машина остановилась уже на даче, терпеливо ждал, молча сидя внутри, а его ведь забыли. Первая вспомнила о нем Оля. Она его по-настоящему любит. Напоминая об обеде, приходит забрать книги. Когда он не работает, она с ним напропалую веселится, кричит, говорит глупости. Я заметил в последний раз, что Оля очень бледна. Аза Алибековна называет ее для трехлетней девочки[14] Оля. Алексей Федорович называет их «мои женщины». «Не хочу буровить моих женщин». «Она (трехлетняя Леночка) зовет меня Алеша». А. Ф. просит, занимаясь, «чтобы она сюда не особенно приходила». «Нет, она избалованная девочка. По ночам не спит… Но с каждым днем заметно огромное развитие. Новые слова… Причем память ненормальная. Какую-то фразу, сказанную полгода назад, вдруг воспроизводит, причем воспроизводит в точности. У детей память до десяти, двенадцати лет ненормальная. Потом становится нормальная».

— Древние индусы как-то умели сохранять такую память и взрослые.

Да ведь и в народе так же бывает… Вот я знал одну старуху, восьмидесяти лет, привезли ее с севера — тогда часто привозили с севера собиратели таких уников, — так она знала наизусть сорок тысяч строк. Спросишь ее, «Ну-ка спой нам Голубиную книгу», и она начинает (А. Ф. поет):

… Уронила слезу Богородица.
Из той из слезы горючия
Вырастала плакун трава…

Не пели, а такой речитатив. Петь нельзя, для народа все-таки слова нужны, а при речитативе слова сохраняются в полности.

— А Илиаду?

Илиаду, конечно, тоже пели… И А. Ф. пропел первые строки по-гречески. Я спел из «Махабхараты» отрывочек, который знаю.

«Ну, так что же ты мне хорошего принес?» обращается он обычно ко мне. Принявшись за работу, не отвлекается 4–5, иногда 5 1/2 часов, затем может начать говорить о постороннем; жалуется, что устает, что ему надо час перерыв, обедать. Работая сидит в кресле. Когда увлечен, может встать и немного ходить. Работает очень упорно, не теряя главного, делаясь нетерпеливым, когда приходится отвлекаться, чтобы отыскать, например, у Аристотеля определение числа. После того, как я зачитаю ему несколько мест из Аристотеля, над которым он сейчас работает, и из комментаторов, он просит подумать минуту; затем у него

готов план. Но план только прикидочный; когда А. Ф. начинает диктовать, то может совсем забыть о плане. Часто я не могу видеть связи между отдельными кусочками, которые он диктует или берет целиком из своих старых (немногих, так как масса сгорела в 1941 году) рукописей. Несвязность его мало волнует. Повторения также. Когда ему «стал ясен дальнейший ход», он просит меня прерваться, пусть даже и на запятой, и начать новое. За все годы писания под диктовку А. Ф. не помню ни одного движения зачеркивания фразы или слова. [15]

Страшные повторы. Как ощупывание в потемках. «В то время как в наше время…» Я указал. «Ничего, так ведь можно». За внешней неприбранностью

чувствуется огромная хватка. Я попробовал найти ошибку у Кубицкого, переводчика Аристотеля. А. Ф. меня сразу поправил: κινοῦν— действительное наклонение, κινοῦνμενον — страдательное. Переводит греческий с голоса.

С уважением говорит о немецкой науке прошлого века. Беккер перевел всего Аристотеля на латинский. Всё изучение шло на латинском. Огромная ученость. Но скучновато. Вот англичане, у них не такой огромный аппарат, но всегда очень интересно.

Мне он дал прозвище англосакса. Не хочет ли джентльмен снять рубашку. Не считает ли джентльмен, что его эксплуатируют. Анекдот

0 Черчилле, который на вопрос, не считает ли премьер-министр, что расходы на войну будут слишком велики, ответил «Не считает», и неё. Восхищение перед Черчиллем.

«У американцев всё доллары. Как слушаешь радио — редко только удается, — всё миллиарды, миллиарды долларов. Но неужели они Вьетнам прохлопали? Придется им убираться оттуда?»

Об увлечении молодых: «Пятьдесят лет людям не давали заниматься филологией, так теперь много можно найти интересующихся».

За всей простотой А. Ф. стоит незаметный, не бросающийся в глаза, но всё определяющий взгляд на мир, и знание, что с этим миром надо делать. Велик ли его набор идей? есть ли он вообще? Есть инструмент, который высекает искры, встречаясь с чем бы то ни было. Какие искры это будут, ему может быть даже неважно. Нет системы. Есть какой-то внутренний кремень. Во фразе А. Ф., в частном — небрежность, она чуть ли не раздражает простотой, аляповатостью. Когда читаешь в целом — совсем другое впечатление.

Как ребенок, А. Ф. смеялся, когда Аза Алибековна дала ему послушать свой голос на ее магнитофоне.

**30. 7. 1970.** А. Ф. ищет формулу соотношения добра и красоты у Аристотеля.

Разделить благое и прекрасное и нужно, и невозможно. Есть благое и прекрасное; и в благом прекрасное, и наоборот. Благое всегда рядом с прекрасным, и наоборот. В благом есть свой принцип, которому прекрасное помогает, и наоборот. Формализма здесь нет. Если бы я разделил на структурные элементы — так ведь нет же этого! Традиционное

словоупотребление располагает к смешению благого и прекрасного, но есть и размежевание. Что такое благое само по себе? В нем обязательно присутствует прекрасное. Оно в нем необходимый принцип; но не первый. Благое само в себе содержит прекрасное. Разделение есть, но одно за другое цепляется. Благое — предмет стремления, а прекрасное — цель стремления? Энтелехия, осуществившаяся сущность, это, например, цветок. То, что цветок вырос, есть благо; то, что он оформлен, структурен — прекрасно. А вырос он из блага. Благое есть то, к чему что-нибудь стремится. Благое в себе — то, к чему всё стремится. Благое есть предмет стремления. Это возможно благодаря прекрасному в благом. Благо есть некоторое качество, которое выше структуры. Структура абстрактна, структура ничего не хочет. А благо — это стремление…

**4. 8. 1970**. Дождь. Занятия не в саду, а на втором этаже [16]. Комната просторная, в ней одна кровать и стол. Из окна вид в сад. Топится печь. Читаю. Объявляют, что пришли Широковы [17]. «Повежливее скажите, не что занимается, это будет сказать невежливо, а что пришел срочно человек, специально». Потом Широковы поднялись на минуту. Он из Минска, там жили пятнадцать лет, ей снился кошмар, что они туда вернулись. Гонения. А. Ф. дает советы, «Аза поможет».

Потом, после их ухода, за яблоками, долгий разговор о гонениях. Что там у вас с методикой, спросил А. Ф., имея в виду засилие методики на языковых кафедрах. Я однажды слышал, как одна девица вела урок английского языка. Бойко так, всё по-английски. Без политики.

— Было ли так при царе?

Нет, при царе было лучше. Сейчас ведь озверение невозможное, озверение. Одни подхалимствуют, другие звереют. Потому и методика разрастается. При царе — не то… Ну, было два-три врага, делали пакости… были случаи, исключали… но такого озверения не было.

— Может, вы были не в том кругу, где все это видно.

Нет, я был среди… Нет, сейчас надо делать, как Эпикур говорил: никого не люби и никого не ненавидь. Λάθε βιωσας. Ни с

кем не спорь. Ну, и будут думать,

ну, чего там, сидит там, занимается, ну и пусть занимается. А играть роль… Сейчас в каждом институте идет травля кого-нибудь. В каждом институте!

А ты мог бы заняться историей языка, теорией языка… Вот как Маковский — диалекты древнеанглийского. Никуда не суется и довольно быстро прошел. Подцепись к знатоку старому, как Аракин, и работай, чтобы получить хотя бы степень. А покамест нету степени — трудно.

Долго собирали материалы о том, что такое благо и красота у Аристотеля. А. Ф. думал. Потом с радостью продиктовал самый важный, шестой пункт: красота есть ум, благо и т. д., но в себе. «Что ты, премудрый змий, на это скажешь?» Я не нашел что сказать. «Ну вот, после долгих размышлений, после многолетней работы над Аристотелем, мосле чтения книг я пришел к такому выводу».

По поводу моего замечания, что Аристотель это всё-таки онтология, а у Лосева всё эстетика, он возразил: «Эстетика — заключительная часть онтологии, онтология завершается эстетикой. Эстетика последняя глава онтологии Платона и Аристотеля. Эстетика — завершительная онтология. Хотя в античности не было эстетики как самостоятельной науки. Ее создал Баумгартен. Античная красота — в добре, она бытийная, онтологическая. Нельзя поэтому говорить, что Лосев всё в эстетику превращает. Он — и в онтологию. Метафизика там в античности всё, и красота, и бытие».

А. Ф. снова говорил об античной ограниченности, об отсутствии личности в Греции. Личность появляется только с еврейством, с Ягве, с сотворением мира Богом как личностью.

А. Ф. много путешествовал в молодости по Кавказу. Он любит юг, жару и знает, как надо себя тогда вести: принимать очень горячую ванну или пить горячую воду; а многие по ошибке пьют холодную. Он из Донской области, которую потом поделили, из Новочеркасска. Был там в середине 30-х годов. Виноградная область, на рынке сидит одна бабка с виноградом. Дома заколочены еще с гражданской войны. Никто в них не живет, страшно посмотреть. Собор разрушен. Все кадровое казачество ушло с Врангелем. При Хрущеве был бунт в Новочеркасске. Бесполезно. Америка перед Советским Союзом трепещет, а тут какой-то городишка. Нет, теперь уже поздно бунтовать. Государство так укрепилось.

Радуясь найденной формуле, А. Ф. предлагает другую в пику структуралистам. — А я знаю, что такое структура:

единораздельное целое. Всякое правило это тоже структура. Например, accusativus ab- solutus, scio teprudentem esse. Единая схема. Тыщи фраз подчиняются ной схеме. Жалкое понимание структуры у теперешних. Шаумян [18] среди них однако занят делом. Его порождающая модель взята из античности. Думайте что хотите, говорю я Шаумяну, но вы не со структуралистами. Он сам говорит о себе: я не языковед, я фонолог. У Шаумяна есть в его схемах такое, что совершенно неприложимо к языку. Он с этим согласен. Его книга называется «Теоретические основы фонологии», и там даются абстрактные формулы. Чисто словесно их объяснить — это, говорит он, уже не его задача. Благодаря этому у него всё строго научно. А другие… Недавно был доклад Иванова в ОЛЯ. Отказ от прежнего, переход на индоевропейские рельсы. 10–15 лет загнул, пропало даром. Выезжает теперь на хеттском языке, на санскрите. Грамматикой хеттский язык похож на греческий. Но навыки у Иванова остались прежние. Занимается модными делами.

**9. 8. 1970**. Говорят о случаях холеры на юге в этом году. А. Ф. вспоминает холеру 1911 года. Наш средне буржуазный круг не болел. Болели слои ниже средних классов. Рабочие тоже, кажется, не болели, их там держали крепко на заводах. Вот крестьянство болело. Всё зависит от того, как беречься. Не есть кабачки, дыни. Работала полиция. Были плакаты на улицах. Помню плакат, как вести себя в уборной. Велась агитация за чистоту. Но предприятия не закрывали, продолжали работать. Не так, как теперь. С тех пор холеры не было. Ну, конечно, в семнадцатом — двадцать первом годах была. Тогда всё было, тиф, чума. Мои все померли от тифа. Все, никого не осталось. Неужели теперь забыли, как бороться с холерой? Тогда возьмите старые учебники, прочитайте! Ну, арбузы мы ели. Это всё-таки юг, там без арбузов нельзя. Но отец строго следил. Один раз сварили баклажанную икру, это же очень вкусно. Отец пришел, как увидел, ничего не сказал и выбросил в сад. На балконе было дело. Наш круг не болел, средне буржуазный. Ну что, свой дом…

Закрывая очередной раздел аристотелевского тома античной эстетики, А. Ф.

рад ясности картины. Вот так понимают эстетику Аристотеля в Западной Европе.

— А в России?

Что в России… Россия беспросветное мужичество. В России нужно только водку и селедку. Алкоголизм и селедка. Эстетики мизерные. Ну вот только Владимир Соловьев. Он защищал тезис Чернышевского, что прекрасное это жизнь. Так же как греки, онтологично. Прекрасное есть бытие. Вот разве что он. А мелочь

что алкоголическая говорит — да это мало интересно, что они там говорят. Богословы, правда, много рассуждают. Правда, рассудок, добро, прекрасное, истина… Но ведь они все религиозные, надо переводить на обычный язык, не все же люди религиозные. Ну, Галич[19], Колшанский, Данилевский… Демократы революционные — тоже думали так, по-гречески. Белинский, Чернышевский, Добролюбов — у них прекрасное это жизнь. Чернышевского диссертация хороша. Но Чернышевского я не люблю. Писал наспех, тарахтел что-то там, не люблю. Потом, там у Чернышевского совершенно неправильно идет критика Фишера, новогегельянца. Хотя главное у него правильно. А что ты думаешь, Ленин ведь тоже только так и думает, что красота и добро одно и то же. У него тоже греческое понимание. В этом он совпадает с Достоевским, красота спасет мир! Античность, конечно, остается непревзойденной. У античных здравый подход. Теперь рознятся все, каждый занят в своей области. А марксизм сейчас? Он тоже объединяет моральное и эстетическое. Все моральное эстетично. Эстетика без морали — разврат, а мораль без эстетики — скучища.

То, что я пишу здесь, это плоды многолетних трудов… Всей жизни. Много лет читал историю эстетики везде. Реализм, модернизм… старый стал, а столько дела. Хочется погрузиться в одну область теперь, чтобы что-то успеть сделать до конца. Вот уже три тома античной эстетики вышли. Хоть бы дожить до четвертого тома… Ты же писал мое Возрождение? Вот у меня всё в таком духе. Надо только перечитать, библиографию проверить. Не так трудно, как кропотливо.

**12. 8. 1970.** Я прочел из Аристотеля το άγαθόν άπλοῦν, А. Ф. мгновенно перевел: благое просто, плохое пестро. Переходим теперь с тобой к проблеме, которую столетиями на тысячи ладов мусолили.

— Мимесис?

Нет, катарсис. Ум очищенный… Умный мир… Это слово умный надо нам как-то заменить. Конечно, у богословов оно принято. Но словоупотребление меняется. Сейчас умный значит хитрый. Как пошлый до 18 века значило просто обыкновенный, сейчас у него одиозное значение. Ум надо выкинуть, заменить… А чем заменить — не знаю.

Читая в одной книге А. Ф. примечание о мнении немецкого ученого, что трагический герой виноват в какой-то мере и что тут причина равновесия катарсиса, я привел слова Аверинцева о том же мнении: «Ну что можно на это сказать… Как людям не стыдно». А. Ф. возразил: ну, это всё риторика.

**4. 9. 1970.** А. Ф. почти не спал всю ночь. Потом, когда мы

занимались (до пяти часов; после он всё-таки прилег), у него был бессонный румянец. Он пьет перед занятиями диаспанин. Говорили о бессоннице. Психотерапевты несколько раз помогали. Но ненадолго, недели по две А. Ф. спал после них. Один пришел, говорил: «Вы засыпаете, спите, спите» — полчаса говорил, и вдруг А. Ф.: А я не сплю! «Фрейдизм мне не поможет».

Аза Алибековна приборматывает про себя что-нибудь вроде «ага, НН меня не замечает», когда проходящий мимо человек не смотрит на нее. Прибормотала что-то вроде «скверный, скверный», когда я промолчал на ее предложение чаю, сделав вид что не заметил. Когда ее перебивают, повышает голос. На А. Ф. часто ворчит и раздражается, особенно когда он просит ее править библиографию. Когда мы с А. Ф. заговариваемся, она кричит из другой комнаты: «Послушайте, друзья, вы там занимаетесь?» На это А. Ф. отвечает: «Слушай, Аза, занимайся своим делом». Она его очень странно ласкает, разговаривает с ним как с ребенком. А. А. рассказывала мне о Валентине Михайловне, первой жене А. Ф., астрономе и математике. У нее были таблицы звезд и движения неба. А. А. увлекается тайнами, пирамидами, в которых самозатачиваются бритвы и продукты можно без порчи хранить как в холодильнике, с удовольствием пересказывает фильмы о телекинезе и очень охлаждается, когда я говорю, что не

советую верить во все это. Летающие тарелки дело не выясненное, возражает она, и т. д., обычный комплекс.

**6. 9. 1970**. Когда я пришел, А. Ф. пил кофе в помещении. Я не спросил его, как он спал; вообще я спрашивал об этом всего только раз, но часто А. А. и Оля сразу сообщают о самочувствии А. Ф.; например, прошлый раз, в пятницу, он не мог заснуть до 12 часов дня. Сейчас А. Ф. весел, бодр. А. А. сказала, что он уже с утра стоял на протоколе. Я спросил, что это за протокол. А. Ф. объяснил: Да вот они называют эту веранду порталом. Ну, в моем представлении портал что-то другое и называть порталом мне веранду как-то неудобно, так я произношу это слово протокол [20]. Выхожу постоять на протоколе.

Упомянули о библиографии, которую мне дала перепечатывать А. А. в несовершенном виде; я изукрасил ее красными пометками. А. А. обеспокоилась; она такая, совершенно непосредственная, настроением своим не владеет, очень простодушная. Потом по поводу моего поступления в аспирантуру говорили о лингвистах. Я сказал, что у меня гердеровская концепция языка; да, вспомнила А. А., Гердер тоже говорил о детерминированности. Я сообщил, что Андрей

Анатольевич Зализняк будет в этом семестре читать старославянский. Аза Алибековна заметила: «Старославянский язык очень богатый в смысле индоевропейских соответствий, но для его преподавания не нужно знать так много языков, как знает Зализняк. Имеются труды, в которых всё есть. Например, Крае (Krahe), Indogermanische Sprachwissenschaft. Я этой книгой пользуюсь иногда для своих лекций и знаю, что там всё есть. Или Дельбрюк, его восьмитомник, который еще с девяностых годов публикуется, но все еще современный. Языками в наше время никого не удивишь. Над полиглотами только смеются. Долгопольский знает 120 языков. Потешаются над ним и предлагают его проэкзаменовать. С мешком книг его видели в Тбилиси. Он подходил там чокаться к А. Ф. — выпьем за правду, уже совсем пьяный. Девятнадцатый век всё сделал для нас, и теперь знать языки легко. Из лингвистов феноменальная личность слепой Щур. Со всего мира ученые шлют ему массу книг. Он много пишет, но всё туда, на Запад, а здесь почти не печатается. Конечно, никакой политики у него нет. Но как-то просветляется весь язык в его работах».

А. Ф. внимательно слушал и потом рассказывал о своем учителе греческого Соболевском, смешно подражая его щепетильной манере говорить: «Я вам очень рекомендую читать словарь. Вот я был на юге, на пляже, и читал словарь. Очень интересно. Гораздо интереснее, чем читать роман! Гораздо больше неожиданностей». Конечно это так, добавил Алексей Федорович. Соболевский прав. Ведь фактический язык чудеса какие штуки выкидывает. Сплошная акробатика. Вот например читаешь словарную статью, и что только там не попадается. Иногда непонятно, с какой формой мы имеем дело. В учебной грамматике, в таблицах парадигм всё конечно ясно, но ведь язык ни с какими нормами не считается. Невозможно определить иногда, какой падеж реально стоит в тексте.

По поводу двух переводов «Поэтики» Аристотеля, Новосадского, своего учителя [21], и Владимира Аппельрота, А. Ф. говорил, что об Аппельроте осталась очень хорошая память среди лингвистов. Аппельрот был болезненный юноша и энтузиастический, преподавал греческий в знаменитой московской 5-й гимназии, славившейся своим высоким уровнем. Его знали как человека, преданного античности; рассказывали, что его уроки были какой-то восторг. У классиков впечатление тоже очень хорошее осталось. А. Ф. его не застал, он приехал в Москву поступать в университет в 1911 году.

— Вы семнадцати лет поступили?

Да… Я ведь с 1893 года. Окончил университет, как

полагалось, когда мне было 22 года, окончил сразу по двум отделениям, классической филологии и философии. Так с тех пор этими двумя науками и занимаюсь. Язык надо знать греческий и латинский для философии, и философией заниматься надо тем, кто занимается филологией. У меня всё время классическая филология с философским уклоном. Но чистую филологию и чистую философию я не люблю. Как-то не увлекался этим. Хотя и по чистой философии пописывал. Мое дело эстетика. Здесь и философия, и филология вместе объединяются.

А. Ф. не сразу схватывается за мысль; новую мысль допускает, лишь ее всесторонне обдумав, много раз меня переспросив. Так было с гл. 26 кн. V

«Метафизики» Аристотеля о различении математического множества, органического множества, целого и всего. Не боясь показаться медлительным, он много раз спрашивал меня почти об одном и том же, и я уже знаю эту его привычку.

Несмотря на то, что он был в хорошем состоянии, он скоро устал и должен был перестать заниматься.

**11. 9. 1970.** А. Ф. получил из Болгарии для оппонирования диссертацию об античном катарсисе Александра Михайлова Ничева, желающего защищаться в Москве. А. Ф. намечает план работы. (1) Три ступени катарсиса. От δοξα, мнения, через то, что ей противоречит (παρά τήν δόξαν), вызывая страх и страдание, к неложному знанию вещей (έπισήμη γνωσις). Переживание переходит в нечто достойное, более величественное: в страх Божий. (2) При помощи какой терминологии действует диссертант. (3) Обзор тех античных авторов, которые привлекали понятие катарсиса: Цицерон, Эпиктет, Плутарх, Климент Александрийский, Олимпиодор, Прокл, анонимный трактат о комедии в списке Коалена (Codex Coislinianus). Это мое, ноологическое, объясняет А. Ф. свое согласие на участие в защите. Ничев замечает различие между Платоном и Аристотелем — и он прав. У Платона невероятная чуткость. Он много писал, откликаясь на всё, и на политическое. Необычайная пестрота. Положительное — но нет системы! А у Аристотеля — система. Палец раньше человека, палец позже человека и одновременно с ним. Диалектика? В платоновском «Парменида» одно раньше иного, позже него и одновременно с ним. Аристотель все это прошел у Платона, но онтологическую диалектику отбросил; не нравилось ему это; его привлекало описание. Диалектическая игра, подвижность — не нужно это было ему ничего.

Сейчас уже не помню, какое отношение к Ничеву имел

экскурс А. Ф. на тему русских исследований о романтизме. А. Ф. комментировал их. В. М. Жирмунский, Немецкий романтизм и современная мистика, М. 1914. Молодым человеком написал. Он был богатый еврей, так что мог сам напечатать. Там много цитат из Тика, Новалиса, Вакенродера — где их теперь искать? Матвей Никанорович Розанов, Руссо и литературное движение 18 в., М. 1906. Когда он защищал эту диссертацию? Еще раньше меня. Он уже и тогда был почтенный человек, а теперь уж я старик стал, а тогда был мальчишка. Ему мы сдавали

зарубежную литературу. Граф де ла Барт, Поэтика французского романтизма. Тоже профессор Московского университета. Вторая книга его о Шатобриане… И еще Жирмунский, «Религиозное отречение у гейдельбергских романтиков».

У Ничева (1) правильна критика медицинских взглядов Бернайса на катарсис. При бернайсовском понимании не получается трагедии, а только очищение желудка. (2) Правильное использование терминологии Платона. Аристотель воспользовался и его терминами, и идеями, но уже в своем духе. Аристотель действительно иногда драл с Платона. Но здесь не было плагиата. Он изменял его по-своему. (3) Внимательное рассмотрение аристотелевской терминологии. Из II главы надо привести более важное и интересное, но особенно — греческие слова. Это делает работу филологической, основанной на текстах, а не заимствованной из вторых рук. Указать места с παρά την δοξαν, другие интересные — сам найдешь. (4) «Горгий»! Там речь о катарсисе. Правильное указание первого исторического источника для катарсиса, «Горгия». Тут у Ничева неплохо. Филология.

Парменид различил мышление и ощущение. То, что мыслит ум, то и есть настоящее бытие. А то, что течет, не есть бытие. Что мыслится, то есть. Что ощущается ощущением, то едва существует. Переход отсюда к идее во всей античной философии совершили только Сократ, Платон и Аристотель. Но истину понятия от Парменида переняли, кроме Сократа, Платона и Аристотеля, все. Различение между понятием и ощущением стало азбучной истиной. А там, у Парменида, это различение было целым открытием, сложился целый миф[22] движения к состоянию, когда ты можешь только мыслить чистой мыслью, а не ощущать.

… У меня тоже целую жизнь горе: голова полна идей, а чтобы осуществить — надо было бороться и драться до крови. При Сталине я замолчал. А сейчас я во многом могу осуществить свои идеи, но в основном — не могу!

**29. 9. 1970.** У Аристотеля вечность не то же самое, что целость и совершенство. И Гегель так думает. У него есть такое высказывание: «Есть люди, которые упиваются представлением о бесконечности, тогда как я

прихожу в ужас от этой идеи». И в самом деле, бесконечность — не цельность; дошел до звезды, потом еще до звезды, а когда же мир-то в целом? Нету.

А. Ф. говорил о своей работе с аспирантами. Она отнимает очень много времени. Защита сложное дело, надо выполнить целый талмуд формальностей. Некоторые руководители не занимаются своими аспирантами, халтурят, я — нет. Я за это время своих аспирантов достаточно натаскал. Не за каждой стороной в их работе надо смотреть. Они в основном уже преподавали по три-четыре года, за фактической стороной смотреть не нужно, но в теоретической надо проверять каждое слово… Я диссертации читаю. Там всё надо смотреть. В конце концов на примитивном уровне из аспирантов получаются более или менее самостоятельные работники, могут уже писать статьи, и тогда уж руководитель не должен за ними всегда смотреть.

Холодный осенний день, но довольно ясный. А. Ф. захотел сделать перерыв в работе и выйти в сад. Последнее время он очень плох, ночью почти совсем не спит, работая, быстро устает. 77 лет. Он вышел в сад, и я за ним. Очень беспокоится о работе. Не знаю, доживу ли до третьего тома. Всей этой своей историей я хочу лишь показать одну вещь, мысль Энгельса, что «этот маленький народ синтетически продумал все то, что затем делает Европа». На самом деле, у греков всё наперед продумано. Ничего из содержания мысли не упущено. Теперь всё это лежит как готовые кирпичи, из них можно делать что угодно. Вот Европа и строит. Конструктивно Европа конечно богаче. Но синтетически у греков всё уже было. Конечно, в Европе есть гениальные системы. Вот система Гегеля. Вся жизнь, вся Вселенная включена.

— Но была ли у Гегеля мораль?

Да, у него ведь развитие духа такое: искусство, затем мораль, затем философия, которая объединяет и то и другое. Бердяев говорил, что система Гегеля это сатанизм мысли, а мировой дух это сам сатана. Да, об Аристотеле он этого не сказал бы. Хотя Бердяев античностью мало занимался. Я слушал Бердяева еще когда был мальчишкой, но все же на разные собрания ходил… Огромное впечатление. Блестящий оратор. У него был недостаток, от которого он всю жизнь страдал, тик на лице… ужасный тик, он поминутно перекашивался в лице и вытягивал язык. Но это не мешало ему говорить. Говорил он прекрасно.

Читать его? Даже если не разделяешь всех взглядов, всегда

полезно приобщиться к гению. Но ведь нет книг… да и опасно, ведь опасно — даже не читать, а просто держать книги. За это ведь преследуют. Нет, я не люблю, когда надо скрываться, я прямо говорю, что думаю, могу повторить хоть и перед аудиторией в двести человек. Пусть все видят, что Лосев думает. Люблю открыто. А так заняться Бердяевым, урывками читать, по ночам — не интересно. Надо серьезно, чтобы продумать, углубиться… Он ведь написал книг не три, не четыре, а пятьдесят. Продают его книги, за большие деньги, но времени нет. Да и преследуют. Вот сажают же, Даниэль, Синявский, Гинзбург, суд был. Солженицын… На воле ли он сейчас? Мне читали «Один день», или как это называется. Другие его вещи, наверное, я не стал бы читать. Так, может быть, попросил бы рассказать содержание.

Услышав от меня о «Круге первом», А. Ф., как обычно, старательно переспрашивал, чтобы не ошибиться, и потом я почувствовал, как в него прочно вошла идея о параллели с Данте. Переспросил, как всегда, почти наивно, что-то, начав с Платона и Аристотеля, которые находятся в первом круге ада.

А. Ф. совершенно молод. Я его всё быстрее водил по длинной аллее сада, он не возражал. Я надеялся, что он будет лучше спать после этого. Спрошу. [23]

Переходя к диктовке новой темы, А. Ф. пробормотал про себя, что надо «заправить». Я переспросил. Он усмехнулся и продиктовал несколько периодов простого вводного пережевывания, которое идет у него в промежутках от раздела к разделу по всей книге.

**18. 10. 1970.** Оставив из-за моих опозданий версию, что я англичанин, А. Ф. начал подтрунивать надо мной в другом направлении: я, как тибетец, могу ходить над землей («англичане видели, как тибетцы перемещаются над землей с огромной скоростью, на милю, например. Тренировка тела») и т. д.

— Неужели вы верите в такие вещи?

Да ведь как не верить. Ученые видели, рассказывают. Культура тела. Когда человек молится, он становится легким, и когда он погружен в созерцание, он становится невесомым. В одном монастыре был старец, про которого

рассказывали, что он поднимается на воздух. Молодые монахи подглядывали в щелочку и видели, что он иногда поднимается на несколько над своей постелью, когда лежит на ней; повисит — и опять опускается. Объясняли это тем, что в молитвенном состоянии его тело становилось невесомым. Ведь даже в физике известно, что тело, которое движется со скоростью света, не имеет объема. Не имеет объема! Мы очень мало что

знаем, только нашу землю, а ведь есть еще… (очень выразительно махнул рукой вверх).

Он должен был опять, позанимавшись часа три, выйти на улицу гулять. Вообще было не очень заметно сегодня рабочего настроения, т. е. он не жал, как обычно, не напирал на каждую минуту. Потом выяснилось, в чем дело: именины. Значит, 77 лет? Нет, не день рождения. А. Ф. день рождения не любит. Родился — это начало, значит будет и конец. Телесная форма смертна. Родился — механический акт. Наоборот, именины означают приобщение к вечной идее Алексея. Имя есть подлинная вещь. Идея вечна, вечно существует эта идея Алексея, и я вот к ней подошел. И вечно будет она жить, и к ней будут подходить другие люди. Так же все Владимиры, например.

**19. 10. 1970.** Вечером уютно. А. Ф. хорошо себя чувствует, они с А. А. сидят в кабинете, что-то делают, читают, занимаются. А. Ф. помнит всё: что я забыл принести черновик перепечатки, что я еще не проставил в сноске указание на строку аристотелевской «Поэтики», что я просил мне до следующего воскресенья не приходить; помнит каждое слово, всегда. Меня это поражает. Сохранить такую память. Однажды, встретив слово φρόνιμος, я сказал, что когда-то (в одной из поданных А. Ф. записок) я перевел его как целомудрие. Нет, ты перевел как целомудрие слово σωχροσύη.

… Гиматий носили помимо хитона сверху. Плащ. Но под плащом-то все народы понимают разное. Так что в переводе надо писать гиматий, а не плащ.

… Была у меня рукопись о σωχροσύη. Погибла благодаря Адольфу Иванычу. Ведь здесь в Москве в 1941 году Адольф Иванович распоряжался.

Религиозные очищения творятся по типу дезинфекции. Таинство покаяния, когда священник произносит: «Властью, данною мне от Бога, прощаю и оставляю грехи…»

7 драм Эсхила, 7 Софокла, 17 Еврипида.

Всё делается по непостижимому закону. Водитель может быть пьяный, но вот дурацкая игра, играют на копейку: перебежишь ты у него перед самым носом или нет. Такие дикие игры у нас на Арбате, да и везде. Дети играют в покойников, в расстрелы, в фашистов. Нами правит вечный божественный ум, а мы все гибнем как клопы! Вот это трагедия, действительно трагедия.

В Америке все молятся утром три минуты, одну минуту перед заседаниями. Бог у них не очень глубокий, но сидит глубоко. Не такой роскошный Бог, как в других религиях, но есть.

Абсолютная личность Христа! Даже и весь Платон с его идеей

— не то…

# 1971

**1. 1. 1971.** А. Ф. очень много занимается с аспирантами, особенно с Ниной; к нему часто приходят люди; бывает на кафедрах; не знаю, продолжает ли читать лекции; занимается Аристотелем с секретаршей [24], на воскресенья вызывает меня. Несколько недель подряд я приходил только по воскресеньям, да и то он часто занимался с аспиранткой или отдыхал, и я кое-что читал и переводил сам. На Новый год А. Ф. занимается, я был вчера и сегодня. «Очень много дела у меня и у Азы. Да и как-то некому прийти… Были двое молодых людей, да развелись в этом году, потонули в своих проблемах. Так, немножко посидим, и всё».

У А. Ф. сейчас лучше здоровье. Его памятливость и соображение снова и снова меня поражают. Это явно редкостная природа. Я захлопнул входя к А. Ф. дверь кабинета; через некоторое время в гостиной зазвонил телефон; подойдя к двери, чтобы выйти к нему в гостиную, я на секунду задержался. «Вправо!» сказал А. Ф. — действительно, в этот самый момент я уже нашел барашек английского замка, и слово подошло в самый момент, чтобы я повернул вправо. Так он во всем, поразительно точен и практичен. А. А. искала книги. — Ведь они же были около совы! — Да нет же, я их все убрала, им там не место, и т. д. — Значит, я не успел… — Да, вы не успели… Закончив главную порцию дела, А. Ф. захватывает для задела на будущее еще какие-нибудь мелочи: глянуть в энциклопедию, проверить что. Держит в голове огромное количество хвостов

разных дел, никогда не забывая добить их. Аза Алибековна следит, чтобы он не разрешал секретарям оставаться у себя в кабинете, чтобы занимался, а не разговаривал без дела, чтобы писал больше; спрашивает, сколько уже написано, и т. д.

Сегодня занимались Ксенократом, после моих выписок А. Ф. делал так называемые «эстетические выводы». Мне это не нравится: слишком искусственно, явно для «порядка», для «эстетики», для редакции. Главные мысли у него идут помимо того, что он пишет. Говорил о вековом споре вокруг платоновского сотворения мира в «Тимее». Ведь вся греческая традиция считает, что мир вечен, весь же ислам, христианство и иудейство верят в сотворение Богом, и вот вроде Платон в «Тимее» тоже говорит о сотворении. На самом деле нет; у Платона идеи существуют впереди мира; возможно, был когда-то не мир, а хаос, но идея мира была. То же самое и в любом

монотеизме. Вообще без идей — никуда. Даже идея пальца — если бы ее не было, не было бы и пальца. Это общее достижение политеизма, монотеизма, да даже и материализма. Без идей невозможно, просто невозможно ничего мыслить. Одну точку поставил в этой тьме — и уже знаешь, что такое эта точка. Будь ты монотеист, будь ты Ленин — никуда не денешься. Если я сказал что-нибудь, так значит, я отличил это от прочего. Я должен сказать тогда, в чем особенность вещи? чем она отличается? какими свойствами? Таким образом, я определяю ее идею. Если движения к определенности нет, то вещь непознаваема и в конечном счете мир непознаваем.

У греков мир в своем идеальном начале вечен, а в иудействе сотворен по воле Бога. Бог сотворил мир по своему глубочайшему усмотрению. Он знал, что от Него потом могут отпасть, что будет зло, что мир будет в грехе и Он будет его спасать, знал все это, но все равно создал мир…

Относительно четного и нечетного, малых чисел в математике: греки не могли представить себе бесконечно малого. Не хватало ума. Вернее, не ума не хватало, а материализм мешал. Греки всё щупают, разглядывают и представить бесконечную делимость не могут. Потому ими и восхищаются и говорят, что они стихийные материалисты. Но этот материализм им мешал понять бесконечно малые.

Давая мне задание перевести с греческого, А. Ф. сказал, что я иногда это

делаю слишком по-своему. Например,λογισμός у меня соображение. Надо размышление. Так принято, а то смеяться будут. Хорошо, сказал я, но зато и у вас видно, например, что вы выводите диалектику от διαλεγεσθοα, разговаривать, тогда как διαλεγεσθοα это просто то же, что разбор, разграничение. — Не может быть… А даже если бы и так, не могу идти против всех… Так принято. И без того я слишком много говорю необычного. Многие даже удивляются, что так мне много удается говорить против всех. Но в конце концов я должен придерживаться общепринятого, а то никак не будут печатать… У немцев, у французов многое прямо беру, когда они мне нравятся. Столько, сколько можно нового, я ввожу. Но многое невозможно. Мировой дух сейчас такой, что я для него не гожусь. Вот когда он, может быть, повернет, тогда я пригожусь больше, тогда, может быть… Но еще Гегель сказал (произносит очень торжественно): «Человек, чтобы действовать, должен себя ограничить». Поэтому и Лосев должен себя ограничить, чтобы печатать свои книги. Сейчас не место мне сказать всё что я должен бы сказать. Всю жизнь я, казалось бы, пишу, писал много, и всё не главное, а главное так и

не написал. Но нового у меня много. Вот, например, все говорят, что Аристотель критикует Платона, а я говорю, что Аристотель платоник. Или как я разделал «Поэтику» Аристотеля. Оказалось, ничего существенного в ней на самом деле нет. Определение трагедии пустое, общие места. «Трагедия есть представление действием»… А вестники? Сотни строк отводятся вестникам, очень многое падает на их долю, где же тут представление. Аристотель этого не учел. Или — «трагедия есть серьезное действие»… Это очень плоско.

Я возразил о недоговоренности аристотелевского стиля, о главном вопросе — отношении морали и эстетики, о «худшем» как разбавленном бытии, «лучшем» — как сгущенном бытии. А. Ф. как будто бы об этом задумался.

А. Ф. пытался выяснить значение μεν οὖν в неожиданном конце «Поэтики». Мы заглядывали в Илса, Бучера, Люкаса, но, кажется, ни к чему не пришли.

Мир вечен, потому что Бог хочет блага.

«Я иерархичен», говорит А. Ф о пьянстве, к которому он непримирим.

Представь себе существо, которое так же отличается от человека, как человек от протоплазмы. Так это будет почище олимпийских богов.

**7. 3. 1971.** После вечера у С. С. Хоружего я пришел по вызову к Л. Ф. Он был в хорошем состоянии здоровья (это было видно по тому, как долго он занимался) и как всегда в таких случаях красив. Ровный здоровый цвет лица, бодрые черты. Ну, как живешь, что нового?

— А что вас интересует из нового?

Только хорошее, только хорошее.

— Ну вот: в Москве появилось много талантливых молодых людей.

Это что же, иностранцы какие-нибудь приехали?

— Нет, свои образовались.

А-а… Ну, знаешь ли, у всех этих твоих молодых людей нет ни одной своей идеи. Да и ничего они не знают.

— Насчет идей еще неизвестно, а если ничего не знают, так их никто не учил.

Ну, это конечно…

Как-то раз после недельного перерыва в наших занятиях А. Ф. сказал мне: у нас там были четыре места из «Никомаховой этики», которые нужно было посмотреть. Я удивился. Как вы можете все это помнить? — Так ведь надо помнить. Я же этим сейчас занимаюсь. Дело заставляет помнить…

Одно мое утверждение, как я знал, было немного лихое. Но ему оно с первого прочтения понравилось. В дальнейшем шел материал, немножко противоречивший тому первому утверждению (о двух типах текстов о музыке у Аристотеля). — Подожди, значит у него были не только случайные замечания о музыке… Это же существенно… Так общее утверждение А. Ф. отверг не другим общим, а дождался, когда выявится его противоречие фактам. Так всегда. Новый вариант возникает у него, не сламывая старый, а просто незаметно вырастая рядом с ним, и потом либо вытесняет совсем старый, либо сосуществует с ним. Так было в вопросе о катарсисе. Фактически получилось, что в своей книге Лосев говорит о катарсисе сперва в одном, потом в противоположном смысле. А. Ф. это знал еще до того, как я указал ему. «Ну что ж…» Такие противоречия его не смущают.

Вероника пришла, и А. Ф. долго просил у нее прощения: «Ты меня извини, что я твоего мужа отнимаю…»

Когда Аза Алибековна давала мне лишнюю чистую бумагу для переписки, А. Ф. долго уговаривал ее так не делать. Это его характерная экономия. Ничего

сверх необходимого, никаких хвостов. То же самое в сущности происходит, когда я говорю ему, например, одна страница в рубрике не проставлена. Он говорит тогда: «Надо сейчас же проставить. А то придется запоминать», т. е. неэкономно загружать лишним память. Новый год, когда мы с А. Ф. занимались четыре дня подряд, потому что все его секретарши гуляли, он советовал мне проводить «по-лосевски». То же сказал и о восьмом марта: «Мы работаем… Потому что филология такая наука, она не терпит перерывов».

**12. 3. 1971**. Античная мифология — это вечное небо, боги, смертные и т. д. У Шеллинга мифология только иллюстрация, символ. О Гегеле и говорить нечего.

Эйдос в том смысле, который мы обычно приписываем Платону, только иногда у него встречается. Вечный свет? недробимое и неделимое? К земным делам всё это относится как схема. Даёт общую рамку. Является, конечно, законом для земных дел, но таким законом, которому не все дела подчиняются. Созвездия — воплощения вечных идей. Становление — земное дело, оно подчиняется надмирной модели менее точно.

Небо над нами, великие люди на земле — воплощения чистой идеи. Разные хулиганы, устраивающие на земле разбой, — у них тоже идея, но плохая, неполная. Души и тела таких людей не могут вечно оставаться на земле, они терпят наказание в подземном мире. Потом, исправившись, они поднимаются на небо, и пока не сорвутся оттуда, пребывают в вечном

круговращении. Что-то из метеорологии.

Гераклитовское становление представляет собой вечный круговорот. Не поймешь, вечное у него движение или не вечное? Что произойдет через десять тысяч лет? За десять тысяч лет душа три раза испытает наказание, потом идет на небо. Души движутся вместе со светилами.

Но есть боги выше неба. Это мир идей. Там и богов в привычном смысле божественных фигур нету, а вместо всяческих образов там чистое море красоты. Там — невидимые боги. Что идеи управляют небом и всем миром, это уже не Платон, а Аристотель. Но Аристотель не идет против Платона. Он только больше идеалист чем Платон. Ему мало далекого мира идей. Для Аристотеля идея неподвижная и отдаленная не нужна никому. Да кроме того

ведь и не Платон, а мегарцы учили, что существуют два мира, земли и неба. Причем Платон критикует мегарцев. Ну, Аристотель, быв с ним в антагонизме, подмечал у Платона всякое выражение, отождествлявшее его с мегарцами. Например у Платона в «Тимее» всё исходит от идеального неба. Аристотель как более профессор, и аристотелики тоже с ним, откидывают всякое выражение дуализма вечной идеи и становящейся вещи.

На самом деле Аристотель тоже сводит всё к идее. Неоплатонизм понимал это. Неоплатонизм это попытка объединить Платона и Аристотеля. Ну, конечно, Платон поэт, он говорит с точки зрения профессорской философии несуразное, тогда как Аристотель голова отвлеченная… Хотя я так, собственно, не думаю. У Аристотеля тоже много поэтического, смелого, образного. Ну, конечно, в целом это профессор европейского типа. Точен, строг, не гоняется за такими вещами, как небо, образы…

Отделены ли от земли идеи Платона? Нет, сейчас я идеи понимаю у него как нечто единое с вещами. Платон монист, а не дуалист. Разумеется, у него есть отдельно небо и земля. Но тут не просто дуализм, такой, что между небом и землей нет общения. Мне всегда претил этот дуализм. И в юности тоже я его не принимал. Теперь мне стало всё совершенно ясно. У Платона не дуализм. Противоположность неба и земли — это просто его манера выражения. Посмотри например его «Парменид», первая часть. Там же просто критика дуализма. Конечно, вторая часть «Парменида» очень отвлеченная, очень тонкая. Здесь, казалось бы, развертывается диалектика чистой идеи. Но глупо думать, будто ни о земле, ни о человеке ничего уже не говорится, когда речь заходит об идеях. Идеи это же чистая логика! А логика приложима ко всему! Таких мест, где Платон занят чистой

логикой, много. Здесь ничего не говорится о земных вещах. Но считать это дуализмом никак нельзя.

В учении об идеях, если читать подряд тексты Платона, большей частью полная неразбериха. Поэт и писатель и не обязан всё расчленять, разбирать как профессор. В «Филебе», например, νοῦς ум, берется в таких разных смыслах! Он и полноценное бытие, и сам Зевс, и что угодно. Платон не хочет ничего, ни даже свою логику, логически представлять. Даже «Тимей», поздно написанный, где

всё казалось бы должно упорядочиваться, содержит возвращения к прежней манере. Стиль платоновский до сих пор еще не изучен.

Гениальная натура. Ей претило входить во всякие подробности.Χαλεπά τά καλά, прекрасное трудно, — так иной раз кончается у него диалог. Никакого результата не получено. Значит, Платона интересует самый процесс искания. Он погружен в споры, у него такая драматическая мысль. Иной раз трудно формулировать, что он хочет сказать.

У Аристотеля мысль отчетлива, но изложение скверное. Как у Гегеля. Часто мы его не понимаем. Это у обоих профессорская трудность.

Сейчас у меня в издательстве новый редактор. Рукопись разрослась до огромного труда, его очень легко превратить в кашу. Ну, чтобы не было путаницы, я ставлю номера, буквы и т. д.

Платон — это бесконечность, безбрежное море. Самый стиль его, я говорю, не изучен еще. Эти его речи даже в «Пире», изъезженном вдоль и поперек, не изучены. Состав, структура диалога — ничего не изучено. У него есть разные декадентские украшения, проследить их трудно. Разве есть какая-то определенная структура речи рассказа Эра в X книге «Государства»? А ведь явно у Платона тут был какой-то план, только он не раскрыт. Я предполагаю заняться структурой его книги.

Платона нельзя рассматривать как чистого философа. У него важно изучить стиль. Стиль важно учитывать у всех. И у Гегеля есть места, примеры, от себя данные рассуждения, где через стиль виден он сам, его личность. Взять учение о мировом духе — так там, если разобраться, такой тип выявится! А у нас — мы приукрашиваем, приглаживаем себе Гегеля, как крестьянин Бога. У Гегеля мировой дух безобразничает, такие дела устраивает! Руки не доходят только разобраться во всем этом. Теоретически и логически рассуждая, мы знаем, что мировой дух — это категории, логика. Казенное учение, которое надо знать, чтобы на

экзамене ответить. Но мы ведь хотим суть знать! Конечно, профессор, но Гегель ведь и сын своего времени, хотя романтиков ругает. Если это все подробно изучить, Гегель предстал бы в другом виде.

… Работа Мейера доказывает, что основной прасимвол Аристотеля — художественный метод. Эта идея мне давно понравилась. Противоречит представлению об Аристотеле как о схоластике. Пишет Аристотель скверно и непонятно. Да и вид оригинального текста был ужасный. Столетия рукописи провалялись в сырых погребах. Никто о них не знал, черви проели. Аристотель возвысился ведь уже только в Средние века. В Новое время перед публикатором была уже строка, проеденная червяками. Публикатор от себя за свой риск и страх вставлял, что считал правильным. Так пострадала «Поэтика» Аристотеля. Ученые пытались реконструировать ее и не достигли цельности. Я ее критикую насквозь. Гениальность автора видна, но очень много путаницы. Забористость большая, но обрывы… «Метафизика» тоже набор… такой сумбурный набор лекций или записей. Интересно, глубоко — но несвязно. В «Метафизике» собственно двенадцать книг. Вторая книга ἄλφα ἔλαττον, альфа малая, вставная, и пятая книга вставная, словарь терминов. Это дело, текстология Аристотеля, — очень такое скверное дело. Ну, конечно, после пятисот лет многое исправлено, приведено к единству…

Так вот, значит: я сам так всегда думал, но Мейер меня поддержал, Мейера я излагаю: у Аристотеля художественная интуиция очень сильная. И теория у него разная, и отдельные термины колеблются. Но Аристотель излагает всё так, что действительно видно единство стиля. У Аристотеля художественные глаза. Это, конечно, у всех греков так. У Аристотеля отвлеченный предмет. У него

профессорский подход бросается в глаза. Но Аристотель ко всему подходит очень художественно!

У него все внутреннее, достигшее внешнего выражения, поскольку выражено, уже прекрасно. Если субъективное адекватно выражено, оно прекрасно. Прекрасно то живое, что вырастает из внутреннего. Мы смотрим на богиню, это мраморное изваяние, но мрамор настолько отделан на плече у богини (мрамор, между прочим, самый трудноподдающийся материал для обработки), что это плечо, совершенно живое, дышит внутренней теплотой. Это вот и есть искусство. Аристотель именно этим занят. Он рассматривает художественные вещи отвлеченно, понятийно, но вдруг такое тяпнет… будто сам видит, своими глазами. Все эти его разные значения οὐσία, бытия, если

изложить их, как у него продумано, — это же ведь художественный подход. Мейер тут меня подтвердил, укрепил…

Я только не согласен, что бог или аристотелевский верховный ум никак не проявляется. Я с этим бы спорил. Я думаю, у Аристотеля тут тоже какой-то художественный смысл. В самом деле, ведь у него небо есть высшая красота; здесь несомненно интуитивный подход. Да и животных он излагает очень живо. Мне нужно или сказать, что вся философия Аристотеля построена на художественных интуициях (конечно, это нужно рассмотреть под лупой, без лупы оболтус не поймет), или показать, что у него всё художество философично. Когда он описывает животных, он любуется лапками, или мордочкой, грудью, животом и т. д. В твоей работе это художественное не выражено…

Организм у Аристотеля есть орудие души. Излагая, скажи: автор книги движется к этой идее… эта идея популярна в науке… Выводы после изложения можешь сделать какие угодно. Гегель гениально пишет, но все равно можешь сделать выводы: многого не хватает, многое не высказано. Там-то, в прошлом разделе, мы ясно говорили, что художественное произведение, произведение природы у Аристотеля на первом плане. Мейер кое-что тут даст. Как и Ленин. Очень много живого; но надо пойти дальше.

Свежее, новое у Аристотеля заключается в отождествлении художественного произведения и организма. Пусть организм что-то более мелкое, более легкое. Ведь художественное произведение по-настоящему выражает внутреннюю жизнь, жизнь сознания и т. д., а организм — это внешнее.

Ну, ловкость, красота тела… «Дискобол»… Но «Антигона», «Царь Эдип» — это духовная жизнь в полноте художественного выражения.

Конечно, в организме есть и ловкость, и здоровье, и меткость. Организм может их проявить вовне в наглядной, интуитивной форме. Художественное произведение тоже проявляет вовне жизнь сознания. Поэтому художественное произведение и организм либо тождественны, либо близки. Я склонен думать, что они у Аристотеля в каком-то смысле одно и то же.

Статуи, известные, классические пятого века на меня производят малое впечатление, они слишком материальные. Но вот Скопас[25], это не скажи… Тут не безмятежное, тут страстное! Тут выражение лица, тут художник уже не просто бросает жизнь в выражение, душевная жизнь тут видна глубоко… Это уже не простой организм, это именно искусство.

Хотя и у Мейера сказано не полно. Я смотрю глубже. Там формалистическое, искусствоведческое. Но если есть у него такая

материя, покажи. У тебя не заострено. А мне нужно, чтобы эта статья была подтверждением художественного подхода у Аристотеля. Действительно, организм, даже животное — это же для Аристотеля красота, он любуется на это… Мне нужны этому подтверждения. «Поэзия философичнее чем история», говорится в «Поэтике». Обычно наши у него философию ищут, голую отвлеченность. Этого мало! У Платона в основе всего чувство поэтическое. Перед нами ведь античный гений, им руководит всегда художественная интуиция. То же надо сказать и об Аристотеле. Чтобы Аристотель не вылезал фигурой неантичной. Средние века сделали его главным философом, с тех пор в нем ищут философию. Важно показать, что вся философия Аристотеля пронизана художественным чутьем и всё художественное чувство философично. «Поэзия философичнее истории» — это же очень важная мысль! Или в конце ты бы сделал внушительный абзац, чтобы присоединить этого автора (Мейера) к художественной модели, хотя он часто сам не сознавал, до какой степени она жива у Аристотеля.

Платон беллетрист, Аристотель профессор. Платон всё подряд сыпет. Из большой диалектики Платона ничего вывести нельзя. Его увлекает самый процесс искания. Буйная искательская мысль. Аристотель профессор, и у него ум очень конкретный. Медь как материя получает форму, возникает статуя, и т. д.

В тебе видится человек образованный, который не лыком шитый. Но изложено у тебя чисто философски. Середина, τό μέσον— это же у Аристотеля одно из центральных понятий! Середину можно понимать механически, да не в этом же смысл середины в античности. Середина там живое, трепещущее, алчущее, стремящееся; оно рвется во все стороны, ища выражения, и туда, и сюда, и отсюда возникает художественное произведение! Пульс бьется! Так получается художественное произведение. Дурак за гармоничной формой этого не замечает. Так во всем художественном. Взять кресло стиля ампир. В нем же бьется пульс! Это середина ищет себе выход. Внутри всякого искусства есть середина, τό μέσον, которая бьется как живая и так создает художественное произведение.

Подчеркни художественную сторону. Она гармонична, но не забудем — в начале всего середина, та внутренняя трепещущая душа произведения, которая тут внешне выражена. Что и делает эту вещь произведением искусства. И — заключение: итак… Это вещь легкая. Я продумал, мы решили…

Когда-то я комментировал античных авторов и заметил, что Бониц в своих комментариях к Аристотелю часто пишет haec

supra meas vires est, это выше моих сил. Раз уж такие тузы отказываются понять… Для Боница ведь латинский,

греческий язык был как родной. Более античного человека найти нельзя. От себя добавь, что найдешь нужным. Но не увлекайся. Говори: это напоминает то-то, это относится к тому-то. А в других местах изложи подробно, особенно когда говорится об аристотелевских сравнениях с физическим или биологическим явлением.

Сейчас филология строгая стала, и все же более свободная чем в прошлом веке. Невозможно же брать в чистом виде то, что до нас дошло. Это что же, взять пустые развалины? Когда ведутся раскопки, то видно только, что какие-то глыбы стоят. Бруни издал альбом зарисовок того, что осталось от античности. Каким видели Акрополь — грубые куски… А теперь мы догадываемся, что это было такое на самом деле в свое время, подходя свободнее, чем как брал 19 век. И для того есть эстетические основания. Архитекторы, историки искусства тут много поработали. Существуют, например, реконструкции Акрополя, даже несколько. Например Торвальдсена; у него там и ступени, и разные планы. Ступени вели к главному храму, в котором было изображение Афины. Парфенон стоит на возвышении, его на 25 километров видно. Есть реконструкции и другого важного храма, Эрехтейона. Так и нам, как архитекторам, приходится реконструировать. Аристотель дошел до нас не весь. Хоть он и мало сказал в том, что дошло, об эстетике, все же мы имеем право додумывать. Вставлять от себя.

Всякое художественное произведение есть связь единичного и общего. Статуя изображает какое-нибудь частное явление. А тем не менее там выражено что-то настолько общее… Или на картине изображено болото, еще что-нибудь такое. Как у наших пейзажистов, у этого, как его… которого все ругают[26]. Прекрасные же картины! Только их натуралистически понимают. Видят мелочь. А в них же есть настроение! Если всматриваешься, начинаешь видеть произведение искусства. Иначе — только проектный эскиз, который делается в наших мастерских.

Словом, для тебя первое: отпечатать. Второе: терминология Платона. Третье: «организм», как его понимать. Четвертое: «середина», движущее начало.

Диалектика есть учение о вероятном. Вероятное может быть энтимемой. Энтимема не силлогизм. «Вы из Одессы? — Что?! Сами вы жулик!» Тут энтимема. Подразумевается, что все из Одессы жулики. Это и выражено, но умозаключение недостоверно. Или еще пример недостоверного умозаключения:

«Все смелые люди обладают большими конечностями; Сократ смел, следовательно, он обладает большими конечностями».

Топика занимается диалектикой. Тут не доказательство, а только вероятность. Сегодня хорошая погода — тогда и завтра тоже будет хорошая погода. Это энтимема, не силлогизм. Ну хорошо, известный период времени наступил, когда можно ожидать хорошей погоды. Всё равно тут соображение не аподиктическое, а вероятное! Или: смотри, не попади под машину, а то вот Иван Иваныч попал под машину. Если он попал, следовательно, и ты можешь. Вероятное суждение.

Τόπος как раз и есть привлечение обстоятельства, которое может служить для доказательства. Сегодня жарко — ну тогда и завтра, возможно, тоже будет жарко. Здесь топом служит факт «сегодня жаркая погода». Он содержит вероятность продолжения такой же погоды. Операции с такими вероятностями называются топикой. Аристотель, я пришел к выводу, очень любит топику. В его «Риторике» риторическая силлогистика составляет полную аналогию аподиктической. Все речи держатся на вероятном. Все наши опоры в риторике стоят на этом. Это риторическая логика.

Эпидейктические речи не доказательные, а декламационные, для услаждения слуха. Риторика есть учение об убеждении людей. Силлогистика не служит для убеждения, в истинности силлогизма никого не хотят убедить. Там абсолютная истина. Кто возразит — дурак. А в энтимеме человек как бы сидит в театре, смотрит возможные случаи из жизни, в которых нет обязательности. Поэтика и риторика пользуются логикой диалектической, а не силлогистической. Предмет поэтики — изображение возможного и вероятного. Тут работает логика, которая не говорит ни да, ни нет, а говорит среднее. Ни да, ни нет. Так мы смотрим «Ревизора», то ли правду, то ли вымысел.

Об этом у Аристотеля «Поэтика» и «Риторика». Сюжет, который скрывается за сценой и объясняет события, — вероятный. Так может случиться. Потентное и есть предмет искусства. И вот такой крупный философ как Аристотель в своей диалектической логике поставил на одну доску то, что неопровержимо, и то, что вероятно.

Я нашел поразительное место в «Первой аналитике» о силлогизме. Есть силлогизм аподиктический, где ничего нельзя возразить: да, всё так… Но силлогизм может быть и вероятный; и там тоже своя логика, свой особый силлогизм, свои способы доказательства. Так что Аристотель видится здесь с новой стороны. У него не только небеса, строгая логика и т. д., но и вероятная логика. Суждение тут всего лишь вероятное. И этой вероятностью мы, оказывается, все время пользуемся. Разве мы

говорим силлогизмами?

Например: «Приезжай-ка завтра. — Хорошо.» Разве это силлогизм? а если ты заболел и не можешь приехать? Значит, я тебе сказал вероятное, и ты мне сказал вероятное. Только в науке бывают силлогистические доказательства. Да и там встречается такое, что трудно решить, с чем мы имеем дело.

Вот тебе задание: топика как реальная насущность вероятной значимости. Три типа мышления: первое аподиктическое, второе диалектическое, о вероятном (не врешь, а доказываешь то, что тебе кажется), и третье — эристическая, софистическая логика: мнимо истинные силлогизмы и выводы.

Аристотель второй тип от третьего отличает. Диалектическая логика честная. Но не обязан же я все время говорить математически и логически точно. Наоборот, если ты софист и эристик, то, заранее зная, что получается ложный вывод, ты стараешься убедить в нем собеседника. Аристотель риторику ставит высоко. Сюда же надо относить и диалектику, которая не говорит ни да ни нет. Выходит декламатор и читает стихотворение о любви. Это любовь? да или нет? Да — потому что стихотворение действительно о любви. Нет — потому что он же не о любви своей говорит и ни к кому со своей любовью не обращается. Ты видишь пьесу. Правда она? да или нет? Все в ней такое, что может быть или не быть на самом деле. И всё это совершенно нормально. Только в случае, если ты делаешь заведомо ложные выводы, ты будешь софист. Софисты брехуны.

В риторике тот, кто говорит вещи, о которых нельзя сказать, истинны они или ложны, остается честный человек. Выступающий на суде, например, не может говорить доказательными силлогизмами, нет для этого материала. Он догадывается, где правда. А присяжные заседатели? разве они строят

силлогизм? Да они ничего достоверно не знают. Они делают вероятный вывод! Он им кажется истинным.

У Аристотеля целые рассуждения есть о том, что логика может быть (1) аподиктическая, (2) вероятностная и (3) софистическая. Тут он показывает себя с новой стороны. Наши философы просто не знают ничего этого. Они излагают аристотелевскую метафизику. Ты дай страницы три-четыре фактического материала.

Но ты именно о Грубе говори… У него есть нечто весьма интересное…

Настоящая музыка, мы с тобой знаем, не подчиняется темперации. Аристоксену впервые втемяшилось в голову, что музыкальные звучания не подчиняются математическим пропорциям. Пророчество такое. Он боролся за такое понимание.

Но потом всё надолго заглохло.

Я писака большой…

Радикулит. Ходить трудно… У, скажут, у меня радикулит. Почему у меня радикулит — не знаю. Голый лежал в горячий день.

Потолок обвалился, людей задавило… Это не трагедия.

**14.3.1971** Две тысячи лет бьется мысль над этим вопросом: что такое ἐπιεικεές ἄνδρες [27]? Трагедия получается не с кем угодно, а только с ними. Переводят: «достойные люди». Что это значит?

Аристотель договаривается до случайности трагического: Эдип не виноват, так получилось. Он договаривается до этого! Только его ли это на самом деле взгляд? «Поэтика» дошла до нас в очень в плохом состоянии. «Риторика» в более приличном, и там больше единообразия. В «Поэтике» встречаются какие-то вполне лапидарные взгляды. Неувязки. Заговаривает об узнавании — потом забывает. В основе несомненно Аристотель, есть гениальные мысли. Но, наверное, много людей приложило к этому тексту руки. Исправщики, конечно, были менее гениальны. Правщики, перекупщики, купцы… Покупали сочинения философа, чтобы украшать свою комнату как мебелью. Купец приобретал и показывал потом наравне с мебелью: вот в комнате у меня Аристотель лежит. Но всё равно, Аристотеля нельзя уж совсем до конца унизить. Он весьма глубок.

Я высокого мнения об Аристотеле, хотя как филолог должен заметить, когда в его тексте путаница, нелепости. По-видимому, какие-то места не он сам писал. Самое большее — ученики записывали. А как ученики записывают, это известно нам по себе. Пишешь ведь для себя; дай другому свою запись — тот не поймет. Но Аристотель несомненно мировой гений, наверное единственный в своем роде. Это понимали все, даже если не читали.

Я всё куда-то спешу, оттого не сплю, болею. Но с тобой могу говорить, и, видимо, не мало…

— Но только не шесть часов (Аза Алибековна).

Эта ирония сюда не относится.

У них ведь окаянные, яркие, действительно желтые, особенные…

Если в Оксфорде колеблются, так уж дело дрянь.

Как можно говорить о льве, что он свободен, ἐλεύθερος [28]? Потому что ведь это не свобода, это дикость!

Я люблю работу сыщика.

Случай полюбил трагедию.

Всё вскрывает подлинное самочувствие.

Я не любитель скуки академической. Поэтому я говорю: «танцевальный характер»; «охота»… Да ведь так оно и есть.

**18.3.1971.** У меня психопатическая идея — проследить у Аристотеля etfkx;, главный термин, в самых разнообразных вариациях. У Платона такой строгой терминологии конечно нет. У него течет речь; за речами он следил. Такие замечательные речи, как в «Пире», Аристотель написать не мог.

Хотя оба они глубже всякого Гегеля и Канта. И идеальное, и реальное, и бог, и человек — это всё у них продумано до конца. Но Платон занимается системой как любитель играет на рояли: так, поиграет иногда, а выступать — не интересуется. Я сам знал одного такого: блестящий скрипач, инженер путей сообщения. С аккомпанементом, в квартете он очень редко играл — ну так, иногда… Наоборот, Гегель — это исполнитель, это сценический актер, или музыкант, для которого вся жизнь в исполнительстве. Если он выступает с

категориями — так будьте добры, всё систематически проработано.

Так что Платон не исполнитель, а так, «гуляка праздный», как Пушкин о Моцарте сказал. А Аристотель? У него круто система поставлена. Но он тоже отвлекается, говорит разные посторонние вещи, то есть тоже исполнитель, хотя не совсем.

А вот неоплатоники — мистики, возвышенные, благородные, — казалось бы, зачем им система? Наряду со всем этим у них абсолютная техника плана и структуры. У Плотина можно план его триад писать. У Прокла тоже. Значит, наступил другой период. Люди другие стали. Классика кончилась. Наивное, естественное прекратилось, началось гегельянство. Сложное отношение к жизни.

Сделай Хейвлока. Дай побольше примеров. Ты знаешь, какие у меня приняты сокращения. — Приходится читать западных авторов. То, что делается у нас, философски и филологически безобразно. И полиграфически безобразно.

Европейцы с севера, очень умные люди. Просто удивляешься. Как они такого достигли! Всё-таки западная культура непревзойденная. Такая книга, чтобы пришлось потом сказать, «а, зря прочитал!» — такой нет. Вот англичане. Абсолютная жизненность и естественность, а с другой стороны проницательность очень большая. Просто и в то же время умно. Берет кусок жизни в самой растрепанной, хаотической форме, но видит такие разные вещи, сами идеи, помогает многое понять. Хотя систему англичане не любят. Этого у них и в жизни никогда не было.

Поэтому — Север этот очень умный, весь Север, — надо выудить из этой книги Хейвлока одну-две идейки, очень желательно.

Я за свой том думаю, что он должен немного освежить у нас мысль. Всё античное теперь представляют как затвердевшее, застывшее. А там ведь жизнь бурлила. Я хочу на терминологии, на теориях это показать. Казалось бы, теория, а стал читать — и неизвестно, теория это или роман.

«Риторика» у Аристотеля заигрывает с относительностью. Вероятностная логика у него относительная. Но ведь и вся наша жизнь относительна. И вот, оказывается, Аристотель большой знаток этой относительности.

Я на тебе буду ездить, как гоголевская ведьма на Хоме Бруте.

Мне мои издатели ставят сроки — не хуже, чем западные.

**21.3.1971.** Я целую жизнь очень эстетику любил. Но я понимаю ее через выражение, через символ. Рихард Вагнер здесь на меня повлиял… Давно хотел я понятие символа разобрать, взять английскую, немецкую литературу. Может быть, мы с тобой и долбанем что-нибудь в этом роде.

Хороший автор Николай Гартман. У него кантианский подход. Его философия не метафизика, но и не просто расхлябанность. Он неплохо определяет идею: идея как принцип, дающий определенному виду знания направление. Это близко к понятию символа как организующего начала. У Гартмана широкий взгляд. Он ведь между прочим из России, учился в петербургской гимназии. Атак — понятие 15 га у Платона в массе случаев ведь бытовое.

Style russe в научной работе. Нет общего указателя, а паршивенький есть в каждом томе. [29]

А вот это по-лосевски…

**25.3.1971**. Сдали недавно в издательство статью, «Мифологическая лексика у Аристофана». Пришла верстка, опечаток там — невероятное количество. Больше надо было приструнивать издательских работников, а не оставлять для автора исправление опечаток. Раньше за опечатками следили строже, потому что за кое-какие опечатки можно было и угодить куда подальше, например если вместо вскрыть недостатки — скрыть недостатки; вместо гармонизация настроения — германизация настроения, мировоззрения…

Ты мне прочел то место — я сразу схватился: у меня же этой мысли не было!..

Теперь я перехожу к самому главному. Опять же, делать мне это самому ничего не стоит, но по разным причинам я сейчас не могу. Поэтому должен просить других делать конспекты,

выписки. Я проверял твою «Топику». Ты сделал ее не очень важнецки. О топах ничего не сказал, примеров топоса не привел. По эстетическим темам, по-моему, там можно было бы найти больше. Хотя я всё сам в свое время читал и теперь представляю, что это такое, но не могу сейчас заняться, времени нет. То, что у тебя получило характер

отвлеченный и далеко от эстетики, я ликвидировал. И итог всему подвел.

Я всю эту главу называю относительно-вероятностной логикой. Аподиктическая логика совсем другое чем диалектическая. В формальной логике я могу сказать: все быки летают, я бык, следовательно, я летаю. Здесь ничего нет правильного, но всё — логически верно. Наоборот, диалектическая логика претендует на материальность. Эта логика у Аристотеля развернута в «Топике». «Топику» как раз излагают очень мало. Не хотят разбираться в диалектической логике. Хотя Аристотель ставит ее на одну плоскость с абсолютной силлогистикой, разве что в топической логике допустима логическая неточность.

Всё дело в том, что топическая логика претендует на материальность, на фактическую значимость. Если есть претензия на материальность, то для всякой посылки нужно достоверно знать очень многое. Из-за невыполнимости этого требования привлекают вероятное. В софистике всё делается для того, чтобы убедить, заставить принять вероятное за достоверное. Там доказывают, например, почему все люди — быки. Допустим, мы привели, там, разные доводы. Показали, что козел есть человек, т. е. животное, как и бык; следовательно, человек есть бык. Это достигается путем приведения разных τόποι. Нужны примеры в этом смысле, а ты мне ни одного примера топоса не привел.

Материальное по существу — это же сама гуща жизни! Иванов заболел чахоткой. Ничего! Петров вот тоже заболел чахоткой, но выздоровел. И Иванов выздоровеет! Здесь энтимема: живое существо может выздороветь. Надо больше сказать об этой материальности. Потому что произведения искусства — как раз материальные последовательности. Например, если живописец талантливый, но дурак, может получиться красивая картина материально, но формально — дурость. Если у художника настроение плохое, может получиться тоже хорошая картина, а логически она никуда не годится.

В Третьяковской галерее есть картина Репина, изображающая Ивана Грозного, который сына убил, и вот он прижимает его к себе, жалеет, раскаивается. Логически это полный абсурд. Спрашивается, зачем же вы его убили? Это же ваш сын, что же вы

его убили? А материально очень богато. Как в опере «Кармен». Там Хозе говорит в конце: я ее любил, поэтому я ее убью[30].

Аподиктическая силлогистика это покажет полным абсурдом, но материально здесь много содержательности.

Гениальность, небывалая гениальность Аристотеля в том, что рядом с железными законами силлогистической логики он дал «Топику». Как-то мало слышно о ней, а ведь в ней больше жизни чем в формальной логике. Да и сам Аристотель говорит, что всё искусство базируется на топике. Вся наша жизнь стоит не на силлогистике, а на топике. И наши отношения с тобой тоже. И говорим мы все энтимемами. Можно привести и без всякого Аристотеля примеры топики, один, два, три.

Теперь самое главное, о чем я хочу попросить. Я хочу привести три развернутых примера этой топики, этого эстетического силлогизма. Два мы уже сделали, один это физиогномическая эстетика, теперь нужно другое. Сам Аристотель понимал, что его физиогномика вся построена на топике. Второй пример — учение о цветах. В отношении цвета тоже ничего определенного, ничего такого, что можно было бы логически вывести. Скажем, мы подбираем цвет для какого-то ансамбля. Да, вот он, этот цвет. Подходит. Нет, не совсем подходит; тогда художник его разжижает. А другие выбрали бы цвет совершенно иначе. Третий пример я хотел бы поставить вперед, с него начать параграф первый, Введение. Там тоже в твоих материалах — бре-бре, чуть-чуть. Я там добавил. Там будут такие разделы: (1) онтологическая эстетика, (2) эстетика выражения, (3) эстетическая выразительность — она вся построена на вероятных суждениях. Но мне для этого нужна книга Прантля, Geschichte der Logik im Abendlande. Не могу достать.

Надо посмотреть и Περί οὐρανοῦ, «О небе». Мне кажется, что там, если вглядеться, тоже построение происходит по законам диалектической логики. Небо, конечно, уже высшая ступень бытия. Но и там у Аристотеля не абсолютная логика, а именно топика. В небе ведь всё тоже устроено из материи, хотя материальное там настолько слилось с идеей, что материальность превратилась в ὕλη νοητή|, в умопостигаемую материю. Материя в небе есть, только не та первичная, которая ничего не оформляет. Здесь внизу стол,

например, состоит из, во-первых, своей значимости и, во-вторых, из материального оформления. В небе материя доведена до крайнего предела оформленности и приближается поэтому к нулю. Она там превращается полностью в субстанцию. Она там νοῦς, субстанциальное бытие.

Здесь, в этом мире, надо всегда учитывать недооформленность материи, и значит, формальная сторона здесь никогда не бывает одна. Материальное, materia prima есть то, из чего состоят собственно материальные вещи. Они, конечно, обязательно какую-то идею в себе содержат, иначе мы не знали бы, что такое вообще данная вещь. Материальное при всем том тоже присутствует, где более, где менее. Постепенно восходя, мы получаем в небе другой предел материи, где она равна нулю. Она тут чистая возможность.

Всё, вообще говоря, материально, начиная от богов и так далее вниз до первой материи. Но во всем разная степень материальности. На противоположных сторонах есть чистая материя и чистая идея. Одно абсолютно — и другое абсолютно. Чистая δύναμις материи еще не вещь. Чистая идея тоже еще не вещь.

Так вот, значит: намечается иерархия бытия у Платона и Аристотеля. Мы слишком опираемся на идеальную сторону. А ведь точно так же можно было бы опираться и на материю. Там, в земном, ее больше, здесь, в идеальном, она превращается в чистую возможность. Искусство располагается посредине. Оно и не идеально, и не материально, а представляет собой нераздельную слитость того и другого. И поэтому оно подчинено не абсолютной, не аподиктической, а диалектической логике, топике. Искусство меньше содержит материи, но всегда обязательно содержит. Ведь даже если материи нуль, она всё же материя.

Мне кажется, мы делаем ошибку, понимая всю эту античную иерархию идеально. Можно с таким же успехом понять ее и материально. Особенно когда мы рассматриваем срединные вещи, между чистым νοῦς и чистой возможностью. Там, где ни копнешь, сам Господь знает, сколько τόποι было заложено в каждом суждении. Например, человек пьяница, развратный. В нем материального больше, и значит, больше всевозможного рода топосов.

Так я хотел тебя просить вот о чем… В De coelo у Аристотеля небо и идеальное, и материальное; и всё остальное под небом такое же, двойное. Ты, сразу после нашего вступления, привел бы несколько примеров. Полистал бы ты

трактат, выписал, и мы бы сделали краткое резюме. Этот раздел будет называться «Эстетика неба». Тогда вся топика у нас имела бы три главы: (1) эстетика неба, (2) эстетика цвета, (3) физиогномическая эстетика. Это был бы пример античной эстетики, где принцип относительности имеет важное значение.

Какие пункты особенно важны. (1) Небо — абсолютно

тончайшая материя. Не пустота: свод небесный тоже материален. Материя здесь утончилась до нуля, но не уничтожилась. (2) Небо Аристотель как — будто бы называет эфиром. Это нужно посмотреть. Где-то там говорится, что эфир «пронизывает всё». Так и должно быть, потому что эфир тончайшая материя, а материя пронизывает всё. (3) Тут у нас эстетика относительности. Материя везде разная. Она потому относительна, что везде разная! Это уже не Ньютон, это Эйнштейн. Само пространство изгибается, поэтому нельзя выйти за пределы неба. Причем кривизна пространства везде разная. Это у Аристотеля очень оригинальная идея, которая отсутствовала в науке две тысячи лет, и только Эйнштейну пришло в голову… Тоже и время везде разное. Поэтому на краю мира можешь дойти до точки, где времени нет. А в других точках — время есть. Как пространство может быть нулем или всем, так и время. Вечность — это тоже какой-то предел времени, когда всё настолько сгущено, что несмотря ни на какое движение все равно в этом месте остаешься. А есть участки, где происходит убыль пространства и времени. Или прибыль. Затем: движение может быть и конечное, и бесконечное. Так что материальное, вместе с пространством, временем и движением, — это везде что-то разное, относительное. (4) Эта тончайшая материя, этот эфир, эта невесомая, невидимая, световая материя и держит весь мир. Она настолько грузоподъемная, солидная, тяжелая, что она составляет массу, которая держит весь мир. Плотность между прочим тоже везде разная. Луна, звезды, наш мир все имеют разную плотность. Пространство, время, движение, вес — они везде разные. (5) Вселенная не коробок, в котором находится всё, а само время, само пространство мира подвижно. Не так, что время просто идет: нет, само время находит по-разному. Ты поднялся на Сириус — и там время не меняется, может быть, целую вечность. Благодаря такой тенденции пространства и времени к разнообразию становится возможно искусство. Ведь только с бытовой, обывательской точки зрения есть только одно пространство. Нет, картина,

которую ты смотришь, имеет разнообразное пространство. Не нужно для этого и перспективы, а просто искусство в том и заключается, что каждая часть изображения (лицо, каждая часть изображаемого, то, что он делает) — всё разнообразно и по времени и по пространству. Почему произведение искусства нам так нравится? Потому что выражено на малом отрезке то в пространстве, что мы не можем поймать. Обычный стол — он ведь тоже разное пространство и разное время. Но мы этого не замечаем. Пространство вообще незаметно. Да и в малых

масштабах мы ничего не можем уловить. Эйнштейн создал свою теорию не для малого пространства. Отставание Меркурия на 8 секунд в столетие[31] говорит, что тут уже другое пространство. Это обнаруживается только на громадных расстояниях, в миллионы километров. А в картине изображено что-то — всё маленькое, однородное, но — выявлены все основные категории. Да, картина, художественное изображение, это интересно! Почему? Да потому что там разное пространство и время. (6) Наконец, последнее — мир у Аристотеля, который так устроен, он ведь огненный. Вся периферия космическая — она огненная. Вот только не могу сказать, эфирная или прямо огненная? Ведь эфир — о нем есть разные мнения. Одни думают, что огонь это и есть эфир, огонь всё и пронизывает. Так или иначе, античный мир огненный.

Так что у тебя получается замечательная картина. Не христианская, категории совсем иные, не такие, как у нас, — и всё это в огне!

В чем техника нашей работы? Не в том, что яркая идея, — идею-то и я тут кое-как сочиняю. А вот найти строку в источнике, показать текст, подтверждающий нашу мысль, сопоставить… Так мы нашли место у Аристотеля, он там сам говорит, что это диалектическая логика, в моем смысле слова. Топика начинается там, где заходит речь о том, что наиболее очевидно, наиболее вероятно, в чем можно убедить. Читать тебе придется немного… Вначале только общие рассуждения. А потом идет чистая астрономия — там и не надо ничего. Но разные философские, эстетические рассуждения — это интересно.

Итак: отношение к эстетике в трактате «О небе»; огонь, конечно, это эстетическая категория. Затем, разные пространство и время.

Я уверен в том, что все эстетическое и художественное основано на разнородности пространства и времени. Это надо пережить, передумать — а в книге мало что от этого останется.

Символико-синтетическое мышление в трактате «О небе». Наивное сочетается с бесконечно глубоким. Психологическое и социологическое — перемешано всё.

Αἰθήρ —οὐρανός уже у Гомера плохо различались.

**1. 4. 1971** В античной космологии несомненно действовала живописная и скульптурная рука. Это тебе не ньютоновский мир, который кто-то делал и поплевывал. Здесь важен вид. Почему эстетика? Потому что согласованное и красивое оформление всего космоса. Так это же тогда тело! Оно доходит до особой плотности — и становится идеей.

Два нулевых полюса материи. Сначала чистая возможность;

потом тело, они имеют тяжесть; потом утонченный принцип материи, она превращается опять в нуль. Но и тут всё материально, и это превращает идею — в вещество. В одну материю попадешь — ты богоподобный человек, в другую — ангел.

Все понимают, что предметы возникают и гибнут; но ведь и время-то, пространство-то тоже меняются! Что если картошины затолкать в большой горшок, они будут зажаты, что тело в разной среде сжимается и разжимается, — это все понимают. А то, что независимо от меня, но в зависимости от пространства и времени мое тело меняется вместе со всем миром — это вот то, что было ясно в античности и в Средние века, и это то ощущение, которое лопнуло в Возрождение и особенно в 17–18 вв. У Ньютона все однородно, как в горшке; можно сжать и разжать содержимое, но оно останется однородно.

De coelo изложить в форме кратчайшей. Эстетику от онтологии не отличать. Что касается абсолютного, я всё уже изложил. Теперь осталось сказать, что там получается в иерархии сущего. Предельное обобщение.

Платон, он играется со своим космосом. И Аристотель тоже любит, любуется на это. Есть абсолютный предел высшего неба — и внутри этого предела болтается относительное. Термина «относительность» можно избежать, но я все-таки ввел его. Теперь на месяц работы. Существенное настолько для меня ясно, что даже говорить не хочу, говорить не о чем. Эстетика относительности. Сколько угодно могу об этом писать.

Сами по себе эстетические суждения, формулировки — приходится выдирать их с большим трудом. Но о любом писателе можно написать его эстетические воззрения. Пушкин, Достоевский… Если ты досократиками воспользовался — это ничего. Можно.

Bodo Gatz — может быть, общие высказывания из него взять, для фона? Но начать надо с Hellwig'a. На Гомере держится вся античность. Как Аристотель влюблен в Гомера! Как он его знает наизусть! Правда, Аристотель уже модерн, но такое внутреннее единство, что нельзя говорить об Аристотеле без Гомера. Если Гомер не буквально цитируется, то остается как фон. Аристотель влюблен и в Еврипида. Еврипид уже конечно модернист, декадент. И у Аристотеля тоже эти декадентские элементы были. Они разовьются потом в эллинизме. Conen правильно говорит: ни да, ни нет, а только потенция. Опять относительность! Это всё книги, отчасти подтверждающие мою эстетику.

Вот надо, чтоб звонило… Эти книги для меня звонят…

**3. 4. 1971**. Я спросил А. Ф., почему «мениппова сатура».

Сатура, от satis, довольно, это блюдо, на котором очень много разных яств. Не от «сатир». А потом значение сузилось, его свели на пародийность и сатиру. Сатирик берет предмет, обляпывает с разных сторон, превращает в безобразное, неуклюжее, загрязненное… Вначале сатура в Риме — многожанровое произведение, где и проза и поэзия, любые стили. Поэтому — сатура, и всякая античность будет произносить «сатура», но со временем дойдем до полного забвения этого смысла и до «сатира».

Аникст, хороший ученый. Его авторы Шекспир, Шоу. Он говорил, что «устал от Шекспира».

Мой ученик Шестаков [32], друг и приятель.

11. 4. 1971. Кассирер много писал, очень крупный человек, у него не халтурное, всё самодельное, самостоятельное. — Вся ведь трудность в том, чтобы абсолютная точность должна быть. И я тебя все время настраиваю на это.

19. 4. 1971. Ты вот огрызался… Простить — это дело маленькое. Но важно самочувствие человека. Ты огрызался, забывал, что это работа моя, а не твоя. Ты просил, чтобы я по-твоему думал… Я каждому предоставляю думать, как каждый хочет. Если человек думает иначе — его право. А мое право — думать по-моему.

Поэтому споры на советах, кафедрах, я в них не участвую — или участвую минимальным образом. Всем не угодишь. Даже марксизм такой, что всем не угодишь. Один так думает, другой иначе — а я по-своему. И там, где нужно, я марксизм применяю, а там, где не нужно, не применяю.

Не крещеный? Но крещение нужно, это же приобщение к Церкви. Есть вещь такая, непреоборимая, — вера, такая же густая и непреоборимая, как мысль. Есть истины, как 2x2 = 4, которые нельзя изменить, и в вере. Хотя многим это кажется глупым и неверным и отсталым.

Есть в человеческой душе такие разные области… Их можно объединить, кто способен. Владимир Соловьев — мог объединить, большинство — нет. У большинства одно дано в виде мифа, другое в виде теоремы. Они и в то и в другое верят отдельно. Обычно люди разделяют веру и разум. А есть такие, как Флоренский, Соловьев, — те умеют объединять. Да не всякому такое и нужно… Бабке нет дела до науки, бабка крестится и молится и живет верой. Так и ученый, решает свои теоремы и не понимает, что теоремы эти странным образом реальны. Наука установила, что, оказывается, солнечная система движется по законам Ньютона. Но это — закоснелое представление. В самом

деле, всякое a имеет причиной b, b имеет причиной c, c — d. Бесконечное множество причин. Где же причина всего? Считают, что правильно делают, отыскивая причины. Но если a имеет причиной b, c, d, то где-то должна же быть причина, которая зависит только от себя самой? Значит, есть causa sui — причина себя самой. Значит, приходится принимать бытие, которое действует, но самостоятельно, оно само. Или иначе получаем дурную бесконечность причин.

Ну ладно, хорошо. Теперь дело. Относительность. Разнообразие космоса. Вместо тупого камня, носящегося по небу, разрисовка созвездий, облаков, туч и т. д. Всё это древние понимали: бытие, но не самостоятельное, как кусочки в чашке, а так, что сама чашка везде разная. Но не все додумывали это

концептуально, потому что такие факты становятся очевидны только на больших расстояниях.

Метафизика Аристотеля создана на века. Абсолютное бытие тут играет в себе самом. Оно разнообразное, цветное. Я называю это относительностью, логикой относительности. Это мещанское мнение, что будто бы в античности была только абсолютная метафизика. Я называю аристотелевскую метафизику относительной. Хотя, конечно, невозможно оторвать эту относительность от абсолютности!

В самом деле, возьмем чистую случайность, — туча летит. Почему? Случайно родился человек — почему? Это, чтобы случайное случилось, абсолютно необходимо, тут абсолютное веление судьбы. Почему? Неизвестно почему.

Поэтому звездное небо — оно само-то абсолютно, но почему оно именно так разрисовано? Почему там фигуры, Большая Медведица, Малая Медведица — почему? Неизвестно почему. Оно могло бы быть разрисовано иначе, но есть абсолютная необходимость в том, что всё случилось именно так, как случилось. Раз навсегда всё дано — но почему именно так, а не иначе? Неизвестно! Родился ребенок. Почему? Что родители в браке — не объяснение, сами родители родились в браке. Рождение ребенка, то, что есть человек — нечто абсолютное. Его могло не быть, все-таки он есть, есть случайно, но поскольку он есть, он абсолют.

Они (древние) считали бытие абсолютным — а с другой стороны, события на небе, хотя в них есть момент относительности, они ведь тоже претендуют на какую-то самостоятельность. И опять же всё, взятое вместе, абсолютно. Ты скажешь: но позвольте, один родитель хотел родить, другой нет, стало быть, рождение ребенка случайно? Да, и тем не менее рождение ребенка есть нечто абсолютное!

Гегель отчасти это понимал. Бытие предполагает, что есть небытие. Хорошо… Но почему? почему? Бытие есть нечто. Значит, есть ничто. Почему?

При железной, при стальной логике у Аристотеля всё пронизано относительностью. Вот например цвета. Соединение определенных цветов дает красоту — почему? почему один цвет с другим соединяется, а с другим не соединяется? То же — физиогномика. Скажем, пьяный дурак дерется и бьет смирного, который сидит себе в углу и думает что-то про себя. Что между ними такая разница, что пьяный неразумный, а тот разумный и тихий, — это

необъяснимо. Скажут: ясно, почему он разумный; его так воспитали, что он такой тихий, скромный. Но почему его сосед буйный дурак, а он разумный и скромный? Здесь никаких объяснений не хватит, тут действует μοέρα, судьба, необходимость.

Это меня всегда поражало. И так я прожил свою жизнь и до сих пор не могу понять. И так и знаю теперь — не смогу понять. В конце концов все приходит к вопросу о добре и зле. Бог правит всем, а здесь что творится? Разве не может Он одним движением мизинца устранить всё это безобразие? Может. Почему не хочет? Тайна… Ангелы во множестве отпали от Бога. Дьявол, бывший ангел, всё знает и всё признает, кроме абсолютного бытия Бога. Неужели Бог не мог бы привести его в такое состояние, чтобы дьявол не делал зла? Ха-ха! А почему Бог этого не делает? Тайна…

А верующий тот, кто эту тайну прозрел. Другие быстро соображают — дескать, э-э, никакого бога нету. Это рационализм и дурачество. А вера начинается тогда, когда ты понимаешь, что всемогущий Бог существует, но Он распят. Бог — распят! Когда начинаешь это пытаться понимать, видишь, что тут тайна.

И древние и новые, конечно, эту тайну знали. У Аристотеля это выражается наивно: в одном месте «Метафизики» он говорит так, в другом иначе. И там, и здесь правильно. Ты ему скажешь: как же это так, там у вас, профессор, абсолютный ум, перводвигатель, который всем управляет, а тут черт знает что творится? Кто не понимает, в чем тут дело, тот как клоп будет убегать от пальца, который его раздавит. А был бы верующий, сказал бы: здесь тайна…

Поэтому я не хотел делать абсолюта из «Метафизики». Древние же знают и зло! Так неужели им не приходит в голову, какое здесь противоречие? Они же видят в небе вечный перводвигатель, а с другой стороны, на земле, это безобразие! Как же так? Если бы они этот вопрос задали и сказали: это тайна, они

бы стали верующие.

Говорят больному: пойди в церковь крестись, болезнь пройдет. Вздор! Наоборот, тот, кто крестится, рискует попасть в большее зло. Это объединение добра и зла необъяснимо, когда честный хороший человек вдруг оказывается в неприятном, в безвыходном положении. Его даже убить могут, прекрасного-то и лучшего. Так что же Бог-то тогда думает? Тайна. Это — тайна. И когда человек

эту тайну уразумел, ему уже не нужно говорить «вот ты крестик повесь, маслица помажь…» Может быть, может быть, конечно, есть таинства, которые облегчают положение. Но если совершают обряд миропомазания, а человек вместо выздоровления заболел и умер? Я лично — я не удивлюсь. Я скажу: да, именно так и должно быть. Значит, это Божья воля такая. А так, без веры, получится вульгарный оптимизм и рационализм. Конечно, бывает, что человек помолится и утешится, болезнь после миропомазания пройдет. А если болезнь станет хуже, если ты помрешь? Да будет воля Твоя! Тайна неисследимая и невыразимая!

Поэтому, излагая нудную, скучную метафизику, претендующую на абсолютное, крепкое, божественное, я считаю, что тут же рядом заложена и вся относительность. Небо, конечно, движется надежно, на века. Это бог, по крайней мере нижний, но даже этот бог движется надежно. Но если в одну секунду окажется, что этого прекрасного небесного свода нету, какой-то один момент выпал, и он взорвался, поломался, исчез — я, если христианин, не удивлюсь.

Если я язычник, то скажу: да, конечно, здесь у нас на земле хаос, но зато неподвижные звезды всё движут, постоянно, непреложно. С христианской точки зрения тут относительность. Допустим, что язычество это абсолютизация всего мира. Ну что ж, пусть тогда Платон и Аристотель верят, что мировое устройство нерушимо, — пусть верят. Только, если случится катастрофа, они не будут знать, куда деваться, — а я, христианин, буду знать, я скажу: свершилась тайна Божия! Так должно быть!

Так вот я, изложивши абсолютную эстетику, подвожу итог. Там, на небе, вечная красота, сияние, неподвижный перводвигатель. Всё это точно изложено, не знаю, при тебе или без тебя. Эстетика неба — абсолютная. Но теперь я смотрю на это так, что если лопнет звезда, если эта эстетика лопнет — я не удивлюсь.

Так же цвета. Возьми простой букет. Ты говоришь: ах, красота. А другой человек — ему не нравится; он говорит, надо иначе расположить. И согласия между вами не будет никогда. А

ведь букет это пустяки, вещь, которая вянет, цена ей три копейки.

Так же внутреннее и внешнее физиогномики. Есть связь внутреннего и внешнего? Конечно есть. Откуда еще о человеке знать, как не по жестам, мимике, словам, строению тела? Но сам Аристотель говорит (я нашел одно место) — во «Второй аналитике» он сам сказал, что логика связи между

внутренним и внешним не силлогистическая, и не математическая, и не аподиктическая, а это логика, как он сам говорит, это логика риторическая. Это я еще в книгу не вписал, но надо. Что эстетика неба у Аристотеля — риторическая. Тут, в риторической логике, всё, и абсолютность, и относительность, и понятность, и непонятность. Эстетика неба — риторическая.

Дамаский говорит замечательные вещи; очень трудные, но замечательные.

«Послезаконие» — это уже окончательный платонизм.

**25. 4. 1971** Не помню, о какой западной книге А. Ф. говорил:

Тонкие мысли. Полная свобода человека, и всё же Бог управляет. Это не антирелигиозное. Но очень тонкое. Полезный материал в этой книге. Полнейшая свобода для человеческого ума и культуры — потому что боги молчат, боги молчат!

**29. 4. 1971.** Ницше уничтожал Винкельмана — представлял божество не только в созерцательном, но и в экстатическом виде. У Винкельмана было скульптурное, статическое понимание античности. Так конечно ее нельзя понимать. Но хаотические, экстатические элементы — в рационализме 18 века это было приглушено, поэтому всё представлено в торжественном, молчаливом состоянии.

Обычно Аристотеля понимают только в абсолютном смысле. Он и не отрицает абсолютного бытия, но перекрывает его тонким потенциально-гипотетическим бытием. Выдвигается абсолютное у Аристотеля. Иначе и не могло быть до Маха и Авенариуса. Другой вид бытия у Аристотеля не излагался. Но позвольте — оно ведь тоже бытие, только особого рода! Потенциальное и молчащее проникнуто крикливым.

Самое понятие молчания и речи для нашей обыкновенной речи вполне условно. Речь, предложение в чистом виде только в школе разбирают. Реально они редко встречаются. Но есть много логиков и грамматиков, которые смотрят глубже, понимают речь —

как общую заданность!

общую заряженность! (жест)

В речи заложено[33] многое, чего нет в словах. В какой степени?

Для того, чтобы это сказать, нужен контекст. А контекст бесконечен. Поэтому предложение может иметь какой угодно вид, вплоть до отсутствия подлежащего и сказуемого. Например, «Ты пойдешь гулять? — Угу». Это предложение? Да, это полноценное предложение, хотя нет слов «я», «пойду». Надо бы в языке побольше интонационного момента изучать. «Мой брат защитил диссертацию. — А — а — а!» (поет с повышением и понижением голоса) Если этот романс анализировать логически, чего только в нем нет.

Поэтому о молчании и речи в языкознании нет еще ясных выводов. Люди пока еще только бродят около этого. Говорят иногда, но не очень внятно. А у Аристотеля развернута целая теория диалектической и риторической логики. Мимо нее обычно проходят. А я решаюсь применить ее к его основным учениям. Проходят мимо, потому что до Маха, Авенариуса, Гуссерля не дошли. А до среднего бытия — дошли.

Относительность у Платона и Аристотеля выражена невнятно. Теперь понимают, что можно говорить правильные предложения, и они не будут иметь никакого отношения к действительности. «Круглый квадрат». Я сказал что-нибудь? Сказал. А ты понял? Конечно понял. А соответствие действительности тут есть? Нет — но впрочем не знаю. «Володя, тут у меня деревянное железо!» Здесь, в этом предложении, всё есть — кроме объективного факта деревянного железа. Я, например, не наблюдал такого факта.

При современном состоянии мысли нельзя без относительности понимать действительность.

**30. 4. 1971**. Знаешь, что мне пришло в голову, слушая твое изложение Дюбуа: вечность вся зажата в одну точку (показывает кулак). Там есть все времена, но она сжата в один момент.

В античности всё в целом объято вечной красотой. Это вот в современной Европе исчезло. Ведь новейший мир бескартинен: нет живописного целого, нету картины мира. Нынешняя наука вообще не признает никакого мира. Это для нее всё брехня, теперь у нее Ньютон. О красоте мира стало снова можно говорить только после Эйнштейна. У него разная кривизна пространства и времени, разные свойства в разных частях, я скажу, как бы физиогномика мира. Эйнштейн конечно строгий ученый, он на такие вещи не бросался. Но мы-то не

физики и не математики, мы смотрим эстетически. Здесь мир — пустота, ничто, а там это картина. Вот где настоящая эстетика. Она же и онтология. Онтологически античный мир это картина.

Правда, ты ничего не сказал о подлунном мире. В нем много нецелесообразного, хаотического. Хаос тоже входит в картину

мира. Все эти относительные вещи, эти категории неабсолютного бытия — действительные силы, живые. Они красивые, действующие, никогда не мертвые; никакая вечность, никакая устойчивость им не мешает. А современным на всё это наплевать. Наплевизм на то, на сё… Нет ничего устойчивого. Возрождение — всеобщее наплевательство. Кто там если был философ, то скептик.

Словом, момент относительности и абсолютности у нас должен быть. У Аристотеля большая система. У него есть и эстетика, и относительность. Не современные мещанские понятия. Относительность фонтаном бьет в этой эстетике — всё абсолютное бьет этим фонтаном. Это нужно учесть. А иначе пропадет книга, ибо все построено на этом понимании. Смотрит на мир он живыми глазами. Можем сказать, что его эстетика это эстетика абсолютно-относительного. Ты прости меня за самомнение, но это первая живая книга об античной мысли, до сего времени не было. Мнение Ленина мы запнули. Последние параграфы это уже правильное мнение.

Теперь печатать ее или не печатать будет решать большое начальство, которое ни в Аристотеле, ни в античности ничего не понимает, но власть у них огромная. Я же мелкий служащий, чиновник. Хотя я вдруг могу…

Можно доказывать, но можно и украшать. Дама с украшениями не нуждается в том, чтобы что-то доказывать.

Caelum empyreum.

Был такой Варбург[34], любитель-искусствовед. Его библиотека стала институтом. Они много там наиздавали. У них разные авторы интересные. Была важная книга Панофски о перспективе. Но сейчас что-то не знаю их новых книг. Либо капитал исчерпан… но капитал не может быть исчерпан, он же дает проценты.

**2. 5. 1971.** В эпоху после классики, в эллинизме начинается большое развитие личности. Скажут, при чем тут эллинизм? А при том, что раз уже наивное рабовладельчество кончилось, завоевательная политика развернулась от Испании до Индии, несколько сот тысяч рабов обслуживали полноправных греков — потому и сложилась почва для глубочайшего личностного развития. Раз открыли кран для личности, она пошла во всех направлениях. Петроний в «Сатириконе» показывает бездны разврата. Сложность личности, вот то новое, что пришло. Появилась масса новых форм литературных. Началась аллегорическая трактовка мифа. Классика ничего такого не знала; всё это принесло крупное рабовладение. Вот почему и в

Новое время, когда стали работать машины, развернулась лирика. Клапан был открыт. Как там крупным рабовладением открыли клапан, так и здесь машинами. Эта новая лирика очень связана с машинами.

Перемена громадная надвигалась и уже чувствовалась в позднюю классику. Они же уже дрожат все как невропаты, и Платон, и Аристотель.

Ну, с этим мы справились. Заканчивается бег на месте, который мы с тобой вели с июля. Тут мне нужно писать том сочинений Платона, несколько предисловий. Если свободен, если ничто не каплет, мне посвяти несколько времени.

А. Ф. очень рад, что книга додумана. Похож на Ивана Ивановича Тесленко — казацкий тип.

**16. 5. 1971.** Table talk. Аза Алибековна: А вы помните этого академика Виппера, который говорил, что киники были первые греческие интеллигенты? — Да, встречался с ним несколько раз. Только это не его мысль, а Бориса Степановича Чернышева[35]: софисты первая интеллигенция.

А. Ф. иронизирует: да, видите ли, религия всегда была лазейкой для человека, когда ничего другого уже не оставалось. В позднем Риме восстания рабов — это, конечно, что-то прогрессивное. А вот если в Спарте восставшие рабы сажали своего царя, то как к этому относиться?

О киниках. Слепое, телячье, свиное восприятие. Только то, что под носом, видят. Это не тонкости, а элементарный диамат. Хулиганили. В бочке сидели и хулиганили. Не видели элементарных вещей. Если штаны черные, то есть наверное и чернота? Нет, не верили. Киник Антисфен хотел уколоть Платона: Платон, лошадь-то я вижу, а лошадности никак не вижу. Тот ему ответил: Это потому, что у тебя есть глаза только чтобы видеть лошадь, а глаз, чтобы увидеть лошадность, у тебя нет.

О докторской диссертации Исая Михайловича Нахова: «Это грубо, Аза… Это же двадцатые годы».

**17. 5. 1971**. Зачем ты нарываешься на скандал… Вот, скажут, баре… (Оле, которая просила рабочих на улице не шуметь).

Время — это вечность.

Ноги качаются, голова какая-то не своя — спешка морально угнетает! В моей рукописи две тысячи страниц, нужны доделки, там вставь, туда припиши — морально невыносимо, когда торопят. Я привык делать все вовремя. Лосев делает всё вовремя. А сейчас вот в первый раз в жизни так запоздал. Вредно, и голова болит.

Сегодня будет первый заплыв (новая тема). Ты сделай… Я тоже могу всё это сделать, я могу отдельные буквы разбирать, но

это же в тысячу раз длиннее, и тут же начинает болеть голова.

Склонность к мистицизму? Из-за близорукости? Это оригинально.

Жизнь очень разнообразна — то есть работа, то нет работы, то навалит… Эта стихия жизни от нас не зависит, мы как-то должны из этого выкручиваться.

Я свободный в психологическом смысле.

Я бы просто определил господ и рабов: те имущие, а эти неимущие.

Король и благородные дарят тебе кусок земли. Ты на нем работаешь, и тебе дают эту землю.

О важных членах редколлегии: Утченко ведь заведует отделом древней истории в академическом институте. Да и Дьяконов солидный член партии.

По зубам бьют… Зашибут…

**2. 6. 1971.** Михаил Александрович? Да не Дынник, Лифшиц. А Дынник такой прохвост и вульгарист… Михаил Александрович

Лифшиц [36], один из старых вождей марксистской эстетики. Он сказал обо мне: «В первый раз за 50 лет правильная характеристика Сократа». Я хотел спросить, а как у меня эстетика? Но не посмел.

Он (И. М. Нахов) пишет о киниках. Только он не умеет объединить. У него же интереснейшие тексты. Но ему обязательно нужна революционность. Поэтому в целом так, барахло… Киники не философия, а античное отщепенство, которому всё это безобразие позволено. Но считать это передовым, революционным… тогда я просто не понимаю, в чем же дело?

Демокрит материалист… Хотя что понимать под материализмом? Его атомы заключаются в геометрических телах, которые он называет идеями!

Филологическая работа Нахова очень высокая, факты все указаны как они есть, но когда он начинает считать одних передовыми, других нет, меня начинает коробить. Так и у Льва Толстого в «Живом трупе» Протасова, который сидит в кабаке, можно назвать передовым. Он выражает якобы протест против общества. В конце концов застрелился, последние слова его «Как легко!» Но это же всё уродство духовное и моральное уродство. Вот Толстой киником здесь и является. Но ведь Толстой это уже вырожденчество. Когда он боролся с самодержавием, это прогресс. А мистика рисовых котлеток — это ведь вырождение. Передовым был, если уж на то пошло, либо капитализм, либо социализм, но уж никак не идеология патриархального крестьянства, держащегося на топоре и на пиле. Это

разложенчество, и ничего передового я здесь не вижу. Передовой был трактор, а не коса и мотыга. Коса была уже реакцией в 20 веке. Это убожество, духовное ничтожество. Трактор конечно тоже убожество духовное. Но трактор — это острый ум европейца, он облегчает труд, дает возможность для других направлений деятельности. А что такое борона и коса? Крестьянин должен надрываться целыми неделями… В свое время передовым изобретением были лук и стрелы. Колоссальный прогресс. Перед этим дрались палками и камнями. А что такое сейчас лук и стрелы? Это музейная игрушка. (Говорится в конце очень долгой, 2–3 недели, работы над диссертацией И. М. Нахова. Оценка А. Ф. — диссертант хороший филолог, но

ему обязательно нужно, чтобы была революционность, — поразила меня как точная и гуманная.)

**3. 6. 1971.** У Нахова есть ссылка на ограниченность классической эстетики: её телесность. За малым остановка! У классиков ведь судьба, боги, природа и человек, в них космос, — всё по-своему телесно. Поэтому у меня их телесность рассматривается как реализация идеи. А у киников всё материально. Что же общего? У киников есть кое-какая личность, а для Платона по-настоящему существует только космос, единое. Личность для него это пустяки. Личность теряется. Круговорот в природе! То ты обезьяной стал, то на небо полетел. Словом, ничего общего.

**4. 6. 1971**. Об издательстве «Искусство». Рассыпали уже готовый набор сборника, 70 печатных листов. Там Аверинцев, другие много напереводили о западной эстетике. Некоторые плакали. Там сейчас бегают с дубиной в руках, размахивают, и не подходи. Там было выступление Штейна[37] на издательском совете об украденных трех томах испанской эстетики. Изложил в лояльных тонах, не в криминальных. Аникст сказал, довольно умеренно и скромно, что такие вещи нужны, «мне, например». Меня чуть было не дернуло так же сказать, но я подумал, что будет очень шутейно, — Лосев и вдруг об испанской литературе. (А. Ф. рассказал это, думая, что дело касается и меня с моим переводом Федерико Гарсиа Лорки.)

«Законы» — у Платона последняя вещь, не доделана. Оставлена Филиппу Опунтскому редактировать и издавать. Учение о наказаниях у Платона очень сильно в последних книгах. «Законы» относят уже к старческому периоду. Для философа старчество, конечно, не имеет значения. Старики философы в восемьдесят лет такие запузыривают томы.

У меня ужасное положение. Пишут, из провинции: требуют 20 листов своих сочинений присоединить к «Теэтету». Направляют

требование прямо в ЦК. Но в ЦК дураков нет. Нам же шлют оттуда обратно: разберитесь, сообщите. Издательство рассмотрело и сообщило, что это абсолютный вздор. Один доказывает, что Земля стоит в центре… Это, между прочим, с точки зрения Эйнштейна верно. Неважно, как считать, что движется, а что стоит. Некоторые

астрономы говорят, Земля покоится в центре. А другие с равным успехом могут считать, что она должна двигаться. Все формулы остаются те же самые.

По поводу звонка какого-то автора «реферата», о котором А. Ф. почти забыл: «Я стал уже забывать. Так много разных дел…»

**5. 6. 1971.** Стараюсь делать изложение «Законов» структурно, а не аструктурно, как Константин Риттер.

О структурализме: передовое содержание. Так бывает и в науке, и в политике. Сперва пробивают дорогу положительные, очень правильные идеи, очень нужные, а потом… такой загиб начинается, такой перегиб, такой деспотизм, что прежние лозунги теряют смысл. Так же и со структуралистами. Ревзин[38] не понимает математических формул, которые использует. Убожество!

Шаумян подходит здраво: я, говорит, занимаюсь логикой, я не лингвист, я фонолог. Его книга переведена на немецкий и французский. Я ему: Себастьян Константинович! у вас языкознание трудное, по-русски писать не умеете, загромождаете терминами. Но когда поймешь — получается простая и ясная мысль! Ему это нравится. Я в одной статье так и писал о нем (важно цитирует): «Шаумян раз навсегда отучил нас от применения математической логики в языкознании». Он просто строит свою логику без единого примера из языка. Читает в Инъязе курс «Логика науки».

Поэтому структурализм сейчас переживает кризис. Издают вот в Тарту Σημειοτικη|, выпустили 4 тома. Я смотрел первый том, там Лотман мне понравился. Именно не хватало ясного, планированного, логического отношения к языку. Лотман хорош, в отличие от примазавшихся к структурализму, которые сути не понимают. Их берут без разбора в издания Академии наук, вся каббалистика там…

Я упомянул о статье Флоренского «Предсмертное слово отца Алексея Мечева». А. Ф. поправил меня: а надо говорить Мечёв. Да, Флоренский был верующим, редкость среди просвещенных. Один очень важный человек — уклонюсь в сторону… В начале 30-х годов я тут встретил в одном месте не слишком официальном[39] бывшего ректора Духовной академии, епископа

Феодора. Реакционер, твердый, все семинаристы трепетали. В

него стреляли в 1905 году. На суде над стрелявшим епископ Феодор сказал только: «Я прошу этого постановления не принимать, а молодого человека отпустить на волю». Так властно, так твердо сказал, что этого молодого человека отпустили, и он так и пошел как ни в чем не бывало.

Компания, в которой я оказался с епископом Феодором, не очень казенная была. Я спросил: Как Вы такого декадента и символиста, как Флоренский, поставили редактором «Богословского вестника» и дали ему заведовать кафедрой философии? — Всё знаю… Символист, связи с Вячеславом Ивановым, с Белым. Но это почти единственный верующий человек во всей Академии был! — Как так? — Судите сами. Богословие читает профессор Соколов. Патрологию Иван Васильевич Петров. Иванцов читает психологию. Настолько все захвачены наукой, немецкой, тюбингенской, что комментируют текст Священного Писания — и разносят до основания. Например, в Евангелии есть фраза: «Крестяще их во имя Отца и Сына». Тюбингенские академики говорят, что тут позднейшая вставка, результат редактирования в 4 веке, на Втором вселенском соборе. И так далее. Получается в конце концов, что весь евангелист состоит из одних вставок: это отсюда, то оттуда, это из Индии, то из Египта. Срам! Но я Вам скажу, что недавно найдена армянская рукопись 2 века, там эти слова имеются… Словом, Флоренский был один верующий из всех. — Да он же декадент, и светский человек! — Да! Но вот лично я утвердил «Столп и утверждение истины» для защиты в качестве магистерской диссертации. Едва отстоял, ездил специально в Киев, добился принятия. И я его сознательно назначил на кафедру, именно потому что он единственный верующий человек в Академии. Вообще 1905–1911 годы были наказание Божие. Когда я стал ректором Академии и познакомился с тем, как ведется преподавание, со мной дурно было. Такой невероятный протестантский идеализм, хуже всякого тюбингенства. Тареев, например, пишет книгу «Самосознание Христа». Самосознание! А личность Его[40] была? Ничего об этом не говорит…

Вот тебе эпизод. Интересно? Вот Духовная академия накануне развала.

Епископ Феодор умный. Он рассказывал мне, как в Академию приезжал митрополит Макарий, старец восьмидесяти лет. В богословии разбирался. Но его беда была, что он из семинаристов, не получил высшего образования. Тем не менее постепенно дошел до митрополичьего сана. Духовной академии Макарий боялся. Все же приехал, выразил желание посетить занятия. С дрожью в руках, рассказывал мне Феодор, даю ему

расписание. Что выберет? А и выбирать-то нечего, ведь это же вертеп! Застенок! Выбирает — «психология». Я ахнул. Психологию ведет профессор Павел Петрович Соколов. Владыка думал, будут говорить о душе, что-то важное. Пришел, сидит, слушает. Ну, во-первых, душа набок, никакой души нет, «мы изучаем явления психики», вульгарный материализм. Сегодняшняя лекция — тактильные восприятия. И пошел: булавочки, иголочки, рецепторы, ощущения. Проводит опыты, вызывает студентов. И так вся лекция. Вышли. Смотрю, митрополит идет с поникшей головой, серое лицо. «Владыка святый! — говорю ему (все архиереи — владыки), — я вижу, у Вас неблагоприятное впечатление. Зайдите ко мне, я Вам все расскажу. Не обращайте внимания, владыка, на этих дураков. Это не профессора духовной академии, это дураки духовной академии. И как он смел при Вас излагать всю эту пакость! А знает, что Вы его начальство!» «Да, да… я убогий, не понимаю…», говорит Макарий. «А тут и понимать нечего! Все вздор!» Так и пошел митрополит оскорбленный, огорченный; я не смог его утешить. Ведь чтобы бороться с Соколовыми, всю сволочь надо разогнать… Так этот Соколов и остался на кафедре. И — до самой революции, когда революция его разогнала.

Вот тебе состояние развала накануне революции! Да, Флоренский символист, но в вере он не равнодушный человек, он искатель. Старое ушло; Пушкин, Лермонтов, они правду говорили, да они были давно, а тут на дворе двадцатый век. Официальная церковь повторяет старое, интеллигенты отошли от веры, а Флоренский и со всеми декадентами был близок, и искал новых путей.

Я все-таки человек системы, заниматься Флоренским и хотел бы, да здесь надо иметь всю литературу, а ее не достать. Да и писать нельзя. Никто им теперь не занимается. — Что, в Москве очень многие интересуются Флоренским? Некоторые и в «Философской энциклопедии»? Мальчишки, как ты. Вот Константинов, главный редактор «Философской энциклопедии», хочет за нее

Ленинскую премию получить, а в журнале «Коммунист» готовится статья: «Богословская энциклопедия». Не знаю, выйдет ли. Но если выйдет — ведь «Коммунист» это же орган ЦК!

Вячеслава Иванова изымали при Сталине и Жданове. Его жена, Зиновьева-Аннибал, была из аристократической семьи. Но он, поэт, символист, никакой политики — так все равно изъяли! Не знаю, сейчас, наверное, до этого не дойдут. Бальмонта напечатали, Анненского напечатали. А Иванов? Это же мировой поэт. Давно пора бы его напечатать.

О книге X «Законов» Платона. У Платона трансцендентальное доказательство бытия Божия, интереснейшее доказательство. Оно есть у Канта: нельзя мыслить предмет в его полной изоляции и несравнимости; переходя от одного предмета к другому, мы приходим к независимому первоначалу. Только у Канта все это происходит в субъекте, а объект есть вещь в себе, мы о нем ничего не знаем. А ведь объекты и надо было бы применять в доказательстве. Субъект был ошибка Канта. Но не ошибка, что для восприятия вещи нужно априорное пространство. В том же смысле Шеллинг говорил об априорной необходимости существования предмета.

Одно зависит от другого, другое от третьего, у всего есть свои причины. А когда же кончим? Платон говорит: мы либо уйдем в дурную бесконечность, либо придем к такой вещи, которая себя движет. Либо вообще откажемся от всякого объяснения, либо обязательно есть нечто последнее, само себя движущее. Дуализма, манихейства у Платона нет. Материя иррациональна, она служит для воплощения идеи. По-моему, здесь, в X книге «Законов», ничего нового, типично платоновское учение. Платон говорит, что в видимом Солнце нужно видеть невидимого бога, душу Солнца. Значит ли это, как писали в прошлом веке, что у Платона здесь наивное отождествление вещи и ее духа? Если ты меня читал, у меня же есть об этом, с документами из древнейшей истории… Мифология вообще начинается с фетишизма. Что такое фетиш? Полное совпадение тела и души. Потом появляется анимизм, более развитое состояние мышления. Дриада, хамадриада не привязана к этому вот дереву: дерево погибло, а другое дерево есть, древесность остается. Мысль переходит тут к более общему представлению. Души эти сначала очень слабые; потом все

крепче убеждение в разумности в основе вещей. Можно по источникам все это проследить. В конце концов мысль доходит до единого Бога.

Но как все-таки Платон в X книге «Законов» решает вопрос о зле? Для чего зло в мире? Зло — нужно… Августин говорит: первобытный человек, Адам мог грешить, природное состояние это posse рессаге; его потомки не могут не грешить, non posse non рессаге; спасенный человек не может грешить, поп posse рессаге[41]. Но грех так или иначе в мире есть. Ведь часть ангелов утвердила себя в Боге с самого начала и так держится, а другие нет, отпали. Оттого и зло. Божественное начало пробивается с усилиями среди преступлений, грехов. Добро творится постепенно, и пока все добро в мире не сотворится, мир будет лежать во зле. Как только всё добро исполнится, история мира

кончается, жизнь и развитие будут продолжаться, но уже без мучения. Будет вечная жизнь. А вечность всегда юная. Процесс восхождения в царстве божественном есть, но без убыли, без болезни.

Так видишь, здесь у Платона, в десятой книге «Законов», христианский аргумент, с одним ужасным исключением. Зло существует для добра целого. Но тут нету того, что пришло с христианством, острого чувства отпадения от божества, когда Бог проклинает человека, оставляет его одного, и он должен сам все делать и тысячелетия варится. Скорбное падение и жажда искупления — этого у Платона нету. Кое-что, конечно, есть. Но нету чувства отчаяния, падения, природного греха. Он не жаждет искупления. Словом, нету личности, нет личного самочувствия.

В чем трагедия личного самосознания? Мир во зле, при том что Бог есть добро. Как это объяснить логически? Поступить, как Платон? Этого мало. Нужны слезы, покаяние; нужно, чтобы были люди в пустыне, которые по десять лет насекомыми питаются, — настолько христианин боится падения и рвется к искуплению. Вся новость христианства — откровение абсолютной личности. Личность! Не вода, воздух, элементы, а мы несем груз всего предыдущего человечества, взяли на себя все его заслуги, все пороки.

Потому христианство так трансцендентно. Что делать мне лично, чтобы исполнилась воля Божия? Человек не знает! Христос говорит на кресте: «Боже

мой, почто меня оставил?» А это было намерение Бога — довести человека до полного отпадения и оторванности его существа. Отпадение! Когда человек пройдет через это, наступит конец истории. Человека Бог проводит через этот предел, через это последнее отпадение, через полный мрак и ужас. И человек должен через всё пройти. Поэтому христианин так страдает и бьется. Мы как в океане — кругом волны, буря бушует, — что же делать, куда пойти? Везде ужас, везде зло и гибель, страдание, и человек на перепутье, один среди всего этого хаоса. Страшная жажда спасения, вечное волнение и беспокойство.

В платонизме такого страстного поиска нету. И в неоплатонизме, который тоньше, тоже нету. У Плотина, у Прокла — «умное восхождение». Как у индусов. Техника духовная, видимо, была очень сильна, люди действительно погружались в чистый Ум. Но — ни малейшего сознания своего греха, ни малейшего сознания грехопадения. Плакать не о чем. Все само собой сделается. В связи с этим нужно толковать и платоновское опровержение деизма.

Потом, с судьбой они тоже не умеют обращаться. Судьба у

них высокая, выше богов в конце концов. Язычество безлично, и боги тоже должны управлять безлично, силою, которая сама не знает, что делает. Полный антипод христианству. Для христианина судьба — то, что неожиданно, случайно, второстепенно. Да, есть судьба, всё может неожиданно случиться, но на взгляд христианства «такова воля Божия»; по существу же никакой судьбы нет. И это недоступно Платону и Аристотелю. Греки доходят до чего-то подобного, например, в атомизме Демокрита. Гегель говорит, что демокритовский атомизм это принцип индивидуализации. Но абсолютная личность и ее священная история есть только в христианстве.

В «Законах», книга X, главы 14–15, Платон назначает смертную казнь — «и одной, и двух мало» — за нечестие, за непочитание богов. Он без дураков… За малейшее непризнание богов — смерть. Старческое? старческий стиль? Нет, не старческое. А просто — он натерпелся. Натерпелся! Настолько видел развал, что решил: всю эту сволочь пороть и на тот свет отправлять.

Откровения духа, данные в теле. Поэтому христианство считали безумием. Христианское откровение — абсолютнейший дух, явленный в абсолютнейшем теле. Неоплатоники тут бились, дошли до духовной характеристики, но всё

телесное у них тень и могила. Хотя у них была schone Individuality Винкельмана. И бились вокруг этого, и всё обреченное.

**6. 6. 1971.** Я много вечером не работаю, плохо сплю потом. Стараюсь поддерживать нормальное состояние. Так Асмус[42] делает. Он говорит: «Я вечером не работаю, для гигиены мозга».

Σάθων, περδεσθαη, χάςει все эти неприличия допускала киническая παρρησιά Σάθων, так звал Платона Антисфен. Так греческие няньки называли маленьких мальчиков.

9. 6. 1971. Видимо, «Законы» это наброски, которые Платон не успел свести воедино. Поэтому Филипп Опунтский имел только восковые таблички в своем распоряжении. Прожил бы Платон еще 3–5 лет, дописал бы. Но дело не в старческой небрежности. Старость ни при чем. Вот Рембрандт в 90 лет написал «Данаю», которая есть шедевр произведения искусства. Гёте тоже в 80 лет хотел жениться на шестнадцатилетней. Родители едва ее спасли. Старик совсем с ума сошел. Девчонка не знала, куда ей деваться.

У Платона здесь не старческое, а, как я пишу, «полицейское государство фашистского типа». Здесь новый взгляд на вещи. Философы у него созерцают идеи и так управляют государством, это уже в «Государстве». Там есть класс ремесленников, они не

рабы, а свободные люди, которые сами живут и кормят государство. Им дается полная свобода. Поэтому фашистские, или коммунистические, можно конечно делать выводы из «Государства», но это только в порядке реконструкции. А тут, в «Законах», другое. На тот свет, на тот свет за нечестие! За отсутствие веры — казнь. Попробовать убедить человека, и если он упорствует, смертная казнь. При этом все обязаны доносить, а то считаешься соучастник. Смертная казнь на каждом шагу. Особенно рабам, но и свободным, им тоже наказания, высылка. Поэтому я назвал «Законы» «полицейско-абсолютистским завершением». А не «последний этап творчества Платона». Это было бы не по-лосевски.

Ты же переводчик, ты должен знать… В переводе вопросы стиля важны. Понять дело маленькое. А передать на другом языке, вот что трудно. Всякий

язык неповторим. Поэтому для переводчика нужно и максимальное соответствие тексту, и общепринятый литературный стиль.

Возвращаясь к абсолютизму Платона. Фашисты в Киеве пятьдесят тысяч сожгли в один прием. А где-то сто тысяч, в Польше. Вот тебе демократия, социализм! Ведь это же социализм называется[43]… Так здесь: добродетель, почитание родителей, всё чинно и благородно, а потом, раз ты неверующий, в кутузку тебя, не платишь налогов — за границу, народил больше детей, чем нужно — высылка. Пять тысяч сорок граждан должно быть в государстве, ни на одного больше.

А эти либеральчики, 19 век, немецкие филологи, которые создали филологическую науку, не удосужились изучить «Законы». Одни курьезы там находили. Ерунда, дескать, смертная казнь. Но — не ерунда в историческом плане! В первой половине четвертого века, в разгар классики один из крупнейших умов — и такую вещь говорит! Не важно ли? Все упражняются на моральном возмущении. Когда описывают рабство, говорит Энгельс, то только возмущаются и при этом думают, что произвели научный анализ. Всё это возмущение уже так обесценено. А ты скажи-ка лучше, что это такое, платоновские «Законы», чем они отличаются? Возмущение еще не наука. Ты хочешь равноправия, показываешь свою добродетель, только и всего.

А. Ф. надолго остановился на X книге «Законов» (религия) и быстро написал об XI и XII.

А. Ф. пьет валерьянку, волнуясь перед защитой диссертации Нины Павловой.

**10. 6. 1971**. Теперь, положение такое, что нельзя его (И. М.

Нахова) слишком ругать. Я говорю мало, редко и совершенно точно о связи с социально-историческим процессом. У меня все это продумано. Я-то могу раздробить его совсем, так что он не пройдет. Дробить его не стоит. Я дробил за свою жизнь много диссертаций [44]. Всё это были чужие люди, источников у них не было, только бытовое обыденное.

А тут источники… Дробить не стоит. Конечно, то, что он пишет, против моей методологии и твоей, мы все-таки люди семидесятых годов. Но по крайней мере вместо голого противоречия он теперь находит в киниках и положительное, и отрицательное, его заслуга.

Конечно, чувственное как единственная основа знания… Получается текучка, рационализм. Ведь на самом деле нет ничего без идеи. Раз ты сказал «штаны» — они же имеют назначение! смысл! А если никаких идей, если у тебя нет ничего кроме чувств? Текучка будет, такая, что одно от другого не отличается. Я тебя спрошу о чем-нибудь: «Чем эта вещь отличается?» И ты, определяя, показываешь ее идею. Лампа освещает комнату; это уже идея, свет, хоть и на земле, неважно, он такой же, как и на небе. Киники философы липовые, не очень-то разбирались во всем.

Но так, как он их разбирает, это можно: не голое противоречие, не так, что идеализм однозначно плохо, а с учетом его достоинства; и то и другое, положительное и отрицательное. Поэтому давай исправим свой отзыв в смысле более вальяжного отношения к автору. Текучка, конечно, это скверно… Даже сенсуалисты до такого не доходили, как киники. Для сенсуалистов вещи всё-таки есть, отличаются одна от другой. Правда, идеи у них находятся в самих вещах. Но не так, чтобы вообще не было идей.

Мы всё уничтожили — и превратились в кафров. Они делать ничего не могут. Нанимают их на черную работу. Они, правда, постепенно выучиваются, и вот уже вам черный профессор. Один из кардиналов у папы негр. И к нам сюда приезжают негры профессора. Они ничем не отличаются от европейцев. Но это при хорошей культуре. А если молодой человек насилует девицу, а потом бросает с 10 этажа — такие случаи были, и советское правительство не решалось их судить, отправляло на родину, чтобы там судили, а тут не решались судить… Поэтому ни один негр, который убил девушку, не сидит в концлагере.

Эксплуатировали рабов потому, что те ничего не умели. Он неимущий, и он вне государства. Овца у волка находится в полном подчинении, потому что он ее может разорвать моментально. Но неимущий постепенно поднимается. Ранние

христиане были люди простые. А вот уже Иоанн Златоуст профессор, который наизусть знал Платона и Аристотеля.

Нельзя же быть такому, чтобы все были одновременно культурные. Как ребенок, человек сначала говорит глупости, а потом учится. Как же иначе? Там на юге Африки негры должны быть наравне с англичанами — и американцами? Это же иллюзорно. Одна часть населения всегда растет, другая отстает, но это не значит что цивилизация есть эксплуатация. Люди ничего не умеют, вот их и берут на черную работу. А когда они вырастают, они тоже привыкают к культурной среде, так называемой буржуазной. Это же естественный рост человечества. Так и рост каждого человека. Сначала дети, сперва они ненадежны, глупы, спичками играют. Покамест им 3–4 года, за ними надо следить и они должны подчиняться взрослым, иначе катастрофа. Надо купать их, стричь. Потом в 20 лет молодой человек уже будет экзамены сдавать. А в 23 года вуз кончит и будет нормальным человеком цивилизации. А так что?

**12. 6. 1971.** Я никогда ни строчки о Флоренском не писал. А в 1926 году у меня…

Что нового в «Законах»? Три класса населения — это и в «Государстве» есть. Но здесь, в «Законах», появляется полиция! Тут тебе не какой-нибудь «Евгений Онегин» или балет в Большом театре, а хочешь не хочешь, ты, мерзавец, должен плясать законы, вытанцовывать. Отсюда и ужасающая регламентация. Всё регламентировано до последних мелочей. В государстве должно быть ровно 5 040 граждан. Такая кибернетика, что предписан механизм, и ты хоть убей, а должен так жить.

Ну, правда, в «Государстве» над поэтами тоже осуществляется цензура, браки планируются как на конном заводе. Но в «Законах» такое декретирование, такая полиция, что тебе в душу лезет. Ты должен быть воплощением закона, чтобы не просто исполнял, а танцевал бы его. «Надо жить веселясь» — а какое же содержание этого веселья?

Всякий гуманист сторонник свободы. Да, конечно, свободному существу все можно, но всё-таки лучше жить осуществляя абсолютные идеи. Все великие системы так говорят. Однако огромная разница в степени напора. Можно исповедовать общее бытие, разрешая всё же при этом какие-то слабости. Искусство слишком органично, чтобы всё ставить на принцип. Видишь ли, принципа одного мало…

Принципы хороши, но зачем же расстреливать людей. От «Государства» в «Законах» отличие не принципиальное, не в идеальном принципе, а в способе осуществления принципа. До общности жен в «Государстве» уже дошло. Но в «Законах»

бесконечно больший зажим. Теория та же, но теория дается в полицейской форме. С доносами и так далее.

Я, например, человек верующий, но я не могу расстреливать неверных. Я даже уважаю некоторых атеистов. Но есть атеисты преступного типа. Если им дать власть, они установят чистенькую площадку такую, уничтожат всю веру. В «Законах», по Платону, ты с атеистом поговори, убеди его, а если после всего он скажет, что не верит, ты его казни. Я прожил всю жизнь без убийства и надеюсь умереть тоже не убивая. Вера начинается с того момента, когда ты знаешь, что Бог добр, что Он есть абсолютная любовь, и при всем том мир лежит во зле. А до тех пор, пока ты этого не принял, ты неверующий. В крайнем случае ищущий. Правда, искание вещь неопределенная. Можно искать, искать и найти филькину грамоту.

Человек не знает, откуда он, куда он; он бывает здоров или болеет, терпит удачу или неудачу, как жизнь пошлет. Так получается, что действительно все мы куклы. Знаем мы много, но можем поступить без всякого разума и часто неправильно поступаем. Последних причин того, что с нами происходит, мы не знаем.

**13. 6. 1971.** Пока я не умер… Я старик, эстетик, у меня есть «Диалектика художественной формы», которую сейчас можно переиздать без изменений. Поэтому я собираюсь об эстетике писать. Есть у меня и другое в запасе. Но если высшие силы потерпят мою греховность и еще подержат на земле, то я писал бы по эстетике. Я же много раз читал по эстетике. Классицизм, романтизм, столетняя эпоха модернизма, 19 век у меня в общем целый — всё это проработано. Может быть, мы дернем, в эстетическую область снова окунемся?

У меня в философской энциклопедии огромная статья «Эстетика». Они ее изуродовали, довели до неузнаваемости. Но кто знает Лосева, почувствует мои взгляды.

Я хотел бы… Многие мне сочувствуют. Правда, здесь сталинисты примазались, у меня с ними контакт маленький. Но все же какой-то есть. Словом, я, в частности, об эстетике техники хотел бы написать.

«Поэму экстаза» Скрябина слушайте — и молчите.

Ставили «Валькирию»[45] Вагнера — так критики что угодно пишут об исполнении, о голосах, но только не о самом Вагнере.

Спрашиваешь в библиотеке Библию: занято. Вранье! Кем занято? И в читальном зале — я там много просиживал, когда еще лучше видел, — тоже говорят: вы придите, позанимайтесь какое-то время, а потом отдадите. Ты и читаешь, а через месяц уже обязан сдать. Такие были порядки.

Ревность? У Флоренского в «Столпе» есть целая глава о ревности, где он доказывает, что это высокое чувство. В быту оно извращено, а вообще ревновать — значит, ты заинтересован, за это готов сражаться.

«Законы» Платон писал с 354 до 347 года и не кончил. Задание: (1) Привести 10 примеров диких наказаний. (2) Признание рабства, впервые у Платона. Основания: (а) раб не имеет разума; (б) он имеет какие-то права, но низшее существо; (в) отношение к рабам, с ними нельзя дружить; (г) дикие наказания для рабов, хотя и свободным, правда, тоже дышать нечем; (д) но, кажется, причина рабства не экономическое положение, а сословно-правовое: некуда деться, вот он и обслуживает другого, а сам может быть даже богат. Штаерман[46] пишет, что были интеллигенты, богатые люди среди рабов, имеющие собственных рабов. Рабство в широком сословном понимании. Раб это человек в особом положении. Он отвержен государством. Попал в такое положение на войне. У греков было презрение к рабам за то, что они сдались в плен. Из рабов иногда была полиция; Энгельс писал: аристократу было противно жуликов ловить и пьяниц. Рабы однако не машины, и кажется, что у Платона как раз эта точка зрения. Отпуск рабов на волю.

**16. 6. 1971.** Платон дошел до коммунизма. В требовании веры дошел до Евангелия; только христианину в вере надо каяться и просить о спасении души, а у Платона — плясать и петь. — Да между прочим и у нас ведь какой-нибудь композитор, вроде Хачатуряна, он же пишет «Уборочная», целая увертюра, красивая. Потом, каждый день ты можешь слышать по радио воспевание

крестьянского труда, трактора. В Художественном театре идет пьеса «Сердце не прощает». Романтическая. Одна моя знакомая пошла, посмотрела. Там жена поступила в колхоз, а муж не хотел, уехал; потом приехал обратно, но женское сердце не прощает. Развелась, или отношения сложились плохие. Это ж по Платону! Платонизм!

Свидетельство раба принималось лишь под пыткой. Если пытки не было, адвокат мог отклонить показания. Это в свободных Афинах! Сократ разговаривает с учениками; скоро будет его казнь. Пришел начальник тюрьмы и с ним мальчик раб, который нес яд. Сам начальник тюрьмы не брал яд в руки… Ха-ха. Смешно! Смешно, хотя и трагично.

Шпана всех не шпанистов называет фраерами и использует.

**19. 6. 1971.** В связи со скифами-полицейскими в Афинах и государственными рабами в детских домах у Платона А. Ф.

вспомнил негра-телохранителя Кеннеди-младшего[47]. Кеннеди, они же защитники негров. И тот погиб, и другой погиб. А власти не знают, кто убил, или делают вид что не знают. Как это может быть, что была комиссия Уоррена, 30 томов следственных документов, всех опросили, и решение вынесено такое, что убийца неизвестен. Значит, враги есть очень страшные, нельзя публиковать, а то голову оторвут. (Мне надолго сделалось жутко и страшно от этих слов.)

Это счастливый момент моей жизни, когда я получаю эту бумажку (с рабочими заметками, которые перечеркивались по мере использования), прячу в карман и при случае кидаю в ведро мусорное, чтобы не смущать моих сотрудников.

**20. 6. 1971**. Аза Алибековна: Петрушевский был учитель гимназии? — Нет, историк[48]. — Его кажется Ленин костил. — Да… А кого Ленин не костил.

Просят статью о методологии для сборника «Методология современного и исторического искусствознания». Только почему современного? Это, очевидно, для Главлита. (А. Ф. произносит подчеркнуто небрежно глафлит. Еще характернее в его произношении ЖЭК: джек.) Может быть, дать мои старые материалы… Я хочу широкому читателю напомнить, что не надо относиться к

античному тексту как священному. Он иногда попорчен, а широкая публика преклоняется перед каждой буквой. Надо поблагодарить за состояние текста тех червей и лягушек, которые там ползали и прыгали.

Лето я хочу отдохнуть, потому что я тут чуть не подох зимой.

Докторская защита состоит из одной формалистики, сама по себе она пустое дело. Начать с того, что без кворума диссертация провалилась, так что надо сидеть, изображать из себя кворум. Я ухожу при всякой возможности в другую аудиторию, и пока они так канителятся, я успеваю с несколькими человеками переговорить.

**24. 6. 1971.** Как всегда тихо в кабинете Лосева. Речь зашла о том, что человек в себе должен найти руководство. Надо, чтобы самому нравилось то, что ты делаешь. «Ты сам свой высший суд.»

Я спросил А. Ф. о Пушкине.

Пушкин? Как поэт он неплохой, а как человек… он по натуре мещанин, вел себя в молодости как разгульный мальчишка. То пьянствовал, в 18 лет заработал белую горячку, с декабристами путался, а они его считали хлыщом, ненадежным. Он нигде никогда по-настоящему не служил, финтил, метался, менял увлечения… Потом женился, правда, имел много детей. Но тоже, семейный человек, сделал глупость, затеял дуэль… Это шпана.

Выродившееся дворянство. Однако стихи — хорошие. Сделал он, правда, не так много. Вот вещь, «Борис Годунов». А то — стишки, две-три поэмки, читать нечего. Но одаренность большая… За что его люблю — за напевность, немногие имели такой дар. Поэтому когда спрашивают, проза у него или поэзия, то все-таки поэзия.

Был поэт не менее одаренный, Бальмонт. Он мог писать прямо набело; легчайший стих, воздушный. Пушкин и Бальмонт — нет, легче их, поэтичнее никто не писал, и в смысле стиха, и в смысле словотворчества.

А Есенин? Что в нем такого? Не выношу. Алкоголик безнадежный, имел 20 жен, от всех имел детей, и милиция его сколько раз на улице поднимала — не выношу…

Да, Блок — не менее одаренный, тоже спился. Он был по политическим убеждениям эсер, ему поручили при Керенском проводить следствие в царском дворце. Наивность, хотели найти какие-то обличительные документы. Он там

что-то описывал, возился с доносами. И тоже сдох сорока двух лет от пьянства. Я таких не люблю.

— А кого вы любите? Тютчева.

— Не слишком ли он далек от жизни?

Рекомендую, с Вячеславом Ивановым ознакомься, если еще не знаешь. Возьми его «Cor ardens», возьми… «Прозрачность», «Кормчие звезды». В эмиграции он написал «Свет вечерний», чудные стихи. Твое это мещанство и твой быт, которые преклоняются перед Пушкиным, — это глупость. Конечно, Вячеслав Иванов поэт для избранных, надо глубоко читать, уметь понимать. Каждый стих у него образ. А это?..

*Я помню чудное мгновенье —*
нет образа.
*Передо мной явилась ты —*
нет образа.
*Как мимолетное виденье —*
пошлый образ.
*Как гений чистой красоты —*
пошлятина.
*Передо мной явилась —*
банальность.

Как гений — банальность, ничего не видит, никакого образа.

*И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь —*

гаже. Хорошее стихотворение, но — не поэтическое. Он издеватель, у него на все только пшик, ходит, поплевывает на всё:

*Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог, Он уважать себя заставил И лучше выдумать не мог —*

никакого образа.

*Но, Боже мой, какая скука С больным сидеть и день и ночь Не отходя ни шагу прочь!*

кончается тоже полной пошлятиной. Племянник сидит у постели больного дяди и думает, «когда же черт возьмет тебя» — что за сволочь! И так там всё.

*Месье Жаке, француз убогий, Чтоб не измучилось дитя, Учил его всему шутя,*

и так далее, проза и издевательство.

*Его отец понять не мог… Бранил Гомера, Феокрита, Зато читал Адама Смита —*

пошлятина и проза и издевательство. Над всем издевается. Только вот Татьяна более или менее прилично. Ленский — так он над романтизмом Ленского издевается. Отвратительное произведение, «Евгений Онегин», отвратительное. Кроме Татьяны, всё остальное пошлятина. Безобразие.

Ну, «Борис Годунов» конечно классика, серьезная вещь. Но ведь и тут тоже над всем издевается. Митрополит жалкая фигура. Чтобы со слезами умолять царя, люди трут луком глаза. Так что это окружение царя все насквозь пошлое.

Только сам Борис Годунов сделан более серьезно. Но опять же: тема взята не по плечу, тема шекспировская, а что там шекспировского?

И так всё. Или быт, или пошлость, или наплевизм. Поэт хороший, но не настолько, чтобы я перед ним преклонялся. Эпиграммы эти дурацкие, до неприличия грубые, хотя сам-то он барин. Стремился к народу, и если бы не погиб на дуэли, это был бы Некрасов в 60-х годах. В то время как Лермонтов это был бы Достоевский.

Последнее занятие перед дачей, А. Ф. дает задание по 'Ьягуоцц («Послезаконию») Филиппа Опунтского. На полстранички вступление — или на страницу, — потом композиция диалога. Вступление: кому принадлежит сочинение, на основании чего мы так думаем; хотя это и не чисто философское произведение, тем не менее присоединение его к Платону идет с древности, и оно настолько характерно, что и все цитируют «Επινομίς» как платоновский. Сначала без заголовка пойдет вступление, а потом, когда перейду к композиции диалога, сначала введение, всего может быть три-четыре римских цифры, потом с абзаца — арабские, но с указанием номеров страниц. Может быть, будет заключение, а не будет — не надо.

Критические указания к «Επινομίς». Указать на что-нибудь новое, отметить термины новые, места неясные, 5 страниц. Или 4–6. Сам диалог очень маленький. А композицию дать подробно.

Если критические замечания будут не в моем плане, тогда перепишем.

Мудрость в «Послезаконии» исключительно космическая. Всё должно подражать небу. В этой мудрости очень мало духовного и мало возвышенно личностного. Само-то небо, конечно, возвышенное, но в физическом смысле слова. Небо жилище богов, высокое, гармоническое, но духовности я в этом не вижу, личности нет, личность пробивается очень слабо. Чувство греха, слезы, покаяния, исповедь, интимность чувств — всё это чуждо Платону, и Плотину тоже. Но кое-что пробивается, например речь Алкивиада в «Пире»: «Сократ, ты мне жить не даешь, ты со мной всегда… От тебя некуда деться, ты мне противен, ты меня разоблачаешь, хотя…» — тут покаяние, исповедь, раскаяние, личность пробивается. Конечно, не сравнить с христианством. В христианстве человек гибнет в яме, вылезти сам не может, молит об искуплении. Христос его спасает. Тут и слезы, и исповедь. Открывается другой мир.

У Платона, я говорю, всё это отчасти тоже есть, но у него всегда присутствует вечный фон: свет, небо, идеи. Личность там дана в спокойных тонах, нет чуда, слез. В христианстве почитается Мария Египетская, которая была проститутка, грешница, как Мария Магдалина. О Марии Магдалине мало что известно, а о Марии Египетской есть жития, расписанные более подробно. Ей сказали однажды, что пророк тут один появился, ты бы пошла посмотрела на него; кто знает, исправилась бы жизнь. Да что смотреть, отвечает, пустяки. Однако пошла. Как привели ее к Христу — она едва взглянула, пала ниц, сразу стала каяться, потом ушла навсегда в пустыню и так в слезах и покаянии там умерла. Ее память совершается на страстной неделе в среду. Житие написала инокиня Кассия, так ярко написала, куда тебе Достоевский. Тут полное превращение человека через раскаяние. Другой образ христианства — это разбойник на кресте. Низкая, позорная казнь. Самой низкой смертью Христа умертвили, и его тоже. Перед смертью он произносит только одну фразу: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». И слышит ответ Христа: «Днесь будешь со мною в рай». Вот такие переживания чужды античности, абсолютно чужды. Ну, в античных трагедиях плачут, но этой духовности, этой личности в язычестве нету. Поэтому в «Послезаконии» холодное небо. В христианстве «несть человек, иже жив будет и не согрешит», и христианство серьезно относится к этому и к покаянию. В античности слез покаяния нет. Я должен быть точеным, правильным, как звезды. Нет места для греха.

Аристотеля превозносили католики, понимая его формально-философски. Они Аристотеля используют, чтобы стройно было

всё в догматике. Платону, правда, объявляли анафемацию три или четыре раза за язычество. Отцы Церкви — они пользовались и Платоном, и Аристотелем, и неоплатониками, потому что выше этого не было мысли; но применяли всё по-своему.

Мысль Платона и Аристотеля, наверное, сильнее всех. Наверное, сильнее Гегеля. Явление редкое в смысле мышления и логики. Чудо-иищное явление. Платона «Парменида» ведь читать невозможно[49]! Это же трудная вещь! Я вот несколько раз читал, и всегда вижу что-то новое. Но я же на этом собаку съел. А другие, прочитав страницу, бросают.

«Языческие добродетели для нас — блестящие пороки», говорил Августин. Ахилл герой, мужественный воин, но какая там у него добродетель, если он истерику задавал как последняя какая-нибудь баба. Потому все эти античные добродетели только блестящие пороки, гениально сказал Августин. Сам он был долго язычник, потом крестился, но глубоко пережил христианство. Он всё перевернул, приобрел огромный авторитет. И в его «Исповеди» появляется уже настоящая личность, первая в истории. У Платона и Аристотеля невероятно тонкая мысль, но они далеки от христианства.

А нужен мне отдых… Совсем не сплю…

**26. 6. 1971.** Письма Платона. Раньше считали, что они не платоновские; теперь пятое, шестое и седьмое признаются подлинными. Кондратьев[50] был переводчиком этих писем. Он переводил еще «Дафнис и Хлоя», Павзания, Прокопия, византийского историка, два тома. Кондратьев, хотя глубоким стариком умер, не успел отчеканить перевод писем.

Terminus ante quern — знаешь что это такое? Крайняя дата, до которой нечто совершилось. [51]

**3. 7. 1971.** У Платона идея иногда существует прикровенно. Идея ведь вид не только внешний, но и внутренний.

Подражание категория диалектическая, потому что вещи подражают идеям.

Κλωθω— прядущая, Λάχεσιζ— дающая по жребию. Значит, имеется в виду нить определенного размера?

Это вздор (что нельзя повторяться)! Потому что они понимают статью как таблицу логарифмов[52].

14. 7. 1971. Веды превосходят Гомера. Но Гомер превосходит Веды историзмом. Винкельман говорил (А. Ф. скандирует): «Впервые Гомер дал повествовательное изложение эпоса». Так называемые гомеровские гимны только приписываются Гомеру, на самом деле они более поздние. Вересаев их переводил. Гимн III — рождение и проделки Гермеса. Чего там только нет.

Это счастливый момент моей жизни, когда ты мне даешь эти бумажки. (Неделями составляем заготовки, потом вставляем их в рассчитанное место, и бумажка, над которой так много работали, не сохраняется.) Счастливый момент, уничтожаю с наслаждением. Какое удовольствие, взять и повесить на гвоздик, чтобы завалу и хламу не было.

Я работал безумно, и днем и ночью, не считаясь с едой, ни с чем; просидеть десять, двенадцать часов подряд мне ничего не стоит. Так вот получилось, что… Рефлексы нервной системы извращены, а не истощены. Я человек здоровый, не истощенный, могу кулаком дубасить по стене. Для человека неестественна научная работа. Какое животное будет десять часов сидеть в Ленинке? корректировать книгу в 900 страниц? Научная работа естественна до известного предела — я его перешел. Я был слишком сильный и здоровый человек, и я тогда плевал на всё это. Теперь — снотворные не помогают.

Теперь, когда я сдал третий и четвертый том, и всё это сделал я от летних занятий до 1 февраля, два тома, по 45 листов — сейчас редактора читают и обещаются осенью пустить в набор, — я вижу, что очень пересолил, с апреля хожу больной. Руки-ноги болят. Восстановить нервную систему надо. Расстроить ее легко, а восстановить… За эти недели, как я здесь, ничего я еще не восстановил.

А тут прибавилась наховская диссертация. Я с большим удовольствием и пафосом делал о ней доклад на защите. Но после всего напряжения работать как-то не хочется. Зима была тяжелая. Теперь надо заткнуть фонтан красноречия», как говорил Козьма Прутков, ибо и фонтану надо отдохнуть».

Понятие античного раба — сложное понятие. Теперь так разъели его… Что будто бы античный раб это животное, при котором нужен погонщик, это ты оставь. Там же все воспитатели, учителя по-нашему, были ведь рабы.

Я всегда поражался скороспелости этой культуры. Один 5 век всё вместил.

На классическую Грецию дай Бог 50 лет падает. Это Виппер говорил. Я и сам тогда думал — что такое классическая Греция! Сначала это же ничтожество! В 6 веке — ничто, в середине 5 века — расцвет. Это загадка, между прочим, мировая загадка для историка. Я вот не знаю, как Тойнби об этом думает. Он ведь глубокий. Тут у него наверное какое-нибудь объяснение глубокое. Я думаю, Тойнби, который написал 12 томов истории культур, знает. Хотя он первоначально специалист по истории Рима. Когда стал знаменитостью, стал писать эти тома, где у него вся мировая история расписана по 21 культуре. Из этих культур некоторые, правда, абортивного характера.

Я бы тебя заставил Тойнби читать, но слишком много на руках дел.

Homo homini tignum est[53], а не lupus. lupus — это слишком роскошно.

Путаница у Пиррона. Сам он был жрец[54], а учил скепсису, утверждал, что мы ничего не знаем о богах.

Малеин, латинист. Его фамилия от греческого города Μάλέια. Н. В. Брюллова-Шаскольская ученица Малеина. [55]

Театр… Расфуфыренные женщины… Античный театр, великая культура.

Элеаты — Парменид, Ксенофан… Ксенофан учил о едином бытии.

Киренаики — гедоники.

Жить-то надо, но ты не уверен…

По Платону и Аристотелю вещи даны прямо, а у скептиков — они даны-то даны, но в сознании преломляются, искажаются. Античность в целом, конечно, признавала существование вещей. Скептики тоже говорили: или я признаю объект и ищу его, или объекта нет.

У Фихте всё вытекает из Ich, из внутреннего субъекта. Фихте, ученик Канта, принял от Канта непознаваемость вещи в себе. Кант говорил, что мы не имеем интуиции Бога, души, мира. Когда начинаем обо всем этом рассуждать, наше сознание рассыпается на противоречия. Но идеи Бога, души, мира необходимы, потому что без них невозможно ничего знать. Бог необходимо существует как принцип единства и целостности мира, иначе мы лишимся

мира. Поэтому — душераздирающее противоречие у Канта. С одной стороны, Бог существует априори с необходимостью, с другой — Он нам не дан никаким постижимым образом. Идея Бога есть таким образом регулятивное, но не конститутивное начало. Такая идея придает наблюдаемым вещам общность, единство. Так мы, например, говорим в целом об античности, о Средних веках и т. д. Мы умеем схватывать целостность явлений. Но признавать такую целостность еще не значит познавать Бога и тем более верить в Него. Кто же тогда Кант? Атеист? Ничего подобного. «Я, напротив, — говорил он, — хочу освободить веру от разума. Она должна верить свободно». Тут конечно у Канта путаница. У Гегеля здесь нет никакой путаницы. Абсолютный монизм.

Что же такое у Канта душа? и Бог? Они вещи в себе? Тогда я их не познаю и

в принципе не могу познать! Какая в таком случае у меня может быть идея? — Споры вокруг этой путаницы у Канта длились десятилетия. На Западе эти споры не прекращаются по сей день. Кант забил тут такой гвоздь, такой осиновый кол, что до сих пор неизвестно, как его надо понимать.

Поэтому Фихте, принимая это всё у Канта, говорит что вещи суть категории субъекта. Стоило после этого субъекта отбросить и оставить только категории, как получился Гегель.

Кант одной ногой стоит в 18 веке, своим дуализмом. Но он уже почувствовал, что в основе вещей есть что-то дубовое, непроницаемое. Он сделал много, но из путаницы не вышел. Канту говорят: смотри, люди молятся, значит есть Кто-то, кому они молятся. А он: разве я говорю что Бога нет? Научно я доказываю невозможность постичь Его, но ведь рациональное познание еще не всё. Есть область морали, в ней правит категорический императив. Он есть нечто субъективное, но и объективное тоже. Мы бы вместо категорического императива попросту сказали — совесть. Благодаря совести человек впервые знает, где добро, где зло.

Категорический императив у Канта это абсолютный критерий, который находится в самом же субъекте. В области морали можно обойтись без разговоров о Боге. Конечно, с объективно-исторической точки зрения мораль имеет ближайшее отношение к Богу. Но мораль ведь может быть и без Бога, например социализм, который учит, что правильно в человеческих поступках, а что неправильно. Руководясь каким-то критерием оценки.

Постой, щас, постой, Володя, я сейчас придумаю, что-то я хотел сказать…

**18. 7. 1971.** В Грузии идет подготовка к изданию «Первооснов теологии» Прокла. А. Ф. рад.

У них был Иоанн Петрици; это 12 век, грузинский неоплатонизм. Петрици считается продолжателем Прокла. Хидашели[56] написал о нем книгу «Мировоззренческие течения 12 века». Грузины мне заказали перевод «Первооснов теологии» для внутреннего употребления в их институте [57]. Будет указано: «Перевод Лосева». Для них эта вещь

Прокла имеет гораздо большее значение чем для русского мужика, который больше пьянствовать всегда был расположен чем Проклом занимался.

«Первоосновы теологии» важный трактат. На Востоке от него зависят Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов. На Западе Иоанн Скот Эригена, Фома Аквинский, который увлекся и Ареопагитом, и этим трактатом. Николай Кузанский в 15 веке базируется на нем. Поэтому Средние века нельзя изучать без этого трактата.

Только Лосев в России занимался этим периодом. Остальные отделывались: магия, мифология. Но если Прокла отбросить, то и Платона надо отбросить. Как различить, где у Платона философия, где религия? Народных богов, конечно, Платон, да уже и Сократ, не признавали. Переделывали. Например, Эрот у них — чистейшая философия. Учение о круговращении душ философски трактуется в смысле мироустройства. У Платона очень много гениального и интересного. Но в нем так мощно била эта сила гениальности, что он не мог свести всё воедино. Ни Аристотель не мог.

А неоплатоники — у них продумана каждая строка Платона. Десятки комментариев! Во — такие томины! И всё немцы издали, Прусская академия наук. Каждое платоновское слово для неоплатоников божественно. Каждое истолковывалось бесконечно глубоко. Сейчас, конечно, к платоновскому тексту относятся трезвее. Но и я тоже думаю, что не может быть, чтобы такой гениальный человек так небрежно иногда писал. Тут явно не обошлось без ошибок переписчиков.

Редактор солидный, Моисей Исакович Иткин, редактировал мой перевод Στοιχείωσιζ θεολογικη «Первооснов теологии». У него был в распоряжении и Доддс. Иткин всё это тщательно сделал. Но всё-таки еще раз посмотреть надо.

Философы в Грузии мои хорошие знакомые, отчасти даже приятели. Я решил печатать «Первоосновы теологии» там, место есть.

Я, как страдавший много и ущемленный, и отдельными

людьми и издательствами…

В поле влияния А. Ф., среди его аспирантов, расширяется филологическая работа. Он внимателен и хорошо расположен к ней. Саша Дорошевич, говорит он с уважением. Его жена, Наташа, написала диссертацию «О типах античной буколики».

… Миллионы погибли в лагерях. Всего в целом пятьдесят миллионов

погибло в сравнении с тремя тысячами Робеспьера. Не снабжали во время войны. В чем дело? тип людей виноват? Нет, всякого типа люди пришли к власти. Чичерин дворянин, Ленин дворянин. Просто такой период истории пошел — алогический, зверский. Дирижер управляет палочкой, Ленин оглоблей. Куда повернет… Оглобля и Сталин. По нему формировался целый тип людей.

Наполеон вешал людей, города сжигал. Гитлер, Сталин, Наполеон — рядом с ними не было других таких деспотов. Наш Николай I, это же был сплошной либерализм. После восстания декабристов пять человек повесили, 150 сослали. Небывалый либерализм. За Пушкиным ухаживал. Такой же был Николай II, когда вся Россия гремела против православия и собрался вооруженный лагерь против самого Николая II. Когда Трепов был в Одессе, одна эсерка убила его шестью выстрелами в грудь — раз, два, три, четыре, пять, шесть, — и ушла[58].

А сейчас в Америке какая преступность! Хлопают президента. Убийца неизвестен![59] Но ведь этого же не должно быть! Хлоп еще — брата президента. Убийца известен, это женщина-палестинка. С ней гуманно обращаются. Небывалый либерализм; результат высокой оценки личности. — Рассказывали о палаче, который расстреливал людей. У человека рыбьи глаза, пустота во взгляде. Спрашивают его, сколько убил; говорит, сколько волос на голове. Это действует обостренное чувство личности в нашей цивилизации. Нельзя убить безнаказанно. Личность вообще нельзя убить.

На Востоке иначе, там нет чувства личности. Власть человека режет как лимон. Японцы почему идут в огонь, когда им прикажут? Чувства личности нет.

Разговор Алексея Федоровича с редактором Платона в издательстве «Мысль», Сесиль Яковлевной Шейнман-Топштейн. Уступки А. Ф. в мелочах и огромная настойчивость в главном. «Платон отказался от учения об идеях? Да, но только в бытовом смысле». «Полицейско-абсолютистское завершение эстетики Платона» — да, мы должны говорить именно так.

Когда А. Ф. диктует, его мысль вращается в области,

неподверженной чувственной судороге. Мысль не связана чувственностью, но при этом конкретна из-за привязки к идее. Абстрактные схемы перед такой мыслью легко падают.

**1. 8. 1971.** Кепка[60] есть единое и непознаваемое. С другой стороны, кепка есть множественное. Но в любом случае кепочность имеется в каждом моменте кепки, одновременно и везде, одинаковая и неделимая.

… совсем нефилософское значение — районное что-то.

Платон более объективен, а Демокрит — идеалист.

Прижали, но конечно не как при Сталине. Надолго? Ненадолго. Очень меняются времена. С Солженицыным у властей полное поражение. У него везде адвокаты, везде его печатают. Солженицын пишет вполне по-советски. Единственная разница в том, что он пишет картины, которые мы скрываем. Это просто реализм! Зря его гонят. Так Хрущев глупо сделал, что уложил Дудинцева за роман «Не хлебом единым». Хвалить надо!

Хрущев вообще-то умный. Он поставил Россию рядом с Америкой. Вооружил, атомное оружие создал. Америка теперь не меньше, но и не больше нас. При Хрущеве была миллионная реабилитация. Он поссорился с бандитом Мао Цзедуном. Хрущев учел новые веяния. Но сама партия не доросла до того, чтобы печатать Библию в Госполитиздате. Печатают в Академии наук и не продают — это же смешно!

Я думаю, скоро все это должно кончиться.

8. 8. 1971. А. Ф. берется за тему стиля:

Меня интересует, первое: разграничение эстетического и художественного в стиле, и второе: классификация стилей. Хотя я тут не признаю никого, свою

Семья Соловьевых. Сергей Михайлович Соловьев, знаменитый историк. Владимир Соловьев, его сын, философ. Всеволод Соловьев, романист, написал «Вольтерьянцы», Поликсена Сергеевна Соловьева, поэтесса, писала под псевдонимом Allegro… Всё это у меня было, но пять тысяч книг погибло в августе 1941 года. Фугасная бомба попала в дом. Одна из самых больших катастроф в моей жизни.

У Allegro стихи грустные, благородные, далекие от суеты и красочные. Она поэт один из предсимволистов. Михаил Сергеевич был так себе, мелкопоместный публицист и переводчик. Но его сын Сергей Михайлович — крупный, исключительно религиозный символист. Он священник, католический, потом православный, потом католический, раза 3 переходил туда и сюда. Умер он пятидесяти трех лет, от мозгового заболевания, граничившего с психическим. Я в 20-х годах в Академии художественных наук,

где я работал, там с ним встречался. Личность глубокая. Это его метание характерно для катастрофы русской культуры и переходного периода. У него сборники стихов «Апрель», «Цветник царевны», «Возвращение в дом отчий». Светская душа, погруженная в хаос, возвращается в дом отчий. Один из лучших поэтов.

По Канту, долг исключает удовольствие. Шиллер даже говорил: я должен испытывать безобразное чувство, вот тогда я совершаю долг.

Там у меня (в предисловии к I тому «Сочинений» Платона) дается портрет, который был чужд пятидесяти годам советской историографии.

Когда мне дают пятисотстраничную книгу, я могу освоить ее в час или два.

Поэтому профан тот, кто спрашивает, видя большой список в библиографии: «Вы это прочли?» Словарь разве читается? И книга. Какой метод? какой стиль у автора? — это узнается сразу.

Когда переводчик переводит, он выходит за пределы языка и переводит речь и дает речь, а сам язык остается непереводим. Французы говорят comprendre, немцы verstehen, в обобщенном смысле то и другое, поскольку одно и то же, не речь, а язык, — в общечеловеческом смысле. В языке можно выделить физиогномические черты. К каждому слову можно написать комментарий на две страницы.

**9. 8. 1971**. А. Ф. втянулся в книгу о стиле. Лео Шпитцер, Карл Фосслер, Борис Владимирович Горнунг (Проблемы современной филологии, Москва 1965, с. 89). «Скажи пожалуйста, тебе ничего не говорит имя Бурон?»

Искусство это сила выходить за пределы искусства. Один разбойник оказался перед Богоматерью Мурильо. На миг только посмотрел на нее — и раскаялся, стал просить: судите меня за это, за то… Стиль действовал всегда. Он художественное явление, но за ним тайна, которая заставляет преобразовывать действительность.

Имена и идеи только ведь и действуют в жизни, ничего другое не действует.

Алоиз Ригль: у него сложилась первая формальная система изучения искусства.

Стиль деловой проповеди, стиль приказов. Дьяковские книги, дьяки писали приказы. Но Татищев писал своим стилем.

«Модель мира», это выражение немцы часто применяют в отношении античной литературы. Weltmodell (Рейнхард).

Поэт: надо изучать то, что он дает.

Тимофеев, член-корреспондент. Его учебники ходовые;

месиво ужасное. [61]

**10. 8. 1971.** Сейчас авторы Алексея Федоровича — Оскар Вальцель, Макс Дворжак, Генрих Вёльфлин. В стиле есть тайна, говорит А. Ф. Он хочет исправить позитивистскую односторонность австрийско-немецкого искусствознания. Стиль субстанция искусства, и у каждого художника тайна своя.

В настоящем искусстве есть момент эстетического становления, которое никогда не останавливается. В самом деле, почему картину смотрят несколько раз? Там струится бытие — становится, если говорить философским языком. Люди стоят перед Рафаэлем подолгу. Из его вещей постоянно эманирует субстанция. Теперешние исследователи бьются, стараются выразить, что здесь происходит…

Одного Веселовского год целый надо изучать.

Gestaltpsychologie превратилась в учение о символе, в учение о структуре.

Он (Андрей Белый) претендовал на роль Горького… Но это ему предоставить не могли. Ну, конечно, гениальный человек был в свое время. Один из последних обломков своего времени и символизма. При таком напоре и при такой живучести, как у него, мог бы еще двадцать лет писать.

Другой символист, Сергей Михайлович Соловьев. Его не тронули. Но он опасно заболел и умер и избавил советскую власть от необходимости писать ордер на арест.

Иванов остался заграницей и был заведующим русским отделом в Ватиканской библиотеке, преподавал английский итальянцам. Ни Белый, ни он не популярны. У них такая словотворческая сила и такай образность — кипучая. У Маяковского тоже словотворчество. Будем бить всех Луёв». Маяковский остался новатором и футуристом, не забывая себя и свою карьеру. Но все-таки его запретили и 1930–1934 годах в награду за то, что он так отчаянно прославлял Ленина и партию и революцию. Потом уж его родственники подняли бучу. Сталин в 34-м году разрешил пустить его. Достаточно было того, чтобы Сталин сказал о нем: «Один из величайших поэтов нашей эпохи…» И на другой же день пошли заказы из издательств.

**16. 8. 1971.** Троцкая. Я ее еще захватил. Дама парижского типа. Ни на что не нажимала, либеральничала.

Чудо. Поезд с Троцким.

Данте: тектоничность. Романская структурность и скульптурность.

18. 8. 1971. План выражения… В языке всё — выражение! Взять так называемые незнаменательные частицы. Например и.

Оно ведь может выражать любую семантику. В неспособности это формализовать беда математической логики. В языке всё декоративно и всё конструктивно. Язык не есть логика, язык есть коммуникация. Все и, все или могут нести разные нагрузки. А в математической логике фигурируют только пустые, неповоротливые, неэкспрессивные логические знаки. Происходит такое ограбление языка… В настоящем языке каждое слово имеет свою интонацию. В данном случае ты его так понимаешь, а потом наоборот. Перевод слова на логику это вздор. Не верь этой логический редукции. Тут провал структурализма.

Язык ведь бесстыден. Он коммуникация. «Ну, я завтра поехал на дачу». С точки зрения логики тут вопиющее противоречие. Но с точки зрения коммуникации прошедшее время применительно к завтра указывает на предрешенность действия, категоричность решения. «Пошли, пошли отсюда». Подождите, как же это так, еще никто никуда не пошел. Логически — противоречие, а коммуникативно очень большая выразительность.

Точно так же различение знаменательности и незнаменательности. Ничего в языке служебного нет. Или, наоборот, всё служебное. Почему я вообще употребляю в речи частицы? «Ты-то вот умён, а вон Семен — дурак». То здесь служебное слово? Нет, оно несет напряженную семантику. Я им подчеркиваю свою мысль!

Мандельштам погиб в этих советских хлябях. Его замучили и выслали. Замечательный был поэт.

А. Ф. слушает по «Голосу Америки» Солженицына.

Там есть комментатор Гольдберг, так он иронические выражения не употребляет. Наверное, это ценят. Он с уважением, даже с подхалимством говорит о советских руководителях.

В «Августе Четырнадцатого» Самсонов генерал не знает, какие у него части, где расположены[62].

Горлов ли секретарь у Солженицына?

Геннадий Николаевич Поспелов[63].

**1. 9. 1971.** В журнале «Вера и разум» была статья, посвященная символу. Этот журнал выходил с 1883 по 1917 годы. Там в 1893 или в 1892 году был издан указатель ко всем статьям за предыдущие годы. А потом, за последние 23 года?

А. Ф. говорит об участниках издания Платона. Всё-таки Аверинцев не философ. Хотя всё-таки он так, более или менее. Васильева из них знающая. Но самый знающий там, по-моему, будешь ты. Самого знающего человека не пригласили. — С Кессиди мы были даже приятели. Потом он начал на меня обижаться. Что я унижаю его нацию. Он расхолодился ко мне. — Утченко человек очень знающий в истории, но в языке — не знаю

как… Даже Аверинцеву там ведь не очень под силу. Ему приходится потрудиться. Тем более что Аверинцев, он ведь с завихрением. И Васильева тоже с завихрением. Они стараются всё по-новому переделать. У Васильевой очень самомнение заметно, напор большой. Она, конечно, окончила классическое отделение хорошо, написала диссертацию. Но ее в узде надо держать. — Ойзерман вообще ничего не знает. Его вовсе нельзя принимать во внимание. — Васильева очень борзая. Издательству она доставила много лишней работы. И то перевод вышел не на высоте. Кессиди так просто ляпает. Он уж к этому привык.

Аверинцев в четырехтомнике Платона перевел «Тимея». Отсебятины много. Ведь он тоже модернист и декадент. Мне и Сесиль Яковлевне Шейнман пришлось сплошь всё переделать. Она человек упорный, негибкий, но у нее есть одно достоинство, она знает язык. У нее была диссертация по Аристофану. Все трудные места она обсуждала со мной. У Аверинцева в переводе «Тимея» столько отсебятины, что что граничит с ошибками. Он путал γίγνομαι и γεννάω — γίγνομαι становлюсь, γεννάω порождаю. Что из того, что если соблюдать это различение, то у Платона появляется противоречие? Пусть! Я в статье по "Тимею» на все эти противоречия указал. У Платона единобожие уже носилось в воздухе. Сократ, Платон, Аристотель были монотеисты. У Платона противоречия? Ну и что? Кант полон противоречий. Аверинцев сам понял потом, что загнул. Он ведь по-настоящему знает только Фрейда да Юнга.

Утченко вообще этого ничего не знает. У него несколько диссертаций. Человек, конечно, очень почтенный, умеренный, не зазнайка… Умеет лавировать между вульгаризмом и модернизмом.

Переводить Аристотеля трудно. Я, например, переводил 13 и 14 главы «Метафизики». Сейчас смотрю и думаю: как я скверно переводил! Не знал того, что знаю сейчас. Много неточностей.

Аверинцев заведующий византийским отделом в Институте мировой литературы. Но ведь в Византии язык совсем другой. За Фому Аквинского он берется, за всё берется. Единственно только не может справиться с немецким идеализмом. Да и за него тоже брался. Но ведь «Философия искусства» Шеллинга трактат страшно трудный. Я свои первые переводы ценю очень низко. Сейчас бы я совсем иначе переводил всё. Аверинцев на меня за мои замечания обижаться не может. А то, что он берется за разнообразные вещи, — не хвалю. «Тем, что интересно, я и занимаюсь…» Но надо ведь ограничить себя[64].

О Плутархе его диссертация приличная. Наверное, и «Метафизику» переведет не худо. Кубицкий дул «Метафизику» с

Росса. Я в своей рецензии пишу: «Александр Александрович Кубицкий в большой зависимости от Росса». Но тут можно только похвалить. Было бы хуже, если бы мы сами стали тексты менять. Мы же живем на задворках, нас никто не признает, и мы никого не признаем. Сесиль дотошная и узкая, но зато она уже грубых ошибок не делает.

Теперь надо будет готовить Секста Эмпирика, это 31 печатный лист. Костюченко сказал, «будем очень заниматься».

Заглянем с тобой в Гринбаума, «Язык Пиндара с диалектологической и географической точки зрения»[65]. Гринбаум кончил Варшавский университет еще когда Польша была буржуазная, а не советская. Гринбаум единственный лингвист, работающий на греческом материале. Белецкий Андрей Александрович тоже, но он вялый… Гринбаум ученик Куманецкого.

**21. 8. 1971.** Важно вообще соотношение искусства с другими искусствами. Что говорит Отто Вальцель («Проблема формы в поэзии», Санкт-Петербург) о стиле и влиянии одного искусства на другое? Посмотри его «Стиль барокко в литературе» (в сборнике «Памяти П. Н. Сакулина», М. 1931). Изучи и сделай существенные цитаты.

Его же «Импрессионизм и экспрессионизм» (Петроград 1922) [66], посмотри определения их, есть ли литература. Если и другие искусства, то то взять шире.

Сакулин, «Теория литературных стилей». И Вальцеля «Gehalt mid Gestalt im Kunstwerk des Dichters». Нужно общее определение художественного стиля в литературе. Потом Zwischenerhellung, перекрестное освещение с солидными примерами с точки зрения других искусств стилей барокко, готического, романского. Есть ли классификация стилей (Ренессанс, барокко, рококо, классицизм). Если не классификация, то хоть история. Потом, Вальцель ученик Вёльфлин и Может быть, Вёльфлина посмотреть?

Osgood, «Style in language». Там говорится о машинной обработке текста для выявления стиля. Надо посмотреть, как вообще лингвисты оперируют машиной. Как технически оперировать со стилем и ч то такое стиль в техническом аспекте. Какие операции производятся вообще с языком. Места о поэтическом языке законспектировать, и in гь из поэтического раздела цитаты.

Мы встретились случайно, в глубине космической жизни…

Ruche, изучает метапсихологические явления, metapsychique.

Я физиолог, он говорит, рассмотрю любую самую дурацкую теорию, но только не бессмертие души. Я же не виноват, что душа

устроена как фотографическая пластинка. Если я вижу, что столик у спиритов вертится, я должен констатировать факт. Что столик у них вертится, я знаю. Появляются фигуры человека, другие явления, которые фото не берет. Я объясняю это физиологией».

Рим пошел в навоз. Принцип механический.

Квантовая теория. Дирак, Гейзенберг, Резерфорд — они на этом основании религию защищают. Конечно, дурак Рассел ничего такого не признает. Футбол, религия, для него всё одно. Дурак. А Гейзенберг председатель международной комиссии по атомной энергии, знает больше нас и больше Рассела.

Разговорились об американцах по поводу попавшейся под руки книги и с позитивистским подходом в филологии. Они держат текст, оперируют с ним, а вы мистик, оккультист, провоцировал я А. Ф.

Нет, сразу и уверенно ответил он, это у них религия. Они верят, что все вычитываемо из текста. Ая — держу реальность, саму жизнь. Взять Тютчева того же. Или Иванова:

*Мы два в ночи летящих метеора…*

Жизнь — это то, что само собой ясно. Всем. И студенты на лекциях меня понимают. И принцип передачи знания сохраняется. Если мой ассистент будет перед студентами говорить, они его тоже поймут, как и меня.

Это был разговор на втором этаже дачи Спиркина, когда я дразнил А. Ф., что современный англо-американский позитивизм надежен. Я признал про себя, что А. Ф. ответил по существу и убедительно.

**29. 8. 1971.** Посмотри Виноградова, «Проблема авторства и теория стилей», «Стилистика и теория поэтической речи»[67]. Ларин Борис Александрович, посмотри, что у него было издано в ЛГУ в 1957 по романо-германской филологии. Н. М. Гершензон-Чегодаева, «Теория развития искусства в западноевропейском искусствознании 1900–1940 гг. (и 1850–1900)», М. 1964. Посмотри, как Ригль проводит анализ формы. Выписать, где есть интересные определения стиля. Два типа стилей. Gero von Wilpert, Sachworterbuch der Literatur, Stuttgart 1961, S. 595–597, этапы развития стиля. Степанов Юрий Сергеевич, «Стилистика». Шарль Балли, «Французская стилистика». Взять только определения стиля, какие-нибудь типы.

А. И. Белецкий[68]. У него есть такая мысль, что Пушкин в «Я помню чудное мгновенье» рисует не Керн, а нахождение образа и затмение под влиянием житейских волнений.

Самарин, «Современные учения о стиле» в «Филологических науках» за 1962 г., № 3. Первое — посмотреть, что сам Самарин

говорит о стиле. Второе — не менее важны и мнения, которые он приводит. Стиль может выражаться по-разному. У Крылова: «Были годы, когда кормы нам были худы». Тут звукопись. — Подробно напиши, что

имеет в виду W. Winters, Styles as dialectics 11 Preprints of Papers for the gth International Congress of Linguists, Cambridge (Mass.) 1962, p. 214. 11 осмотреть в конце статьи Энквиста, что он понимает под функцией отношения (Linguistics and Style, London 1964).

**12. 9. 1971.** Занятия на даче под кленом.

Это называется сидеть на природе. По-моему, больше природа на мне сидит чем я на ней.

У меня, знаешь, тут готовится нападение на тебя.

Многое возможное ненужно, а многое нужное — невозможно.

**15. 9. 1971.** Вчера А. Ф. приехал к ночи с дачи. Я пришел в 10 часов вечера, разговаривал с Миной Алибековной и Олей. А. Ф. вышел из п итой сияющий, розовый, бодрый, совсем молодой. «Прошу дам меня извинить, я без галстука. Владимир, пройдем со мной.»

Об Иванове и Топорове: лучшие годы свои убили на погоню за модой.

**17. 9. 1971**. После чтения §§ 462 и 459 «Философии духа» Гегеля об имени как вещи (деле):

Нарский вслед за Гуссерлем занимается абстрактными объектами. Что такое обозначение? Сначала кажется, что это звучание физическое. Потом становится ясно, что физическая сторона ничего не дает. Даже связь знака с содержанием предмета тоже ничего не дает. А вот когда берешь уровень интеллигенции… Здесь сохраняется вся конкретность плюс вся абстрактность. Бытие интеллигенции, идеи — это не чувство, не знак, не символ, а особое бытие, включающее и смысл и знак, т. е. всё. Особое бытие, в котором есть и стол физический, и его смысл, и что-то среднее, которое позволяет объединить то и другое и быть знаком.

Это по сути дела Платон, его учение об идеях. Они не субъект, но субъект в них присутствует. Они не просто название, но название в них есть. Эти гуссерлианские абстрактные объекты просвечивают у Гегеля. Гуссерлевский интенциональный акт восходит к Средним векам. Это акт, каким данный предмет выделяется из неразличимой массы. Интенция предполагает направленность. Па — мять означает уже приниженное, ослабленное внимание к предмету.

Вот тебе идеализм настоящий. Он факт: ты называешь предмет и

понимаешь, что стол есть стол. Стол здесь весь присутствует. Аристотель по сравнению с Платоном всё упрощает. Он представляет дело так, будто бы у Платона идея стола существует в отрыве от стола. Стол в идее, отдельной от стола, будет, конечно, не физичен, а сверхчувствен; он где-то в небесах, оторван от действительности. У Платона на самом деле нет такого разрыва. И небесное, и физическое для него это абстракции, а в действительности существует один только мир, идеальный, где идея и вещь неразделимы.

Я мог бы эту мысль развить и показать путем ссылок у Гегеля. Я его понимаю, штудировал досконально. Ну, язык — я тут меньше поднаторел… Но гегелевские качество, количество, мера и вторая часть системы, учение о сущности, разобраны у меня хорошо. Гегелевской идеи духа — ввиду намордников, кнутов и топоров, которые летят и вот-вот заденут за морду, — я старался не касаться. Правда, она и есть самое глубокое у Гегеля.

Как соотнести с этими темами христианство, божественный λόγος, Слово? Ну, ты меня завлекаешь в области… А ведь сейчас Главлит закручивает, и Хрущева, который закрывал церкви, вспоминают с пиететом. Так что не знаю. Пока я излагаю Платона, Гегеля, меня терпят. Но вот себя излагать на основании Гегеля — этого нельзя.

Характерное веяние времени. Контекст, на него обращали внимание едва-едва, а теперь он до того поднят, что текстуальное уже непонятно, требуют контекстуального. Но если поднять тысячелетний историко-культурный контекст…

О Плеханове у меня сказано для дураков, которые ни в чем не разбираются.

Суть — я не употребляю это слово. Выглядит — не русское слово. Целокупный, как Аверинцев пишет, — нет такого слова в русском языке!

**22. 9. 1971.** В связи с лингвистикой говорили о языковой норме и ее создании в литературе. Революция и советская власть — они перешли на сторону ограничительных нормативов. Норма вообще тяготеет к ограничениям, тогда как язык писателей свободен и наперекор сопротивлению побеждает своей силой. Язык Лескова, Островского, Мельникова-Печерского — это конечно литература, но с точки зрения воображаемой нормы там не только

отклонения, но там же творится светопреставление! Я спросил однажды на заседании кафедры специалистку, а что вы понимаете под литературным языком? Она запнулась. Очень трудно определить. Мы употребляем слова, не сверяя с нормой. Не все это словотворчество выживает. Лесков был правых

убеждений, поэтому теперь он не в моде. Не учитывают богатства Лескова. Его всегда считали слишком правым. Победила политика. Его сочли слишком правым. — Но Пушкин взял верх над революцией. В 37-м году его непомерно раздули, из него получился гений типа Шекспира. Оказался сильнее революционеров! Они замахивались не только на Пушкина. Фадеев один раз хлопнул статью — «Долой Шиллера». Фадеев был власть, выгонял из Союза писателей, брал, кого хотел. Но Шиллер тоже оказался в конце концов сильнее этой революционной глупости.

У Вячеслава Иванова томов десять-двенадцать стихотворений, каких никто на свете не написал. Но не печатают. Эмигрант, видите ли! Такова уж ограниченность русского ума; если ты выехал из страны, ты не наш. Раньше такого не было, разрешалось печатать эмигрантов. Единственное, что запрещалось, было оскорбление его императорского величества. Все остальное, любую чушь печатай. А это, неприкосновенность царственной особы, было единственное, за чем внимательно следили. Например, отличались вольностями «Русские ведомости», которые бранили всё на свете. Но всё равно, когда там печатались государственные документы, выражения были самые почтительные. «На подлиннике Его Собственной рукой начертано», пли «соизволил начертать». Вне этого обязательного уважения всё гудело и шипело на все лады.

Наши люди всё-таки боятся логики напряженной. Например, что часть содержит в себе целое. Для диалектики это обычное утверждение, а у них раскрываются глаза.

В отношении реформы правописания. Томсон[69], профессор Одесского университета, доказал, что ять произносился более закрыто чем е. Это исторически верно, ведь ять возник из дифтонга. Тем не менее даже перед 17 годом вся наука была за изменение правописания. Там во главе стоял Фортунатов, который был либерал.

Еще лет пять, и ять и твердый знак без всякой революции полетели бы. Томсон и Фортунатов оба были способные люди. Но вокруг них кишели карьеристы, которые блудили.

Перечислены все понимания слова модель, 35 пониманий. Но их конечно еще больше.

В смысле марксизма век еще более настырный. Я Маркса и Ленина цитирую. Но сказать, что все сводится на экономику, что мысль есть истечение мозга, как Сталин, — этого у меня ты не найдешь. Есть что-то содержательное в том, что они называют базисом. Но в надстройке может быть такое, чего экономика не признает. Православная церковь не надстройка над социализмом.

Что, Лосев пользуется марксизмом? Да, пользуется, очень сильно. Но разделяет ли он крайности, вульгаризм 20-х годов? Нет. А то, что корреляция существует между экономическим и духовным, от этого меня не переубедят ни Гегель, ни Платон.

Как же я среди террористического марксизма мог соблюдать чистоту мысли, а Топоров, Иванов не могут? Зачем им абсурдная схема, которая не соответствует языку? Порождающая модель действует в отношении бесчисленного множества вещей. Можно не считать себя платоником, но модели реально есть. Модель есть и в биологии, и в истории. Например, Средние века. Неизвестно, когда они начались, когда окончились, их определение размыто. Но можно говорить о модели, о стиле средневековом. Существует классический стиль как модель и т. д. Расстаться с этим смыслом я не могу. И я благодарен эпохе отвержения смысла за возможность вернуться к истине.

Я дал себе труд изучить приемы структурной лингвистики. И я изумился бессмысленности ее подхода. Сначала автор приходит к своим результатам при помощи слов, а потом заменяет их произвольными значками. Дальше такой примитивной стенографии дело не идет. Зачем мне все эти значки? Всё в них совершенно условно. А к ним сводится вся их наука. Зачем она тогда мне нужна? Или Шаумян: сначала излагает своими формулами, а потом: «другими словами…», и возвращается к естественному языку. Шаумян бывал здесь. Я ему говорю: Себастьян Константинович, ведь ваша книга, «Теоретические основы фонологии», не математика, а стенография? Да, соглашается, стенография; но вот в «Проблемах структурной лингвистики» — там уже деривации из функций, там математика.

Меня интересует судьба Шаумяна. Куда он дальше пойдет. Но он хитрый армянин. Он обходится без языковых примеров, остается на уровне формализма. Трясти его будет трудно.

Это замечательные, золотые, изумрудные, не знаю какие, термины, как модель, порождающая, — а у них бредовая идея, что всё может сделать вычислительная машина. Якобсон жулик, он подыгрывает и вашим и нашим. Себя считает основателем структурализма, не Трубецкого, — а с другой стороны, его построения ведь не структуры.

**23. 9. 1971.** Александр Ничев приедет в декабре защищать диссертацию. В Болгарии нет докторов-классиков. ВАК разрешил ему защищаться у нас. Асмус отказался, пришлось его заменять Овсянниковым Михаилом Федоровичем. Овсянников много издает. Первый оппонент я, второй Аза, третий Овсянников. У него философия, правда. Но там у Ничева есть и философия.

Английские энциклопедии. Сколько раз ни заглядывал, там

всё есть, причем всё самое точное. Русский мужик энциклопедии составлять не горазд. Во-первых, напьется, убьет, его сошлют. Потом возьмут на поруки. Потом он вспомнил: я же словарь составляю. Пишет. Но еще словник не готов. Тут его опять сослали. Потом — котлы сняли, холодно. Выпить надо. И так лет на сто. Style russe.

Кто возьмет кафедру языкознания. Рождественский[70] на ученом совете характеризовал Иванова как пустое место. Не рекомендовал обращать внимание на этого работника, который не годится заведовать кафедрой. Широков Олег Сергеевич: знает много языков, док- юр, но едва ли годится быть заведующим кафедрой по характеру. Зализняк, хорошая характеристика. Но тоже не подходит. Единственный человек, который совершенно подходил бы для этой должности — европейское образование, профессионально несравним, — это Макаев. Каждые три-четыре года выпускает по книжечке, и каждая книга — настоящее исследование. Он германист, изучает руны, древнегерманский Wortschatz в сравнении с санскритом.

Я на каком-то собрании сделал речь на латыни, Энвер Ахмедович (он татарин) — на старом классическом немецком языке. У меня гонкий слух, хотя и не хорошее произношение. Я чувствую, кто как произносит, и сказал ему об

этом. Макаев: «Да, мои наставники говорили прекрасно на немецком языке». Он сын предводителя крымского дворянства. Он настолько барин, что на конференции не едет, тезисы посылает. Ему лет 55, он не женат, живет с матерью и теткой, хорошая квартира. Настроен в символистском тоне. «Я хотел бы прочитать вам свои стихи». Какие? «Да всё символистские». Нас, стариков, ведь уже ничем не удивишь. С точки зрения таких знатоков, какие меня учили, я уже всё расцениваю как неполноценное, недостаточное, недоученное. Но вот Макаев выдерживает марку.

У Рождественского спросили: если вы так хорошо характеризуете Макаева, какие личные черты мешают ему быть завкафедрой? Ну, говорит, целый роман надо было бы рассказывать… Он же бытовой мусульманин. Считает христианство мировым обманом и мировым лицемерием. Нам, допустим, разносят чай. Но если тут будет Макаев и его сотрудник принесет стакан чая, он уйдет. По мусульманскому обычаю подают чай старшие. Поэтому он бы оскорбился и ушел. Самый старший, армянин Рубен Александрович Будагов, только и мог бы поднести чай ему, Энверу Ахмедовичу.

Да, Рождественский прав, у нас завкафедрой чернорабочий, на нем все документы, переписка, такому дворянину как Макаев

не подходит. Он старый барин. До сих пор под Москвой есть село Макаевское. «Это, говорит, имение моего отца.» Вот Аза. Она ученый очень маленький, деловой, да и то тяготится от кафедральной работы. За 50 рублей надбавки так убиваться? Кацнельсон Соломон Давидович, конечно, тоже знаток (индоевропейщина)…

У меня остались в институте только греческий и латынь. Отказался от лекций. Мне интереснее книгу под старость лет написать. А что экзамены принимать… Пусть молодежь!

А знаешь, как карьеру сделал Степанов[71]? Он был придан переводчиком к Хрущеву от Министерства иностранных дел. Хрущев встречался с дипломатами, так Степанов блестяще переводил. Говорил раньше, чем те рот откроют. Хрущев его спрашивает потом: ты кто такой? — Я доцент, преподаватель французского языка. — А есть кафедра, которой ты мог бы заведовать? — Да, кафедра языкознания. — Завтра будешь заведовать кафедрой. И не забыл. Через неделю пекан звонит. Там разделили на две кафедры,

Звегинцев с общим языкознанием и другая кафедра Степанову. Но, по-видимому, это его не очень интересует. Будет ходить раз в неделю или два раза в неделю.

Реальный и грамматический разбор — так нас учили в школе. Realia.

**29. 9. 1971**. Гершензон глубокий критик. У него прекрасный стиль, художественный. «Исторические записки» прекрасная книга. Но его философия какая-то худосочная.

Стравинский. Ранние вещи, «Петрушка», «Весна священная», «Жар-птица» написаны еще в традиции, а потом он в формализм пошел, тогда уже началось всё другое.

Бога языческого я с малой буквы, а монотеистического Бога с большой бы писал. Один еврей сказал, когда Бога понизили: «Я не понимаю, почему Бог теперь пишут с маленькой буквы. Очевидно, хотят указать на незначительность этого термина. Но тогда я писал бы б петитом».

Прочитав статью Style в Britannica, А. Ф. замечает по поводу англосаксов вообще. Англосаксонский ум избегает разделения чувственного и духовного. Смотрит на грушу и чувственными глазами видит сверхчувственную идею. Иногда читаешь книгу англосаксонского автора — употребляются слова обыкновенные, а смысл получается глубже, чем если бы он оперировал философской логикой.

27. 9. 1971. А. Ф. цитирует с точным акцентом мудрого человека с восточных окраин о том, как третирует мужчин прекрасный пол: «Женщина вот как яиц: желтоком белтоком

сосаит, потом бросаит».

Евангелие говорит о ноуменальном, не о феноменальном. А в апокрифических евангелиях от Никодима, от Фомы всё неидеологическое отброшено.

У Маяковского многие стихотворения и богатые, и яркие, но — хреновые. Говорят только о подхалимстве. Я его люблю за словотворчество. «Всяких французских Луёв…» Это для меня интересно.

Amicus Plato, sed magis arnica Veritas. Это сказал Аристотель.

Два конька надо перепрыгнуть: Секста Эмпирика, и второй топор, который на мне висит, это Ничев. Придется нам подробно его рассмотреть. Хотя бы то, что он понимает различие между δόξα и έπιστημη, уже его достоинство.

… Дынник[72], который только и знал, что обливал помоями Сократа и считал это передовым. А моя характеристика Сократа, он много раз ее топтал. Самого Дынника я не критикую, но он поступил по-хамски и по-кабацки.

… Это сократовское задавание вопросов, вечное искание истины, дух поддевания всяких авторитетов… От Платона Сократ отличается тем, что ничего не абсолютизировал, а только требовал употреблять понятие в чистом виде. Красота — это красивая лошадь? прекрасная женщина? Нет, наверное сама по себе красота что-то другое. Искание чистого понятия как такового это суть сократовского учения.

Ну, Платон всячески субстантивировал понятия, идеи. Но все-таки идеи Платона, хотя они гипостазированы, эту свою харакретистику порождающей модели — они дают вещи форму, смысл — получают от Сократа. От него это идет к Платону и Аристотелю и далее до конца античной философии. Так что я ставлю Сократа очень высоко, особенно в сравнении с теми слюнями, помоями, которые пускает Дынник в Платона и Сократа. «Идеалы рабовладения…»

Сейчас в связи с выходом моих томов влияние Дынника ослабело. Я тут маленький переворотик совершил. Мое влияние на эту публику страшно заметно. И поэтому на Азу нападают. Ее аспиранты пишут по философии? Нет, нельзя на филологическом факультете. И приходится переменить тему диссертации на «язык Гераклита».

Эти тексты, которые похабно переводятся на европейские языки, я же их бесконечно усложняю. Cairg, английский филолог, — я встретил у него мою фразу в отношении гераклитовского αίών παές вечности-младенца: «Я бы перевел эти слова, если бы знал, что такое вечность. Надеюсь продумать, что такое αίών». Хочу ему написать, спросить, у меня ли он взял или

сам придумал, но времени нет.

Когда Ленин умер, то вопреки его желанию назвали Петербург Ленинградом.

«История эстетических категорий». Редактор книги говорит: настолько большая разница между абзацами моими и Шестакова, что легко отличить. Там

мое только античное. Остальное Шестаков. Идея у меня там имеет довольно подробное изложение.

Гимн существовал и в Греции, но он был там неотделим от ритуала. Дифирамб танец беспокойный, экстатический, но сопровождается песнями. Куда его отнести? Тут получается смешение не только лирики и эпоса, но и хореи. А орфические гимны — это воспевание богов путем перечисления их эпитетов. Из так называемых гомеровских гимнов некоторые очень поздние. Есть гимны (1) Аполлону Дельфийскому, (2) Аполлону Пифийскому, (3) Гермесу, (4) Афродите, (5) Деметре. Потом там есть короткие гимны в виде молитв. Но есть и большие: Дионису. Одна дама у нас занимается гимнами. Она причисляет к гимнам что-то из сборника Каллимаха[73]. И еще два гимна недавно нашли. У нее есть работа о гимнах в античности. В античных гимнах всё разновременно.

Виктор Шкловский, Жирмунский, Тынянов, Энгельгардт. Их разогнали как формалистов, но этот формализм для нас очень полезен. Мы с тобой не против формализма, хотя формализм у нас занимает подчиненное положение. Даже Хомский в конце концов отказался от того, чтобы полностью исключить из структуры смысл. Правда, смысл есть целое, а целое охватить всегда трудность очень большая. Мы принципиальные формалисты, потому что нельзя хвататься за всё сразу. Надо себя ограничить. Я формализмом не брезгую, сам много писал о формальных моментах.

ОПОЯЗ — я не ручаюсь…

Будагов всех исправляет. Нахов однажды на заседании кафедры сказал по-английски Classical philology через кля-. Нет, поправил Бу- дагов, надо

произносить клэ! Нахов говорит: «Я замолчал. Будагов не любит возражений. Пошел к Ахмановой. Она подтверждает, что надо кла-! Посмотрел во многих словарях, везде [74].»[75] Тот единственный голос против, который был подан на защите Нахова, он убежден, была месть Будагова. Что Будагов голосовал против, подтверждается тем, что свое отрицательное мнение Будагов сообщил председателю экспертной комиссии в ВАКе. — Аза однажды сказала где-то речь на греческом, этот председатель

с ней стал в обнимку, говорил, что надо изучать только греческий язык — и советскую эстетику.

Будагов настолько злопамятен, что даже сделал донос председателю экспертной комиссии. А так он вежливый. Но очень любит критиковать и поправлять. Когда однажды на факультете выступал кто-то — чуть ли не Зализняк или кто там из новых, — студенты вывесили большую афишу: «Такого-то числа выступает Зализняк!!!» Будагов взбесился. Сорвал афишу, принес к декану, бил по курноске и говорил: «Это разве университет? Это цирк! Это плакатный метод!» Он бунтовал недели две. Декан посмеялся. Плакат сняли сразу, но Будагов шумел недели две.

Но он действительно много знает. Он все эти языки романские знает, прекрасно произносит. В научном отношении он человек солидный, а в смысле личного поведения вот каков.

Я могу приветствовать кого-нибудь:

*Поэт в поэтах первый,*

но если ты это скажешь, то будет сочтено непочтением, и ты пострадаешь. Потому что я все свои карьеры сделал, никуда не стремлюсь, занимаюсь своим делом, остальное меня не интересует. В администрацию я никогда не лез и ненавидел всё это. Только научная работа моя последняя слабость. Продвижение меня не интересует. Я уж всё прошел. Ходить и критиковать, как кто произносит… Я вот например сказал: chez Нотёге, с liaison[76]. Аза меня поправила: liaison не работает с именами собственными. Но я не претендую на

совершенное знание. Я языками владею для себя достаточно, а вся лингвистика далеко от меня. Пусть спорят. Des chocs des opinions jaillit la verite.

Сегал жена Жирмунского. Ее статья есть о классицизме в Литературной энциклопедии.

Лотман — у него внушительная, интересная первая книга по семиотике. Его называют столпом формализма. Но там не формализм, а учение о форме; это не есть формализм.

Меня удивляет, что мы, двое разумных, тебя слушаемся.

**30. 9. 1971**. — Как одинок был Иванов.

Да, публика его не понимала. Вот что удивительно: ни одного стиха о политике у него нет за 50 лет, и тем не менее он у нас до сих пор persona non grata.

— Но «Прометей»? Он там рисует богоборчество, безблагодатную волю, напоминающую дух русской революции.

Ну, это же твои догадки… В «Прометее» идет восстание механизма против организма. Так ведь и все Прометея представляли, как технику, механизм, даже Эсхил. Только Шелли

относился к нему целиком положительно. Но тут у Шелли уже появилось другое… Прометей механическое начало, Зевс жизненное. Греки даже в своих этимологиях имя Зевса по-разному объясняли, некоторые вели его от ζάω ζάων живой. Начало жизни.

Греческая этимология? Есть несколько томов Grammatici graeci и Grammatici latini, и во всех античных источниках этимология дана в плане чисто описательном. Немного наивно.

Падежи? Надо было назвать не nominativus, именительный, а субъектный падеж: нечто полагается как субъект. Не родительный, а родовой. Не accusativus, винительный, а causalis, aixiaxiKov, причинный, т. е. показывающий, ради чего действие. А винительный — что это значит?! кто тут кого винит?

В Греции понятия плагиата не было. Ты переписал — всё равно даешь как своё. Тем более если берешь у варвара. Варвар, что бы там у него ни было написано, всё не то что грек.

Плохо спал. Только полседьмого заснул. Психика… Она же играет нами. Но сама прячется, прямо никогда не скажет, делает вид, что она ни при чем. Передавали Солженицына «Август 14-го».

Я слушал от 11 до 12 ночи. Было уже передач восемь или девять, и на этот раз читали о самоубийстве Самсонова[77]. Оказывается, в армии был страшный развал. Я как-то думал, что хотя везде был развал, но наша военщина стояла крепко. А тут оказывается… Солженицын хочет показать, как дошла Россия до теперешнего положения, и начало падения видит именно в 14-м году.

Самсонов показан честным демократом, патриотом. Но кругом него такая неразбериха, так непонятно, что делать… Шпионство. Нет карт. Он отчаялся. Рассказывается о его встрече с воронежским полком. Уже в нем ничего не было начальнического. А? воронежцы? Да, да… молодцы… геройски воюете. Ну, как, куда вы сейчас? — Да мы, вот, хотели взять холм, да немец не пускает… — Не пускает? — Да, да, не пускает… Самсонов попрощался и так поехал. Потом снял шапку и стал молиться Богу: зачем Ты послал меня на такую задачу и не дал сил. Пустил пулю в голову.

Адский план Гинденбурга. Заманивание. Под Танненбергом произошло окружение стотысячной русской армии. Там, где в 1410 году была победа над рыцарями Тевтонского ордена и chevaliers porte- glaive, меченосцами.

Вот я думаю от этого не спал. Но психика молчит. Дескать, мало ли читал таких книг. Ложился — ни о каком Самсонове не думал. А вот заснул только в 7 часов утра.

Я думаю, Солженицын лучше Толстого…

— !?

Толстой, конечно, тоже хорошо описывал, но у него не было чувства всемирного катастрофизма. А у Солженицына оно есть.

Всё время этого разговора А. Ф. ходил взад и вперед по длинной дорожке сада Спиркиных, после каждого поворота всё быстрее. Теперь идем в дом заниматься. По дороге А. Ф. договаривает:

Постой, я тебе еще вот что скажу. Мережковский в книге «Толстой и Достоевский» пишет, что Толстой гениален в изображении страстей тела, а Достоевский в изображении страстей души и ума. А вот это уже я, Лосев, говорю: Солженицын гениально изображает страсти социальные. И в этом ему конечно помогает его время такое ужасное. Социальные страсти. Я читал как-то

книгу одного француза, «Социальные неврозы»[78]. Там он говорит, что война, тюрьмы, преследования это социальные неврозы. А что, в самом деле? Тут же действительно невроз, состояние, когда люди сами себя не понимают, на мелочи реагируют сильно, на сильное мелочно. Как же иначе назвать, если Гитлер берет 60 тысяч человек и закапывает их живыми в землю. В Киеве 60 тысяч евреев бросили в одну яму, залили бензином и подожгли.

Проходим из сада в дверь террасы и я уступаю ему дорогу. А. Ф. мгновенно реагирует:

Ну што ты! — в такое время, когда такое происходит, когда и думать-то ни о чем больше нельзя, он ве-ежливость показывает… Ты вот послушай ту же передачу или в пятницу в 19. 45, или в субботу в 17. 45. Мне интересно узнать твое мнение.

А. Ф. говорит взволнованно как никогда. Похоже, что все его старые боли всколыхнулись и он внезапно нашел для себя ответ на вопрос: он пережил годы болезни общества.

**30. 9. 1971.** У меня — предубеждение против славян как мало продвинутых по путям культуры. Вот, правда, русские да чехи…

Проза Пушкина — очень архаичные выражения, глубокие и интересные, но старинным языком. В прозе он настоящий художник.

Зелинский [79], его «Язычество» — статья в какой энциклопедии? Помнится, была такая статья!

Леонид Наумович Столович [80]. Он в Тарту работает. Я его ценю. И он меня ценит.

«Философский словарь» — детище хрущевской эпохи.

Я читал в художественных вузах и прежде всего в

консерватории, десять лет, историю эстетики. По классицизму и романтизму обработал большой материал. Знания несовершенные, хотя занимался много, больше чем те, которые считают себя специалистами. Но вкус у меня есть. Так имею представление, что такое классицизм, романтизм. И вот могу тебе сказать, что статья о классицизме, которую написала Сегал в Краткой литературной

энциклопедии, удовлетворяет высшим требованиям[81].

Языки ведь тоже проходят стадии развития. Стадии магического, мифического. Какую страну ни возьми, везде одинаковые процессы.

Восток до чистого духа не дошел. Как ни говори о «децентрализации европейской культуры», Европа создала монотеизм — раз, и вместе с монотеистической религией прокрались разные социалистические идейки. Свобода — где в классической античности свобода? Равенство, братство — где в Греции равенство? Там самый бедный эллин презирал самого богатого варвара. А с этими идейками равенства появился социализм. Социализм родился из христианства.

Я тоже знаю недостаточно Европу. Меня от многого в ней тошнит. Но все же великая культура. Никакой другой континент этого не создал. Китай дальше Лао Цзы никуда не пошел. Индия не пошла дальше буддизма. А Африка — прямо свалка. Одного белого поймали в Африке, привели к бургомистру. «Нет, его есть не надо, я с ним учился в Лумумбе». А одну нашу делегацию съели целиком, в одном затхлом государстве. Конго, хоть и говорит по-французски, но там теперь все туземцы между собой перессорились.

Надо азиатчину эту подчеркнуть. Назовем это фактологическим разбором! Вот как надо золотить пилюлю. Учись!

Первое. Где Жирмунский говорит, что «стиль есть прием»? Кажется, в 1928 году, в работе о стиле. Или там, где он об ОПОЯЗе?[82]Второе. Был сборник «Художественная форма» под редакцией Жирмунского. Там статья Вальцеля о взаимном отражении одного искусства на другое. Законспектируй. Третье. Надо разыскивать классификацию стилей.

Колмогоров всемирно известный математик, он решил какие-то формулы.

Аполлон, солнечное начало.

Русский Горький бандит, у него всё «зад», да «блохи»… Ромен Роллан ничто, нуль.

В России христианство поверхностное. Князь Владимир ввел его мечом.

Только в 13–16 века тут было сильное христианство. Сергий Радонежский, Алексей Московский, с которым тот был в молодости знаком.

Неразличенность первобытной мысли. Женщины бьют ладонью по скале: ничем не докажешь истинной причины, почему так обязательно нужно делать. Первобытная диалектика — оборотничество. Ворона корова. Баран выпил из лужи луну — проглотил настоящую луну. Луна и на небе, и баран ее съел. Нового по сравнению с этим что теперь? Только новые темы, новые предметы. Гегеля диалектика ничем не отличается от первобытной.

Революция сильно встряхнула и Россию и мир. Шире стали видеть. Ведь страшно был ограничен европейский буржуа, только то знал, что у него под носом, остальное для него была мистика.

**3. 10. 1971**. Я им говорю: вы же вроде бы знаете, что такое предложение. Я — не знаю. Есть 250 разных определений предложения. Какое считать правильным, согласия нет. А он, видите ли, уже знает, уже подсчитывает виды предложений, уже структуру предложения выводит! Нет, формализовать — так до конца! Прежде всего тогда надо формализовать подлежащее и сказуемое. Вы не понимаете предложения «Бык яростно спит», «девочка яростно бодается»? А я говорю, что не понимаю, чего вы тут не можете разобрать.

У них типичная ошибка petitio principii: они заранее уже решили, что считать предложением и что не считать, а потом ищут определения. Я тогда не понимаю, что такое фраза. А вот если полностью формализовать, то предложением будет механическая форма, которая относится ко всякой действительности.

Сначала дайте определение языка, подлежащего и сказуемого. Тогда «папа пишет письмо», «девочка яростно спит» будет одна структура. Отбросили все традиционное языкознание и начинают писать формулами. Так идите тогда до конца!

Полностью формализовать язык невозможно.

При Сталине они все пошли бы в тюрьму за безделье и пустоту. А при Хрущеве свобода вышла, пустоту проповедовать. — Но теперь, если уж убедились, что формализация языка вздор, так надо идти дальше. С логической точки зрения формализация эта ерунда на постном масле, но она хороша тем, что охватывает всё и наводит на мысль о едином типе предложения.

Человек ест, пьет, спит, ничего особенного тут нету. Но если это обобщить, до предела обобщить, то может получиться

художественный образ. Обломов, Плюшкин. Здесь просто всё обычное доведено до общего, до понятия мертвой души.

Дурак с фанаберией (прозрачно, о ком).

Ἦθος вот собственно стиль! Ἦθος. Уже у Аристотеля он фигурирует как стиль. Ἦθος в античности имеет как раз риторическое и поэтическое, но не моральное значение.

**10. 10. 1971**. С античной точки зрения вообще не было ничего чисто физического и ничего чисто ритуального. Я еще в 30-е годы об этом писал, правда, больше в эстетическом смысле.

**17. 10. 1971.** В античном космосе пока еще целомудренная природа. В Средневековье природа творение Божие. А в 20 веке знание о природе включает все что угодно, но только не учение о мировоззрении.

Шпет идеалист, монархист, анархист. Он идет за Гуссерлем: Philosophie als strenge Wissenschaft. Вам угодно знать, что такое ангел? Пожалуйста, мы вам дадим определение. Но вывод о том, существует ли он, вы можете делать у себя дома. Махизм так запугал идеалистов! А Рассел, мерзавец, дошел до того, что заявил: «Математика занимается, во-первых, неизвестно чем, во-вторых, неизвестно как».

Я пишу в Хюбшере[83]: до сих пор идеализм обязательно или утверждал или отрицал, но еще никогда не было идеализма, который ничего не утверждает и не отрицает. Совершенный нигилизм осуществился только в конце 19 — начале 20 века. Стало возможно полностью отвлечься от любого содержания. Круглый квадрат? Пожалуйста! — Но позвольте, ведь этого не бывает? — Нам до этого дела нет. У нас тут некая идеальная сущность, с которой мы только и имеем дело.

Структурализм тоже стоит на этом.

Такого разврата античность еще не знала. Правда, были скептики, которые говорили, что ничего нельзя ни утверждать ни отрицать.

**21. 10. 1971**. Χάος от χάσκω, зеваю. «Раскрылась бездна…»

У Плотина не нус в душе, а душа в нем. Душа есть нус в состоянии брожения, то высокого, то неупорядоченного.

Асмус прислал мне свою книгу[84] с характерной надписью: «Азе Алибековне Тахо-Годи и Алексею Федоровичу Лосеву — со смущением посылаю скорее грех молодости, чем философский подарок». Первая часть, история диалектики, действительно слабовата. А вторая, о марксизме, неплохая работа, так что он напрасно себя принижает.

Абаев[85] от Лосева отличается тем, что он публицист. А я, когда говорю, что у Ревзина модель в таких-то пяти смыслах, то это не публицистика.

Ахманова. Называет Успенского «Боренька». Ее все зовут Ахманиха. У нее странное поведение. Затравили Степанова[86]. Хотя он с Ревзиным ничего общего не имеет, бросил кафедру, пришлось. Ахманова в тысяче своих брошюр высказывает странные идеи. Теперь она, правда, в стороне.

Зализняк очень талантливый человек. Моя аспирантка в восторге от него. У него прекрасная книга[87]. В общем моя аспирантка относится к нему с преклонением.

Русский человек материалист. Ему подавай по лбу: что такое форма, содержание, структура. Роскошных диалектических вещей он не понимает.

После классической диалектики мысль метнулась к позитивизму, иногда психологическому. Например, Тэн тоже позитивист, но тонкий. У него идея, прошедшая через темперамент.

Sub iudice lis est (неопределенность с защитой Ничева). Моя задача собрать материалы. Но я пишу связно. Без связности я бы управился в один, два дня. А я нарочно пишу складно, чтобы превратить в формальный отзыв.

Уваров Л. В. — путаная книга. Видно, школы не проходил логической. Потом, мозг, всё время лезет с этим мозгом.

Символ управляет всеми текстами, которые существуют в данном контексте. Палиевский, для него моя статья о символе, тексте и контексте. Надо передать через Шестакова Вячеслава Павловича, сказать ему, что рукопись готова для Палиевского. Где найти Шестакова? Он в Институте истории искусства.

Символ и контекст. Редактор спросит, а как вы это понимаете? У Гоголя вдруг открылось окно и в него вставилась свиная морда: «А что вы тут поделываете, господа?» И у меня символ это та свинья, которая влезает в контекст…

Я как Чичиков в бричке. Чичиков едет на своей бричке по мостовой, по булыжникам. При всяком малейшем толчке бричка вскакивает. Когда мостовая кончилась, как всякому страданию, пришел конец и мостовой. Так и я — доски под ногами подскакивают, подскакивают. Жить не дают! Давай скорей текст, давай скорей… А потом по году, по полгоду в редакции лежит. — Вот теперь опять булыжник. Секст Эмпирик, срочно нужна вступительная статья к тридцати одному печатному листу перевода!

Всё построено на безответственности. Везде взятка, подсиживание, интриги. Хоть ты передо мной ни в чем не виноват, но каждый раз я боюсь — придешь ли?

… Там сидят такие типы как Храпченко, академик-секретарь.

Французская работа об ecole alexandrine. Там говорят

Monsieur в отношении древних греков. Monsieur Aristote, Monsieur Heraclite. Сразу веет французским духом, особенно эти Monsieur и Madame.

Музыка Прокофьева: очень оригинальная, очень находчивая, очень ценная — но нет эмоций.

**17. 11. 1971.** У. Пейтер тонко мыслящий исследователь, и глаз у него философский. Правда, это не чистый философ, а литературовед, у него очерки, но очень проницательный.

Романтический стиль небывалый. Огромный простор, уход в бесконечность, экзальтация. Причем говорится такое, что не говорилось никогда! После романтиков наступает реализм, потом новаторы, Плеяда французская, экспрессионизм, импрессионизм, эпоха декаданса. Тогда частично вернулись к романтизму, но уже без размаха. Тут и субъект, самолюбование своей оригинальностью. Ну, многое делалось теперь pour epater la bourgeoisie. А те романтики, Новалис,

Вакенродер, Тик, — они ни на кого не оглядывались, ничего не стеснялись. Или Шеллинг. Раннего Шеллинга не поймешь, то ли он поэт, или философ. Всё насыщено жизненностью, цельностью, оригинальностью. Но что касается учения о стиле, этого у них мало. Они больше занимались своим предметом, а не теорией стиля.

Фолькельт знаменитое имя. У него три тома «Эстетики»[88].

Чтобы историю стиля написать, далеко еще время не наступило.

У Азы Алибековны кафедра, которой она заведует. Пока я не умер, я велю ей заведовать, а как меня не будет, она на другой же день уйдет.

Бумаги, бумаги… Это всё после XXIV съезда. Я вижу по аспирантам. Чтобы оформить работу, ее же надо несколько раз на кафедре читать. Ведется подробный протокол. Потом Ученый совет; но это пока еще предварительно. Потом нужны оппоненты. Пустое мучительство. Если дали мне аспиранта как руководителю, так что я, неужели пропущу слабую работу? Ненужная формалистика. Так как по существу сделать ничего нельзя, то XXIV съезд делает это усиленной формалистикой. Сделает ли чего? Время покажет. Сейчас, кроме трепки нервов, пока ничего. А молодые по 900 учебных часов имеют. Это же каждый день преподавать надо. Когда тут успеешь что-то сделать. У всех же семьи. Нельзя же целый день быть на работе. Ведь все целый день на работе. Я думаю, ничего не будет, кроме культурного отставания.

Там, где будет сердцещипательное…

Яркий формалист, и формалист западный, культурный такой,

грамотный, настоящий (Жирмунский).

Макарий Египетский проповедует мистическое восхождение, опрощение; человек расстается с отдельными вещами. "АлХсостц, АЬ- geschiedenheit. Но все это выражено в практической, а не философской форме. Для меня важнее Максим Исповедник, Ареопагитики, где сплошной Прокл. Это годится для исследования. А внутреннее…

**21. 11. 1971.** Говорили о большом стиле Гёте. Потом снова о Пушкине.

«Фауст» Гёте имеет стиль — потому что это не что-то отдельное субъективное или объективное, но это ведь изображение всей истории Европы с

Возрождения. Начиная с того, как этот доктор, окруженный своими колбами и книгами, решает броситься в человеческую жизнь, — это ведь всё Возрождение. Затем, конечно, влияние античности. Мефистофель ведь тоже, как в античности, неличное, космическое начало.

*A lies Vergangliche ist nur ein Gleichnis —*

это символизм.

*Das ewig Weibliche zieht uns heran —*

Вот он, оказывается, о чем говорит! Это тебе уже не психология. Тут конечно не личное. Действуют социально-исторические силы. Но Гёте все-таки слишком философски понимает слово. В конце концов слово есть нечто художественное. А Пушкин?

*Прекрасное должно быть величаво…*
*Ты сам свой высший суд…*

Можно сделать отсюда очень интересные выводы такого аристократически-платонического характера. Я это могу привести в контексте моей эстетики. Правда, если взять всего Пушкина, то он же там везде изображает простых людей, и у него просторечие, совсем не идеализм.

Когда балерина танцует и ты не чувствуешь никаких ограничений со стороны физической, то это искусство. Как будто бесплотно. Конечно, это художество долго создавали, но тем не

менее — всё летает вне времени и пространства.

Немцы 18–19 веков хорошо раскусили сущность красоты. И это было еще более развернуто Гегелем и Фридрихом Фишером.

**26.11.1971.** А. Ф. говорил как главный оппонент на защите Александром Дмитровым Ничевым работы о катарсисе у Аристотеля, подчеркивая: катарсис явление не психологического, а интеллектуального порядка; трагическая вина предречена от века, так что и боги виноваты; трагическую вину надо рассматривать не как личное преступление, а в общей связи судеб богов и людей; 5oJa — гносеологическое понятие, «результат познавательной способности»; Аристотель абстрактный философ, «аристотелевскую фразу могли понимать только верующие» (в философию).

И, отвечая на обстоятельные возражения Ничева ему и другим оппонентам: да, что касается русской традиции исследовательской работы и в частности Аристотеля с его катарсисом, то действительно, можно сказать, остается чего желать. И если даст Бог будет второе издание моей книги, то я приму в соображение мысли диссертанта. Наконец, о преувеличении значения религиозного элемента у Аристотеля. Мы никогда не сможем ответить на вопрос, каковы субъективные мотивы Аристотеля. Будучи материалистом, он возражает Платону или — защищает трагедию как достояние религиозного мышления? Мне кажется, что в связи со своей теологией Аристотель воздерживался от радикальных мнений, чтобы не вызывать отрицательное отношение к трагедии. Однако он не мог выступить с прямой защитой трагедии.

**30. 11. 1971.** Году в двадцатом книжные люди пишут в библиотеку университета: «Я, несмотря на военное время, приобретал книги и могу выслать…». Они, конечно, ничего не собирали, а просто Германия была полна книг. Купив у этих людей книги задешево, выиграл университет бы. Но: «мы не можем выписать книги…». Тут ведь заваруха началась, с 1918 по 1923 тут ералаш шел. Денег не было, всё шурум-бурум. Так что журналов с 1918 по 1923 в библиотеках нет. А в Ленинграде они были! Я посылал тогда запросы туда. Статью туда написал, «Геометрический стиль в Илиаде Гомера». А в Москве ничего нет, потому что это 1921 год[89].

Наш общий учитель Моммзен сказал: «Das Buch ohne Index ist kein Buch».

**5. 12. 1971.** Энгельс писал: революция отняла у француза спокойную жизнь, теплое и уверенное самочувствие, веру в Бога, свободу действия и движения, отняла детское и наивное мироощущение, и что же она ему дала взамен? Свободу торговли.

Реакция на это — романтизм, который всю эту мелочь выкинул и ударился в потустороннее. Энгельс: романтизм был нужен; все эти 50 лет люди не могли удовлетвориться тем, что в состоянии теперь свободно торговать. Хотелось другого.

Наивность, простота, детскость пропадают после революции, начинается будоражение, опасность, надо бороться за свое существование, требуются усилия, чтобы его поддержать. Поэтому якобинство необходимое следствие революции, как и сталинисты. На гильотине казнили, и ты знаешь, какие безобразия творились? Из собора Парижской Богоматери взяли чашу, из которой все причащались, и заставляли всех ходить и гадить в эту чашу, так что чаша скрывалась.

Это чтобы удержать человека в состоянии тревоги. Хочешь хлеба купить в булочной? Нет, становись в очередь… А несколько лет и хлеба нет, а только вши. Наконец ввели НЭП, а то помирали с голоду.

Революция — ужасная мистерия жизни, человек теряет наивность. Якобинство неизбежно для сохранения нового порядка — а потом реставрация. Тут уже приходит философия без гильотины. Это философия с человеческим лицом, Дубчек. Он же проповедовал социализм с человеческим лицом, за что его и убрали.

— Революция болезнь общества?

Я читал «Социальные неврозы»[90], французскую книгу в молодости. Может быть, она где-то есть. Так этот автор рассматривает все войны, революции, переселения народов как социальные неврозы. Робеспьер это социальная истерия, и Сталин тоже. Стало нельзя жить свободно и спокойно. Куда-то надо обязательно ехать, что-то покупать, что-то делать, сидеть на месте нельзя… А раньше жили свободно и спокойно, в меру своего достатка. Тут вдруг ни к кому нельзя стало обратиться, ничего попросить, остервенение возрастает с каждым днем… Ты не читал Тэна, «Origines de la France contempo- raine». Богатые ссылки, он же ученый-историк. Сначала о времени перед революцией вышел его первый том, «L'Ancien regime». Потом три тома о революции. Боже мой, что

он там изображает! Это ужас. Прочти. О якобинстве, о том, как Наполеон пришел к власти… Тэн ведь ученый, реакционный историк.

А ты говоришь — почему? Почему истерик дает по морде? А кто его знает? Истерия штука очень загадочная. Возникают реакции совершенно несообразные. На какое-нибудь маленькое событие реагируют до драки. Потом расстраиваются.

— Но некоторые страны этому, кажется, не подвержены.

Какие? Англия? Америка?..

**8. 12. 1971**. Гильберт, аксиомы геометрии. По сути это отбрасывание аксиом, потому что вопрос об истинности этих аксиом полностью отпадает. Гильберта интересует только, действительно ли система вытекает из принятых аксиом. Тут открывается другое пространство, безотносительное к содержанию. [91]

ЛЕФ. Томашевский. Эйхенбаум знал литературу и, будучи формалистом, умел подать структуру. Тынянов, Шкловский, Энгельгардт, Жирмунский — это основные формалисты. Особенно Тынянов.

Потом они разбрелись. Их разогнали. По разным углам продолжали свои теории.

Задумывают сейчас издание Аристотеля. Там Ойзерман путался. А мне не предлагают… Сам я не напрашиваюсь. Когда предлагают, я не отказываюсь. Есть Асмус, но он ничего не делает. Самое большое, имя поставит. Он занят изданием своих сочинений. Ойзерман опять же не филолог. Он даже греческих букв не знает. Туда надо же какую-нибудь рабочую скотину. Кто же скотиной будет?

Это дело вообще-то интересное. Но оно рассчитано на много лет, и надо будет отказаться от многого. Что ж я запнусь в этот текст Аристотеля… Тут надо три скотины. Если предложат, я возьмусь. Только медленно буду делать. Однако не предлагают. И слава Богу, что обошлось без меня.

Потом, может быть, там думают, что Платона я понимаю, а Аристотеля нет. Так с точки зрения обывателя. А знающий, например ты, поймет, что Аристотеля я ценю очень высоко, не ниже чем Платона. Могу, конечно, дать несколько мест, заимствованных Аристотелем из Платона. Это вот людям не нравится.

Асмус… Его много колотили, и он выработал такой стиль, что комар носа не подточит[92].

Сон у меня плохой…

**10. 12. 1971**. Он (?) ученик Аванесова. Изучить заголовки статей в газете за 200 лет — целая диссертация, кандидатская, и хорошая ученая работа. Аванесов очень почтенный человек и большой знаток языка. Это большой человек. Когда приходит его ученик, то тут уж явно надо ожидать диссертацию повышенного типа.

Лазарев анализировал рублевскую Троицу. Рублев ангелов не рисовал, а просто контуры обвел. Так вот, оказывается, если только одну орнаментику, один только рисунок формальный рассмотреть, то уже понимается очень музыкальный ритм. Да по-

моему даже если дать этот рисунок отдельно человеку, который не видел целое изображение, всякий скажет: какая музыка, какой временной поток выражен в этом пространственном стиле. Дело в орнаментике, рисунке.

Он блестяще доказывал, что тут идет временное колыхание. А когда просто смотришь икону, понимаешь не всё. Стиль будет тогда, когда просматривается живая структура, снятая с произведения.

В «Истории византийского искусства» Лазарева икона здорово проанализирована с точки зрения качества пространства. Оно не однородно. По Евклиду ничего не получилось бы, лица у иконы не было бы. Не было бы разных уплотнений и разрежений. Вроде бы Эйнштейн дает понять разную сжатость и разжатость времени; и то же есть в произведении искусства. Главное — разная степень пространственности.

Конечно, всё сперто Лазаревым у австрийских искусствоведов, Дворжака и других.

У Сакулина[93] есть маленькая книжка о русском синтаксисе, он там вводит шеллингианские понятия. Аллегория — басня; конь, который говорит с Ахиллом, — символ.

Александр Викторович Михайлов. Опрыскивал деревья ядовитой жидкостью, и он ослеп на один глаз. Его сейчас травят… Что он не умеет

переводить. Он делает в своих переводах так, чтобы соответствовать стилю романтиков. А этот дурак Григорьян[94] говорит, что получается не по-русски. Михайловский перевод Жана Поля забрили. Михайлов и так был в плохом настроении, а тут еще несчастье с глазом.

Оля[95] его нашла. Он все сделал, и всё направил. Вот прислали вчера вёрстку. Такой симпатичный малый, Саша Михайлов. Он по Клейсту работает. Значит, ему надо брать переводы, работа для других, а для себя что остается? Его работа о Клейсте не подвигается. Вот теперь поспорил с Геннадием Николаевичем Поспеловым. Он — Геннадий Николаевич — смирный, но почему-то они поссорились.

… Как судьбы нет? Что же, мы судьбы не видим, которая может каждую минуту случиться? Судьба подлинная реальность; мы живем в мифологии. А ты говоришь — законы природы. Нет, раз уж ты обратился к истории, тут сплошь всё судьба. Поэтому античное учение о судьбе есть максимальный реализм. По крайней мере, античные честно о судьбе говорят. А тут у нас везде — обман!

**12. 12. 1971**. Под нравственностью в античности понимали не мораль, а особое духовное состояние, любви, магического и

духовного обожествления. Магия начинается тогда, когда я = не-я. Вот Эмиль Золя. У него любовь дана как небывало острое ощущение телесного мифа. В любви человек действует не как он сам, а как тело. Поэтому любовь магия.

Urphanomen у Гёте то же самое, что платоновская первосубстанция.

Григорий Постников переводил Новалиса без системы.

Русский человек ведь это же каша и сумбур. Редактора всякие параграфы там, главы просто выкидывают из моей рукописи. Например, я писал «Античную мифологию в ее историческом развитии». Редактора упражнялись, ухудшили и замусорили, что-то кашеобразное получилось. Потом директор издательства еще посмотрел. Я привожу немецкого автора как положено, со страницами. Так он повыкидывал все номера страниц. Почему?! Русский сумбур. Надо, чтобы был сумбур. Иначе — буржуазный предрассудок. Ну что

могло руководить таким человеком, кроме такой… страсти к хаосу?

Другая редакторша, когда время было космополитическое, выкинула у меня все иностранные ссылки. Я говорю: не могу в таком виде печатать; я ведь излагаю Виламовица, Керна «Mutter Erde». Если оставить без ссылок, то скажут, что либо с ума сошел Лосев, либо плагиат. Я бился несколько месяцев. — Это же ведь записки, мемуары надо писать, как эта женщина истерически билась, чтобы не было иностранных имен.

В результате бессмысленной борьбы, бессмысленных встреч, словоизлияний я добился, что некоторых авторов снабдили ссылкой. Но отнюдь не всех. «Довольно, довольно, вы уже и так ссылались». И вот эта битва шла несколько месяцев. Я добился только того, чтобы ссылки были по крайней мере на самое главное. Остальное получилось плагиат. Слава Богу, что в России нет специалистов по мифологии. А то бы сказали, что здесь половина или четверть списаны у других без указания авторов.

Правда, такая книга у меня была только одна. Другие хотя и тоже пробивались с трудом, но уже больше по плоскости стиля, распределения материала. А в том случае ведь был фактически подлог! Ты бы живот надорвал! Это, говорю, «Античная мифология в ее историческом развитии».

Теперь чуть легче. Мои старые книги плод кровавой борьбы с редакторами. Например «Античный космос». Я же понимаю Платона живо, но всё живое оказалось выкинуто. Хотя редактора ничего не понимают, но у них есть инстинкт. Инстинкт это торжество механизма и смерти. Не имея ума, имеют инстинкт удушения жизни. Он всё удушил. В результате книгу читать

нельзя.

Начиная с «Парменида», правда, уже мало трогали. Там труднейшая логика, которую никто не понимает. А живое, восхождение и так далее — всё выкинуто. Оставлено только трудное филологическое, которое никто не поймет. Пояснения живые выкинуты. Теперь всякий человек, увлекшись заглавием — «а, интересная вещь!» — на второй странице бросает читать. Только чистая логика оставлена. В моих объяснениях была структура космоса, но и она выкинута.

Ну просто невозможная была вещь. Сейчас стало легче. Этого ужасного периода ты не знаешь.

А вот все-таки даже и теперь. Идет мой первый том «Античной эстетики». Молодой человек, редактор, взял рукопись и задержал, надолго. Потом приносит: всё живое опять вычеркнуто. Всё переиначено, неузнаваемая картина. Это не мой труд, я так не могу писать! У меня логика, продумано, а тут сумбур. Я просто ушел в другую комнату, не стал разговаривать. Но тут вступилась Аза, стала умолять, упрашивать, доказывать… Ну, ладно. Через 2–3 недели он приносит — всё вставлено обратно. Но у меня были связующие фразы, а он их не вставил! Получилось фрагментарно. Это мне чуждо. Я очень слежу всегда за логикой, я сумбура не терплю.

Он либо забыл эти связующие фразы вставить, либо намеренно не вставил. Абзацы вроде бы мои, но связи между ними нет! Мне читали, я расстраивался, чуть не плакал… Меня успокаивали. Я вставил обратно связующие фразы — он вписал половину этих фраз, а половину не вписал. Так и вышла книга, в которой много мест фрагментарных. И никто не поверит, что это просто издевательство молодого человека над старым ученым.

И в результате всего издательство накладывает штраф! Я превысил допустимую правку! Больше 10 % от общего объема правки делать нельзя! Значит, всю эту мерзость, которую проделал редактор, он на меня навалил. Я должен был оплачивать. Слушай, я говорю, я не гоняюсь за деньгами. Возьми с меня за сверхурочную работу, я тебе охотно заплачу. Но ведь теперь мне несколько тысяч штрафа придется платить за твои же безобразия. «Да, говорит, неловко получилось… Ну да ладно, уж лучше вы заплатите штраф…» Пришлось заплатить огромные деньги, несколько тысяч.

Это можно написать десять томов, какие были редактора, как они невежественны и во что превратили мои труды. Сейчас стало легче, но всё равно то и дело получаешь по морде. Не поймешь почему. Какой-то инстинкт действует. Русского сумбура, и еще чиновничьего государства. Во-первых, редактор должен много

делать. Надо напачкать, наворочать, наврать. Тогда начальство скажет: «Хорошо, много работает»…

А при Сталине — так было просто невозможно. Никто не знает тех страданий, тех унижений и тех оплеваний, которые я претерпел. А еще завидуют, что я так много напечатал… И тебя будут мурыжить. Не может быть, чтобы переводчика не били, не мучили и не мурыжили.

Или вот еще — вычитка. За пятьдесят лет я не могу понять, что такое вычитка. Я как-то спросил Кашкарова[96], что такое вычитка, а он говорит, не знаю.

Вот с марта по декабрь мурыжат. И денег не платят. А жить надо. На что же жить? Я живу на иждивении жены, потому что вся моя зарплата уходит на оплату секретарей, перепечатку и так далее. Когда мне что-то делают, я-то плачу сразу. Я считаю это дикостью, сказать: «Володя, приди за деньгами в феврале». А им — ничего, хоть подохни. Ни копейки не платят. И всё сам делай, переписывай, исправляй, так что выдача денег в конце имеет чисто формальное значение, потому что всё давно уже оплачено помощникам, вымучено, роздано.

Мы тут сдавали с Азой «Античную литературу» в Учпедгизе, так там не то что ничего не дали во время работы, но заплатили только через год после печатания. Это же какое-то крепостное право, колониализм. Ну хорошо, я имею оклад, а масса же людей не имеет. Мало ли людей живет литературным трудом? Так спрашивается, на что же им жить, если им не платить? Вот как-то живут, оборачиваются.

**15. 12. 1971.** Когда мне не спится, я перевожу с русского на латынь и греческий. Что придется. Стихи, молитвы, разговоры… Когда переводим на латынь с аспирантами, то идут только стихи Пушкина, Лермонтова и Державина. «Я помню чудное мгновенье…» — это же и легче перевести. Это легче сказать по-латински, чем какую-нибудь тошнотворную гадость из Попова.

Как ни стараются сделать Кроче абстрактно-идеалистическим, но ведь у него правильное выражение есть эстетика. — У него было 60 тысяч томов, библиотека в несколько этажей. И когда он о чем беседовал, то говорил: «Вот это надо посмотреть», «сейчас это посмотрим». Смотрите, читайте! Так что это была голова… не русопетская голова.

Его всё время затыкают, игнорируют и воруют из него.

Кроче, Кассирер, Сюзанна Лангер.

Позитивизм — фактологическая эпоха, учение о посюстороннем мире, который не управляется самостоятельными идеями. Но позитивизм ошибся. Даже

вычисляем мы в математике тоже идеально. Позитивизм сам

себе противоречит. Математический расчет затмения — это идеализм! Если брать чистый препарированный факт, тут конечно просто. Но если вычислил реальное событие, то тут уже не только наблюдение факта, а умственная работа. Без нее сколько ни глазей на небо, всё равно ничего не определишь точно.

Позитивизм вообще противоречивая вещь. Позитивизм невозможен. Это просто глупость целого столетия.

Бальзак начинал с романтизма. «Шагреневая кожа». Там ведь идея «Портрета Дориана Грея».

Кассирер в «Erkenntnisproblem» дает историю всей гносеологии. Он там узкий кантианец. Декарта, Спинозу разбирает логически. Четыре тома[97]. У него различаются Substanzbegriff и FunktionsbegrifF.

Балет понятий у Гегеля.

Неопозитивизм всё сводит к языку. Витгенштейн Στείχω ступать, русское стезя,στίχος ряд, минимальный сдвиг, заряд бытия. Подвижная заряженность, смысловая насыщенность, тенденция к целости и так далее. Атомы — это слишком сухо. Στοιχεέον буква в смысле минимального шага в ряде! Мы старались найти в античной букве жизнь, заряженность, движение. Буква на первый взгляд малое дело, но ведь тут у нас намечается перемена всего представления об античности. Там не сухая механика, не Und- Verbindungen[98]. Да ведь и в жизни по-настоящему всё сложнее. Против механических Und-Verbindungen я и читаю здесь всех авторов.

У меня мнемонические цели. Выборочный обзор. Ради легкости восприятия.

Злиться нельзя, это плохо. Спокойно и безразлично ко всему относиться тоже нельзя. Среднее, видеть в объекте и достоинства и недостатки, вот что красиво. Злость плохо, безразличие тоже плохо. Среднее — эстетический принцип, согласованность общая. Аристотель больше занят этим делом, серединой. Душа? Ну, конечно, ее тоже можно представить в виде равновесия, когда она не очень сильная или злая и не очень ничтожная, а так, греческое джентльменство.

Сократ, или его собеседник, вдруг меняет что-нибудь в отношении середины, и сразу становится видно, что тут затронуто главное. И они благодаря этому сразу переходят в новый план.

Аристотель пишет довольно скверно.

Отличие нашего культурного сознания от античного.

# 1972

**4. 1. 1972.** Газовщик выключил у Лосевых газ, потому что не нашлось какой-то бумажки. А. Ф. вспомнил былое.

Заметь, вся революция делается по бумажкам. В 1919–1920 году я был в Нижнем Новгороде. Так ты знаешь, сколько нужно было документов для проезда! Десятки документов. Идет бригада проверяющих. Мой сосед вынимает целую колоду бумаг. «Тут ничего нет.» Тогда он из другого кармана достает еще пачку документов. Проверяющий плюнул и ушел. Справка от домоуправления, на тифозность, справка на съестное, без нее отбирали картошку. Меня Бог спасал, как-то я ездил в Нижний и не заразился тифом. Правда, мне давали на шею, на тело мешочек, умерщвлять вшей. Это ли помогло, но остался жив, хотя болел воспалением легких в двадцатом году.

У меня такое впечатление, что и сейчас всё по бумажке. А после двадцать четвертого съезда и вообще дохнуть без бумажки нельзя. Не знаю, доживешь ли ты до нормального человеческого общежития. Я-то не доживу. Да и не уверен, что ты доживешь.

Гитлер: «Русский народ потому держит у себя советскую власть, что он не имеет никаких потребностей». Раб по сознанию. Не мыслит иного положения. Механическое орудие. Не личность. Хотя мы, старые преподаватели, из кожи лезли вон, доказывая, что рабы были личность, но раб ведь не ощущает себя как личность и даже потребностей не имеет.

Граф Кайзерлинг, «Tagebuch eines Philosophen» [99]. Он там описывает, как в Японии девица спокойно поступает в публичный дом, собирает накопления, потом выходит замуж. Он говорит, что после этого понял, что на Востоке нет чувства личности. Ее личность не задета. «Это потому, что на Востоке нет чувства личности». Японцы лезут в бой, чтобы погибнуть на самолетах, которые не имеют бензина, чтобы возвратиться на аэродром. Ему не важно, будет ли он жить. Чувства личности нет.

И Кайзерлинг в конце говорит: «Когда, вернувшись домой, я вошел в свой кабинет и заиграл фугу Баха, то почувствовал, что я европеец, что у меня есть чувство личности и что у меня есть логика». В самом деле, муэдзин может петь, да он и поет, вечно. Это природное явление, а не историческое. Вся эта музыка вне истории. Бетховен, Бах, наоборот, это строгая логика, у них есть начало, есть конец. А восточные песни, они все без начала и без конца.

Россия, конечно, немножко приобщилась к Западу, но

безличного, бездушного, безыдейного, каменного очень много. Рабства много. Попробуй, посмотри американца, англичанина, как он идет по Арбату, — грудь колесом, видно, что в жизни не подхалимствовал, ни перед кем не кланялся. Это всё несравнимо с русским болотом.

Пушкин: «Дернул же черт меня родиться с душой и талантом в России».

**16. 1. 1972.** Брехня, что душу не знаете! А что, у вас душа в пятки не уходила? душа у вас никогда не радуется? Будто это китайское, а не индоевропейское слово. Сами скажете о ком-нибудь: душевный человек. Разве не знаете, что это такое? Люди прекрасно знают, что такое душа, но делают вид, что души нету. И даже в учебниках запрещено употреблять слово душа.

Или, может быть, ты не знаешь, что такое Бог? Прекрасно знаешь. Безбожники, думаешь, не знают, что такое Бог? Прекрасно знают. А кого же они отвергают? Вот я скажу, как говорит Щерба, «глокая кудра»[100]. А что такое глокая кудра? Раз ты так спрашиваешь, ты же вроде бы должен уметь определить, что это такое. Но нет, определение дать нельзя. А всё понятно! Ты знаешь этот его пример — что можно не знать предложения и понимать каждое слово. Если ты не знаешь, что такое душа, ты врешь. Если не знаешь, что такое Бог, ты врешь. Почитай Канта. У него определено, что Бог есть принцип единства мировой истории.

Ты, может быть, и мир не знаешь что такое? Ведь если ты не знаешь, что такое душа, ты не знаешь и что такое мир! Солнце не мир, а часть мира. Земля не мир, а часть мира. Все знают и употребляют это слово, мир, но определить не могут и преспокойно остаются на почве интуиции.

Может быть, ты не знаешь, что такое бессмертие души? Опять врешь. Уже самое предложение я умру показывает, что я и смерть разные вещи. С тем же успехом я могу сказать, что не знаю что такое материя. Лампа входит в материальный мир, но она не есть материя. А мои ботинки? Они материальны, но не есть сама материя. А что такое материя? Все знают, а определить не могут. Разве что вот только идеалисты знают, что такое материя, точнее. У материалистов материя это нечто волшебное. Идеалисты понимают ее более позитивно.

Так что все эти понятия, Бог, душа, мир, прекрасно известны до всякого определения. Интуитивно понятно, как, если палец разрежешь, будет больно.

Словом, брехня вокруг сплошная. Не знают, что такое душа… А если я ему скажу, что он бездушное существо, он обидится. Да и обижаться нечего, права не имеешь! Если я скажу, что ты

круглый квадрат, то и обижаться нечего. А скажу ты бездушный, бессовестный — обидишься. Опять же совесть… Простите, всякий материализм хватается за совесть. А определение дать? Трудно определить.

На бессовестный ты обидишься. Да чего тебе обижаться, раз всё это ничего не значит? Нет, мы на самом деле ценим и знаем, что такое душа. И нам обидно, если нас называют бездушными. Почему? Потому что это великие понятия, которые мы интуитивно очень высоко ставим. Бездушный всё равно что дурак. Знаешь, что такое дурак? Так и знаешь, что такое бездушный.

Я обижаюсь на бессовестный, потому что совесть для меня очень важная вещь. Я могу грешить против совести, но сказать, что мира нет, души нет, совести нет, — это глупость, которая, как мне кажется, везде в Европе изживается и только царствует в Советском Союзе. Бог, душа, эти слова здесь нельзя употреблять. Разве еще совесть как-то можно определить. Но мир определить не могут. Для этого надо думать, быть философски подкованным человеком.

А вот еще случай, если человек не понимает, что такое Бог, потому что безрассудные родители не употребляли слово Бог. Казуистика такая: станет взрослый, сам решит, что такое Бог. Это казуистика! Если ты в детстве не узнал, что такое красный цвет, то и в восемнадцать лет не узнаешь. Дети не понимают слова Бог? Вранье. Играют же дети в королей, принцев, говорят: я принцесса, слуга, паж.

Так почему же они слова Бог не понимают, когда говорят, что Бог накажет? «Не бери чужого, а то Бог накажет».

Правда, мало ли идиотов. Есть и религиозный идиотизм. Человеку просто не разъяснили вовремя. Ну, допустим, он не знает, что такое Бог. Я не знаю интегрального исчисления. Это не значит, что нет интегрального исчисления. Я ведь знаю, что такое одна миллионная часть. Тогда должен верить и в интегральное исчисление.

Вико — он сложный. Там in nuce вся новая философия, диалектика. Раньше его не знали, теперь излагать боятся. Там у него всё… Там о Гомере замечательное рассуждение. Совершенно фигура оригинальная. Небывалая. Целый его том был переведен в 30-х годах[101]. Замечательная вещь.

Художественное произведение есть соединение формы и материи, содержания и формы. Это целое можно рассматривать с идейной стороны, тогда получим стиль, а если реально, то получим формы самого искусства.

**23.1.1972.** Я тебе скажу по секрету. Православное декадентство — Флоренский. Истинно верующий… Как

современный неотомизм на Западе. Это у нас было неоправославное декадентство. Флоренский был священник, преподавал в Духовной академии. Но на защите его диссертации один сказал: у Вас богатейшие примечания, но у Вас вот например письмо под названием ревность, другое любовь; я ищу православных источников — а Вы цитируете Пушкина, «Я помню чудное мгновенье…» Хохот в зале. Хохот дураков! Флоренский хочет найти софийную красоту в человеческих переживаниях, кончая самыми возвышенными, аскетическими. Сартр, шпана — растеряли бытие, привыкли иметь только переживания, поэтому тошнит. Что-то увидел, чего-то не увидел, и уже сюсюкает, размазывает. Так что тут выхода нет. А насчет Флоренского не знаю, может быть это и выход. Такие вот есть и католики теперь. Во многих сборниках о них есть, с руганью конечно, но цитаты интересные.

**6. 2. 1972.** С меня довольно этой борьбы. В своё время я и говорил, и боролся, и ездил в центр, и в провинцию, и добился только того, что сам остался

цел и напечатали довольно много. Но сдвинуть с мест эту махину мне не удается… Всё-таки мои задушевные идеи не находят хода.

«Мракобесы». Этот термин так гулял в 20-х годах, что носу сунуть никуда нельзя было. Не знаю, может быть, теперешние кусачие выпады тоже ведут к высылке.

В ВОПЛях статейки маленькие. В отличие от массы советских литературоведов, которые не мыслят, а только ощущают, эти — Палиевский, Эльсберг — умеют мыслить. КЛЭ овеяна новым духом. Там теперь Палиевский. Но вот уже некоторый зажим есть, начинает ощущаться. А что будет в седьмом томе? В нем ведь по алфавиту будут очень ответственные статьи. «Соцреализм». Не знаю, как они выберутся из этого дела.

У меня вся античность продумана в социологическом, историческом плане. Матриархат, патриархат, афинское государство, падение полисной системы — всё у меня проанализировано. Я могу похвалиться, что я один проработал всю эту махину в марксистском духе. Какой-нибудь Петров, есть такой, — они дуют по старым установкам.

Божество выше моделей. Оно — чистое ὑπέρ. Ἐπέκεινα τήζ οὐσίαζ за пределом бытия.

Других ругать не будут, а меня будут. Зачем дразнить гусей?

**9. 2. 1972.** Спор номиналистов и реалистов. У одних idealia sunt nomina, у других idealia sunt realia. В грубой форме номинализм есть махизм. Или вот Витгенштейн. Он ничего не утверждает. Изучает только то, что является в его сознании. — Но

теперь так и должно быть. Всё остальное уже было. Отзвонили свое Гегели, Шопенгауэры.

У Вячеслава Иванова объект не realia, а realiora, вещи второго порядка. Многие двурефлексивность ограничивали одним субъектом, то есть языком. Но язык безбрежное море. Слово, разве мы им только называем предмет? Это ведь неправда. Когда я говорю дом, я имею в виду не материальный объект. Объективирующая функция в слове может быть, а может и не быть.

«Fall Wagner» у Ницше это не судебный процесс. Я спрашивал одну немку. «Ну, вы знаете, что такое Fall, — случай, происшествие… то, что случилось с Вагнером».

А. Ф о Ницше: ловко пишет, здорово пишет («Несвоевременные размышления» 19 о логической связи в книге Давида Штрауса).

Дионис начало взрывное, мятежное и лирическое. Музыка лирична. Музыка плюс эпос есть трагедия. Эпос трагедии нужен, чтобы были лица.

Шопенгауэр и Ницше, с них начинается двурефлексивность. Ты наслаждаешься эстетическими формами, но не элементарно; хотя бы ты и держался тех же классических канонов, но в твоей рефлексии есть уже только переживание самого переживания.

Intentio prima, термин средневековой философии, есть фиксация чисто мыслительного объекта, когда нельзя сказать, есть он или его нет. Intentio secunda предполагает уже направленность на реальный объект. Интенциональный акт в первом случае — он именно иррелевантен, в смысле Гуссерля.

Структуралисты просто хотят разграничить слишком сложный, насыщенный процесс в реальном языке от чистого, логического. Столович, Лотман мои знакомые. Ко мне писал года полтора назад Лотман и даже просил участвовать в своем издании. В общем я тебе скажу, что их работы очень интересные, но я скажу и то, что они злоупотребляют внешностью, чертежами, названиями. Ну хотя бы такой термин, как «иррелевантный».

Чистосердечно говоря, то, что они делают, полезно. И вот первый среди них там Лотман, у него просто хорошая работа. И структурализмом он занимается в меру. Но всё-таки, особенно у других, много лишнего, вздора, пускания пыли в глаза. «Языкознание и математика»!..

Fan, fatum это греческое φημί, говорить.

«Луг зеленый», Андрей Белый.

Marinetti. Манифесты итальянского футуризма.

**13. 2. 1972**. Гильберт. Его аксиоматика уже рефлексия не над бытием, а над представлением бытия. Двурефлексивность. *[102]*

… В частности, по Эйнштейну, другое пространство около Солнца. Отсюда он и стал мировой знаменитостью. И у Морье я нахожу что-то подобное: внутри самого стиля находятся разные стороны, и так далее. Открываются новые стороны; двурефлексивная установка.

Махизм: мне не нужен ни объект, ни субъект. Откуда масса, я не знаю. Объект? субъект? Ничего такого не знаю и не могу знать. Я физик, остальное метафизика. Ленин вскрыл здесь субъективный идеализм. Но ведь и у Аристотеля так же: искусство изображает не то, что есть, а то, что может быть. Специфическая форма сознания.

Так в лингвистике многие, одни сознательно, другие бессознательно, исходят из того, что в языке и мышлении есть такая иррелевантная область, или, как Гуссерль употреблял термин схоластики, интенционалъная область. Куда-то сознание всегда направлено, хотя содержательно это бывает трудно определить. Жалко, что структуралисты так неподвижны в философии. Они бы заметили, что здесь в языке открывается третья сфера, специфическая. «Круглый квадрат», так сказать будет нелепо, но что-то мы здесь понимаем, хотя бы то, что нелепо. Что же тогда, предмет мысли тут объективный? субъективный? Ни то ни другое. Нелепость? Но нелепость тоже есть нечто, и не мышление и не бытие, не субъект и не объект. — Тут нечего бояться. Не надо эту возможность исключать, надо ее спокойно сформулировать, сказать, что она значит. Структуралисты это чувствуют и знают, что здесь что-то есть. Только не надо абсолютизировать.

И в эстетике такая третья сфера имеет большое значение. Но модернизм, взяв эту идею, настолько ее абсолютизировал… до нелепости.

Пикассо нелеп, потому что к нему подходят или объективно, или субъективно. А подойдите с точки зрения третьего бытия… У модернистов порыв агитационный затемняет дело.

Сартр не установился как философ, что скажет в конце — неизвестно.

Экспрессионизм у модернистов. Несчастливцев из «Леса» у Мейерхольда вскакивает на стол. Софья в коротких штанишках, с ружьем и пистолетом, стреляет в цель. Спортивно-балетного стиля изображение. Дебюсси изображает, как вода каплет.

Анненский, переводчик Еврипида; у него игра цветов. Адриан Пиотровский, очень талантливый переводчик и филолог. Тот стиль Аристофана, который он создал («Лисистрата»), это стиль иронии, насмешки, гротеска; это он замечательно провел. Пиотровский ведь сын Фаддея Францевича Зелинского. Греческий

он знает великолепно. Но тут у него не только греческий язык, который он прекрасно знает, а культура большая. После окончания

первого тома его взяли, да и не вернулся. Да и по дурацкой линии, по профсоюзной линии погиб. Там производственников, инженеров расстреливали. А очень талантливый… Он и бесшабашность Плавта уловил. Рим тогда наступал, всё забирал, хорошая публика уезжала в провинцию. Пиотровский всё это понял лучше чем любой марксист.

Ярхо[103] работал больше в академическом плане. У него диссертация о драмах Эсхила. Очень филологично, но в смысле стиля, художественного, не его специальность. А Пиотровский был поэт, эстетик, он именно создавал стиль.

**20. 2. 1972**. Я устроил встречу А. Ф. с Леонидом Ефимовичем Пинским. Было много разговоров о Шекспире и вокруг него. В английской литературе, сказал А. Ф., Оскар Уайльд очень афористичен, очень оригинален, очень глубок. Рембо значительно меньше известен чем Уайльд, и может быть несправедливо.

**21. 2. 1972**. И все-таки нельзя сравнивать импрессионизм с барокко: там взрыв, тут прострация. Там, в барокко, если ты встречал, есть зарисовки рук апостолов, сидящих около Христа, — только рук, и из линий этих рук получается симметрия. Шекспир это тоже взрыв. Посмотри, у него навалены груды трупов. У Корнеля была охота и был вкус преподнести всё в складном виде. А у Шекспира что-то совершенно буйное. Пинский разобрался ли во всем этом? Вот мы, если бы нам ничего не мешало, разобрались бы. И много было бы интересного…

Такой чудовищной, буйной глубины, как у Шекспира, ни у кого больше нет. Разве что Достоевский. Но у него мелкие герои, мещане, маленькие люди, хоть они на Бога набрасываются. А у Шекспира мощные, великие фигуры. Тут нет сравнения. Хотя идеологически, по идеям, которые они высказывают, можно сравнивать. А то, что получается у Достоевского, когда маленький человек уселся за чаем, коньячок дует и рассуждает, «тебе стыдно за мир», у Шекспира этого нет. У него богатыри. В сравнении с ними Димитрии, Иваны

Достоевского это мелочь. У Шекспира великие фигуры. И Шекспир неожиданно выговаривает такие вещи… «Нет в мире виноватых», вот что ляпнул. Где это у него сказано? Не знаю.

Года 2–3 назад я слушал по радио — был юбилей Шекспира, один выступающий говорит: «Очень жаль, что Шекспир не написал ни одной религиозной драмы. Объяснялось это тем, что королева Елизавета твердо запретила всякие столкновения

вероисповедные». Т. е. она всё с намеком на такие предметы вымела. И Шекспир поэтому должен был изображать глубины человеческого я, но ни одной религиозной темы, никакой религиозной глубины не изобразил. Действительно очень жаль. Такой глубокий гений при религиозном характере еще выше был бы. Но вот Елизавета механически запретила всякие разговоры на религиозные темы.

С тех пор такой глубины уже не появлялось. Байрон? Его Каин мелкотный характер. Романтизм? Там вопросы Богу ставит наша душонка.

Некоторые говорят: я вот сердцем, душой верю, а разум мой не верит. У меня наоборот. То, на чем с гимназических лет моя религия держалась, был только разум. А что возражало, так это сердечко, это душонка паршивая; у нее, видите ли, разные неприятности, ее туда-сюда швыряет, вот она и сомневается, не верит.

Я тебе откроюсь, я религиозный человек с малых лет, и моя вера держится исключительно на разуме. А душонка всё время пищит, упирается. Поэтому я не понимаю, когда говорят, что сердцем веруют, а разум возражает. Как возражает? Да простой Кант, который не очень глубок в религии — такой мелкопоместный протестант, — и то определил: Бог есть единство мировой истории! Бог есть принцип судьбы мировой истории! Что тут может разум возразить? Возражает только душонка. Но когда она пищит — есть нечего, со службы прогнали, потолок провалился, — когда душонка топорщится, то по-моему это ничтожнейшее рассуждение, которое нельзя принимать по внимание, на которое не стоит тратить времени.

Степун открыл замечательную вещь: «невозможность оформить религиозное сознание». Всякое религиозное сознание непоправимо трагично. Степун был в двадцать втором году выслан за границу. Когда душевно глядишь на мир, это паршивый мир, который принять нельзя. Трагедия в религии неизбежна.

«Разбойники» Шиллера, написано восемнадцатилетним. Но для таланта не существует возраста.

В языке есть нечто, что не existiert, a gilt. Слову свойственна значимость. У Маха бытие это только условность. Вообще современная наука самая по своей глубине релятивная. Воздухом я конечно дышу, воду пью. Но $H_2O$ это не бытие, ничто. Это теория, которую можете допускать, можете нет. Но это махистское, научное безразличное, иррелевантное бытие какую-то значимость имеет!

Отсюда и структурализм. Структуры все выросли из потребности понимать язык не в его бытии, а в его значимости, в

его формальном выражении.

**26. 2. 1972**. Брюсов большой подвиг совершил переводом Энеиды, но он пошел путем полной поломки русского языка. Ты можешь читать его по-русски и представлять себе латинский стиль Вергилия. Это конечно небывалый переводческий подвиг.

Должен сказать, что в том, как Пинский разбирает Шекспира, есть нечто завлекательное. Во-первых, намечается модель для трагической структуры. Во-вторых, мир трактуется как трагедия, где все будут структурно воплощать эту модель. В-третьих, действие рассматривается как нечто целое, имеющее начало, середину и конец, в отличие от ранее преобладавшего фактологического описания. Например, «Тимон Афинский».

Мы имеем у Шекспира в последовательности его трагедий грандиозное завершение творческого пути, второе из мне вообще известных. Первое это Рихард Вагнер. У Вагнера был удивительно законченный путь. Начал с романтической оперы, потом перешел к нирване, индийскому пониманию

трагического. Отдал дань нирване в «Тристане и Изольде», небывалой вещи по глубине и размаху. Потом понял, что есть новые стороны личности. В «Кольце Нибелунгов» человек максимально героичен. Но в конце, как бы он ни был грандиозен, как бы ни был велик, в конце «Кольца Нибелунгов» происходит кризис героической личности, и Вотан, глава рода великих богов и людей, приходит к мысли, что всё бессмысленно, поджигает Вальгаллу [104], место, где находятся боги, а Зигфрид оказывается во власти низких сил природы. Приняв зелье, он изменяет Брунхильде[105], сам гибнет в результате, его сжигают, Брунхильда бросается в костер.

И вот оказывается, что у Шекспира то же. Я разбираюсь в нем как свинья в апельсинах, но для меня кажется великое дело то, что у него на заре индивидуалистической, субъективной культуры, одной из самых преступных культур, чувствуется, что индивид терпит крах. Пока это расчухали Шиллер и Гёте… Шекспир на заре той эпохи уже знал глубины субъективизма. Он знал, что всё это ничего не даст. И теперь мы видим, как все эти субъекты сметены коммунизмом в мусорный ящик. И если я тут в отношении Шекспира, которого плохо знаю, прав, то это будет второй пример мирового гения, прошедшего свой мучительнейший, сложнейший, трагичнейший путь к спасению.

**27. 2. 1972.** О шекспировской книге Пинского:

Se поп ё vero, ё ben trovato. Всё равно важно. Конечно, образ мира и человека как сцены содержится у Плотина, неоплатоника

3 века новой эры. Тут уж я всё-таки не такой дилетант. У Плотина есть отчетливый образ: приходит на сцену актер, сыграет свою роль и уходит со сцены. А если этот образ есть у Плотина, то он конечно есть и в Средние века. Правда, в Средние века был более известен Прокл, и через арабов, и иначе. У Прокла я этого образа не находил. Но ведь у него тысячи страниц…

Причем у Плотина тут не простой, а развитой образ. К Шекспиру стекалось много каналов, может быть и неоплатоновский тоже. В него стекались сотни рек, в том числе и неоплатоническая.

**5. 3. 1972**. Дебора Шор прекрасный лингвист, у нее хорошие статьи о гротеске, бурлеске. Я помню ее статью под названием «Энциклопедия вульгарной социологии». Она предназначалась для издания, которое заели, два тома не вышло.

Хрущев запретил обливать друг друга помоями. А теперь опять начали. Поругали ряд моих знакомых, Аникста, Дорошевича за то, что они хвалили театр абсурда. Но вот они всё же ничего, работают. При Сталине такая ругань означала бы как минимум исключение с работы или высылку из Москвы.

**11. 3. 1972**. Мы с Леонидом Ефимовичем Пинским у Лосева. Пинский рассказывает о типах евреев. (1) Идеальный. Раввин, который только кольцо одевает невесте. Душа нации. (2) Иуда. Плоть нации. По этому-то типу больше знают евреев другие народы. Его дело нажива. (3) Моисей. Гневный. Сердце нации. Защитник, вождь.

Исайя, Маркс. (4) Семьянин. (5) Соломон. Чувственный, умница, не мудрый. Ум нации. (6) Самсон. Силач. Добрый. Но не дурак, и его не разозли. Жаботинский.

Касты? Нет, у евреев эти типы существуют менее различенно чем касты.

Говорили о романтиках. О переводах. В переводах Пастернака только половина Шекспира и Гёте передана. Адриан Пиотровский. Шервинский.

Пинский: предпочитаю чай, люблю его для цвета, вкуса, духа. Пью на четверть чифирь; верю в чай, его дух. Лосев на это: смотрите-ка, человек не верит в Бога, но в творение Божие верует.

Пинский рассказывает, что в лагере, когда уж совсем не было чая, пили в кружок кипяток. После лагеря выезд за границу для него был невозможен. Всё компенсировалось чтением книг. Шекспиром занимался долго. Заметил, что греческий герой существует каким-то образом вне полиса. А. Ф. был увлечен встречей, но было заметно его скептическое отношение к безверию Пинского. «Всё это хорошо… Ну, ну… Как же он

выпутается…»

**12. 3. 1972**. Продолжаются встречи с Леонидом Ефимовичем. — Прочитали мою книгу[106]? — Нет еще. — А я учился на Ваших книгах, сказал Пинский, у меня широкие интересы. Он захотел прийти еще раз: «Если обнаруживается такая близость, во вторник разрешите снова быть у Вас».

Лосев тоже этого хотел. Кроме формальных любезностей, сказал он после ухода Леонида Ефимовича, может быть разговор более существенный. Правда, он ошибся в своем суждении о моей статье к Хюбшеру [107]. Я же поклонник неоплатоников и античной и средневековой теории. Буржуазное для меня интересно, но слишком абстрактно.

18. 3. 1972. Мы, Аза, годами занимались античной трагедией, а сейчас я думаю, что мы можем понять ее только когда сопоставим с Шекспиром. Нужно несколько типов трагедии сравнить, тогда станет яснее и Шекспир, и античные трагики.

Я думаю, если Пинский напишет специально об античности Шекспира, то это будет что-то значительное. Но мы сами могли бы этим заняться…

Прокофьев барабанит всё время как кулаком по столу. «Музыка века стали». Он может написать в классическом духе, только это его не интересует, его увлекает такое вот бездушие. Но и в самом деле, ведь в слове, в жизни не всё осмысленно. В двадцатом веке складывается технократическая такая, стальная картина жизни.

**26. 3. 1972**. Лотман хороший литературовед, и поэтическое чувство у него есть. Его теория — она-то тоже подходит, но все-таки, даже включая его, я до сих пор не нашел хорошего изложения знаковой теории. Наверное, надо расширить понимание знака. Всё-таки часто область знака берется слишком абстрактно. Знак у структуралистов имеет слишком служебное значение. На сам по себе знак обращают мало внимания, больше глядят на обозначаемое, от знака при этом остается чисто служебный момент. На самом деле знак дело великое, но он имеет определенное место. Для знака в сущности многое нужно, хотя взятый отвлеченно он очень внешнее понятие. Поэтому лингвистам приходится задним числом приписывать ему небывалое значение. Всегда так было в истории философии. Как начнут мусолить категорию, измучат, изнасилуют ее до конца, а потом бросают и идут к чему-то другому. И так вся человеческая жизнь. Я сколько этих завихрений пережил. Ты знаешь, какие были неокантианцы. Такие были, я думаю, и гегельянцы. То же и марксисты. Человек большей частью бывает ослеплен.

Показываешь ему цвета, он не видит. Так всегда. Так и со знаком теперь.

Без знака нет коммуникации. Белое полотно не знак, но на войне оно знак, означающий перемирие. Само по себе полотно никакого отношения к миру и войне не имеет. Иначе всякая вещь, способная служить знаком, была бы словом.

Интуитивно мне кажется, что есть философы модернистского толка, которые употребляют термин стиль. Потому что стиль в этой новой ситуации мировоззренческой должен играть свою роль. Экзистенциалисты, Хайдеггер? Нет, Хайдеггер к эстетике не имеет отношения. Но кто-то, я чувствую, есть.

Существует такая вещь, как определяющая модель.

Вот, например, Чайковскому подвернулась тема Франчески да Римини. Она увлеклась молодым человеком, Паоло. Явился муж, застал их в критическую минуту и обоих уложил, с тех пор вечно витают две тени, тень Паоло Малатесты и Франчески да Римини. Чайковский, прочитав о них, так увлекся, что как сумасшедший бросился к роялю, всю ночь писал, и к утру уже была готова симфоническая фантазия, «Франческа да Римини», там такие облака, громы… Вот что такое модель и как она действует через века. Или «Ромео и Джульетта» Шекспира. Я только не знаю у него истории создания.

**2. 4. 1972**. Ἡγημονικόν— ведущая часть души по учению стоиков. В соответствующем контексте я употребляю слово владычественная.

Вообще русский не любит символ, любит то, что под носом. А символа боится.

**16. 4. 1972**. Саккетти[108] и его отец собирали книги.

Помню, я читал в трудах Духовной академии диссертацию о Пресвятой Троице, диссертацию «Чудо», толстый том. Но там чудо было разобрано слабо, не проанализировано логически. Я его анализирую в «Диалектике мифа» именно с точки зрения логической категории: что нужно, чтобы мыслить чудо.

Феофан, епископ Полтавский, написал работу «Древнееврейское учение о тетраграмме» — о тайном имени Божием, которое нельзя произносить. Это не Феофан Вышинский, издававший Добротолю- бие и Симеона Нового Богослова: Феофан Полтавский ученый, а тот переводчик.

**23. 4. 1972**. Лазарев в «Истории византийского искусства» разбирает пространство в древней иконе. Икона хочет выразить умозрительные тела потустороннего мира, и потому трактовка пространства там совершенно особая.

Таких примеров много. Каждая система философии символична. Гегель среди философов один из самых

символических. Символ у него и Сфинкс, символ и восточное искусство, и доклассическое. Символ есть явная форма, но форма чего? В греческом искусстве это форма божества, которое является в виде человека. Эта схема у Гегеля гениальна.

Но я бы сказал, что восточное искусство аллегорично, а не символично.

У нас всё дела да дела, а безделье ведь вещь тоже деловая. Еще пожалуй более деловая чем дела.

**30. 4. 1972**. Историзм дело относительно новое. Я обалдел, заглянув в Гуревича[109], в его Средние века. Он там во всю дует о времени. Обостренное чувство времени в противовес астрономизму в античности. Почему и нельзя считать Платона настоящим историзмом. Вращаются светила — и всё ни с места… вращаются… вращаются… А в Средние века каждый человек имеет свою судьбу, всё индивидуально.

Или в античности Гераклит. Мир то поднимается, то опускается. Время от времени происходит мировой пожар. Снизу вверх поднимаются испарения, пока не достигнут своей меры. Правит судьба, а не исторический процесс. После пожара приходит опять новый мир. Ewige Wiederkehr, вечное возвращение. То же у Платона.

У Эмпедокла четыре периода мира. Первый: хаос. Второй: выделение раздельных элементов. Третий: период расцвета. Четвертый: старение мира, снова хаос.

У стоиков: терпи и делай, пока можно. Но когда находишь невозможным, кончай с собой.

У Константина Леонтьева учение о стадиях только одна из сторон его философии. Если бы он только этим ограничился, то не был бы православным христианином.

Зачатки историзма есть у Полибия, у Аристотеля, да и у Платона. Но всё же в античности личность недостаточно укоренена, чтобы утвердить себя в истории; чтобы понять, что мир есть акт божественной воли. Правит ἀδράστεια τῦχη ἀνάγκη, неотвратимый случай. Беличий прогресс. Античные боги слишком имманентно человечны. «Они голые и смеются» (Горький). Проклу приходится всех их понимать духовно, иначе получается уж слишком несерьезно. Демодок сочиняет оперетку о Гефесте, который сковал Ареса и Афродиту, застав их вместе в постели; это поет божественный певец Демодок[110]!

У Прокла всё трактуется возвышенно: Арес бог войны, Венера богиня любви, и если Гефест их сковывает, то это означает, что вечная борьба и вечная любовь сочетаются вечным обручем; а божественный смех, раздающийся в результате, это эманация божественной мудрости в мир. Но я тебе скажу, что вообще

единственный modus vivendi этих богов — хохот. По сравнению с морализмом Платона, настороженно относящегося к Гомеру, неоплатонизм ближе к архаике. Прокл дает совсем другую, благополучную картину богов.

Со Средними веками приходит философия исторического развития. Как первый западный человек, Августин погружает время в недра психологического. Он, конечно, остается еще и в античности и раздвоен, но это раздвоение естественно и, если хочешь, неотвратимо. Мир у него раздваивается уже по-христианскому.

Творение из ничего было известно, если хочешь, и античности, только в более формальном и научном смысле. Конечно, у древних отношение бога к миру есть эманация, истечение. Но все же бог на небе существует еще и в предельном виде, только потом истекает. И человек тоже бог, хотя плохой. Но погодите, не спешите: человек может подняться, и тогда посмотрим, чем он станет.

В христианстве по благодати он может стать Богом. Праведник на молитве обоживается, хотя и только по благодати. Христос единственное исключение во всей мировой истории, когда истинный человек есть вместе с тем Бог по субстанции. Другие по благодати. Это я излагаю теперь христианское учение. Там, в античности, идет естественное возрастание человека. Здесь, в христианстве, все ожидают «и паки грядущего судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца»! — здесь всё дрожит и всё трясется. А там ничего не дрожит.

Плотин. Как он глубок. Но у него ни слова нет о покаянии, о греховности; никакого «без Тебя я бы погибла», никакого «помяни мя во Царствии Твоем». Праведник христианин всё время кается в том, что он тут совершил, а у Плотина постепенное восхождение к единению с верховным началом, и во всем этом восхождении нету тепла, я бы сказал, нету чувства личности. Всё естественно, природно.

Августин потому первый человек западного мира, что он первый это всё переживает с рыданием, с покаянием. Всё время он в состоянии какого-то сотрясения. Вот что такое чувство личности. — Граф

Кайзерлинг о японках[111], отдающих себя до замужества. Тут она любит якобы, но как можно любить без чувства личности.

Я бы еще так определил. Античность: история совершается в космосе. Христианство: космос совершается в истории.

Но начиная с 16, 17 веков теряется и чувство космоса, и чувство истории. Время ньютонианское темное, бесконечное. Античность, для которой всё взято в живой округлый космос,

этого не поняла бы. Но и христианство тоже. Для ньютоновского человека надо всё разбить на куски, и тогда опять же не надо каяться. Чего тебе каяться? Ты сам по себе отдельно, и я сам по себе. С тех пор триста лет ушло на миф о бесконечности Вселенной, триста лет человечество исповедовало его.

И вот Эйнштейн как-то снова объединяет историю и космос. Мир конечен, но нельзя выйти за его пределы! Отчасти как у стоиков: если я оказался на краю мира, я не могу высунуть из него руку. Это Эйнштейн, уже не Ньютон.

Как Ньютон поступил с космосом, так научная психология поступает с душой. Раздробили ее на переживания. В учебниках прямо пишут: мы знаем душевные явления, а что такое душа, не знаем и знать не желаем. Начинают с критики души как субстанции. Сейчас, конечно, под общественный лад всё подлажено, тем не менее нигилизм сохраняется полностью. Всё убито в угоду индивидуальному субъекту, но никто не знает, что ему надо делать. Так что эти индивиды просто бегают в суете до сумасшествия.

Скульптура предполагает доскульптурный момент. Ведь фактическое действие хаотично. У Платона ἐν ἀγαθόν проходят стадию воплощения, где достигают скульптурной законченности. У Геродота история это ряд скульптур. У истории есть идея: Греция борется с Востоком. Это конечно идея плоская и позитивная, за которой Геродот чувствует однако более высокое начало.

У Фукидида всё происходит от случая, τύχη. Он признает иерархию промежуточных причин, но так, что конечной причиной всегда оказывается τύχη. Есть русская работа, о религиозных представлениях античных историков. Λογογράφοι в 6 веке понимают миф как историю, т. е. намечается переход к историзму, но история у них не идет дальше фактической.

Правит Λογογράφοι, Неизбежность, от ά-δράω в том смысле, что ничего переделать уже нельзя. Человеческие судьбы находятся в хаотическом состоянии. Платон, конечно, взывает: стремитесь к небу. Но это заповедь и мечта философа, а в действительности… Вы, эллины, говорит сам же Платон, живете как наивные дети, вы забываете всё, что с вами было, у вас не история, у вас сумбур; давайте-ка я расскажу вам об Атлантиде.

Такая близорукость греков однако не от глупости. Так и должно быть при наличии царства идей и при воплощенности идей в быту. Идеи управляют всем, но человек может по своей воле отклоняться от них. Словом, идеальность не спасает от хаоса в государстве. Идеи повсюду действуют, но спасать историческую жизнь с точки зрения своего торжества они не могут.

Так что приходится признать, что в мире есть что-то выше чем идеи. Иначе как объяснить, что, с одной стороны, всё оформлено (тело, государство), а в действительности мир полон катастроф. Платон говорит о переходе от демократии к тимократии, но выхода для истории это не дает, тут только снова утопия. Платон придумал сословия. И вот они как группа Лаокоона стоят перед тобой вовеки, и больше ничего. Плотин учит, что когда время осуществляется, оно становится движением. Но от вечного движения исторического времени еще не получается.

Посмотри Кассирера, то место из второго тома, о котором я страдаю вот уже 30 лет: мифология времени. Типы отношения к времени, основанные на определенных моделях. Например, древнееврейские пророки — это еще одна новая модель времени. У них всё сосредоточено на ожидании Мессии, с них начинается мучительный процесс истории, стремящейся к завершению.

Поэтому и у нас в страстную пятницу читается: «На вечери учеников питаяй и притворение предания ведый, на ней Иуду обличил еси, неисправленна убо сего ведый, познати же всем хотя, яко волею предался еси, да мир исхитиши от чуждаго». Ожидаем спасения мира! И те символы, которые ты знал из античности, получают новый смысл.

Я хватался за еврейский — бросил, нет возможности. А ведь дошел до перевода псалмов. 90-й псалом уже переводил. Nawhi etyego… Но потом всё-таки бросил, потому что невозможно. Музыку любил, потом бросил.

Сравнением славянского и богослужебного языков занимался, но бросил. А интерес ко всему этому остался.

Nicht Hugo, nicht Hugo, sondern HMgo, HMgo! (вспоминает негодование немецкого профессора).

Поляки очень умные среди славян. Особенно по логике. У них сильная логика, математика.

Гёте, он не писучий был, все его статейки коротенькие.

Подай мне об это место…

**1. 5. 1972**. Παλινγενεσία[112] — чисто греческая идея. У Лукреция хотя и есть периоды развития, но правит опять же τύχη, άνάγκη. Как эти две идеи объединить, космическое круговращение и историческое развитие, я не знаю.

Я сказал А. Ф. о книге Bodo Gatz, Weltalter, Goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen, Hildesheim 1967, подав идею немецкого академика в своей манере опять истерически: не отменено ли старое представление о циклическом повторении истории у греков. А. Ф. снова сказал о двух линиях в ощущении истории, у Эмпедокла и Платона явная цикличность, у

Ксенофана, Демокрита, Эпикура, Лукреция периоды развития, ведущие к лучшему. Я возразил, напомнив о платоновском «Политике», где в конце дается рецепт государственного улучшения. — «Нет, всё это как-то слабо, неоконченно, неярко, невыпукло, случайно. А преобладает — судьба».

Заражаясь исторической страстью Лосева, я излагал для него Демокрита. (1) Количество форм в бытии постоянно. (2) Миры превращаются друг в друга, и в смысле количества форм здесь происходит вечное возвращение, но в смысле структуры взаимоотношения форм в каждом мире есть нечто особенное. (3) Боги являются только предельным обобщением материальной стихии и их подвижного соотношения, но они не суть самосознательные личности, которые направляли бы мир в ту или другую сторону. Тождество богов, необходимости, судьбы. (4) Всё есть случай, который в то же время и Аоуоq, необходимость до такой степени, что Эпикур предпочитал мифы такому фатализму. (5) Историзм в таком виде является только вечным калейдоскопом явлений, которым управляет неизвестно кто.

(6) На дне колодца бытия имеется, правда, какая-то «истина», но она ввиду ее бесконечности непознаваема. (7) Тем не менее надо постигать непостижимое.

В схему А. Ф. вписывались и наблюдения французского историка (Ромийи) об античной драме. (1) В греческой трагедии время неотделимо от событий. (2) Время можно в порядке абстракции мыслить и отдельно от событий, но тогда ему придется приписать самые разнообразные функции воздействия на события, их окрашивание временем, конечно, не ньютоновским, определяемым по солнцу. (3) То, что время и события неразрывны, ясно уже у Эсхила, у которого мифологическая последовательность результатов проклятия оказывается также и временной последовательностью, хотя и прерываемой уклонениями в сторону. Эсхил не мыслит историю отдельно от мифа. Всё это еще чистейший мифологизм, который у Фукидида будет уже отсутствовать. Но временную и причинную последовательность эсхиловский мифологизм всё же соблюдает, примеры чему можно видеть в «Семерых против Фив». (4) У Софокла при очень сильном мифологизировании прогрессирует более абстрактное представление о времени как о протекании событий и вечной смене страдания и радости. Тут происходит очеловечение понятия времени, допускающее аналогию с Гераклитом. (5) У Еврипида время почти совсем теряет свой мифологический смысл, причем мифология получает не столько фактическое, сколько заметно психологизированное и личностное звучание, с субъективным пониманием процессов времени.

Однако у Еврипида всё еще нет представления о времени в смысле нашего измерения на часах по Солнцу; солнечное время для античного трагика слишком тривиально.

**14. 5. 1972**. Христианин молится. А под вечными возвращениями молиться нечего. Молись, не молись, всё равно.

Демокрит смеющийся философ? Так у него мозги отшибло, и он обалдел. Это бесовский смех, бес, который всё разрушил и хохочет.

— Святые тоже часто живут в радости.

Да, но содержание их радости другое. Они веруют в благого Творца, а без веры можно веселиться только если мозги отшибить. Ну, тогда можно радоваться.

**21. 5. 1972**. Пятидесятница, Троицын день, а понедельник — Духов день.

Между прочим, есть акафист Пресвятой Троице. Слово акафист идет от κάθημαι, сижу; άκάθιστον — несидение. Молящимся давали возможность отдохнуть на кафизмах. А потом снова άκάθιστον, т. е. несидельное время, в которое нельзя сидеть, потому что начинается особенно торжественное песнопение. Акафист состоит из вступления, заключительной молитвы и маленьких стихир. Каждая начинается с поэтического радуйся, χαέρε. Например, в акафисте пресвятой Богородице: «Радуйся, афинейская плетения растерзающая; радуйся, рыбарския мрежи исполняющая; радуйся, из глубины неведения извлачающая… Радуйся, тела моего врачевание; радуйся, души моея спасение… Радуйся, судии праведнаго умоление; радуйся, многих согрешений прощение», т. е. радуйся, ты, которая будешь стоять на нашем суде. Есть акафист Иисусу Сладчайшему, собственно, есть акафисты всем святым, но более потрясающего, чем акафист Божьей Матери, нет. Акафист Иисусу Сладчайшему тоже замечательный, особенно если читать по-гречески.

Я вспоминаю молодость, ездил тогда по монастырям. На монастырской службе читается и поется то, что наши светские батюшки опускают. Спешат отпустить прихожан. Мужики заняты, хозяйки — у них на уме мусор, пища, для Бога времени нету. А в монастыре замечательно. Особенно когда архиерейская служба. Поют три мальчика, это тебе не голоса баб сорока-пятидесяти лет. Или десять мальчиков, которые поют είζ πολλά έτη δέσποτα— звонкие, чистые голоса. На архиерейской службе это составляет целую часть литургии, когда епископ кадит, и три мальчика, или десять, поют είζ πολλά έτη δέσποτα. Чувствуется зримо благодать епископа.

И вот я помню акафист Пресвятой Троице, на Троицын день. Ну, ведь это проспект десяти богословских диссертаций. И с тех

пор я этого не слышал[113]. Эти попы светские, я их терпеть не могу. Монастырская служба продолжается шесть-семь часов. Литургию начинают рано, в семь утра, а кончают к двум часам дня, когда уже обед. Потом, монашеское пение другое, нету приемов светских и нету женских голосов, которые слышишь в обычной церкви, — отвратительно. Эта вычурность, оперное — отвратительно.

И, конечно, теперь русский мужик ничего такого уже не знает. Но я тот мужик, который еще захватил конец… И с этим воспоминанием я живу всю жизнь. Та культура исчезла, ее нигде нет. Русский мужик всё это уничтожил. Была великая культура. Недаром Флоренский написал «Храмовое действие как синтез искусств». При мне пятьдесят лет всё высылали. Как только священник входит в жизнь своих духовных детей, как только он чуть поумнее, постарательнее, его сразу высылают.

У Флоренского еще больше об этом сказано в отдельной книжке, «О смысле идеализма».

Тойбнер — дело большое.

**28. 5. 1972**. Архилох учил, умей находить ритм, ρυθμός, жизни; пойми, что беда и счастье чередуются. Так же и Гораций: carpe diem, καιρόν λάβε, лови момент.

«Гомер», моя книга 1958 года, — я там подсчитываю, сколько дней длится действие гомеровских поэм. В Илиаде 50 дней, в Одиссе 41 день. Подсчитать длительность помогает закон хронологической несовместимости событий у Гомера[114]. Времени я бесконечно касался и по Платону, и по Аристотелю, и по Плотину.

В античности было два века лирики, два века скульптуры. Расцвет скульптуры это эпоха Поликлета. В его «Метателе диска» видно всё тело вокруг. С 4 века уже начинаются ирония, юмор, гротеск; психологизм углубляется.

Перфект βέβρυχε значит, что начал скрежетать и теперь скрежещет.

**29. 5. 1972**. Время в момент теперь, как и вечность, это точка. Потом только начинается развертывание времени на пространство. Там уже можно что угодно делать. Исходно время есть подвижный образ вечности. Его подвижность предполагает пространство, в пространстве располагаются раньше и потом, т. е. происходит развертывание времени, требующее уже разъяснения.

Что надо тут прояснить. (1) У Дюбуа, который опирается на Хайдеггера, говорится о тождестве разных моментов времени у Аристотеля и Хайдеггера. (2) Нам хочется задать вопрос, что же такое время у

Аристотеля, сводится ли к тому, как оно понимается у Гегеля.

В чем же сущность, по данному автору, времени у Аристотеля. (3) Возможно, от гегелевского времени аристотелевское отличается просто тем, что вместо продуманной категории у Аристотеля дается определение idem per idem. (4) В чем у Аристотеля разница между провалами времени (у спящих летаргическим сном) и его сгущениями. У Аристотеля явно есть попытка определить время как таковое, но, как мне кажется, это попытка с негодными средствами. Idem per idem, circu- lus vitiosus.

У европейцев мозги отшиблены механизмом. Все знают, что десять часов могут быть равны десяти годам, что время переворачивается. Но всё-таки мозги настолько выворочены, что человек не верит своему ощущению реального времени, то и дело — взял да и посмотрел на часы, сколько там прошло времени. «Да, два часа…» (тихим упавшим голосом). Шпенглер: кругом часы, и в кармане, и с главной площади бьют, и в голове, всё бьется — эй, эй, эй… Счет времени по часам это один из признаков новоевропейской культуры. И духовного растления. Попытка свести на время все события и действия. А невозможно. Живое время невозможно высчитать. Древние имели смелость сказать: да нет никакого времени! Есть вечность, и есть жизнь.

Я подобно Бердяеву называю себя детищем свободы.

Они купили библиотеку Виндельбанда в Гейдельберге. Крупный философ (о Фундаментальной библиотеке АН).

**4. 6. 1972**. Число связано со становлением. Вокруг двойки копошится 2 1/2, 2 1/4 и так далее, так что это число есть становление, как и время. Аристотель это плохо учитывает. А ведь между двойкой и тройкой целая бездна, континуум.

Разница та, что число есть становление внутри эйдоса, а время — внеэйдетическое становление самого времени как такового. Аристотель это не очень четко понимает. Но он сделал так много, что для меня того, что он сделал, достаточно. И того, что сделал Платон, тоже достаточно. И того, что Плотин.

Кассирер, один из таких светлых умов в 20 веке. Он умеет читать. Иной раз у него дается цитата, которой ни у кого нет. И даже не верится, есть ли такая цитата. Посмотришь — так, есть. А ты не обращал внимания. Он читать умеет, а уметь читать есть дело большое.

Ойзерман, самодержец и диктатор, который имеет свои симпатии. А Асмус считается священной коровой. Асмус либо болеет, либо занят печатанием своих трудов. Так что у него достаточно удовольствий заниматься самим собой.

Как филолог можешь всем говорить: лучшее издание то, которое у Тойбнера издано. У него большой капитал, он нанимает профессора, который разъезжает по разным Нью-Йоркам,

Пекинам, Мадридам; несколько лет; очень сдержанная академическая линия, никаких новшеств декадентских, как у Виламовица например. Поэтому Соболевский нас учил, что всегда надо предпочитать Тойбнера.

Любить или не любить… Даже Демокрита я не могу сказать что не люблю. Если по-настоящему изучить Демокрита, его язык, и вместо обычной метафизики увидеть другое, то как бы я ни относился к нему, я начну им увлекаться. Даже тот, кто пишет диссертацию о земляном клопе, он этого клопа тоже наверное любит. Если бы не любил, не тратил бы на него годы. А если спрашивать, что интимно мы любим или не любим, то начинается уже чтение в сердцах и утробах. Это очень большой вопрос.

**22. 6. 1972**. Они (Иванов, Топоров) чувствуют глубину в языке, но выразить не могут. Я внимательно читал тартускую «Семиотику» и убедился, что хотя они не употребляют этого слова, но говорят по сути дела о символе.

По поводу моего перевода Макария Египетского А. Ф. сразу вспомнил: Попов Иван Васильевич напечатал статью «Религиозный идеал Макария Египетского» в «Вопросах философии и психологии».

Об Илиаде, Одиссее спрашивают, кем они написаны. Эти вещи создавались в народе в течение столетий. Один ли человек их записал или комиссия Писистрата, не имеет значения. Там было двадцать авторов, как считают некоторые немцы? Да стиль-то один и тот же, выражения одни и те же!

Архилох Паросский богемистый, всё в боях да в пирах.

О смысле: он значит, а не есть. О нем нельзя сказать, есть он или нет. Так уже у стоиков. Предмет высказывания нетелесен. Он выявляется из анализа слова. Слово уже есть организация мысли. Слово не просто отражает мысли, объективация тут не обязательна.

В этом новизна стоиков: они впервые наметили момент чистой предметности в мысли, или, как мы говорим, иррелевантности.

**6. 7 1972**. Какие-то первичные жизненные впечатления действуют в художнике, которые направляют его произведение в ту или иную сторону. А чистая структура — ее нет даже в геометрии. Например, треугольник есть часть плоскости, ограниченная тремя прямыми. Каждая прямая сама по себе не треугольник. Часть плоскости тоже не треугольник. Треугольность разлита по всему треугольнику без различия. Так что даже в геометрии нельзя сказать, что треугольник это структура.

Вот почему терпит крах не только структурализм, но и всякое

рациональное познание, потому что всякое познание по существу иррационально. Мои брюки — в чем они заключаются? В плане, в чертеже брюк? Возьми его, он мне не нужен. — Да позвольте, это же чертеж ваших брюк? — А, брюк? Ну, тогда другое дело. Тут уже есть предмет. Он к рациональному плану не сводится.

Библиотека индусских книг у меня осталась от моего учителя греческого языка. Сам он учился в Лейпциге. В Лейпциге было русское отделение по классической филологии. Русское правительство объявило о стипендии в Лейпциге, с обязательством отрабатывать ее потом в России. Вот Микш, который учил меня, чех, потом Зелинский, поляк, они все почти там и остались. Тогда вся младограмматика буйно развивалась. Сын Микша и говорит мне однажды: вот, Иосиф Антонович тебя очень любил, и он прислал целую пачку переводов с древнеиндийского.

Я тоже учил древнеиндийский, если бы хотел, мог бы в несколько месяцев восстановить.

Прошу тебя сделать такой конспект по Кассиреру: как он понимает модель, моделирование, значение и так далее. Кассирер дает замечательные материалы. У него есть примеры очень яркие, как время представляли в разных странах.

**15. 7. 1972**. Дмитрий Дмитриевич Благой[115] большой русский литературовед. Он редактор трех моих статей по символу. Я пишу там об эстетике символической выразительности у Аристотеля. Я хочу бороться против того,

что у Аристотеля будто бы красота абсолют, что у него платоновское понимание. У меня такое представление, что для Аристотеля главное не просто в соединении идеи и материи, а в выразительности. Форма, материя, идея, цель, вот четыре принципа этой выразительности.

У Аристотеля сущность вещи располагается внутри самой вещи, а не вне, как у Платона. У Платона, конечно, и эта мысль тоже есть, но Аристотель ввиду слепой вражды ее не замечает. Еще Аристотель не замечает у Платона две вещи: что идея в материи есть причина внутри самой вещи (внешняя Платона мало интересует) и что идея есть цель.

Поэтому я могу говорить в отношении Аристотеля о символической (1) выразительности, потому что выразительность есть единство внутреннего и внешнего, идеи и материи; а (2) символическое у него заключается в том, что в самой вещи заложена ее направленность, идея и цель. Всю эстетику Аристотеля можно характеризовать как символическую выразительность. (3) Возможность, Swaxov, в этой связи будет слишком звучать пассивно. И потенция тоже будет звучать

слишком пассивно. У Аристотеля выразительность действует как излучение, активное, мощное. (4) Выразительность есть всегда единичность, заряженная общим, причем (5) вероятностное в этой выразительности пользуется топическим разумом.

Есть среднее между есть и не есть: становление.

Эйдос эйдосов, εἶδος, τώτ εἰδών— это и есть перводвигатель.

**24. 7. 1972**. Ты не знаешь отца Всеволода Шпиллера? Священник, обрусевший немец, лет семидесяти, что я считаю очень важным, потому что молодые очень неопытны. Очень образованный человек, настоятель храма где-то в центре, за Красной Площадью. Как я представляю, это есть священное и духовное лицо специально для интеллигенции.

Конечно, все таинства и обряды совершаются Богом, а не священником. Священник только сопровождает: «Аз, недостойный иерей, властью, данной мне от Бога…» Образованность не имеет значения, священник лишь свидетель. Интеллигентные мне плохо импонировали, мне больше понятно монастырское старчество, хотя даже многие монахи его не любили. Но сейчас другое дело. Вся

эта древнейшая традиция, идущая от Паламы, у нас кончилась. Сейчас пустынь нет, надо считаться со светский культурой. Нам, которые переели этой светской культуры, всё-таки хочется иметь священника образованного.

Отец Всеволод Шпиллер очень образованный, очень духовный. Это духовный отец всей интеллигенции. Он родной брат сопрано в Большом театре, Натальи Дмитриевны Шпиллер. Они, по-видимому, из интеллигентной семьи. Я знаю, что о. Шпиллер немец обрусевший. Многих крестил, я думаю, и не как интеллигент, и не как простой батюшка, а так, как надо теперь делать. Он очень далек от политики, занят богослужением и своими духовными людьми. Он не интересен ни ГПУ, ни московской патриархии. Он возится со своими духовными. Но я не думаю с ним знакомиться. Я уже махнул рукой. Ну, раз не посылают мне наставника, то уж пусть будет так. Это дело духовное. Я, конечно, сам в духовной литературе много читал и знаю не меньше других, но, конечно, сколько бы ты ни читал, нужен наставник. Но я сам не ищу; если мне будет послан — другое дело. Может быть, мне будет послан, как Бог мне послал 40 лет назад, 35 лет назад. Может быть, после моей смерти понадобится.

А. Ф. сказал, что начал этот разговор в связи с тем, что я вчера говорил из «той области». «Ты меня умиляешь, что не забываешь. 'Отжени от меня уныние и забвение, неразумие, нерадение'…»

**30. 7. 1972**. Дух Святый — животворящая сила. Но тогда это же сам Бог! Не метафора, не образ, а энергия Его. Энергия отличима от сущности, а с другой стороны, она то же самое.

Закон хронологической несовместимости в эпосе Фаддея Зелинского. Эпос изображает только одну сторону события, как египетская статуя. Дать такое изображение, чтобы всё сразу наблюдалось, этого нет. Работа Зелинского произвела фурор в Европе. Он сделал настоящее открытие. Я говорю, что он не понимает только одного, что туг продолжается архаическое египетское.

Епископ Варфоломей написал работу о книге пророка Аввакума. Немного легкомысленно он ее сделал. Варфоломей был профессор в Духовной академии по кафедре древнееврейского языка. Он поселился в Зосимовой пустыни после того, как в 1917 году разогнали Духовную академию. Веселый такой человек;

некоторые были его манерой шокированы: вот, дескать, ломается, кривляется по-монастырски. Вранье. В Петровском монастыре он был настоятелем, и я видел, как когда после службы все разошлись, он делал поклоны, трехсотницы, пятисотницы, с Иисусовой молитвой; я видел, что это искренне. Он сын священника, который был женат на еврейке, крещеной, конечно.

Римский папа тогда рассылал посылки. Варфоломей получил из Ватикана посылку. Как-то раз он сказал после крещения одного человека речь: «Ты теперь настоящий еврей. Евреи как страдающая народность должны были вырабатывать инстинкт ожидания улучшения своего положения. Ты тоже ждал и теперь вот дождался мессии, не того, который ворочает банками и распоряжается властью, а мессию того мессианства, о котором говорится в пророческих книгах Ветхого завета».

**6.8.1972**. Крещение довольно простой обряд. «Крещается раб Божий во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.» Желательно, но не обязательно, троекратное погружение в воду. Так даже отец может крестить ребенка.

Лютеране церковь не признают. Они сами говорят, что у них не храм, а молитвенный дом. Правда, конфирмация у них все-таки требует какой-то торжественности. Но нет того, что в настоящей церкви, нет причащения хлебом и вином в память о Тайной вечери, когда Христос сказал: «Сие творите в Мое воспоминание». Уложили века на то, чтобы бороться с церковью. Мой приятель изучал ранних лютеран, разложил даже архивные рукописи. Я, говорит, ужаснулся, сколько там проклятий по адресу церкви. Основное у них это непризнание таинств и

священства. Пастор, свой синод назначаются, как назначается дирекция завода. Я помню Peter-Paul Schule в Москве, слушал пастора, который читал проповеди, орган…

Англикане нам ближе. До революции к нам сюда приезжали епископы англиканские. Солидные люди во фраках, но с панагием, помню по фото. Вообще английские лица благородные. Какой-нибудь докер, а лицо благородное, как у нашего профессора. Шли переговоры об объединении церквей; кажется, о взаимном посещении, сослу- жении. Вопросов много было. Но революция всё заглушила.

Полибий видел в истории действие железных причин; Саллюстий

хотя и неоплатоник, очень позитивист. Но если взять его за глотку, он скажет: «А, нет, нет, нет; тут боги действуют». Потому что ведь, в самом деле, сколько причин ни выставляй, последняя причина требует всё новой. В конце концов что-то происходит само, беспричинно. Для Полибия, для Саллюстия последняя беспричинная причина это божественная судьба и необходимость.

**7.8.1972**. Троичность — довольно хорошо разработанный в православии догмат. Сейчас тут, конечно, всего важнее Булгаков Сергей Николаевич; у него есть философия троичности. Он богослов, который в равной мере и философ. Настоящий ученый. Я знаю, что он имел даже экземпляр Николая Кузанского лионского издания тысяча пятьсот восемьдесят какого-то года.

Я как-то видел, продавали шесть томов Булгакова. Сколько стоит? Триста рублей. Бердяев написал сто книг, Булгаков много томов. Надо иметь их все, если хочешь заниматься по-настоящему.

Я читал Булгакова «Лествица Иаковля». Иаков увидел во сне лестницу, ведущую с неба на землю; ангелы то восходили, то нисходили по ней. Ангелология собственно то же что демонология. Этот вопрос почти не разработан. Конечно, существует почитание архангела Михаила, ангела-хранителя, но богословски оно до сих пор было мало развито. А там у Булгакова целая диссертация. Все отцы, начиная с первых веков, вся католическая, вся протестантская литература у него под рукой. В предисловии он дает тропарь, или стихиру, которая посвящена ангелам. Я прочитал — Господи, ведь это же надо, какую надо иметь веру и вкус, чтобы привести этот тропарь! В нем in nuce содержится вся ангелология, хотя всего там строк пять-шесть.

Интерес к вере есть у людей. Тут и религиозность врожденная, да и просто расширение кругозора.

**15.8.1972**. Семинарист отвечает на экзамене о чуде. Епископ

напрямую спрашивает его, что такое чудо. Тот молчит. Епископ хочет ему помочь: если звонарь упал с колокольни и остался цел — это чудо? — Счастье, ваше преосвященство! — А если несколько раз падал и остается цел? — Случайность! — А если десять дней подряд? — Привычка!

Родовая мифология складывается в порядке отражения земного устройства. Как на земле есть община, так и на небе. Эпическая

некоторые мифология складывается в принципе так же, но она уже служит для удовлетворения потребностей того общества.

**20. 8. 1972**. По-старому 6 августа, по-новому 19 августа Преображение Господне. Потом целую неделю продолжается воспоминание об этом празднике. 28 августа Успение. 29 третий Спас. Первый спас на воде, 1 августа, когда делали крестный ход на воду и освящали ее. Второй Спас на горе, Преображение. Третий Спас на полотне. Потому что дали Христу полотно, чтобы он приложился. Лик Христов и запечатлелся на нем. Это 29 августа, Спас на убрусе, на полотне.

В «Добротолюбии» конца 18-го века есть трактат Паламы о сущности и энергии, который Феофан Вышинский в своем издании выпустил. Прекрасно в 18 веке переводили. Есть хороший перевод Платона, двух священников, конца 18-го века.

**24. 8. 1972**. «Не восхищением непщева», у Флоренского есть такая книга на текст ап. Павла [116]: Христос «во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу», т. е. не экстазом захотел быть равен Богу, а по существу был одно с Ним. Молитвенник внутренно, благодатно обожествляется. В чем ересь Мейстера Экхарта, за что хотели его отлучить: за мысль, что когда человек молится, то Бог нисходит в его душу ипостасно. Я поставил себе задачу определить, в чем точно отличие Мейстера Экхарта от католичества, и составил несколько пунктов. Потом мне попалось под руку дело инквизиции против Экхарта.

У Абеляра уже тенденция субъективная проявляется.

Варлаам как антипаламит мог иметь там (на Западе) значение.

Онтологический Восток отличается от субъективистского Запада. Блестящая диссертация Бриллиантова[117] о разнице между Востоком и Западом.

Вячеслав Иванов мировой поэт, лирик и платоник. «Тонкий хлад души» — так он говорит, кажется, об экстазе. Это больше похоже на Паламу, а не на Николая Кузанского.

Троицкий учитель Болотова. А Болотов прекрасный знаток истории церкви,

но он говорил: «Вот настоящий историк церкви — это Иван

Егорьевич Троицкий».

Один из католических критиков, Штейн, прямо говорит, что вся разгадка исихазма в пустых мозгах и пустых желудках. Слишком долгий, до психического истощения, пост, и в мозгах тоже ничего нет, так что надо вообще отбросить всякую мысль. Я знал афонских монахов, которые проповедовали исихию и обучали меня. Но я ведь пошел по части науки. А то ведь надо было бы всё оставить. Добиваться сердечной теплоты путем сведения ума в сердце — это требует многолетней практики.

Что-то подобное, кажется, было в Индии. Только содержание этой практики там другое. Здесь Иисусова молитва повторяется бесконечно, тысячи раз. Сначала вслух, потом замирают слова. Потом молитвенники тонут в этом океане божественного света, ничего не видят и не слышат. Как и заповедано, «непрестанно молитесь, о всем благодарите, сия бо есть воля Божия».

Обычный городской священник идет путем светского христианства. Тем более что оно и благословлено. Сам Христос благословил употребление вина. Светскость допускает это очень сильно. Только надо конечно помнить Иисуса Христа и заповеди, не воруй, не прелюбы сотвори. Получается более моральное чем мистическое христианство.

Бог боится, что человек займет его положение? Что за вздор! Это было такое учение о зависти богов.

Христианам, которые со мной, я могу говорить: как можно видеть противоречие в существовании благого Бога и зла в мире? Пока такой вопрос задается, человек не христианин. Нет: ты должен увидеть, что весь мир есть акт божественной любви. С этого момента ты христианин. «Как же так, у человека ногу ампутировали, а где же Бог? Ведь человек не ворует!» Кто так рассуждает, тому ничего не объяснишь; всё равно как слепому говорить о цветах. Пока его не коснулась благодать свыше, он ничего не поймет. Он сам в глубине сердца должен найти силу сказать: «Такова воля Божия».

Бог непознаваем. Но, обращаясь к иному, Он обращается к миру и проявляет Себя в нем.

На Западе есть новое издание Николая Кузанского. Признаться, я многое у Кузанского не понимал. Возможно, я перевел у него

некоторые вещи неправильно. Неясно было. Я трудился много, но многие места остались непонятными.

Я Софию разделил на (а) происхождение символа, (б) икону, (в) храм («на Софийке»), (г) современное толкование этого символа: Соловьев, Флоренский, другие. Учение о Софии было и у Шеллинга, и у Баадера, и у Бёме.

У Пинского мне не понравился атеизм. Атеизм мешает видеть предметы. Я ему сказал, мы же научные работники, занимаемся очень тонкими вещами, нам же волей-неволей приходится учитывать оценки авторов, их позицию, а они часто и не только верили, а были мистики, молитвенники. Строгий атеизм этого не понимает. Он говорит: «Я стараюсь понять».

Крывелев такой активный безбожник. У него Библия изложена в атеистическом духе[118]. Крупный атеист, это его специальность. В философской энциклопедии печатается, в «Вестнике истории культуры», он там редактор. Я с ним говорил об античности, дескать, надо всё-таки и религиозный мотив учитывать. Нет, говорит, религия — это подонки. — Как подонки? А Аполлон? а Афина? а Прометей? — Ну да… В широком смысле…

В искусстве получают удовольствие от того, как художник изобразил. «Эх, как здорово изобразил». Если как доставляет удовольствие, то это искусство. А ты знаешь, Аристотель договаривается в эстетике до того, что там важно не трагическое и не мораль, а важен способ изображения. Татаркевич поэтому говорит: «Единственный философ во всей античности, который понял полную отдельность искусства от метафизики, был Аристотель».

У стоиков есть бытие положительное, отрицательное и нейтральное.

Причина есть неразвернутая цель, а цель есть развернутая причина.

Летчик Пегу показывал фигуры под Ростовом, красиво. Старый еврей подходил ко всем на поле и спрашивал: «А что, для евреев это хорошо или нет?» (с акцентом). Ставится вопрос, что такое слон, на эту тему надо написать статью. Француз предлагает «Слоны и любовь». Немец готовит «Введение в историю изучения слоновых стад в Индии». Русский: «Слоны и алкоголизм по

праздникам». Еврей: «Слоны и еврейский вопрос».

Дж-дзе парень пустоватый. Дыннику угождал, калоши подавал. Дынникумер, а этот остался сотрудником Института философии.

Материя — паршивый, дохлый, чахоточный бог. Материя вечна, неуничтожима, первична. Но не мыслит? Нет, она то, что производит разум! Так, как марксизм определяет материю, это прямо по православному катехизису митрополита Филарета, который мы учили: «Бог вездесущий, всемогущий». В материи всё есть, и воплощение в абсолютном, и всё… Нет, тюбингенский теолог, хотя он разрушает все новозаветные тексты, в отличие от

материалистов знает, что такое Бог.

… Потому что 3-е лицо вовсе не есть лицо, а есть вещь. Оттого нет 3-го лица в греческом и в русском. Есть я — ты, Бубер прав.

Что главное в «Политике» Платона. (1) Подлинный закон выше всех законов, он одушевленное существо, а всё остальное обслуживает низкие уровни бытия. (2) Высший закон должен быть связан с космическими явлениями. Там правит судьба. В низшем мире правит вожделение, отсюда беспорядок, преступления и необходимость иметь законы наказывающие, каждый для своего места и времени. (3) Диалектика выше вульгарного, вещественного. (4) Ее отличие от риторики, военного дела и суда.

**24. 9. 1972**…. Отсюда видно, как миф, являясь душой, оказывается историей этой души; причем в «Политике» душа мыслится именно мировая. Так же, как о мире, надо говорить и о полисе.

**8. 10. 1972**. Мне лично нравятся все стили кроме скучных.

Я многое любил на свете…Ἡ δέ γνώσις ἀγάπν γίνεται, знание становится любовью, как говорит апостол Павел[119]. Любящий видит то, чего другой не видит. Любовь есть знание, а знание есть любовь.

**14. 10. 1972**. 3-го октября[120] святой Дионисий Ареопагит, первый афинский епископ, 2-ая половина 2-го века, по самым отчаянным протестантским подсчетам. По церковному преданию апостол Павел, проповедуя религию,

завербовывая учеников, выступил в Ареопаге, говорил о воскресении мертвых, о том, что любимый человек будет жить в вечности. Просвещенные афиняне не стали его слушать и вежливо прогнали, «поговорим обо всем этом потом». Один только Дионисий, тоже член Ареопага, подступил к Павлу с расспросами; его захватило учение о едином Боге, о Спасителе, Его страдании, Голгофе, Воскресении. Павел почувствовал, что перед ним особый человек, и посвятил его в епископы. Но современные ученые уверяют, что тот ранний Дионисий, если он существовал, ничего на самом деле не писал. Приписываемые ему Ареопагитики, четыре трактата и 10 писем, предполагают уже существование сложной христианской литургии, а в раннем христианстве литургия была простая, не шла дальше того, что завещал на Тайной вечери Христос, когда сказал «сие творите в Мое воспоминание». В Ареопагитиках говорится о монахах, но монашество появилось только в 3, 4 веках. В них находят влияние Прокла, но ведь у Прокла же сложнейшая логика, диалектика; едва ли тот ранний Ареопагит мог самостоятельно развить всё это. Причем совпадения оказываются именно с Проклом, не с

Пло- тином. Плотин хотя и друг Оригена, но был отъявленный язычник.

Несмотря на некоторые нерешенные вопросы, я склонен думать, что Ареопагитики это трактаты 5 века, неизвестного автора. Грузины говорят, что их написал Петр Ивер, епископ Майюмский, в Малой Азии. Так пишет Нуцубидзе, и независимо от него к тому же пришел один голландец[121]. Грузины восторжествовали.

Но всё это неважно. Важны сами эти произведения, дошедшие до нас с неопределенным названием Ареопагитики. Ну, там проклизма нет в развитом виде, там проклизм очень слабый. Прокл ведь это уже гегелевская ученость. В Ареопагитиках трактаты (1) «О божественных именах», (2) «О церковной иерархии», (3) «О небесной иерархии», о девяти чинах ангелов, в которых можно находить триаду Плотина и Прокла и учение о едином, которое, по платоновскому «Государству» кн. VI, запредельно бытию, ἐπέκεινα τής οὔσϊας (4) «Θεολογϊαμυστική», «Таинственное богословие», тоже о Едином, хотя Единое можно понимать по-разному, нирвана ведь тоже единое. (5)

10 писем к разным лицам. Они более слабые, но там тоже очень много выражений интересных.

**22. 10. 72**. Дионисий Галикарнасский большой знаток античности. Цицерон имеет художественный вкус богатый. Демокрит крупный писатель. Но с Платоном их трудно сравнить. Хотя от Платона остались тысячи страниц, у него мало сочинений в привычном смысле трактатов, он прежде всего поэт.

Атомы Демокрита имеют обычно форму шара с крюкастой оболочкой. Но они могут и меняться в величине и форме. Они составляют буквы, алфавит всего сущего. Они обладают даже тяжестью и весомостью, хотя для этого нужна земля, чтобы на нее падать. В конце концов механицизм у Демокрита перекрывается пределом, объединением форм атомов в единое целое (алфавит), определенностью форм атомов (шар, конус). И время у него дышит.

У Аристотеля необходимость не всегда преобладает в природе. Даже и строгая силлогистическая логика не лишена моментов вероятности. Она ведь всегда в какой-то мере содержательна. Тем более искусство случайно. В идее вероятности огромная новость Аристотеля. И в Средние века прекрасно понимали, что есть богословие абсолютное, а есть предположительное. Идея вероятности страшно пронизывает всего Аристотеля. Платон в сравнении с ним был слишком абсолютен, догматичен.

Базаров дурак. Правда, не только дурак. Есть и другие черты,

он там и бабник. Но в основе дикость такая, русская дикость.

Правило при молитве — серьезность. Если ты молишься серьезно, молитва настоящая. Если человек хихикает внутри, то лучше ему не молиться.

Непознаваемая сущность и познаваемая энергия.

**3. 12. 1972**. «Алексей Федорович, звонит Павел Флоренский, спрашивает, нужна ли справка о Булгакове!» Нужна, отвечает А. Ф., и поясняет:

А он, Павел, внук Флоренского, товарищ чуть ли не сына Булгакова. Учение Булгакова о Софии Премудрости Божией это вроде бы глава в книге «Невеста Агнца». Нужно узнать страницы, год издания. У Булгакова вообще чудные названия книг, например «Лествица Иаковля»…

Ленин профессора Грушка не принял. Отменил классическую филологию. Хотя сам был гимназист, знал греческий. Это уж конечно он пошел против своей совести. С 35 года Сталин классическую филологию разрешил. И в 30-е годы многое стало выходить. Договор на всего Эсхила был заключен с Пиотровским. Со мной был договор на 60 листов. Удалось мало что. Издали Николая Кузанского; и то не я начинал, а Лопашов, который перевел De docta ignorantia[122]. И примечания смешные дал. У меня было три статьи к трактатам, которые я переводил.

**6. 12. 1972**. Μονάς, монада у Ямвлиха понимается как мера, принцип измерения, который сам неизмерим.

Для жизни достаточно сознавать свою греховность.

Патристика первых трех веков — жалкое зрелище. Стоический тон. Душа сделана из огня, опять превращается в огонь. Ориген, который тоже не отрицал круговорота, разошелся с Плотином. Признать субстанциальные формы, зависимость низших миров от высших он не мог. У Плотина строгая иерархия, вся его диалектика развертывается на одной плоскости. А Ориген, признавая иерархичность, говорил, что нельзя забывать главного, Творца и творение. Как бы ни был мир для обоих тоже богом, всё равно идея Творца, творения, создания расколола этих двух друзей. Ориген предпочел брать более простые стоические схемы, только чтобы сохранить монотеизм. Плотин в сравнении с этим развил очень тонкое и отточенное философствование; хотя дальше Платона не пошел.

Покаяние, искупление, вся эта драматическая история Плотину совершенно чужда. Никаких слез, никакого раскаяния; проблемы зла, греха, ничего этого нет. Есть холодное восхождение к Единому, безличное, бездушное. А для христианства ведь это действительно ужас, ужас и мерзость. Восходит умом — но к чему, а не к Кому. Никого наверху нет, там

только холод и безличность. Общаться не с кем. Человек никого не находит там. Соединяются с вечным умом, а вечный ум — это никто. Правда, поскольку Единое есть всё, оно, конечно, и кто, но все эти кто слиты здесь в одну кучу и в одном котле варятся.

Ясно, что для него ум это никто. Стоит только спросить, чей это ум? кого? И окажется — никого, ничей ум.

Поэтому во всей античности космическая жизнь, космические трагедии воспринимаются удивительно естественно. Гераклит утешается тем, что всё гибнет, Эмпедокл готов к тому, что вечно будут кружить любовь и вражда. Как-то они умеют находить в этом утешение. Что, плохо жить? мучится человек, страдает? Ничего, тем лучше! Будет мировой пожар, всё погибнет, все муки, все трагедии. Хорошо, красиво — пожар! Всё горит! А для христианства это ужас.

Опять-таки, вечный круговорот. Дождевая капля падает на землю, потом испаряется, поднимается на облака, потом опять поднимается на небо, вечно. И так же душа. Христианство в ужасе от этого, это для него нигилизм, атеизм. А для неоплатоников, наоборот, христианство атеизм. Это что же вы, они говорят, создали божество всемогущее, бесконечное, вечное, а потом бросили его на землю, в человеческое тело, на страдания? Нет, товарищи дорогие, это у вас чистейший атеизм, безбожие, за которое нужно вас казнить. Вот у нас божественный ум — это ум, он не распинается, не вздыхает, не говорит: «Господи, Господи, почто Ты Меня оставил?» Никто не плачет, и нечего плакать.

Античная мистика — это ведь метеорология. Вот погода меняется: сегодня снег и град, а завтра опять хорошая погода, и так вечно. И никакого греха в этом нет, что сегодня снег, а завтра не будет. Отпадение от вечности — какой же это грех? Снег упал на землю — какой грех? Хорошо! Ни печали, ни воздыхания, и стремиться не к чему. Вот она где, античность. В этом она вся.

У христианства уже и слово другое для творения, κτῖσμα. А неоплатоническое исхождение, πρόοδος прошествие, как в старину у нас переводили, — это тот же бог, только в сокращенном виде. Наоборот, в христианстве если творение божественно, то только по дару, по благодати. Инобытие, которое есть ничто, восприняло в переносном смысле Бога, но не по субстанции. Тут водораздел между античной и христианской мыслью.

Я не беру промежуточные формы. Христианство, не имея своей философии, хваталось сначала за всё что попало, за манихейство, стоицизм. Взять Оригена, у него еще всё это смешано. И потому на Первом соборе его писания были осуждены. Оригена, Иустина Философа, Климента

Александрийского было

решено признать образцовыми учителями церкви, но их учение осудить. Потому что тут уже созрело высокое христианство, неоплатонизм. И за всех прежних, за все прежние ошибки Арий ответил.

Но Арий был упорный, упорный, так и не раскаялся… Не понимал тварности! Что такое тварь не понимал, а всё изводил из Бога.

Бердяев доходит даже до учения о несотворенной свободе. Хотя не знаю, чем такая свобода отличается от Бога. У Бердяева же философия свободы. Он не хотел связывать себя ничем. Булгаков о нем говорил, что он «доходит до сатанизма» (в «Свете невечернем»). Но, кажется, это неправильно. Бердяева спросили однажды, религиозен ли он. Да, я православный русский человек. Человек раб Божий, но рабство у Бога есть высшая свобода. В других местах это может переходить в антропологизм.

У Бердяева есть о Достоевском, в «Опыте религиозной антропологии». Есть его «Диалектика человеческого и божественного в экзистенциализме». Он говорил: «Меня как социалиста и марксиста отовсюду изгоняли. Но это недоразумение». Незадолго до смерти он получил в подарок особняк. Стал почетным доктором религии, членом Королевского общества, знаешь, шапочки там надевают. И он говорил с удивлением о себе: «Я, который ютился в одной комнате, никогда не был профессором, никогда не был принят ни в одно официальное учреждение, не завел настоящую семью, — я, человек, который всегда выступал против собственности, умираю теперь собственником особняка, доктором религии, чьи книги переводятся на разные языки». Это в «Самопознании», духовной автобиографии.

Всё у него построено на свободе. «О смысле творчества» его главная книга. Он чувствует божественность своей свободы, как Ангелус Силезиус, который говорил: «Без меня Бог не мог бы совершить ни малейшего движения». Иногда у Бердяева что ни фраза, то афоризм. «Личность— тайна одного, брак— тайна двух, церковь— тайна трех». Или: «Два типа сатанизма, фашизм и коммунизм». Но это у него не политика, а отборная и выборочная философия.

Я как-то видел, продавали шесть-семь книг Бердяева по 50 рублей. Но я боялся провокации политической. Об этом ведь сразу же вся Москва узнает, куда тот человек продал. Там предлагали другие замечательные книги, как «Лествица Иаковля» Булгакова. Я полистал предисловие. Там всё. Он же

профессор. Из-за одной учености надо было бы купить. Но

зато теперь я чист как ангел, никто не упрекнет. Да и что, я всё равно скоро умру.

Вписать в текст о Кузанском: учение о мудрости как о непостижимой первореальности, постигаемой однако в бесконечном приближении и являющейся простейшей первоформой и образцом каждой вещи.

Скажу по секрету, я христианин. Для меня величайшее достижение в смысле христианского подвига — исихазм. Это значит не о теле думать, а о Боге. Это выше разума, разум только разлагает.

Я, хотя всю жизнь занимаюсь наукой, всё же недостаточно воспитан. Как-то в жизни должно быть по-другому… Скорее всего, неудовлетворенность вызвана зачатками неевропейского типа. Меня привлекает идеал ἁπλωσις, опрощения; всё настоящее, мне кажется, настолько просто, что как бы и нет ничего. В том же смысле я понимаю и θέωσις, обожение. Человек становится как бы Богом, только не по существу, что было бы кощунством, а по благодати. В опрощении, в обожении происходит возвышение веры над разумом. Ничего рассудочного не остается. И даже о самом Боге человек перестает думать. Ведь Бог, если о Нем думать, это уже система богословия. А тут полная неразличенность. Исихасты называют такое состояние божественным светом. В нем нет ни более темного, ни более светлого, а один неразличенный свет…

Но я думаю, что мы искажены разными заседаниями, что психика не может добиться простоты, ἁπλωσις. А если может, то только если это кому-то дано от природы. Как от природы есть человек мягкий; или от природы злой. Есть люди, которые одарены такой способностью… Но не в нашей Европе. Может быть, последними были мистики, которые достигали Abgeschiedenheit… Флоренский?

Я его лично знал, человек тихий, скромный, с опущенными глазами, имел пять человек детей. То, что он имел пять человек детей, кажется, противоречит отрешенности. Я видел его несколько раз, даже ночевал у него один раз, идя из Троицы в Параклит. Ночь наступила. Пойду к отцу Павлу? Я был мальчишка, всё равно где спать. Пришел. Отца Павла нет, он ведь был тогда и инженер, занят. При Сталине было строго, работали до 12 часов ночи. Анна Михайловна меня немного знала. «Простите, говорю, некуда деться, пришел как нищий за

подаянием, иду в Параклит, идти еще далеко, в Москву возвращаться не хочу». Пожалуйста. Положила меня на диван. «У меня, говорит, пять человек душ». Думается, что наличие такого большого семейства должно озабочивать…

У него была идеальная семья. Эти пять человек детей, пока я сидел в гостиной на диване, баловались; Анна Михайловна чай готовила на кухне, но ни малейшего раздора я в течение почти часа не заметил. То пляшут, то играют. А родителей нет никого. Дети вели себя идеально. Это я собственными глазами видел, я и тогда удивлялся, и теперь удивляюсь. Я этот рассказ привожу как один из первых, когда спрашивают. Как всё получалось, не знаю. Ведь родители на работе.

Я знаком с внуком Флоренского, он живет здесь, геолог. Кирилл Павлович Флоренский, физик и астроном, втянулся в историю с лунным путешествием. Он большое лицо.

О Владимире Георгиеве, болгарском расшифровщике этрусской письменности: «Такой крупный человек, а не успевает за молодыми. Расшифровывает, да как-то неудачно».

Честность не очень явление желательное. Русская честность такая, что человек может и душу за тебя положить, и избить. Те, на Западе, понимают честность как-то более цивилизованно.

Да, есть великая сила, но когда она проявляется на земле, люди не могут ее осуществить. Мы это ощущаем на просмотре трагедии. Да, видишь ли, сила мировая, надмирная сила… Для Гегеля суть трагедии в том, что высшие силы здесь проявились.

# 1973

**19. 1. 1973**. Крещение в этом году в воскресенье… Помню о том, как в моем родном городе ходили крестным ходом к воде.

Испанцы умеют любить, играть на гитаре, убивать из-за угла. А не немцы.

— А русские?

Водка и селедка, умеют водку пить. Раньше, когда я был молодой, я распространялся о русской душе, имел славянофильские идеи, Москва третий Рим, «а четвертому не быти». А потом с течением времени я во всем этом разочаровался. И меняться уже стар… Нации уже нет. Теперь уже международная судьба.

— Как римляне?

Хуже, хуже, хуже… Римляне оставили, до наших времен всё еще живо,

римское право, политические образцы, города, дороги. А русские не знаю что оставили.

— Ужасно…

Это была бы долгая история рассказывать, я столько мучился и столько слез пролил, что теперь не хочется вспоминать… Это как разведенная жена, остается только ненависть. Мне даже противно об этом говорить, даже с тобой, хотя ты мне и близок. От всего осталась ерунда, на постном масле. Что сделается, то и сделается, а думать об этом… Поэтому все инакомыслящие и правомыслящие мне всё равно.

— А церковь?

Моя церковь внутрь ушла. Я свое дело сделал, делайте вы теперь свое дело, кто помоложе. Я вынес весь сталинизм, с первой секунды до последней на своих плечах. Каждую лекцию начинал и кончал цитатами о Сталине. [123] Участвовал в кружках, общественником был, агитировал. Все за Марра — и я за Марра. А потом осуждал марризм, а то не останешься профессором. Конечно, с точки зрения мировой истории что такое профессор. Но я думал, что если в концлагерь, то я буду еще меньше иметь… А сейчас — мне всё равно. Нация доносчиков, будьте доносчиками или нет — мне всё равно. Вынес весь сталинизм как представитель гуманитарных наук. Это не то что физики или математики, которые цинично поплевывали.

— Простите, что я у Вас время отнимаю…

Хм… Да ведь разговор интересный. Аверинцев? Не знаю… Ничего не знаю и знать не хочу, кто он. Я с того же начинал, что и он, меня бы за меньшее выгнали. Не хочу ни об Аверинцеве, ни о

всех новых ничего знать.

— Вы надо мной смеетесь!

А то раз я о них ничего не знаю, и мне тогда отчаиваться? Нет… И у меня не отчаяние, а отшельничество. Я как Серафим Саровский, который несколько лет не ходил в церковь. Все знают, что Лосев не участвует в общественной жизни. Отрезвление.

— Вы как будто замкнулись.

Давно замкнулся. Потому что я когда-то выступил, а навстречу была только

клевета, и использование моих мыслей. Делали на мне карьеру. Сколько меня не пускали в академию. Существо теорий у меня с Аверинцевым близкое, но в смысле общественно-политической деятельности он Шаляпин, а я — преподаватель греческого языка.

— А как же соборность? Ведь есть же церковь?

А мне всё равно. Как хотите.

**4. 2. 1973**. Ареопагитики — это уже зрелый платонизм. Всё окончательно развернуто. Нуцубидзе, националист, подделывает Дионисия под материализм. Безобразно.

Мейнонг[124], австрийский философ 20 века.

Ну, Гуссерль, феноменология — это уже позитивизм. Всё отрицается. Я бы сказал, что это махизм. То, что раскрывается в моем анализе, который я сейчас осуществляю, то и правильно в меру корректности моих действий. Что будет завтра, не знаю. Смесь идеализма и нигилизма. И средневековые номиналисты, и Николай Кузанский, и Гуссерль — все они заняты анализом данных сознания. Конъектура Николая Кузанского не догадка, а допущение, которое делается в ходе этого анализа.

Твоя общая характеристика хорошая, хорошая[125]. Правда, там нужны некоторые исправления. Но твоя работа хорошая, внимательная, сделанная с пониманием дела. Ну, а там, где ты неточен… у нас ведь и не было до сих пор

почти ничего Кузанского, и вообще в нем трудно разобраться.

Гаспаров хороший филолог и переводчик, но не философ. У него есть работа о Светонии[126].

(1) Надо посмотреть Rode Erwin, «Psyche» в подкрепление теории Ницше об Аполлоне и Дионисе. Для доказательности. Того же Эрвина

Роде «Ursprung des Unsterblichkeitsglaube bei den Griechen», в 1926 году было шестое издание; там впервые орфики даны в мистическом виде, а не просто формалистически, как у немецких

филологов.

(2) Вячеслав Иванов, «Дионис и прадионисийство», Баку 1923, там есть раздел о Дионисе орфическом.

(3) Потом — Орфей в мифологии, посмотреть по Roscher, Lexikon der griechischen Mythologie und Religionsgeschichte статью на Орфея.

(4) Daremberg-Sagliot, Dictionnaire des antiquites grecques, посмотреть тоже на Орфея.

(5) Новосадский Н. И., «Орфические гимны». Новосадский мой учитель, а это его докторская диссертация. Суховатая, позитивистская работа, но полезная.

(6) Вячеслав Иванов, «Эллинская религия страдающего бога» в «Новом пути» за 1904–1905 годы, в нескольких номерах. Иванов не успел эту работу отдельно напечатать. Но для лучшей ориентации пусть будут Roscher и Daremberg-Sagliot.

(7) Orphicorum graecorum fragmenta, Otto Kern, 1922, первое полное собрание.

(8) Abel, Orphica, 1885. Здорово использует неоплатоников.

(9) Платон об орфиках, Государство 365Ь-с.

(10) Геродот 2, 81.

11. 2. 1973. Элегический дистих, эпиграмма.

Лучше бы Толстой занимался топором и пилой.

(1) Hope R., The Books of Diogenes Laertius, their Spirit and their Method, N. Y. 1930.

(2) Kolar A., De Diogenis Laertii Vitarum fontibus // Listy filologicke 7 (1959), 197–202; 8 (1960), 71–80.

(3) Janacek K, Diogenes Laertius and Sextus Empiricus // Eunomia 3 (1959), 50–58.

19. 2. 1973. Безобразие и проституция, которые проделал Аверинцев со святыми молитвами. Он всё хватается за высоты, но для этого надо же и духовное что-то иметь. Если бы я был митрополитом, я бы строго запретил использование этих переводов в церквах.

Епископ Феофан Вышинский при переиздании Добротолюбия опустил трактаты Паламы, слишком умовые, которые в 18 веке входили в 5 том,

предназначенный специально для монашества.

Деяния апостольские, сочинение 2-й половины 2 века.

Протоиерей Успенский, «Мужи апостольские»; его же, «Апологеты».

Мефодий Патарский, «Пир» (семь дев на пиру православной добродетели).

**22. 2. 1973.** А. Ф. на чествовании Дмитрия Дмитриевича Благого, которому 80 лет, как и скоро будет Лосеву. Похвальные

речи академиков разных академий, издателей, литературоведов, журналистов; Благой arbiter elegantiorum. Василий Иванович Кулешов от МГУ: «Все мы вышли из шинели Благого». Ольга Константиновна Логинова, редакция литературоведения издательства Наука, шепелявит: «Мечтаем переиздать Вашу статью; желаем Вам остаться таким же».

А. Ф. мне: посидим немного, потом смоемся. Аза Алибековна, кажется — у меня не записано, — читает гекзаметрический акростих «Д. Д. Благому славу поем»: «Благо и честь воздадим юбиляру за труд неустанный… Создал учебник, что стал ариадниной нитью Людям, вступившим едва в лабиринты науки… Он не стареет, как дуб пышнолистый…» Кто-то уверен, что Тредиаковский мог бы сказать Благому: «От побежденного учителя…»

Борис Михайлович Филиппов, директор дома литераторов: «Представители семидесятилетней молодежи Вас поздравляют. Но почему мы празднуем не в нашем большом зале? У Вас широкий круг читателей». Лорышкина-Копырева с кафедры русской литературы педагогического института им. Крупской: «Вы отдаете сердце воспитанию трудовых масс нашей страны; Ваше мудрое слово о великой нашей русской литературе…» Виктор Осипович Перцов поздравляет Благого тоже от лица семидесятилетней молодежи. Ильенко из Издательства детской литературы дарит издание «Руслана и Людмилы» с Палехом. Доцент Самаркандского университета Галина Наумовна Медведева вручает Благому узбекский халат; а тот кажется и до этого всегда уже носил среднеазиатскую тюбетейку. Николай Петрович Балашов от «Известий Академии наук» декламирует: Благой разработал понятие закономерности литературы, совершенно оригинальное, потому что на западных языках даже такого термина нет; Благой кроме того великолепный текстолог, ему принадлежит лучшее в мире издание классика, «Вечерних огней» Афанасия Афанасьевича

Фета, и первоклассная работа о нем, «Мир как красота»[127]. Поздравляют от музеев Маяковского, Тютчева; Константин Федин; Виталий Михайлович Озеров; многие из Харькова; Сергей Михалков, председатель Союза писателей, опровергающий хронологию: «Всё врут календари».

А. Ф. обратился к юбиляру на латыни: Doctor magnifice, virtutibus praestans admodum, re philologica pulcherrima peragens, industrissime, gratulo!.. Semper tecum, sagacissime, prudentissime! Один раз вместо латинского et сказал немецкое und.

А. Ф. не помню по какому поводу сказал в связи с темой Софии: «Своя ноша не тянет».

**25. 2. 1973**. Скрябин был талантливый как Ницше. Тоже, как Ницше, стал профессором[128] и бросил. Потому что время нет для сочинения своих произведений, которые настолько сложны в сравнении с классическими.

Бывает, человек сам играть не умеет, но может научить других. Это особое отношение к музыке. У исполнителей, наоборот, нет возможности преподавать; у них же там страшный труд, надо по 10 часов в день играть чтобы стать хорошим пианистом.

Мой «Античный космос» в ФБОН написан.

Paly (?), один ученый 70-х годов 19 века, считал, что эпос Гомера позднего происхождения, причем текст двигался вплоть до времени Александра Македонского. Поэтому у Гомера находят мысли, которые только у досократиков могли быть. Поздние и теоретические представления. Я тоже представил бы Гомера прямо как догматическое богословие. Но у Paly, наверное, здорово сделано.

Я занимался эпиграфикой у Новосадского. Два года на нее угробил, получил пять, с тех пор 50 лет не пришлось этим заниматься. Олег Широков другое дело, он диалектами занимается, ему эпиграфика нужна.

**19. 3. 1973.** Благой лучший специалист по Пушкину. Благой хорошо относится ко мне, печатает мои статьи по символу, бывал у нас раза два-три после защиты диссертаций. У меня с ним отношения приличные, даже теплые. Большевистский несколько, но умеренно. Кое на кого наступал, его многие не любят. Лучший литературовед. Ну, кого еще назвать? Храпченко? Да это ерунда. Поспелов? Да нет… А Благой и книги печатает, личность высокая и почтенная. Давит всех, его и поэтому не любят. Но он и не нуждается в особой поддержке, сам всё делает.

Мой юбилей? В 1967 году намечался 75-летний; тогда Василенко был, назначил комиссию. Теперь другое, теперь не то. О моем юбилее не слышно, а уже бы пора рассылать приглашения. Я был бы рад произнести слово, но едва ли удастся.

Шаляпин не только бас, а великий драматический актер. Петров[129] так не мог. У Шаляпина такой серебристый бас сохранился до 67 лет, он же не курил и не пил. А теперь басы, Михайлов например, — в 40 лет уже гудит как в бочку; настолько пропитые басы. Бывало, слушаем Михайлова, и как в пивную бочку. Наверное, пропил.

Но у Петрова не хуже голос чем у Шаляпина. Пел под стать Шаляпину — минус драма. Драматический элемент ввел Шаляпин. Реформировал в корне оперу. Во время исполнения все

подчинялись ему. Шаляпин был своенравный, вздорный, но все его требования были высокохудожественные. На него писали жалобы, но Шаляпина не удаляли, администрация была всегда за него.

Теперь есть еще один Петров, Иван Иванович, его настоящая фамилия Краузе, бас замечательный, густой, низкий. Но игра конечно слабая, оперная. А голос чудный. Он взял себе такое имя в память Петрова 19 века [130] и моего Петрова.

Шаляпин всех забивал. Но Петров прекрасно выполнял все шаляпинские роли — прекрасный, мягкий, сильный, проникновенный голос. У него отнялась нога, ну, наверное, на нервной почве. Он дал обет петь по пятницам стихиры в храме: «Разбойника благоразумного о едином часе раеви сподобил еси, сподоби и мене, грешнаго, раеви и спаси». Когда он пел, в церкви оказывалась масса

народу, когда он кончал петь, все уходили. Митрополит Макарий заметил, что приходят слушать актера. Митрополит видит, что приходят слушать накрашенные и надушенные дамочки; иначе бы и не заметил. Сразу же официально было объявлено: «По приказанию его преосвященства митрополита Макария запрещается петь Петрову стихиру в четверг». Что тут началось в газетах! Стали костить всех (кроме императора; Николая II и Александру Федоровну нельзя было хулить), поднялся шум, вопль; и все атеисты тоже восстали. Петров все же нашелся, стал петь в маленьком храме, не в храме Христа Спасителя. Там он до смерти пел, исполняя обещание, которое дал Богу за исцеление ноги. Пел прилично, не актерски, я слышал; не театрально, а благоговейно (на «днесь будеши со Мною в рай»).

Я подробно не знаю твоей духовной жизни, но подозреваю, что она у тебя интенсивная.

**14. 4. 1973**. Аза Алибековна: «Володя бросается из стороны в сторону, как Алексей Федорович». А. Ф.: «Слушай, Володя (сияет), они же не понимают, что это одно и то же. Аза ведь не понимает, что языкознание, Николай Кузанский, Диоген Лаэрций — это всё одно и то же».

**19. 4. 1973.** Лосевское «иррелевантное» — это сфера незавершенного, несделанного. Здесь мы вне уютного детерминизма, предопределенности. Всё на наш страх и риск, в нашей свободе (а ее не знаем и не хотим). Эта сторона есть собственно мир, он раздвинут и непрестанно поддерживаем юностью, «эоном».

**22. 4. 1973.** По просьбе А. Ф. я написал рецензию на книгу Л. З. Совы «Аналитическая лингвистика». А. Ф. показалось слишком

резко, хотя он почти во всем согласился со мной. Я отвечал на поставленные им вопросы: (1) Обладают ли окончательной ясностью термины «язык», «теория языка» и «теория метаязыка»; «лингвистический элемент», «теория лингвистических элементов» и «наука о теориях лингвистических элементов»? (2) Можно ли при определении этих элементарных понятий обойтись без принципов предельного обобщения и без категории структуры? (3) Что такое «аналитическая лингвистика» и можно ли считать этот термин вполне ясным? (4) Разобрать по собственному усмотрению две или три главы из книги с точки зрения

соответствия первоначально данным определениям и с точки зрения их полезности или бесполезности. (5) В чем отличие от традиционного понимания грамматики? (6) Степень новизны? степень годности этой новизны?

И еще серия детальных вопросов: (1) Дать определение в начале: словесный элемент, лингвистический элемент, аналитическая лингвистика. (2) Изложить пример с управлением. (3) Откуда получаются 60 элементов определения, действительно ли каждое из этих значений предельно. Возможны и другие элементы определений? (4) Предложение. Каково окончательное определение предложения. Чем оно отличается у Л. З. Совы от традиционного, есть ли преимущества по сравнению с традиционным или нет? Или я не улавливаю, а есть новое? (5) Чем речевая деятельность у нее отличается от нашего обычного понимания речи? (6) Так ли, что одного дуала мало? что для знака значения мало, а должно быть еще значение фонемы? Но в таком случае она дает определение не знака, а своего конструкта внутри дуала. Или я не так говорю?

А. Ф. не понравилось у Совы то же, что заметил и я: несмотря на большой логический напор, она базируется на интуитивных моментах как слово, его элемент, берет само слово как формальный элемент. В предложении она не определяет классы слов; члены предложения и части речи тоже интересно знать, определяет она или нет? Если ее интересуют только теоретические конструкты, а не интуитивно понятные части речи, предложения, то это не есть аналитическая лингвистика, а аналитическая логика. Она не понимает, что синтаксическое управление тоже семантически содержательно. В разделе «Предложение» у нее, кажется, мало нового. «Цепочка» не ее термин. Снова она хочет анализировать фразу, не касаясь смысла. Она не имеет права говорить «обучение автомата». Неверно, что автомат «помнит», «сопоставляет», почему никогда не будет возможен машинный перевод, вообще говорящая машина никогда не удастся. Основатель кибернетики был тут несколько

механицистом.

Иррелевантное — это предметы, о которых нельзя сказать, существуют они или нет. Они поэтому не зависят ни от объекта, ни от субъекта. У стоиков они назывались dSidcpopa, безразличным, oiiSetepov, ни тем ни другим. Это не идеи. Стоики не хотели быть ни платониками, ни вульгарными материалистами.

Будучи соматистами, они не искали ни идей, ни материи, а традиция им предоставляла в распоряжение только термины либо номиналистические, либо платонические.

Субстанция? Не могу употреблять этот термин. Мне понятно, что значит субстанция, но из нее ведь для современности надо делать выводы. Пусть субстанция идеальная существует, но мне же надо делать выводы для лингвистики…

Лотман приглашал меня работать в своей «Семиотике». Он прислал мне вежливое и даже низкопоклонное письмо, присылайте дескать что-нибудь. И я послал ему, вернее, Пете Рудневу.

Ильин предлагал говорить, что предмет чувства это счув. Некая объективная предметность облекается внутренним переживанием и получается специфическая предметность. И это абсолютно правильно. Например воля. Предмет воления иррелевантен, но без него нельзя перейти к релевантному предмету.

**29. 4. 1973.** Мою статью забрили уже четвертую, против структуралистов. Рождественский, Ревзина статью провалили, Никита Толстой. Там выступила Благова, явная наймитка структуралистов, и ни Макаев, никто не мог ничего сказать. Эти якобы структуралисты засели в «Науке».

Правда, сейчас они обмякли. Когда забрили статью, я обиделся на «Вопросы языкознания». Ведь они же сами меня приглашали. Потом я встретил Филина[131], главного редактора: давайте, говорит, статью. — Я обижен. — Да нет уже тех людей! — Ну ладно, тогда дам. Им, правда, нужна маленькая статья, а у меня рассуждения долгие, разнообразные, на десятки страниц; надо же разъяснять значение, смысл, форму.

И сейчас один востоковед, палеоазиат (занимается нивхским языком), бывший в Академии по идеологии, опять меня пригласил. Всё теперь уже изменилось. Иванов пустился в фольклор, изучает модель мира у каких-нибудь кетов. Там конкретный материал, структура в настоящем смысле. Формальный структурализм распался сейчас. Что структура это будто бы математика, теперь такого уже нет. А понятие структуры я очень люблю. Математика тут ни при

чем. Об этом есть моя статья о математическом знаке в его отличии от языкового. Машинный подход может только омещанить богатое языковое содержание. Вообще машина не выходит за рамки часов. Я тоже могу сказать, заведя часы, что они имеют память, внимание, воспоминание, но это всё будет богословие для дураков. Сказать «машина помнит», «машина решает задачу» так же глупо, как сказать «часы помнят», «часы решают задачу».

Срезавшись на машине, они бросаются в языкознание, в индоевропейщину, вещи налаженные уже сто лет назад. Кто и в фольклор. Теперь, наверное, Иванову самому стыдно себя прежнего; наверное, он скажет, «ну, это был ребячий бред».

Продолжаем говорить о книге Совы. По поводу упомянутого мной замечания Виктора Викторовича Шеворошкина[132], что только у нас нельзя сказать о книге, что она вздор, А. Ф. резко возражает: Falsch, Шеворошкин! И хорошо, что у нас так не принято. При Сталине это было бы так: «Бибихин в своей рецензии на диссертацию проводит буржуазные взгляды». Обсуждение откладывается на другой день, и если ты будешь еще возникать, как-то пытаться спорить, то высылка (А. Ф. разыгрывает эту сцену с живостью, переживая сладость от сознания, что того времени всё-таки уже нет).

Если выступать так резко, как ты предлагаешь, то будет антиобщественно. Во-первых, я не Гегель; во-вторых, есть и математическая кафедра для ее математики. Поэтому ты заткнись со своей рецензией пока. Хотя я могу под ней подписаться. Но это будет антиобщественно. Всё может измениться через год, два. Вот десять лет назад, ты не знаешь, что тогда творилось. Когда структуралисты выступали, было не продохнуть. Добрушин, тот вообще говорил, что лингвистика это математика.

С книгой Л. З. Совы «Аналитическая лингвистика» дело было в том, что по просьбе написать рецензию я очень резко осудил книгу и в целом и в частностях. Было видно (и позже подтвердилось), что Лосеву это по душе. Однако прослушав, он решительно сказал: «Но всё же я склонен дать положительный отзыв». Я привел еще несколько убийственных аргументов. Ничтоже сумняшеся он повторил почти буквально, что всё-таки книжка производит на

него в целом положительное впечатление. Мою бумагу он отверг, предложив как-нибудь использовать самому; но, конечно, добавил он, нельзя в своем первом выступлении нападать на всех. «Со своей критикой ты сейчас заткнись. И я не могу выступить так резко. В данный момент это было бы антиобщественно. Потом, года может быть через три…».

По поводу задержки номера тартуской «Семиотики» А. Ф. возвращается к ошибкам популярного структурализма. Всё-таки знаковая система должна быть предметной. Знак не только обозначает факт предмета, но и сам он предмет. Знак многоструктурен. А они (структуралисты) упрощают себе задачу. Лотман берет стихотворение, разлагает на моменты звучания, смысла, стиля, а содержания нету.

Между прочим, диссертацию Руднева провалили. Руководителем был Бухштаб [133]. Гаспаров оппонировал, он занимается русским стихосложением уже давно. Я тебе говорил, что послал через Руднева статью для Лотмана в «Семиотику». И вот Руднев говорит, что Лотман не отвечает. Лотман ко мне благорасположен, и если он не отвечает, я понял, что какие-то затруднения к печатанию есть. Я попросил его вернуть рукопись. Получил рукопись обратно, значит, дали в шею. А здесь в Москве сразу напечатали, хотя, правда, примеры сократили. Символику цветов Гёте выкинули. Ну, тут уже ничего нельзя сделать. Издательство абсолютная власть. Если из 19 страниц 9 выкидывают, ничего не сделаешь. Даже я, старик, который тысячу раз печатался, должен терпеть.

Видно Лотман что-то почувствовал. В целом он относится хорошо к структурализму. Он хороший литературовед, но одного не чувствует: что художественное произведение кроме всех содержащихся в нем знаков, всех составляющих его структур, всех операций с ними есть еще и просто оно само и что это целое, помимо всех входящих в него структур, по закону совпадения противоположностей есть еще одна новая структура.

Структуралисты поэтому говорят о знаках, а не о символах. По-моему же в конечном счете действует всё-таки символ. Хотя понятие это дискредитировано, его надо воскрешать в новом духе.

**26. 5. 1973**. А. Ф. несколько раз переводил Ареопагита. Но в 1930 году, жили тогда еще с Валентиной Михайловной и стариками ее родителями в их доме, вставлял куски в книгу «Диалектика мифа» уже после просмотра книги цензорами Главлита. Арестовали, Валентину Михайловну тоже, при обыске всё растащили, даже костюмы. И Дионисий Ареопагит в переводе был изъят при обыске. После освобождения пошел к Митину[134]: вот, выпущен без судимости, полностью реабилитирован, перевод Ареопагитик не относится к политике, верните. — Да, говорит, перевод дело сложное… Придите через две недели. — Поспешите, говорю, ведь эти переводы не имеют отношения к моей личности, как бы не уничтожили. — Ладно. Прихожу через две недели. — Говорят, что не могут найти. — Как же так? — Приходите еще

через неделю. Прихожу через неделю. — Представьте себе, говорят, что найти не могут.

Я был настолько энергичен, что в 30-е годы еще раз перевел. В 41-м году рукопись сгорела, когда бомба попала в дом, остались одни слипшиеся страницы, которые я просил выбросить. Видно, Богу не угодно, чтобы я переводил Ареопагита… Ареопагитикам вообще не везет. «О божественных именах» не переведено. «О церковной иерархии» есть в 3-м томе «Творений св. отцов, объясняющих Божественную литургию», где и «Тайноводство» Максима Исповедника.

— Алексей Федорович, давайте сейчас переведем Дионисия[135]?

Нет, не буду… Богу не угодно.

Заместитель директора митюха[136]…

Я думаю, ошибка Энциклопедии (философской) в том, что туда понаперли статей богословского характера. «Ад», «Ангелы» — зачем травить гусей, лезть прямо зверю в пасть? Да и не философское это. «Ад», «Бог»… Я бы мог написать о Боге, но я бы о нем говорил как о философском понятии, это же и философское понятие тоже.

Причем половина в этих статьях будет чепухи, а половина ругани о религии. А богатейшее философское содержание…

Туда надо что-нибудь вроде Idee des Gottes und die Geschichte der Philosophie, «Идея Бога и история философии», где был бы Николай Кузанский, у которого Бог понимается как дифференциал. А не всякие там определения богословских понятий, которых миллион. Философски ведь всё можно представить, и это будет настоящим изложением предмета.

Хотя, конечно, я сам жалею, что в старое время — вот русское мужичье! — не смогли издать до конца Православную энциклопедию. Они там выпустили жалкие 11 выпусков до буквы и. Ведь есть же протестантская энциклопедия, 75 томов! У меня была и вся погибла.

Какая психопатия! Выходит «История искусствознания», 5 томов — и без номеров томов. Так и моя «История античной эстетики», ставить на каждом томе номер почему-то нельзя.

Ипотеса у Платона[137], отражаясь в сознании, создает предмет, объект в смысле цели. Объективно опредмеченная субъективность, вот что такое объект. Объективность есть опредмеченность. Субъект существует независимо от нас, объект возникает, когда мы начинаем познавать. Ипотеса это субъект.

— У Хайдеггера отношение субъекта и объекта перевернуто.

Да, в этом смысле ипотеса превращается по мере своего осознания из субъекта в объект. Но всё-таки здесь немного

другое. У немцев хорошо, им легче разобраться в соотношении между вещью, das Ding, и предметом, der Gegenstand.

Вот вопрос: ангелы то же самое, что закон? Да, но ангел в отличие от закона есть также и порождающая модель. Закон говорит отвлеченно, а ангел есть регулятив для человеческой жизни. Закономерность в ангеле присутствует, но он ведь к тому же еще и живое существо. Ангел бесплотен, но бесплотности совершенной нет; я считаю, что даже Бог имеет тело; ангелы световидны, значит что-то телесное в них есть, правда, тончайшее. Да это и древние знали, говоря об эфирных телах. Так что ангелы не просто закон, а порождающее начало, телесная модель, структура. Я бы считал, что мало называть ангелов просто законом.

Так что порождающая модель, или идея, должна быть в основе учения об ангелах; или о бесах, демонах. С христианской стороны бесы не ангелы, у них личности нет. А в структурном плане ангелы и бесы одно и то же; и те и другие управляют нижними сферами.

Существует 9 чинов ангелов, серафимы, херувимы, престолы, власти, архангелы… Всё это порождающие модели. Они совершают переход от пресущественного к сущностям.

Моммзен: das Buch ohne Index ist kein Buch.

**27. 5. 1973**. Трус Костюченко в «Мысли». Зачем тогда было браться? Классики дело опасное, то и дело нарвешься. De deo у Спинозы, доказательство бытия Божия у Декарта…

В 5 веке до нашей эры уже носились идеи монотеизма. Еще никто ничего не знал, но Платон, Ксенофонт, Овидий говорят о Боге в единственном числе, о ὁ θεόζ без всякого имени. Это значит, что появляется недовольство многими богами. Они себя дискредитировали.

— А Элевзин? там как будто бы долго сохранялось живое многобожие?

Ну, как сказать, там ведь тоже Загрей должен был стать благим правителем мира. Его растерзали титаны, и персть, которая осталась после сожжения титанов Зевсом, вошла благой частью в природу людей. Всё это, конечно, соблазнительно, но тоже указывает на единое благое начало. Словом, тут уже большой напор монотеизма. В Диониса верили вначале; а ко времени Овидия он уже считался мифом, который надо иначе понимать, поэтически. Ну, там на Западе есть богословы, которые всё это разбирают. А мы…

— Евангелие тоже было для иудеев соблазн…

Христианство это откровение Божие настолько сильное, настолько всё поглощалось им, что всё прочее падало ниц.

Можно, если угодно, сопоставлять его с религией Диониса, вплоть до людоедства, поедания плоти, но это уже теперь никого не интересовало. Только 19, 20 век тут начал находить параллели.

Альтман говорит, что Вячеслав Иванов думал, что Дионис второе лицо Пресвятой Троицы. Альтман почитатель Иванова, получает его сочинения. Мы с ним поссорились. Если бы не женщины, вылетел бы из квартиры. Иванов поэт и солидный ученый, очень важный, знал несколько языков. Он перешел в католичество, считая, что православие бессильно и слабо, продалось власти. А

католичество держится гордо и грозно, закрепилось на всех материках под единым руководством. Ходили слухи, что Иванова хотят поставить кардиналом.

Альтман рассказывает, что папа Пий XII однажды спросил Иванова: известно, что вы занимались Дионисом. — Да, Ваше Святейшество. — Знаю, это есть в Ваших трудах начала века. Мне хотелось бы знать, что Вы думаете о Дионисе, кто он такой? — Это, Ваше Святейшество, второе лицо Пресвятой Троицы! Папа покраснел, задрожал, посинел, на прощание сказал два-три любезных слова, и Иванов ушел. На том кончилась его карьера в Ватикане. Тем не менее Иванов стал директором русского отдела библиотеки в Ватикане. Это огромная библиотека, больше чем Ленинка. Есть две библиотеки мирового значения, в Вашингтоне и в Ватикане. А хотели его кардиналом или епископом, архиепископом сделать, но вот так его карьера кончилась.

Когда он начал стареть, ноги ослабли, то перестал даже и библиотекой заниматься. К нему на дом приходили ученики Ватиканского университета заниматься греческой, латинской литературой. Голова была ясная и светлая до последних дней; лежал в постели и так говорил.

— Что же он повел себя с папой так богемисто?

Да, Альтман уверяет, что он так и сказал. Да он еще и в Москве уже отходил от строгой догматики. Ну, о структуре общей в дионисийстве и христианстве, конечно, можно говорить; да и у людоедов пьют кровь начальника племени, чтобы приобщиться к его силе. Но тут-то именно структурализм никуда и не годен. Если можно сопоставлять людоедство и христианство, то твой структурализм это вздор, антиисторично. Структура нужна, но тут же надо наполнить ее содержанием. Историческое содержание в христианстве совсем другое.

Альтман начал на это шуметь: Это православная идеология получается! Вы же всё-таки ученый, европейский человек! — Я не европейский, и я сомневаюсь, что я человек. — Но Иванов по

крайней мере был историком, ученым! — Иванов не историк. — Позвольте, как не историк, если пишет книгу «Прадионисийство и Дионис»?! — В ней нет никакой истории. — Кто же он тогда, поэт?! — Он не поэт (полубог).

Тут уж пошли пить чай в столовую, женщины вмешались, Альтман встал на свою анекдотическую, ироническую позицию. Всё-таки как-то нормально расстались, расцеловались, потому что мы старые друзья и всегда обнимаемся и целуемся при встрече и прощании.

Так что структурно ты где хочешь можешь найти подобие, но этого мало.

А похоже, что Вячеслав Иванов кардиналом мог стать… Он и был похож на кардинала. Или, пожалуй, больше на немецкого профессора, ходил во фраке, волосы у него были такие поэтические длинные. Правда, и тип кардинала тоже, откуда-нибудь из Средних веков: высокий, худощавый, плотный, серьезный, лицо правильное, нос итальянский.

А. Ф. говорит, прочитав статью Владимира Николаевича Топорова об элеатах, где Топоров пускается в широкие исторические параллели: Позднеева, китаистка (у нее и муж китаист; возможно, его уничтожили; он работал в Институте русской культуры, который расшибли[138]), я читал ее книгу по-русски. Там много напрашивается параллелей с греческой философией. Она сама сопоставлений не делает, работает только на китайском материале, но в древней китайской мысли очень многое похоже на досократиков. Правда, я там не нашел Платона. Но наверное там и платоники были свои. Культура была высокая, притом за несколько тысяч лет до Греции. Так что исследование Топорова предметно. Но владеет ли он греческим материалом, я сомневаюсь. Его переводам нельзя верить.

обнажается бездна. Она и свет, и тьма. Абсолютный свет не с чем сравнить, то есть значит в нем нет никакого признака, которым бы он отличался от чего бы то ни было, и стало быть он ничто. Или, если абсолютный свет есть нечто, то нечто какое? Сверхсущее. Оно же есть и небытие. Оно же и мрак. Как у Ареопагита: «Бог есть мрак». Абсолютный свет, его сравнивать нельзя, никакого признака ему приписать нельзя, значит, он мрак.

**2. 6. 1973**. А. Ф. возвращается к мысли о мире, неопределимом целом. Безбожники только тем и отделываются от Бога, что не представляют себе мира. Солнце, Арктур, Вега еще не мир. А если бы они представили себе весь мир, то вот тебе уже и новое качество. Так что единство и целость вещь опасная. Я не

советую атеистам такими делами заниматься, а то пойдут в церковь. Скажут: как же так, я думал, мир в жене, в детях, а вот она, мировая космическая целость.

Два-три вопроса задает Сократ Гиппию, красавцу, и тот оказывается дурак. Потому Сократа и казнили. Идет министр, два-три вопроса ему, и он показывает себя негодным для своей должности. А что с таким Сократом сделаешь? Он издевается над всем. Вот его и казнили.

Сидя у себя в кабинете и сося лапу свою, я тут разные идеи у себя продумываю. Но мне надо почитать авторов, чтобы не получалось слишком кустарно. Так ты изложи, avec des exemples. Какие категории употребляют эти авторы? Гипотеза, метод, закон; может быть, бесконечно малые, непрерывное становление. Система классификации, логические структуры. Обработка наблюдения при помощи логических категорий — или система из рассеянных категорий. У меня сейчас идет всё античное. Вот договор на пятый том принесут; там стоики, эпикурейцы, неоплатоники. У меня много уже написано, но надо подчистить, подновить. Вот тут Поленца работа, надо будет покопать.

И еще: ты не можешь достать двух небольших молитвенничков? У меня есть два человека ищущих, я хочу подарить им, чтобы поднять их дух. (Должен сказать, что мне очень редко удавалось выполнять просьбы вроде этой; помнится, ни двух молитвенников, ни двух экземпляров Мандельштама я не добыл. А. Ф. терпел эту мою беспомощность, иногда мягко подшучивая над ней.)

Со 137 страницы, где начинаются антилогии, там (в платоновском «Парменида») понять ничего нельзя. Но я насобачился так эту логику объяснять, что каждый дурак поймет.

Ты помнишь пещерный символ? Жалкая картина! Казалось, правит общая идея блага, всё должно под ней сиять, а тут такая штука. В «Тимее» другое, там действительно всё сверкает, мир излучение вечного света. А пещерный символ в VII книге «Государства» — это же кошмар!

Что «платоническая любовь» пакость, это идет от ученых, понимающих Платона банально. Почему они так говорят? Не знаю. На самом деле тут у Платона драма, мы-то это знаем. Тут у него логика, неимоверная логика, гегелевская логика. Вот в чем суть моего понимания. Моя мечта описать его стиль. Он и драматург, и лирик, и историк (посмотри «Государство» книгу III). Это гений такой разносторонний. Я получил заказ на такую работу, «Диалог у Платона». У некоторых мнение, что к концу жизни его творческая способность спадает. А как же такие диалоги как «Протагор»? Там почти до драки доходит, такое

напряжение. Нет, Лосева не поймаешь. И логика сохраняется невероятная. Еще том напишу, где будут мифология и поэзия у Платона. Но перед этим надо разрушить убеждение, что диалог это фикция. Не фикция.

Переводы Карпова нудность, сплошной славянизм. В то время как Платон живой, подвижный, непостоянный, его таким вялым дураком изображают. Так что если эту мою статью напечатают, то свежим ветерком повеет в советской литературе.

Или Бог воплотился в человеке, и тогда Бог изобразим; или Он непознаваем, тогда и Христа не было! Изобразить человека дело маленькое, достаточно позвать портретиста. Но богочеловека… В иконе должна быть явлена сущность Божия. Сущность должна быть явлена именно как субстанция, поэтому икона праведника не просто изображение, она несет энергию того человека. В иконе, конечно, не та благодать, которая была в нем, но всё же. Икону нельзя прятать, ее надо вешать в комнате, потому что от иконы благодать излучается, свойственная святому. Между иконой и святым субстанциальное тождество. Несубстанциальное тождество есть в каждом художественном произведении; метафорическое или символическое тождество в пошлом смысле символа. Я-то символ, ты знаешь, понимаю глубже, как тождество не только чисто

переносное, образовательное, но также и благодатное, не только глазу дающее, но и побуждающее действовать.

Флоренский в девятом номере «Богословского вестника» пишет, что икона это окно в другой мир. Там же есть исследование Попова Ивана Васильевича, которого я хорошо знал. Что интересно, это рассуждение у Флоренского не только философское, но и богословское, и искусствоведческое; для него ведь это одно и то же.

**5. 6. 1973.** Для романтиков миф это реальность. У Гёте же нет с мифом налаженности определенной.

Статья Соболевского, разоблачающая абракадабру и махинацию Толстого.

Так что если твой брат работает на основании Вейсмана, или по Толстому[139], скажи ему: что хочешь, то и докажешь.

Этот старый дурак Толстой, идиот и вырожденец, выкинул из Евангелия всё, там осталась только тошнотворная толстовская моралистика.

Тюбинген доказывает, что когда в Евангелиях упоминаются три ипостаси, то это позднейшие вставки. А нашли армянскую рукопись второго века нашей эры, где эти места есть. Так что они

сели в лужу. Церковь есть тело Божие. Кто приобщается к этому телу, тот получает разумение. А что такое Евангелие, если оно только текст без предания… Я тебе его так переведу, что ты усиками затрясешь. Соболевского статью о Толстом со своим братом посмотрите. Правда, Соболевского тут жалели и он сам себя жалел, не упоминал этой своей статьи о Толстом. Всё-таки Толстой такая величина.

У Спасского, «Догматы Святой Троицы в ее историческом развитии», хорошо показано, как в первые века чуть не победило арианское учение: так называемый субординационизм, когда только верховный Отец есть единый истинный Бог, ниже его зависимый от него Сын, еще ниже Дух. Верховное божество постепенно расчленялось, эманировало, из него возник космос, сын Божий, и так далее. Первые три века всё христианство было пронизано этим. Даже почтенные личности, как Иустин мученик, если внимательно прочесть, имеют что-то от арианского учения. В 325 году Первый вселенский Собор должен был иметь дело со всеми этими недоношенными и непродуманными теориями. Вера все первые века была великая, неизмеримая, церковь стояла на крови мучеников, а разум хромал. В лице Ария сгустилась субординация, хотя сам Арий был очень образованный человек. На Первом вселенском Соборе после долгих прений было постановлено, что Сын равен Отцу. В Символе веры было записано: «Единосущна Отцу, Им же вся быша». С тех пор Священная история излагается по Символу веры. Но на Первом соборе были известны пока еще только две ипостаси, Отец и Сын. Дальше, после арианства, пошли всякие монофизиты, которые признавали, что Христос Бог, но не верили, что Он совершенный человек. На этой почве отвалились целые церкви, например армянская. Поскольку Христос не человек, то не может быть и его икон, всякие изображения расцениваются только в смысле благочестивого иллюстрирования, сила за этими образами не признается. Народ всё равно и к таким изображениям прикладывается, только, конечно, без излучающейся из них благодати. Но тогда надо и Церковь отрицать как тело Божие!

**15. 6. 1973.** Грузия, неоплатонизм в 12 веке там воскрес, в свете Ареопагитик. Иоанн Петрици тут главная фигура, он сделал перевод Прокла «Στοίχεϊωσις θεολογική» на грузинский. Петрици очень глубокий человек, учился в Византии, потом монашествовал в монастыре в Гелати, недалеко от Кутаиси. Основал там академию, где неоплатонизм процветал, причем с элементами пантеизма. Конечно, в целом это было православие. Но если божественные эманации понимать широко, как такую

интересную пронизанность мира божеством, то можно и до ереси дойти.

В Возрождении несколько струй. Например, струя Леонардо ничего общего с неоплатонизмом не имеет. Это линия искусствоведческая.

Откуда пошел термин неоплатонизм? Ведь это термин новый. Откуда это началось?

А. Ф. выносит своё окончательное суждение о Леониде Ефимовиче Пинском. Он свёл всё на пантеизм, а это одна из самых бездарных и бессодержательных религий. Самодвижение Пинский, правда, понял. Но если уж мы дошли до самодвижения, то, наверное, в самодвижении есть какая-то закономерность? Солнечная система, например, это такая штучка, которая движется с точностью до секунды. Солнечная система ничтожество по сравнению со вселенским целым, а мы вот и ее не можем объяснить. Если же в самодвижении есть закон, то оно не просто движение, а разум, vcrix;. Теперь еще маленькое усилие мысли, и получаем единое Плотина. Оно действует в каждой вещи. Стол как таковой в его смысле, в его имени есть нечто абсолютно неделимое, т. е. в нем присутствует единое, Их. Возьми все вещи мира, в каждой из них и во всех них есть тоже абсолютно неделимое, целое.

Волей-неволей дойдешь до всего. И Ленин дошел до стакана. Стакан, он говорит, может быть деревянным, железным, но что есть стакан сам по себе? Правда, он это применил к профсоюзам. Но всё равно. Так что даже Ленин дошел до целости. Ему только не пришло в голову применить ее к миру.

Безбожники расстаются с Богом ценой расставания с миром. Ведь бесконечное движение материалистов это не мир, оно происходит в мире, а что такое мир в целом? Гегель говорил: меня берет жуть, когда говорят о бесконечности Бога; меня трясет от ужаса, когда Его такими атрибутами прославляют. Так что тут,

батюшка, мозгами надо шевелить, а без мозгов и до атеизма дойдем, и еще до чего-нибудь похуже.

Еще просьба. Тут на днях выходит Мандельштам. Ты знаешь, его приходится ценить, у него такое словотворчество и такой ум… Так что мне бы два экземпляра. Правда, у нас такое творится, что в какой-нибудь Караганде он будет, а в Москве нет, как раньше в библиотеке какой-нибудь конюшни был Лосев, а на Арбате не было. Доставать книги трудно. Тут нужен кум, или надо как евреи, machen sie gewesen. Что это такое этимологически, не знаю, но, видно, значит что-нибудь вроде спекуляции.

Все книги Платона как идеолога аристократии были у нас в немилости. Кто же кроме меня мог за него выступить? Один я не побоялся.

А. Ф. говорит о Бахтине по поводу этой своей апологии Платона: А пусть он сам выступит перед Академией наук. Я хотел показать, что Платон не просто музейный экспонат, а человек, который ездил на Сицилию, пытаясь чего-то достичь, бился, хотел тотчас переделать общество. Бахтин сильно отстал. По мировоззрению он чрезвычайно отстал. Он не работник сегодняшнего дня, и он ничего не может сделать. Следя в кабинете с Бибихиным за литературой, он мало что сдвигает[140]. А моя статья к изданию Платона будет огромным сдвигом. Первым кто начал реабилитацию Платона, скажут лет через 70, был Лосев, а не Аверинцев и не кто-нибудь еще.

Неожиданно за чтением Аркесилая А. Ф. спрашивает: а как по-французски всегда? Как по-французски прощайте, до свиданья? Я говорю. — Mes compliments.

**20. 6. 1973**. О Шестакове, его безразличии к Николаю Кузанскому: Всё-таки он человек карьерного типа. Мне стыдно это говорить, он многому от меня научился, но он не научился ценить эстетические учения древности и нового времени по существу. Отдаленно он всё это уважает, Дионисия, других. Oh yes! Oh ja, etwa! Но вчитываться… А мы с тобой, надеюсь, высокого плана эстетику

ценим. Я хочу воестановить имена забытые, заплеванные, Прокл, Ареопагит, Палама, Кузанский…

Аза на экзамене должна выслушивать марксистские вещи. Но марксизм слушать невозможно! невозможно! (А. Ф. бьет себя кулаком в грудь.) Такие зазубренные слова. Просто удивительно, как такой катехизис мог сложиться.

Я перед войной председательствовал на ряде экзаменов, в Харькове, Полтаве на Украине. Был председателем госэкзаменов в Полтавском пединституте. Ну, думаю, понадобится для curriculum vitae. Это была мука. Ну, другие предметы ничего, но марксизм и педагогика — невыносимо. Например, экзаменатор спрашивает, що э урок. Девчонка отвечает: «Наставление, которое дает учитель в классе». — Ни. Ни. Она начинает вымучивать из себя, дает разные выражения. — Нет, вы предмета не знаете. Это же схоластика чистейшая в дурном смысле слова!

Марксистские экзамены проходили так, как марксист ставил. Так было в 1940 году, сейчас 1973, и всё абсолютно то же самое.

Нельзя излагать предмет своими словами. И это в Московском университете, в центре просвещения. И уйти не

может Аза Алибековна, вынуждена слушать.

Некоторые меня побаиваются. Я провалил несколько докторских диссертаций, меня опасаются приглашать иногда. Аза говорит, что я прирожденный погромщик. Но это неверно. Сова вот, тоже, я ее не разгромил.

Потом, ставят знак равенства между Лосевым и платонизмом, хотя это совершенно неверно. Что я занимался переводами Плотина? Но я не всё перевел. Потом, в 20-х годах было гораздо труднее переводить его, сейчас появились новые издания, западные переводы. Во всяком случае, я уж этим не занимаюсь. Да и не хочется ходить с протянутой рукой.

Вот у меня сейчас катавасия с Костюченко [141]. Я ругаю Диогена Лаэрция. Костюченко услышал об этом и говорит: «Зачем нам издавать Лаэрция, если он так плох, что Лосев его постоянно ругает?» Но я так пишу о Диогене Лаэрции для того, чтобы научить людей обращаться с источниками. Да и когда западных писателей я копнул, там же всё наполнено критикой Лаэрция. Я не стал сокращать свой текст о нем. Тогда Финкельберг, ученик Азы, взялся написать короче. Я говорю: ну, пишите, пишите; уложитесь в пять страниц, это будет в самый раз для вас и ваших читателей. Отложили до 1976 года печатание моей статьи в полном виде. И у меня получается слабое положение: либо вообще статью не дам, либо печатайте сейчас. Ну, а что делать?

Вообще издательское дело сплошная зависть, интриги, закулисные махинации. Говорят, «О, Лосев!» И откладывают до 76 года. Значит, все эти «О!» лесть и ерунда. Могли бы так же отставить какого-нибудь 25-летнего или 30-летнего. Издательское дело очень кляузное и очень канительное. Эти мои двести опубликованных работ означают годы мучительнейшей борьбы, ожидания, сплетен…

Я тебе откровенно скажу. Мне очень жалко, что полетит Кузанский [142]; и хотя я тебя люблю, дело не в Бибихине, а в крупнейшем имени, а ты тут всё-таки

попался, переводил. Теперь придется неясно сколько лет ждать. А доказывать дураку, что такое Николай Кузанский, это я уже слишком стар.

Я поклонник Лазарева[143], хотя и не в эстетике. Только вот Лазарев тяжелая фигура. Не знаю, как он ко мне относится. Наверное, считает, что я старый добротный ученый. Но он прожженный карьерист, сделавший свою карьеру, не хуже Шестакова. И хотя я тоже в редколлегии, всё-таки трудно, когда тут ходит человек с задранным носом.

Мое дело неоплатоническая диалектика мифа и в этом духе богословие. А если просто сказать моё богословие, то в глазах

дурацкой толпы мы его принизим. Миф-то миф, но — диалектика; тогда люди относятся с большим уважением.

Символ есть тоже миф, хотя туманный. Церковь почему символ? Потому что она не просто собрание верующих, но вещь, указующая на божество. А если брать ее практически и исторически, в виде таинств, обрядов, то она миф.

Когда конь Ахилла идет в бой, он пророчествует своему седоку гибель. Ахилл слышит речь коня, понимает его, но не возвращается к кораблям: «Будь что будет, всё равно». Это одновременно и реалистическая картина, и миф. Миф как осуществление символа.

— Становление символа?

Нет, становление будет дальше. Миф есть символ, осуществленный субстанциально. Художественный символ остается всегда символом, если он действительно художественный. Церковь в своей чистой идее конечно символ. Но видеть в церкви только собрание верующих — это слишком простецки; а если верить по Апостолу, что церковь есть тело Христово, то здесь она мыслится уже как миф.

— У Паламы есть почти то же, что inattingibile inattingibiliter attingitur Николая Кузанского:ἀκαταλέπτως καταλαβεέν.

А. Ф. кивнул в знак согласия и заговорил о другом. В Индии нет никого, в смысле личности, так что хотя они тоже восходят умом, но к чему? К нирване. А нирвана ведь ничто. На Востоке не дошли до абсолютной личности. При всей колоссальной культуре не дошли до абсолютной личности! Здесь, на Западе,

абсолют был отточен до своей персоналистической, так сказать, оформленности, а там — максимум до циклического возвращения; до белки в колесе. Правда, Ницше пишет: вот, ругают вечное возвращение, но как иначе примириться с тем, что я должен умирать? Да я же ничего не успел сделать! Нельзя ли еще раз эту жизнь прожить? Такое мировоззрение хочет вечного возвращения для того, чтобы не умереть.

— Может быть, настоящая, страшная смертность касается не тела, а онтологической сущности человека? — предположил я.

Лосев меня не понял: тогда получается пифагорейское переселение душ, да? Между прочим, у Гомера есть девять пониманий смерти. То душа умершего является как тень, это мать Одиссея. Тиресий после смерти так и остался человеком. Умершие вкушают кровь и по мере этого начинают получать память, и так далее. Вот у меня есть идея, рассмотреть разные типы телесности. В «Федоне» умерший глазами видит грехи на своей душе. Если смотрит глазами, значит, какое-то тело всё-таки у него есть?

Знаешь, из всех церковных догматов как-то менее популярен, а для меня самый близкий вот этот: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Не могу себе представить человека без тела. Если тело всё умирает, это означает его несовершенство. И древние догадывались, что какое-то тело остается: огненное, эфирное. Такое же, как у бога; у меня есть идея написать о таком теле. Уже в статье о ахоіхеˆov я писал насчет разнотипности телесного. Тут очень много неоплатоники сделали. Да и стоики тоже, первые учителя эманации. Из огня происходит космос, в человеке начинается затухание огня, от которого остается теплое дыхание; а ниже человека и того нет. То же можно сказать и о Плотине, только он берет это не материалистически, а как становление ума, который постепенно густеет.

Поэтому природа у Плотина — это что-то вечно живое, движущееся. В ней четверица материя-форма-действие-цель так сплетена, что, например, отдельно материю выделить как субстанцию очень трудно, да просто нельзя. То, с чем мы имеем дело в природе, это и не идея, и не материя. У Плотина текуче-сущностное понимание бытия. Европа так научила нас разрывать идею и материю, что мы уже не понимаем, что такое текучие сущности. А ведь только они реально и существуют.

Жить осталось мало; а идей у меня столько!

— Если в ненаучной форме их сказать?

Могу; но времени нет! Аза еще не собралась на дачу; утром я был на экзамене; потом пошло редактирование Секста Эмпирика; потом еще какое-то редактирование. Так что не до афоризмов. «Ломовые лошади афоризмов не пишут», вот тебе афоризм. «Ломовые лошади живут без афоризмов», вот тебе первый афоризм!

**19. 8. 1973.** У Аристотеля много новых категорий по сравнению с Платоном:ὕλη νοετή ένέργεια έντελέχεια… Шесть новых категорий. Какие они все полные.

Я воспринял Гомера как нечто резюмирующее. У Мейе[144] Веды, Авеста и Гомер — три главных памятника о расколе первоначального единства, показывающие индоевропейскую пестроту.

О Макарии Египетском неопределенные сведения. Я бы отнес его к оригеновскому времени; в 4 веке ему надо было бы быть уже неоплатоником. А у него всё проще.

29. 9. 1973. Логика есть неконтекстуальное мышление. Например, «человек смертен». Можно понимать Сократа как угодно, и шишковатым, и лысым, этот человек может быть и хорошей крови, и разбойник, всё равно он смертен. А есть В, значит, А всегда и везде есть В. Все быки летают, собака есть бык,

следовательно, собака летает.

— Интересно, что Лайонз не фиксирует отличие как что-то конкретное.

Так что же, англосаксонская тупость? Но ты знаешь, они в этой тупости гениальны. Это такой хороший эмпиризм… [145]

28. 10. 1973. В ирмосе в великий четверг говорится: «К тебе утреннюю, милосердия ради себе истощившему непреложно, и до страстей безстрастно преклоншемуся, Слове Божий, мир подаждь ми падшему человеколюбче»[146]. Надо, чтобы страсть прошла так, как будто ты ничего и не переживал. Как у Серафима Саровского с разбойниками. Для мысли и разума это ясно, а для

душонки нет, она пищит: как же, меня обидели? Но для разума, как бы тебя ни обидели, а ты сделай так, чтобы не заметить этого.

**11.11.1973.** Джоконда… Тоже подозрительный портрет. Во-первых, явно блудливый взгляд, не улыбка, а как-то ощеривается. Что-то страшное в этом есть, и на первом плане блуд, что-то блудливое, зовущее к наслаждению первого мужчину. Никакой духовности. Мещанину кажется, что загадочно. Ничего подобного. Главное тут как раз в том, что никакой таинственности нет.

Вот где настоящее возрождение. Он понял, что если от Бога отказался, то многое может создать, и вот он извращенно сочетает разные вещи. В «Монне Лизе», хотя и поприличнее, но внутренне смрадно и отвратительно. Когда я рассмотрел эти вещи, они на меня произвели отвратительное впечатление. Вот действительно возрождение настоящее в своем крайнем выражении.

Как Леонардо превознесен, а смотри какой ужас, ведь это не человек, а ведь это гад какой-то! Это конечно передовое, но вот какое передовое? Совсем не то, о котором думают обычно, говоря о Ренессансе. Как от Бога отказался, так потом дьявольщина началась. Это же дьявольщина всё.

Опыт, если его взять в чистом виде, он же страшный. Теперь вокруг нас обычно опыт упорядоченный. А возьми опыт в чистом виде — это же будет ад, антихристианство.

Я думаю, что Бога здесь нет. Или — неимоверный дуализм, когда Бог одно, а мир, все эти чудовища и змеи, совсем другое. Я думаю всё-таки, что Бога Леонардо не признает, католического и православного Бога он не хочет. Хотя ведь старый Бог допускал и зло и даже распятие богочеловека. Но теперь мало этого, так тогда ему надо такого бога, который допускает всё зло.

Какие огромные перемены на моем веку! Сейчас, конечно, тоже борьба, Брежнев какие-то теории устанавливает, но она чисто политическая, и она меня не касается. Но всё равно, всё

может вернуться…

Новоевропейская философия, Кант, Локк, Лейбниц — причем Кант еще интереснее других, — но мы же с тобой должны проводить линию другую! Которая гораздо крепче, гораздо интереснее, гораздо важнее: линия неоплатоническая.

**25.11.1973.** Готика. Ее расцвет это 15–16 века во Франции и Германии, готическая архитектура и готическое искусство. Готику легче осознать и определить чем романский стиль. Фому Аквинского можно считать началом готики; он вместо грандиозного и однообразного романского стиля начинает на первый план выдвигать индивидуум. Он аристотелик, но на почве неоплатонизма. Внимание неоплатонизма к природе можно принять за нечто вроде пантеизма. Но надо глядеть вперед и видеть сквозь деревья лес. Самодовление формы у Фомы. Есть книга Ковача, Aesthetische Lehre Фомы Аквинского[147].

«Папское (Льва XIII) издание» Фомы, роскошные томы. В университете есть.

Но в Италии готика далеко не пошла. С 13 века там есть одновременно (1) остатки античности, (2) романский стиль, (3) готика, (4) византийское влияние. Это проторенессанс.

Моя библиотека дважды была разорена… Дьявол, наверное, попутал. Другой бы на моем месте отчаялся, а я вот написал еще несколько томов. Я писал на всех парах, работал как три вола. А тут мировой дух решил: ша, хватит, товарищ Лосев, подождите еще лет десять, походите по библиотекам, повыписывайте книг.

Природа выпячена в Возрождение. Возрождение не структурно отличается от неоплатонизма, а аффективно. Ведь и всякий праведник тоже чувствует природу. В пятом томе «Добротолюбия» говорится, что женская красота есть наивысшее творение Божие. А в Возрождение человек переживает и страдание, и радость перед природой; какой-нибудь хребет снежный у него слезы вызывает, он захлебывается от восторга, бьет себя в грудь… Отличие от неоплатонизма в эмоциональном, аффективном и гуманистическом наполнении чувства природы. Разница в драматизме. Возрождение это драматическая апперцепция, драматическая переработка ареопагитского неоплатонизма.

Эйнштейн как-то сказал: единственный человек, с которым я могу (если не с физиком) говорить о пространстве, это Панофски. Так что Эйнштейн понимал, что здесь не ординарное пространство, выкинутое в темную даль, а изгибы, извивы… Может быть, математики и физики не понимали того нового пространства, которое он имел в виду.

Улыбающиеся фигуры архаики, на первый взгляд идиотские. Если вдуматься и посмотреть, то это элевзинская улыбка. Тут свобода и воля, и избавление от бытового распорядка. Люди не хотели погружаться в быт. А почему не хотели — это уже историческая проблема.

Фома, сравнивая живой догмат с аристотелевским и платоновским понятийным хламом, пришел к бесполезности писания [148]. Почему многие праведники и не писали. Писать значит размышлять отвлеченным разумом, голым рассудком. Поэтому некоторые строгие игумены запрещали даже читать. На Западе, конечно, другое. Доминиканцы, например, все сплошь ученые. Их монастыри это почти что научные общества, в противоположность францисканцам.

А у нас эта потребность слова ослаблена. Я знал одного монаха, гостинника. Я туда приезжал, потому что мне очень нравилось богослужение в том монастыре. Отец Ермолай. У него была книжечка «О любви». «Иногда, говорит, разверну, прочитаю немного, с меня и довольно». Были и такие, которые взяли своим послушанием науку, как Феофан Вышинский. Но у нас это не так развито, просто из-за недостатка культуры. А на Западе хочешь нищенствовать — ходи в изодранных штанах, хочешь быть ученым — пиши книги в Ватиканской библиотеке, и тебя тоже будут считать монахом. У нас, правда, тоже был и Нил Сорский, и Иосиф Волоцкий. Тот преподобный, и этот тоже. Тот молитвами заслужил, а этот организацией. Борьба была между ними. Нилу Сорскому пришлось уйти. А то могут наложить такому праведнику. «Поди-ка кирпичи носить».

Был один монастырь под Москвой. Сначала молитвенник был игумен, потом пришел другой, такой бойкий, кирпичный завод построил, на строительство в городе кирпичи продавал. И то и другое ведет к Богу. Только бы быть с Богом, а пути бесконечные есть ко спасению.

Неоплатоники тоже учили о буйстве. Это и у апостола Павла есть: «Буее ведет к спасению» [149]. Имеется в виду тот, кто умом буйствует. Тут, конечно, на страже сразу стоят все ереси, когда уму дается такая беспредельная воля…

Наше хлыстовство — это же дионисизм. Радение очень похоже на дионисийское буйство. Выбиралась баба богородица, вокруг нее начиналось кружение, волнение, порочное исступление; иногда обходилось и без всего такого. Дионисизм на христианской почве. В отличие от этого синодальное христианство совершенно спокойно, размеренно. А тут — надо кружиться вокруг этой бабы; это же вакхический восторг. Хлыстов обследовали медицинскими методами, подробно. Сейчас, я

думаю, этот дионисизм не по силам советскому гражданину, который заботится больше о пайках чем о какой-нибудь богородице. Разве что хлыстовство сохранилось где-нибудь в сибирской деревне, в избе.

Христианское смирение не есть ничтожество. Это упование на вечное спасение, а не чеховское смирение: если бы да кабы…

**9.12.1973**. Римские стоики пишут в тяжелом моралистическом духе.

Ангел: какое он имеет отношение к бытию? Я ведь вообще не знаю, существует он или нет. Здесь годится гуссерлевское различение, которое он предлагает в Philosophie als strenge Wissenschaft: мировоззрение есть дело жизни, а философия это только анализ сознательной, словесной предметности.

У стоиков собственно то же самое. Их Xektov очень тонкая штука. — И Гераклита твоего тоже неправильно понимают. У него над текучестью Единое, иначе нечему было бы течь; поэтому сказать, что у Гераклита только одна текучесть, неправильно.

Издательские дела… Я старый воробей, которого стегали много и били много и который знает, откуда можно ждать кулачный удар. Так что верить обещаниям я верю, но скептицизм остается.

София в отношении Бога Отца супруга, в отношении Сына то, что порождено ею, а в отношении Духа — возможность воплощения в результате акта рождения, воплощения всего. Раз Сын, значит, и материнское начало в Боге есть, так считали раньше. А потом, уже в порядке боговоплощения, появляется человеческое материнское начало, Мария.

В порядке путаницы под Софией понимают и ангела, и деву Марию, и космос, и Церковь. Все эти понятия связаны с женским началом, не дифференцированным. София сидела в сердцах совершенно непоколебимо, но вполне недифференцированно. Отцы Церкви на первом Вселенском соборе, их

собралось более 300, дифференцировали с поразительным единодушием. Правда, Дух считался сотворенным до 382 года, до второго собора. На Троицын день читаются три молитвы, первая молитва Отцу, вторая и третья Сыну. Следовательно, составлены эти молитвы были еще тогда, когда Дух понимали эманативно. Праздник Троицы такой торжественный, с цветами… а молитвы восходят к тем ранним временам до второго собора.

…Додумаю так [150]. Когда ничто станет богом в имманентном смысле, т. е. когда наполнится божественными энергиями весь человек, тогда исполнится желание Бога создать человека, чтобы любовь была во всём. Когда это совершится, наступит конец всего. Только вот куда ад девать, не знаю. Святые

отцы восставали против апокатастасиса. Получается разделение между спасенным и осужденным.

Бессилие стать Богом есть ад. Такое учение, страшное, очень мало разработано. Но святые отцы так именно учили об аде. Когда Христос спускается во ад, ад сникает: «Где твоя, адове, победа?» Христос явился чтобы победить ад. Хотя тоже это мне не очень ясно. В каноне на святую Пасху мы поем об умерщвлении смерти: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало». Весь канон Пасхи построен на этом. Так что если буквально понимать этот канон, а ведь он составлен Иоанном Дамаскиным, то ада уже нет…

И вопрос о Софии, и о муках адовых, и о спасении нехристиан — всё это недостаточно в православии разработано. Тут робко говорилось некоторыми, что каждый будет спасаться по своей вере. Не знаю… Такие рассуждения всё-таки θεολογούμενα, а еще не θεολογΐα. У Булгакова есть книга «Православие», составлена здорово, есть точные формулы. Очень удачно. Там о вечном спасении сказано: «Что же касается огромной массы людей, которые жили до Христа, или во времена Христа и не узнали Его, или вовсе никогда о нем не знали, то их судьбу мы предаем милосердию Божию». Так как же китайцы, или папуасы? Все эти миллиарды людей — «милосердию Божию»? У Булгакова это надо понимать, скорее всего, в смысле робкого указания на то, что Бог всех помилует. Нехристианин, иноверец, китаец, папуас, знает истину, хотя и плохую. Если он грешит против истины и не кается, то погибнет; а если

грешит и кается, то «милосердие Божие»? Надо тогда юридически решить: раз ты отбыл наказание, всякий грех с тебя снят.

Так что в православии много неразработанных учений. Ну, о Софии считай что почти уже готов догмат. Если собрать церковь — не здешнюю, конечно, а свободную, — то догмат о Софии будет принят.

Вот даю тебе лосевское определение: идея вещи есть сама вещь, движущаяся с бесконечной скоростью, т. е. она одновременно везде, во всех местах и, следовательно, не движется[151]. Но она есть именно вещь, т. е. материальна.

Ты меня назвал дураком за мою аксиоматику[152]. Но это одна ступень твоего мнения обо мне, а их было уже десять или двенадцать, их еще будет разных… двадцать. Мы с тобой только щупаем себя и других, а ни к чему определенному не приходим.

«Вечерю» Леонардо написал не как икону, а как картину. Он чувствовал, что сделал ее хорошо, очень хорошо, но он всё равно не сделал там всего что хотел. Потому что христианские струнки

в нем не бились. Может быть, «Вечерю» кто-нибудь и повесил бы в храме, но лучше ей быть в Третьяковке.

Возрождение, я тебе скажу, дело неудачное, и не могло оно удаться. Человек, видите ли, царь природы; и уже считает себя центром мира, раз поднялся на 100 километров от земли. Глупо. Ведь там, дальше, еще миллионы световых лет. Поэтому Возрождение такое текучее. Всё течет, не на чем остановиться. Отделилась иконография от культа, от религии только сюжет остался. Настоящий правоверный скажет: это же издевательство.

Перед революцией в Москве главенствовал митрополит Макарий (всего Макариев было тогда три). Был актер, певец Петров[153], который в молодости не мог ходить и дал обет исполнять в великий четверток «Благоразумного разбойника» в храме Христа Спасителя. Макарий, строгий монах, постановил: «Петрова не пускать в хор».

В газетах Макария за этот запрет обливали помоями. Бедный Петров бегал по церквам, нашел одну, куда его пустили, и соло пропел.

**23.12.1973**. Всего труднее мне переводить неясность в ясность. Многие удивляются, не понимают, в чем тут дело; а ведь это самое трудное. От этих мыслей не сплю. Ницше сказал, что филология есть наука медленного чтения. Я бы сказал, что это наука медленного писания. Для филолога каждое слово имеет огромное значение. Так один исследователь после десятилетий работы признался: не знаю, что такое.

Надо еще раз посмотреть Болотова «Историю древней церкви», том 2, об Оригене и Бриллиантова «Влияние восточного богословия на западное в творениях Иоанна Скота Эриугены»[154]. А что такое «Чудо» Льюиса [155]?

То, что ты чему-то научаешься, облегчает мое моральное состояние и отношение к тебе.

30.12.1973. Говорят в лицо явно лицемерно: о, Лосев у нас классический писатель! На Западе таких нет! Как будто я не знаю, что есть на Западе, а чего нет. Ну куда мне равняться с Бруно Снеллем или с Виламовицем? Да и стыдно, хоть под стол лезь. Но хоть и говорят так, а всё равно не печатают.

Пиррон только свистел и щелкал пальцами, когда его спрашивали, есть ли бог (три раза свистнул и щелкал пальцами). Дурака валяли (греки скептики), ораторы были большие, бабники. В Риме смотрели строго и называли это просто хулиганством.

Аморализм растет и беспринципность. Не так было десять лет назад…

— Зато поляризация?

Да, это я знаю, знаю, что русская земля на семи праведниках держится.

Работница она хорошая[156], всё делает быстро… Но всё это зависит от настроения, всё это ненадежно, она невропат. Но она и готовит довольно вкусно,

и продукты знает, и связи есть — достоинств много.

Работа интересная[157], посвящена античной теме, о которой можно писать тома; богатая проблема. Разобраны этимологии, даны все контексты, цитаты из Пиндара; свёл, сделал вывод — работа и филологически, и мировоззренчески в современном духе, аккуратно приведены цитаты, точно, с указанием стиха, филологически грамотно. Указана специфика именно пиндаровского времени. Со студента нечего больше требовать, превышает требования к студенческим работам. Сделаны интересные выводы о времени, которое прорастает из события. Прослежена связь орфической традиции от Пиндара до Плотина, что уже выходит за рамки семантико-филологической характеристики к мифологии; но мифология ведь до сих пор и считалась делом филологов. О Пиндаре еще мало есть работ. Если так же разобрать его 40 од, то можно писать докторскую диссертацию. По-моему, всё подходит, и можно будет напечатать.

Редкин, «Из лекций по истории философии права»[158]. Изложил всю историю философии, и одна-две главы о топике.

Для науки не обязательно знать «да» или «нет» реального существования. Ее дело предположения, Annahmen. Гуссерль занимается только строгостью научного рассуждения, а есть ли реально то или иное, ангелы и тому подобное, «это меня не касается». Учение Гуссерля об эйдосе иррелевантное. И это хорошо. В чистом виде это махизм. «Я ничего не знаю о существовании или несуществовании вещей вне моего восприятия». И Ленин за это колотит Маха. Но, собственно говоря, Мах всё-таки не идеализм. Идеализм это всё-таки «да». А тут нет ни идеализма, ни материализма. И вот та же черта есть в греческой философии. Конечно, космос для нее существует. Но в представление о нем входит нейтралистский момент. И по-моему это хорошо. Такая образуется иррелевантная сфера. У Аристотеля искусство есть изображение возможного. Мы сидим в театре, слушаем трагедию, там на сцене убивают, но мы же не зовем полицию. Иррелевантность. Есть идея, есть материя и есть третья, иррелевантная сфера. Иррелевантность, например в искусстве, мне

представляется глубоким делом; и очевидным. Но когда сводят всё к языку[159], а язык якобы ничего не выражает, кроме самого себя, это нигилизм.

В музыке надо изучать никакие не волны и колебания, а вещи; вот 5-я симфония Бетховена. Нужно знать сначала, что именно вы имеете в виду, а потом уже разбирать волны. Начинать всегда с содержания.

Имя имеет предметную и допредметную структуру. Слово как орудие общения есть арена встречи двух энергий. Первосущность — Бог, первозданная сущность — Бог в твари. Имя Божие, «о Нем же подобает спастися нам», божественное Слово — Христос. Тут ключ: остров символа в море Бога. Сущность есть имя (сущность есть Бог). Определение слова и имени как понятия. Слово есть то, что значит. Реальное слово угадывается, но не интересует. Философия имени есть собственно философия. Имя есть максимальное напряжение осмысленного бытия. Ключ к нему: жизненность. Наконец, слово как тело. Предмет слова есть сущность.

Это всё в моей ранней работе об имени. Легко ли ее поправить? Я сейчас пишу и более понятно, и логично, и вразумительно. Писал это мальчишка, едва кончивший университет. Мне не очень нравится сейчас там у меня схематизм, триады. Я Гегелем был начинен. Триады конечно так или иначе должны остаться. Но в том виде, как они были там даны, они звучат схематично. Я был молодым и не всё мог проследить. «Очерки античного символизма» написаны уже более понятно. Еще более понятна «Диалектика мифа»; там много примеров, схематизма нет.

Вообще я тогда стихийно и бурно развивался, писал всё более понятно с каждой книгой. Потом сталинизм всё прекратил. Меня сильно проработали в начале 30-х годов. Хотя договоры еще заключали. Договор на «Мифологию» был до начала войны. Тогда Юдин[160] был

начальством. Он дал указания: занимайтесь не античной философией, а мифологией. И я посвятил ей года три-четыре. Но началась война. Выдали мне 100 % оклада, отредактировали. Если бы еще тогда нашлось с полгода времени, всё было бы готово. Нет, прекратили.

У Якоба Гримма, Исаченко, Трубачева Name, имя, выводится из nehmen, брать. У Лосева имя выводится из по-ятия.

Григорий Назианзин — так говорят безбожники, а надо говорить Григорий Богослов.

Вопросы к Кассиреру. (1) В чем неоплатонизм Николая Кузанского. (2) В чем отличие Кузанского от Плотина и Прокла. (3) Где тут эстетика.

Мистика платонизма это бездушие. Августин тоже неоплатоник, но он видимо кается, перед его глазами всегда

Христос, он встревожен, копошится как может, своим беспокойством живет. А мистика Платона и Прокла это астрономизм. Какое-то холодное спокойствие. Возьми платоновский 'bjtivon'fi;, «Послезаконие»: мудрость есть подражание числам, душа должна вращаться так же, как звезды.

# 1974

**1. 1. 1974**[161]. Чем становишься старше, тем делаешься критичнее к себе и к другим. Я допускал вольности в переводе, а сейчас мне от них уже больно; надо выкорчевывать, это трудно. Так с Гедекемейе- ром. Раньше он казался мне каким-то откровением, а сейчас вижу много ошибок.

Тут я слышал недавнюю диссертацию о «Горе от ума». Оказывается, Скалозуб не скалит зубы, а злобно оскаливается, Чацкий происходит от польского «благородный», петьё значит пение. Раньше я думал — несколько лет назад смотрел в театре, — что скучища, что эта комедия умерла. А теперь открывается, что здесь шурум-бурум сплошной, что Грибоедов такие словечки откалывает. Этот диссертант доказал, что всё тут живое, разбудил интерес. Теперь надо читать «Горе от ума» заново.

В логике Аристотеля есть эта греческая черта, везде шнырять, нюхать, нельзя ли где-нибудь что-нибудь сорвать. Это дух греческой агоры. Досократики еще что-то утверждали, а Сократ только буровит, его уже ничем нельзя удовлетворить. И этот дух Сократа и софистов влился в античный дух.

Поэтому нельзя платонизм и аристотелизм припомаживать. Это всё острое, здесь палец в рот не клади.

Аристотель закрывает классику. В воздухе уже чувствуется громада империализма и надвижение небывалого упадка духа, упадничества.

Скептическое учение загадка. Может быть, действительно оно было прикрытием какого-то сокровенного учения, о котором ничего не говорили. Скептицизм… Боги-то есть, но некоторые боги и сами жулики, вроде Гермеса. Полный разгул всяким исканиям, подвохам, жульничеству. Эти учения только тогда получают античную специфику, когда припомаженность убрать. Существовало много абсолютных догматических учений, сколько угодно; а с другой стороны вечное домогательство и искательство, жульничество и пройдошество; и это давало почву для скептицизма. — Я и эстетику античную понимаю как риторику в основе, а вовсе не как созерцательную неподвижность. Но по диалектике тут же рядом и пройдошество.

Эпикурейство: мирное обалдение, философия была выбита из своих афинских высот, а к новому, к Александру Македонскому, не была готова. Такое вот обалдение. И целая эпоха такая, сразу послеклассическая. Платон и Аристотель погибли в трагической смерти, ушли в историю никому не нужными учителями истины.

А вышли эпикурейцы, мегарцы — «только не трогайте меня, только мне дайте лежать на траве и ничего не делать». Стоики держались немного особенно, но элемент резиньяции был и у них. В конце концов стоицизм стал официальной философией Рима. А те так и остались живыми трупами.

«Скользите, смертные, не напирайте — glissez, mortels, n'appuyez pas», как говорил граф Бенкендорф. Так, скользите себе; если что-то ухватить удалось, то и ладно. Вот позиция скептиков. Как Протасов в кабаке.

15. 4. 1974. (1) Надо найти авторов с той точкой зрения, что все Возрождение есть некий неоплатонизм, т. е. авторов, у которых Возрождение характеризуется как неоплатонизм. Есть ли категорические заявления в этом смысле. Если да, то есть ли размежевания с другими мнениями. Находят ли эти авторы в Ренессансе какие-то особенности неоплатонизма, новоевропейские черты. Можно ли говорить о развитии неоплатонизма в течение Ренессанса.

Можно ли точно указать этапы развития неоплатонизма внутри Ренессанса. Причем в неоплатонизме были разные течения, астрологии, математики. (2) Надо взять Friedrich Vischer, Asthetik, oder Wissenschaft des Schonen в десяти томах. [162] Посмотреть первые два-три тома. Выписать тезисы о символе, указать их параграфы и страницы. Остальные тома у него более частные. Стало быть, номера параграфов и очень кратко — определение символа. (3) Посмотреть слово «символ» в трех энциклопедиях: Britannica— привести точное определение, немецкий словарь по литературе — точное определение и краткое изложение; то же в итальянской философской энциклопедии.

Именительный падеж говорит о вещи, что она есть именно она. Именительный — это падеж субъекта как носителя бесконечных предикатов. Я бы назвал его casus subiecti, casus substantialis. Там, где ты угадал, что вещь есть субстанция, причем отличная от всех других, ты ее наименовал. Так же как родительный падеж это casus generalis, т. е. падеж, указывающий на род, к которому относится вещь. Винительный я бы назвал падежом объекта, casus obiectivus. Главный падеж, casus substantialis, фиксирует предмет среди прочих.

Структура так же объективна, как сама вещь. Материя сама в себе отражается и получается система отношений. Материя порождает в себе смысл, не менее реальный чем она сама. Так солнечная система движется по своим законам, не менее объективным чем небесные тела. Смысл есть отражение материи в самой же материи. Но люди обычно не додумывают до конца. Смысл в материи? как же в материи? А так, что если там нет

смысла, то материя есть вещь в себе, непроницаемая, непознаваемая! Когда мы лупаем глазами на Солнце, мы воспринимаем просто какую-то неопределенную глобальную множественность. А Леверье смотрел на Солнце так, что предсказал существование Нептуна, следом за Юпитером [163].

Новое время понимает Творца как мастера, вроде плотника при табуретке. Ничего себе мастер! И такое понимание существует от Бруно до Чернышевского. И Радищев туда же. Так что твои молодые люди, которые, ты говоришь, появились в Москве, это только отдаленные предшественники того,

что будет через сто лет. Сейчас всё пока еще пребывает в очень глубоком затемнении.

Я таких людей, о которых ты говоришь, не ищу. Пишу себе работы, работы печатают. Пусть молодежь выступает и зарабатывает свои идеалы, а я уже свое отстрадал. И сейчас страдаю, потому что печатают всё равно в общей куче. В очередь. Завишу от каприза всякого издателя.

Один аббат говорил, что если три раза подряд выпадает одна и та же кость, если на четвертый раз выпадает одно и то же, то это случайность, допустим, редкая. А если потом всё то же самое? если всё время? Тогда кости подделаны. Вот и я думаю, что кости, из которых сделан мир, тоже подделаны.

Есть убежденные евреи христиане. Такой был епископ Варфоломей, профессор Духовной академии [164]. Мы у него занимались семитической филологией. Начали заниматься по моей инициативе — и окончили тоже по моей. Я решил благоразумно оставить, потому что всё равно не совместить… Он служил в Зосимовой пустыни — с 11 до 7 утра в церкви, полунощница, утреня, литургия. У него были противники, которые говорили про него всякое. Но я видел его в пустом храме; остался после службы и видел, как епископ Варфоломей стоит на амвоне и отвешивает поклоны, 300 поклонов, трехсотницу, или 500, пятисотницу.

Он однажды посвящал во священники еврея, Шик такой по имени. После посвящения Варфоломей говорит ему: только сейчас ты подлинный еврей, когда ты принял православное священство.

Солженицын ведь с юга. Там у меня есть знакомые, которые говорят, что он верующий.

Атеизм лучшее доказательство бытия Божия. «У меня нет денег» — значит, я знаю, что такое деньги. Иначе это мое суждение бессмысленно. Так же и «нет Бога». Если люди так говорят, они, значит, знают, что такое Бог. Я как-то беседовал об этом с Шаумяном, он хороший логик. «С точки зрения чистого

разума, говорит, Бог существует».

Моя формула Возрождения: это был ареопагитский неоплатонизм, понимаемый в своем имманентно-субъективистском (субъективном)

индивидуально-гуманистическом заострении. У Фомы Аквинского это тоже уже есть, но вместо индивидуально-гуманисти- ческого у него Церковь. Возрождение переходная эпоха и помесь самых разнообразных вещей. В аристотелизме Фомы подчеркивается и выдвигается на первый план единичное. Надо посмотреть подробнее у Ковача.

О Сугерии, аббате монастыря св. Дионисия под Парижем, есть издание Панофского 1946 года[165]. Сугерий, неоплатонический основатель готики, следовал Ареопагиту и неоплатоникам. Основание готики надо таким образом искать в неоплатонизме. Та же мысль у Воррингера, он проводит мысль, что готика есть неоплатонизм.

**21. 4. 1974**. — У вас, Алексей Федорович, такая библиография, с ума можно сойти!

Ну сойди. Сойди, тебе будет лучше… А ты знаешь, мой третий том вышел. Я себя чувствую Мандельштамом.

**30. 4. 1974**. По поводу имени Божия. Антоний Булатович, иеромонах на Афоне, проповедовал, что когда подвижник твердит Иисусову молитву, то, по древнему учению, при повторении ее сотни тысяч раз начинается действие имени Божия не только в голове, но и в сердце. Афонских монахов, которые стали этому следовать, назвали имяславцами. Официальная церковь их осудила. Синод распорядился по поводу имяславцев полицейским образом. Был выслан корабль с военной бригадой и приказано либо подчиняться игумену, либо силой посадят на пароход для отправки в Россию. Пожарной кишкой выгоняли из келий. У них уже психология мучеников началась. Человек 200 их было, большинство осталось на месте. Тогда их просто силком выволакивали. Высадили в Одессе, запретили служить и стали рассеивать по разным сторонам. Булатовича в Харьков. Там в революцию жгли имения и укокошили его в 17-м году.

Флоренский определил: имя Божие есть Сам Бог, но имя Божие не есть ни собственное имя Бога, ни Бог не есть только Свое имя. И моя «Философия имени», если сказать искренно, была написана под влиянием имяславцев. Имяславцем был Владимир архимандрит, и еще несколько; я с ними был знаком.

Они предупреждали, что если Россия перестанет почитать имя Божие, то погибнет.

Моя «Философия имени» — я ее еще мальчишкой писал. Там много Гегеля. Высший синтез у Гегеля есть богочеловечество. Под

всяким таинством лежит богочеловечество. Хотя Гегель доходит до сатанизма мысли — логическим путем выводит Христа, — но его категории очень четкие. Впервые ему удалась такая четкость. Будучи протестантом, он настолько логически обострен, что все догматы христианства выводит логически.

Материя только обворовывает идею.

Я переел этой науки… Не могу без ссылок.

За 5–6 часов сделал большую работу и готов был радоваться, а встаю — и ноги не двигаются, ноги устали, значит и голова устала. Получается адово противоречие.

Definitio fit per genus proximum et differentiam specificam.

**31. 5. 1974**. В Акафисте пресвятой Богородице собраны замечательные, вдохновенные, поэтические умозрения.

На Троицын день в воскресенье иерей в церкви на коленях при открытых вратах в окружении цветов говорит три замечательные молитвы[166]. Причем характерно, эти молитвы возникли еще до Второго собора. На Первом вселенском соборе была установлена равночестность Отца и Сына. Арий склонял верить, что Сын творение Отца. Первый собор постановил, что Сын, как и Отец, существует «прежде всех век». Но сразу же, с 325 года, начались споры о Духе Святом. Дух не эманация, Святой Дух тоже от века существует. На Втором соборе в 381 году в Символ веры было добавлено: верую в Духа Святого, Господа животворящего. Так вот, первая молитва Троицына дня — Богу Отцу, вторая молитва — Богу Сыну и третья молитва — тоже Богу Сыну. Божеская субстанция Духа была выявлена только на Втором соборе, позже, чем были составлены эти три молитвы. А до того на Святой Дух распространялся эманатизм, или арианский субординационизм.

Церковь поступила мудро: она подвергла анафеме творения Оригена, а не самого Оригена. Творения предать анафеме…

В этом мае 1974 года А. Ф., не спавший несколько ночей подряд, снова говорил, что «переел науки», что десятилетия занятий ею оставляют нерешенными духовные проблемы и еще туже затягивают узел, отчего он и не спит.

— Действительно в таком положении остается обратиться только к Тому, Кто один всё видит. [167]

К Тому — с большой буквы? — Да.

Ну, видишь ли, я по своей греховности всегда вынужден к Нему обращаться, но… видимо, молитвы мои не доходят.

Я прочитал А. Ф. несколько страниц из «О назначении человека» Бердяева[168], но А. Ф. показалось это слишком романтично. Мысль о гнетущей механике, технологии, убивающей духовность, не увлекла его. Я прочитал то место, где

Бердяев говорит, что техника делает всё потенциально духовным. А. Ф. не согласился: «Да невозможная задача, переть против такой махины. Никто не думает о духовности. Только о похоти. Одна похоть и осталась, ничего больше нет». Я прочитал о рае и таинстве ада, которое Бердяев предостерегает рационализировать. А. Ф. возразил: «Да вот сам рационализировал же».

Дело вдет к тому, что года через два вернемся к сталинизму. Вы-то, молодежь, пришли на готовенькое, на Хрущева, а Хрущев это зеленая улица. Вы ничего не знаете. На ваших глазах никого не топтали. Вот недавно в Москве Михаил Лифшиц, которого колотили и гнали лет двадцать и который занял крайнюю позицию (все у него получаются фашисты), укладывал в Институте истории искусств другого еврея, Кагана, за его книгу «Морфология искусства»[169]. Что это не марксизм, что это мистика, а значит фашизм. Каган держался с достоинством. «Я мог бы начать с группировки Лифшица и Лукача в 30-х годах — я буду говорить только по существу». Главное, что теперь возможна такая ругань! Еще пример: Константинов и Кедров. Кедров пошел мальчишкой на войну, оба они учились потом в

Ты человек умственно очень богатый и ты не знаешь, что из этого безбрежного моря взять. Тут у тебя период Sturm und Drang. У меня тоже много идей, но я помню Гегеля: человек, который хочет быть определенным, должен себя ограничить. Я тоже иногда делаю отступления, засумбуриваю. Но три тома я все-таки навалял при условии железных, холодных цепей в работе.

Вам, молодым, придется переучиваться. Учись у меня. Я хоть пускаюсь в тонкости, но везде у меня цитаты из Маркса, есть всё что нужно. Там, где надо, конечно знают, что Лосев кабинетный ученый, занимается всякими пустяками. Я занимаюсь всякими заумными вещами. Но этикет всё-таки надо соблюдать, надо соблюдать. А то сразу наскочит какой-нибудь Лифшиц или Ахманова и тебе плохо придется[170].

Слушатели Кузанского понимали его не дискурсивно, не рассудочно, а прямо, интуитивно. Возможно, они понимали его именно так, судя по проповеди De pulchritudine. Я ее не понимаю. Возможно, там слишком сложно; а может быть, у самого Кузанского не было полной ясности. (Это первый раз, когда А. Ф. усомнился в Николае Кузан- ском; такова его вера в философа, этого и вообще всякого крупного.)

**9. 6. 1974.** О Дюрере. «Верность природе»… Все вопят: природа, природа! Даже тошнит. А для немца природа, при вечных стремлениях немецкого духа,

мыслится романтически. Да и кроме того это всё-таки 16 век, можно ждать новых ростков.

Все они (?) здорово срезались на исчислении.

«Не восхищением непщева равен быти Богу». [171] Христос, Он Бог по природе, а человек только восхищением. Бог сам себя создает.

**23. 6. 1974.** Знаешь, что меня в словообразовании подчинило? Теория Дорошевского [172]. Он мучился над вопросом, в чем логическая основа словообразования, и пришел к выводу, что аффиксы строятся по типу простого предложения. Если я скажу «производство», то аффиксы этого слова соотносятся как сказуемое, подлежащее, определение и так далее. Поразительная идея! Сразу получается же единство всей языковой структуры. На всех уровнях одна структура. Если логически продумать подлежащее, сказуемое, определение, то значит будет продумана вся структура языка. Ну, Ревзина так логически продумать конечно не может. Только Шаумян. Ни у кого другого такой обобщительной силы логической нет. У Шаумяна великолепные мозги в смысле логической школы. Это единственный человек среди структуралистов, который знает, что он говорит.

Эпиграфике [173] Новосадский нас учил два года, я научился хорошо разбирать. И за 50 лет ни разу не понадобилось. Но Широкову я посоветовал заниматься, порекомендовал издания. И через два года у него целый шкаф, через Ленинскую библиотеку. Так же и Шичалин через международный обмен получил книгу по Пиндару.

Я пришел к выводу, что в Возрождение появляется новая интуиция тела — и природы также, — не языческая и не христианская. Это не мифология, а то были бы демоны, и не сложная духовность материи, а такая личностная материя, в которой нераздельны личность и чувственность. На время это возвращается у романтиков немецких, отчасти у символистов конца 19 века. Личность и материя составляют тождество. Это не материализм. Сама материя тут полудуховная и именно личностная. Она выражает личностное состояние.

Боттичелли, Рафаэль — у них не одушевленность, не материя, не дух, а всё одинаково, и личность, и материя. Соблюдается иерархия; но и в низшем и в высшем сохраняется это тождество личности и материи.

Тождество личности и материи совсем разучились понимать в Европе; с Декартом, Локком всё было утеряно. С романтиками отчасти тождество возродилось. В одном афоризме Новалис говорит: Meine Geliebte ist Abbreviatur des Alls; das All ist eine Elongation meiner Geliebten, моя возлюбленная есть аббревиатура

Вселенной, Вселенная есть распространение моей возлюбленной. Как античная мифология не отличает бога от природы. Здесь то же, но плюс еще теплота личности.

В православии этого нет. Хотя даже в таком жестоком произведении, как Добротолюбие, в пятом томе, есть такое место: «Когда я вижу женщину, то удивляюсь искусству Божества»[174]. Феофанове — кое православие мне не нравится. Пост и молитва должны играть в человеке, должны доставлять радость, а так — не спи, не ешь, никуда не ходи… Тут должно быть что-то воодушевляющее, а не так, что бей до бесчувствия. Ведь не всё в православии пост, есть Светлое Христово Воскресение; оно радость. Эта мысль, о радости, в православии не разработана. Петровская эпоха была засилием абстрактной семинарщины, которая привела к мировой катастрофе. Отделила церковь от общества петровская система. Феофановское богословие такое же.

Итак, мне кажется, что Ренессанс это новое понимание тела. Не просто возрождение античности. Она типична, для нее всё повторяется. Происходят периодические катастрофы мира; ну так что же, мир сгорит, зато потом из пламени возникнет новый мир… Тут совсем не возрожденское.

Это твой парадокс, что тебе 35 лет и ты не доктор. Немного труда — и статья.

Вообще научный труд это бесконечное терпение и 3/4 технической работы, 3/4 времени уходит на нее. Я творчески работаю когда всех удалю, сам тут сижу в темноте и думаю. Вот это творческие минуты. Творчество это логос, о котором в Евангелии от Иоанна говорится, что Он был в начале —ἐν ἀρχή ή ὁ λόγος, — а λόγος это еще не наука, а некоторые принципы науки. Наука это на 3/4

техническая работа, отказ от всего и терпение. Хочется пойти куда, и не идешь.

Шофер — это стыдно так говорить.

28. 6. 1974. Я было заикнулся, что у Помпонацци знание апостериорно, жизнь первична. А. Ф. быстро возразил: «Жизнь — это печальная необходимость!»

— У Помпонацци имеется в виду жизнь как в христианском учении.

Тогда позвольте, позвольте… Христианская жизнь это знание и любовь, это познание истины, следование пути; это априорное[175]. Только вопрос в том, какого ты бога исповедуешь.

Кант учредил громаду априорных форм, без которых ничего невозможно познать.

Раз бог непознаваемый, значит он нуль. Только разве бывает так, что нечто есть, но непознаваемо? Из есть я тебе выведу все

другие категории. Вещь есть? Есть. Значит, она отличается от других? Нет, не отличается? Значит, ее нет. Да, отличается? Значит, у нее есть свойства. Сколько? одно? Значит, числовой ряд к ней уже применим. Каким образом могла появиться такая идея, вещей в себе, непознаваемых, можно только исторически объяснить. Нашли субъекта, к которому применимы вещи в себе. Появился миф о человеческом субъекте. Это произошло в Новое время.

**15. 7. 1974**. — Вы ведь не признаете чувства…

Разве ты не знаешь, что ум первее и выше всего, а душа лишь происходит из него? Душонка ничего не может понять, пищит, возмущается, но ум выше, и он говорит: «Бог есть!» Душонка по одной части ума судит обо всем уме. Она бунтует, но бунтует глупо, сама потом раскаиваясь, плача.

По мере упрочения ума страсть превратится в σωφροσύνη. Когда исполнятся времена и сроки и человек постепенно утвердит себя по частям, чего

не мог сделать с самого начала, как ангелы, сразу утвердившие себя в Боге, он от posse рессаге через non posse non рессаге придет к non posse рессаге.

**16. 8. 1974**. В таком состоянии мира, когда миллиарды тонут в похоти, человек не может не грешить. Но надо добиться более совершенного состояния, чем было у Адама, который мог грешить, надо возвыситься до третьей свободы, когда человек не может грешить. Пройдя все бездны греха и увидев, что это всё тлен и суета. Взять к примеру отшельника. Ему и надо, и приходится идти в пустыню, и вместе с тем он тут осуществляет свою высшую волю.

— Это у Вас, Алексей Федорович, не продумано!

Нет, продумано! (упрямо сказал)

Читали Горфункеля о натурфилософах Возрождения, оставляя заметки на полях, и А. Ф. делал презрительные замечания. Потом он вдруг сказал: «А ты заметил, что я замечания делаю как Ленин? 'Ха-ха!'» И он ужасно развеселился, смеялся вовсю и повторял: «Ха-ха!.. Сволочь мелкобуржуазная!.. Боженьку стало жалко!» и еще, цитируя очень кстати и смеясь до упаду, узко делая рот, как Вячеслав Всеволодович Егоров. Потом долго утирал слезы. «Нет, ты это не пиши на полях, ты же знаешь, что это я так, а сам-то я наоборот думаю».

**22. 12. 1974**. Интересное оглавление книги Бернштейна[176]: просто «Чередование», «Именные основы» — и всё.

У меня назревает книга «Проблема символа». Хочу, пока не подох, свести всё воедино, сделать сводку — и вдруг какой-то Simbolizam! Simbolizam какой-то![177] Переплюнул Лосева. А

Лосева трудно переплюнуть, он долго занимался этим.

В греческой литературе с символом просто срам. Там на протяжении всей истории συμβάλλω, А. со значит завещать, договариваться. Торговые обязательства все тоже συμβάλλω. И почти только в самом конце античности, только в неоплатонизме символ начинает обозначать символ чего-то другого.

Отсюда я делаю вывод: поскольку вся Греция была пронизана символизмом, самый термин был как бы не нужен, кроме как в период упадка, когда настоящий символ ушел из жизни. Тогда и почувствовалась потребность теоретизировать. Этим занималась Аза.

У тебя есть интерес к этому делу, ты облосевился, облосился за эти десять лет, так что тебя трудно заменить. Ты мне незаменим как человек, который сознательно относится, интересуется. Часто ты наперед знаешь, что мне нужно. Ты не дуб, а в отношении знания языков, английский, немецкий, французский…

Слово неисчерпаемо богато. Оно бесконечно богаче понятия. Homo, Mensch как понятия одинаковы, но по внутренней форме как слова они бесконечно различны. А теперь не хотят употреблять внутреннюю форму, начинают выскабливать ее по-разному. Десигнат, денотат — всё это мало подходящие вещи, потому что notare, signifi- саге уводят в однородную область понятий.

# 1975

**27. 1. 1975.** В Восточной Германии еще признают Рождество. Это же немецкая выдумка. «О Tannenbaum, o Tannenbaum, wie griin sind deine Blatter!» (А. Ф. правильно поет).

Я его (Шаумяна) ценил за нерусский ум. Ведь русский ум это блины в сметане. Он был у меня несколько раз. Но теперь уже не бывает. [178]

Сухая логика — абстрактная, она бывает у мещанина, который только начал ею заниматься. А у крупного философа… у Гегеля логика полифоничная, надо только вникнуть.

«Einfiihrung in die Eintheilung», «Введение в подразделение»… Вот немецкая выучка!

Товарищи, говорю я, что вы прикидываетесь? Будто вы не знаете, то такое душа[179]? Бог? Если у человека голова не забита абстрактными теориями и символами, он всегда эти слова употребляет. Или сердце. Неужели вы не знаете, что такое сердце? Не знаете? Значит, вы обалдели. — Всем всё понятно, и тем не менее, при полном понимании, всё отвергается. Самое удивительное в жизни это, что люди, понимая предмет, даже никакого вопроса не ставя, тем не менее его отвергают.

И сатану все знают. Так же и сам сатана: всё понимает, верует, трепещет, знает, что ему никогда не сесть на место Бога, а все равно хочет сесть и отвергает его. Так и все, кто отвергает Бога.

2. 2. 1975. Остроумие есть чихание ума. А рассуждения у Вольтера в общем липовые. Такой салонный болтун. Он мог только дам смешить. Да и Дидро тоже мелкий философ. Тут вообще закат философии, перед ее расцветом в немецком идеализме.

Я вырос среди бушевания разговоров о кризисе культуры, театра… Все сплошь говорили о кризисе, и до сих пор говорят.

Если тебе трудно проводить атараксию в себе, а кругом путаница, то лучше кончить жизнь самоубийством.

Ницше. При всем видимом универсализме у него ни семьи, ни брака, ни учености, ни искусства, только надрыв. Сам человек себя утверждает; всё отвергнуто, а жить всё равно не получается. Поэтому за несколько дней до смерти в минуту прояснения единственное, что остается у него в душе, это Рихард Вагнер. А как его ругал! Кармен выставлял против Зигфрида! Ведь с надрыва говорил. Никогда не поверю, что ему действительно Кармен больше нравится чем Зигфрид. Что, дескать, это за трагедия? Что такое Зигфрид, что ему Зиглинда? А Кармен — «Я

ее любил, потому я ее и убил» — вот где жизнь, вот где страсти! Ницше конечно врал. С надрыва восторгался Кармен.

Тонкий хлад— вершина умного делания, очень мужественное состояние.

Общая тенденция эклектизма, идущая от Посидония, Филона, Апулея, не просто болтание ногами и руками туда и сюда, а платонизм. Разброд продолжается только до тех пор, пока Платон не увенчивает все эти шатания учением об едином. Филон это стоический платоник.

7. 2. 1975. Наша идеология очень трудно отходит от плоского материализма. Тут действует разъяренность, невежество, внушение, колдовство, шарлатанство. С опозданием признали генетику — и Лысенко сидит в сраме и в позоре. Так в медицине допустили наконец иглоукалывание, медовое лечение. А все старые врачи были воспитаны на химии.

Генетики, старые профессора погибали, получали инфаркты, инсульты от невыносимой жизни. Я помню еще, как громили вейсманизм-морганизм. И я громил. Заставляли. Я уж там выворачивался, говорил так, чтобы не очень. Главное, прорабатываешь неизвестно что. Но иначе не удержаться.

— А Пастернак?

У него ужасная судьба. Его заставляли писать на советский лад. Но судьба его ужасная. Он страшно пил последние годы. Каждый день напивался мертвецки. Но зато конец его достойный похвалы. Это я говорю со слов одной моей ученицы, когда она еще была в Ленинском институте. С третьей женой кроме любви у него ничего не было, ютились в одной комнате. И он перешел к первой жене. Сестра его рассказывала, что он часами лежал, ничего не говорил. Однажды, лежа, поднял руку к сердцу. «Борис Леонидович, вам что-нибудь нужно? А почему руку к сердцу? Вам что-нибудь дать?» Он ничего не сказал, потом через несколько минут: «Есть Бог», и скончался через несколько минут.

Я к Блоку плохо отношусь, не только потому что бесшабашная жизнь, психопатическая богема, но он пал духом, скатился в мировоззренческое отчаяние. Правда, Вячеслав Иванов в ответ на вопрос — не мой — как-то сказал: «Я думаю, состояние Блока не окончательное; я думаю, он еще воскреснет духом». Блок считался эсером, покаявшимся перед большевиками. Мне всё это чуждо; да и ему самому было чуждо. Так что я очень не поклонник его последних лет; и едва ли он опомнился. Разбойник на кресте опомнился, но как-то я в Блока не верю. А «Двенадцать» я считаю издевательством над революцией. Вся революция сводится на то, как Петька щупает Ваньку. Сплошной щупач и пьянка идет, проституция. Была ли у него живая-то вера? Главное

— стакан водки. Ни жена, ни дети, ни работа; такой алкоголик либо пьяный, либо ждет, когда он выпьет. Мы знаем таких людей; такой Мусоргский был. Он был огромный, безумный, мировой талант. Его друг Римский-Корсаков вытягивал его. Утром может быть час-два еще трезвый, а потом напивается на всю ночь.

«Братья Карамазовы» тоже пьянство, блуд, все с ума сходят. Но главный смысл есть, потому что Достоевский глубоко верит в Христа, недаром так высоко расценивает Евангелие. А Блок его не понимал. Всё ведь не так просто. Лев Толстой вот тоже не понимал.

«Война и мир» у него хорошо, но надумано. И «Каренина» надумано. Анна Каренина ничтожество, мелкий развал, требует неизвестно чего. Единственное положительное лицо там сам Каренин. Но он по боку, любовь ведь не должна, видите ли, считаться ни с чем.

В хорошем обществе спрашивали, что самое главное в женщине? Губы? фигура? Один встал и сказал: женщина красива своим je ne sais quoi.

Фарисей гордился своим хорошим: «Нищим вот даю, да, да…» А церковь не говорит, что он делает хорошего или плохого.

**16. 2. 1975**. Вот она где, наука-то! Не на Арбате, а в Париже! Этот Брейе уже сказал о стоиках всё, что я хочу сказать. А я здесь в глуши, на европейских задворках, в Москве…

**19. 2. 1975.** Я как-то пришел по просьбе Флоренского просить книгу у Маргариты Кирилловны Морозовой, директорши издательства «Путь». У нее вроде бы имелся перевод Дионисия «О божественных именах». Она была душой в религиозно-философском обществе имени Владимира Соловьева. Там бывали Бердяев, Вячеслав Иванов, я тоже часто там бывал на заседаниях, влез туда, мне даже присылали повестки. Но там люди были настоящие, такие крупные, что я едва смел подавать руку, так, здрасьте, здрасьте; разве с одним-двумя имел ничтожные разговоры. Когда я пришел за книгой, Маргарита Кирилловна — она была еще барыней — просила передать: «Скажите, что я больна». И что нет книги. Флоренскому было наивно туда меня посылать. Это году в двадцатом было.

«Вопросы и ответы к Фалассию» Максима Исповедника начали печататься в «Богословском вестнике» за 1916–1917 годы. Вышел даже первый том Максима Исповедника, в 1913 или 1914 году, целая большая книга на 200–250 страниц [180]. Но там пока идут Жития, а к собственно «Вопросам и ответам к Фалассию» приступили только в «Богословском вестнике». Потом всё это погибло. И рукописи переводов, подготовленные к печати, погибли. Был единственный большой знаток Максима

Исповедника, Епифанович. У него уже лежали

три больших тома машинописи. Но это всё равно, говорил он, издать мне не удастся. Он выбрал оттуда только первую главу, мировоззрение, и, конечно, подготовил материалы к диссертации. Не знаю, успел ли он защититься. Вышла только эта его книга, но она мала для докторской диссертации.

Литературу Духовная академия собирала только моралистическую; было, например, тридцать томов Иоанна Златоуста. Он человек политически, общественно и морально настроенный. Платонические вещи в Академии тоже пробивались, но опять же нажимали на мораль, толковали Платона моралисты, и так было все последние 20–30 лет. А классическая православная мысль, Дионисий, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, исихасты, — эту линию начали за пять минут до революции восстанавливать, но уже поздно было, поздно спохватились. До того Феофан задавал тон, я его не люблю. Он все умные вещи выкидывал из переводов, заботился, как бы монахи в прелесть не впали. Унылая моралистика. Умные деятели были не в моде. Это же ведь просто срам, что не могли Ареопагитики издать. Ведь четыре было духовных академии! Нет… Не хватило ума.

Поэтому если теперь эту линию будет патриархия издавать[181], это будет правильно.

Сейчас, если христианский образ жизни проводить строго по уставу, то как раз суеты больше будет, неразберихи; тем более в семье. У нас-то было другое дело. У нас была православная семья, все посты механически соблюдались, и среда и пятница. Никаких тут тебе разговоров, обсуждений. Круглый год. На масляной запрет мяса — мясопуст, мясо запрещено, — но все остальное можно, и в среду и в пятницу. Потом Великий пост. Постная еда, между прочим, может быть очень вкусная. Но мясо по опыту церковному мешает работе чистой мысли, молитва меньше идет. А вовсе не в том дело, что постное менее вкусное и надо есть невкусно. На Газетном переулке была вегетарианская столовая, так вкусно там готовили, объедение. Потом по идеологическим соображениям ее закрыли. Как гомеопатия, ее бьют, бьют и скоро добьют. Потому что основано на витализме. Без химии. А химизм это механизм.

**14. 3 1975.** «Бегает нечестивый, ни единому же гонящу» — так и я всю жизнь тороплюсь издавать.

Сейчас ведь сырная неделя. Вся Россия в это время пьянствовала. Но потом в Великий пост настолько строгий был устав православной церкви, что в среду и пятницу рекомендуется вообще воздерживаться от пищи. Уже на Сырной седмице и потом

в дни поста читается молитва Ефрема Сирина. Господи и владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми (земной поклон). Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу твоему (земной поклон). Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь (земной поклон). И 12 поясных поклонов со словами «Боже, очисти мя грешного». Потом опять вся молитва без поклонов, в завершение земной поклон. Миряне должны то же и дома делать. Настолько мрачное настроение в церкви, что отменяется даже литургия. Предстоит пост. В субботу вспоминается изгнание Адама из рая… Во мне пропадает профессор литургики, пропадает, и пропал уже давно! Погиб, прежде чем родиться.

— Вы, возможно, еще напишете…

**28. 3. 1975**. Платон и Аристотель от судьбы увиливают. Они обладают такими мощными идеями, их нус настолько всё объясняет, что Платон неохотно говорит о судьбе. У них очень мощный нус, который всё определяет. Зачем ему тогда судьба? Ему не нужна судьба. А у этих (стоиков) нус слабоватенький. Их лектон просто декадентская выдумка, он ничего не объясняет. Он дает возможность нарисовать только схему, только картину мира, а субстанцией,

содержанием мира остается у стоиков судьба. Я тут дополняю Брейе, потому что он не говорит, что у стоиков слабый и паршивенький умишко.

Ты это сделай, а то мне долго… Поэтому я и прошу помощников, чтобы они, так сказать, физически осуществили.

Всякий смысл есть смысл чего-то; следовательно, всякий смысл есть сказуемое (А. Ф. говорит по поводу стоиков с радостной улыбкой, как находку). Так к апофатике катафатика подходит и наоборот. Вот тебе и Палама, память которого завтра мы будем отмечать. «О фессалонитский предстоятель, православия светильниче…» После смерти он был очень быстро объявлен святым. Ведь он копнул самые основы. Всё, вообще говоря, уже высказывалось и раньше, совершенно обоснованно, но у Паламы выражено с такой максимальной убедительностью, что выше и Максима, и Дионисия.

Варлаам, с которым Палама спорил, был какой-то предшественник Канта. Фаворский свет для него субъективное ощущение, Богу его приписывать нельзя. Варлаам первый кантианец. Вот тут-то, возражая ему, Византия и высказала свое последнее слово.

Заметь, что все эти дни поста и построены на явлении неявляемого. Первое воскресение Четыредесятницы — почитание икон, второе — света Фаворского. Он ведь не каждому является. А на высоте подвига является. Дальше пойдет крестопоклонная неделя, опять явление креста в мире, не всякому очевидное.

Я в молодости упражнялся в инакомыслии, но ничего не вышло, я никого не убедил, только выгнали отовсюду. Я живу теперь в моей иррелевантной сфере, никому не мешаю. Мы же люди редуцированные.

— Как?!

Как концы слов редуцируются. Мы же не можем делать всего что хотим.

[182] всякие предсмертные видения. Умирающие о них не сообщают. Мне о. Павел Флоренский говорил: незадолго до момента смерти глаза умирающего устремляются куда-то вдаль. Это несомненно приближение смерти с косой. Появляется сознательный, упорный взгляд. Но люди ничего не говорят. И я тоже стал наблюдать, расспрашивать — ну, как кто умирал. Не настойчиво, а стараясь, чтобы сами сказали. Знаешь, очень часто, почти в

половине случаев, оправдывается то наблюдение о. Павла. А то, говорят, просто глаза были закрыты. Или: глаза добрые, прощался. Но если прощался, значит, были еще не последние секунды жизни! А вот в последние секунды? Как-то мне одна знакомая говорит: «Александр Александрович перед смертью далеко-далеко куда-то посмотрел и ничего не сказал». Так что последняя минута — это тайна, которую никто не знает. Разве священнику кто покается. Многие верующие умирают, правда, без приглашения священника.

Вот один умер грек, коммунист, эмигрант. Коммунисты там тоже сжигали людей, так что полковники правильно сделали тоже. Жили очень дружно с одной преподавательницей греческого языка. Имели двоих детей. Неожиданно обнаружилось, что у него рак. Через несколько месяцев умер. Вероятно, неверующий. Да и она неверующая или верует, но смущается об этом говорить. Но вот одна фраза, которую Валентина Осиповна, его жена, запомнила: Михоэлис дня за два — за три до смерти сказал: «Знаешь, у меня душа от всех этих страданий потемнела». Он очень страдал, так что приходилось делать уколы для ослабления боли. Эти слова можно и в положительном, и в отрицательном смысле понимать. Не знаю, в какую сторону здесь надо истолковывать.

Да, еще о. Павел сказал: одни ужасаются от этого предсмертного видения, другие радуются. Те и другие уже знают

что-то, но не говорят: нет смысла говорить, кто ж из живых поймет. Для нас с тобой это едва ли выдумки. Тут что-то есть.

**10. 4. 1975**. Mehr Licht! — кричал Гёте перед смертью…

Внезапно А. Ф. прерывает диктовку: Ведь уже четвертая неделя[183]поста идет, крестопоклонная. Такая чудовищная выправка должна быть у истинно верующего, молящегося: 1000 поклонов положено делать, несколько часов чтения канона Андрея Критского в среду на пятой неделе. А там уже неделя ваий, вход в Иерусалим, воскрешение Лазаря. А там уже страстная неделя — о Господи, как она продумана, как она прочувствована! Каждый день! В середине недели память великой грешницы, которой сказали: вот, пророк появился! — Да что там, я его окручу! Но увидев остолбенела, упала на ноги и стала просить

оставления грехов. И это состояние души, которая мгновенно увидела истину и покаялась, — эта психология замечательно выражена в десяти стихирах «К тебе, Господи, воззвах». Это великое произведение мировой литературы, которое мало кто знает. По-моему, мировое произведение литературы, даже литературно и психологически, не то что духовно, о чем все смеются. Эта духовная глубина мало кому из богословов понятна. — Потом четверг, какой четверг! А вечер, это уже под пятницу, чтение двенадцати Евангелий. И там чудные стихиры после 8 песни. Это обычно не хор поет, а трио, чтобы выделить: «Разбойника благоразумного о единем часе раеви сподобил еси. И мене грешнаго древом крестным помилуй и спаси». Ни один профессор литургики этого не может объяснить, это только верующая душа может понять. По-моему, вся эта служба на страстную неделю великое художественное произведение. А как же! Это произведение верующей души, которая переживает такие революции, которые и не снились всем последующим революционерам, — конечно; но в замечательных художественных образах. Я в молодости носился с этим, хотел всё объяснить, но потом меня отучили.

— А теперь?

Ну, что теперь? Я — знаю.

— А другим сказать?

Нет, другие пусть сами доходят. Русский народ безбожник, что же ему объяснять такие тонкости и глубины. Бисер перед свиньями. Вы сами, молодые, разбирайтесь и доходите сами.

**25. 4. 1975**. О Финкельберге, тогда редакторе в издательстве «Мысль»: «Он пока еще молодой, несется ввысь и думает, что так всегда было и будет. Его еще не переехало, как нас. Мы говорим: я есмь, а он: я! И даже: я!!! С тремя восклицательными знаками.

Вот когда его переедут[184]…»

О книге Зимонов «Die alte Stoa»: они берутся за предмет, который им не по зубам. Да и что в ГДР может быть? Ведь вся филология оттуда уехала, до одного. Ни одного европейского имени не осталось.

Воспользовались тем, что было свободное движение, пока Хрущев не построил стену с разными электрическими приспособлениями, с безумной охраной, которая стреляет там всех. Может быть, и в других науках так, не знаю. А классической филологии в ГДР остались только две кафедры, одна в Берлине, другая в Иене.

Стоический λεκτόν не субъективность, это феноменология мышления.

С пятницы на субботу торжественная и мистериальная утреня, потом погребание. В светских церквах, как ты знаешь, и попы и их духовные дети — лени-и-вые! Они хотят всё это смазать. А в монастырях служба начинается в темноте и кончается тоже в темноте.

2. 5. 1975. Осмотрительность, дальновидение и какое-то биологическое попадание в точку свойственно нашей власти. Как у Бергсона муха и паук: паук попадает в ту точку мозга мухи, которая заведует движениями мухи; муха не умирает, но не может двигаться. Так он собирает мух, и может жить. Вот, я думаю, попадание в мозг старой культуры, в ту точку мозга этой культуры, которая заведует движением этой культуры, свойственно советским руководителям. Пример: когда в 30-х годах всё уничтожалось и не только обыватели, но и все люди, нужные государству, врачи, техники, выпускники военных академий, конструкторы, авиаторы, даже Туполев, отец русской военной авиации, были арестованы, казалось бы, как можно начинать войну? И тем не менее была начата война, в которой одержали неимоверную победу, в которой важнейшие, богатейшие территории были взяты под опеку Москвы. История движется не разумом. Америка до 1934 года СССР не признавала — а теперь как с нами говорят! И Берлин — державы-победительницы бессильны сделать Западный Берлин столицей Германии, а СССР Восточный Берлин может! Вот что получил СССР, когда уничтожил всю технику, всю авиацию, когда все специалисты были в лагерях. Попали в мозг, в самую точку. Почему победили? История иррациональна.

**27. 5. 1975.** В прошлую пятницу Лосев, хотя я у него был очень мало, впервые заговорил о Ренате Гальцевой; давно он к этому подбирался, с тех пор как я открылся Азе Алибековне месяца 2 назад. Сначала он осторожно завел речь о том, как

настроена Рената по отношению к моим с ним занятиям. «Ведь твоя первая жена относилась к этому равнодушно и безразлично: пожалуйста,

сколько угодно. Раза два она даже вместо тебя приезжала заниматься. А как теперь?» Я успокоил его: Рената ни разу не сказала о моих занятиях с ним ничего плохого, она знает, что он значит, и что он значит для меня. «У меня многолетний опыт брака в глубочайшей духовной близости. По тому малому, что я знаю о тебе и Ренате, мне кажется, что у тебя здесь, возможно, нечто подобное. Рената должна чувствовать в тебе интересы, которыми ты живешь, находить общее.» А. Ф. хорошо помнит недавнее обсуждение статьи о Флоренском с Ренатой. «Если только Рената не считает меня абсолютным нулем, то передай ей от меня привет». И он очень значительно и долго держал мою руку в своей.

**30. 5. 1975**. Непознаваемая сущность является в своих катафатических энергиях. Так мы говорили в начале века об имени Божием: имя Божие есть Сам Бог, но Бог не есть имя. У Паламы правильно: свет — реалистический символ, т. е. живая энергия самой сущности.

«Философию культа» Флоренского мне хотели передать, но того человека арестовали. Я знаком с сыном Флоренского Кириллом. Я его держал на руках, когда ему было 5 лет[185]. Я шел в Параклит мимо Лавры, зашел к Флоренскому, хотя мало его знал. Флоренский служил тогда инженером в Москве. Анна Михайловна слышала обо мне от него. «Пожалуйста, заходите, у нас целый дом». Детишки, пять человек, час или полтора крутились около меня, но такие тихие, скачут, пляшут, мал мала меньше; мать на кухне. Кирилл Павлович тут был. У Кирилла Павловича весь архив о. Павла. Все публикуемые в печати кусочки идут от него. Я у него кое-что просил через людей. Через две недели ко мне приходят с отказом. Не может выдать. Не подействовала на него эта моя биографическая справка.

Флоренский довольно бойко выступал против Хомякова, против его определения церкви: «Церковь есть истина и любовь как организм, или организм истины и любви». С точки зрения отца Павла это звучит абстрактно. Церковь есть тело Христово! Вот что не абстрактно; тут миф, живое. Если есть у вас Христос, то есть и церковь.

Отец Павел был замкнутый, со мной у него не было контакта, боялся меня

как светского человека. Хотя должен был бы понять, что я так же ищу. Правда, и времена закручивались. Приходилось прекращать знакомства. Только некоторые смелые люди

оставались, которые ходили ко мне, и я ходил к ним. Обо всём сразу становилось известно: а, собирались вдвоем-втроем, о Софии премудрости Божи- ей говорили в квартире Лосева? Говорили… Тогда сразу становилось всё известно как по волшебству. Ты не знаешь, что значило встретиться вдвоем-втроем. Я чудом выжил тогда. Классическая филология спасала. ПагЗегхо, miSeiiet, ёяшбегхта, enatSeixraq, ёясибеиае — вот и всё. Не к чему придраться. Теперь, конечно, всё легче, хотя и вообще времена другие. Вы не переживали, не страдали, дорогу прокладывали не вы, а мы, на наших плечах всё выношено, кровь-то проливали не вы, а мы. Вот и занимайтесь теперь, переводите Паламу. А мне уже и поздно. Если переключаться сейчас на богословие, на Миня, так всю литературу надо менять. Нет, я буду уж по-прежнему заниматься Плотином. Тут у меня много материала.

Филон Александрийский говорит возможные, но очень условные вещи. Он Библию признает, передовой, но его толкование Библии я не люблю. Есть три тома Филона издания Кона. Там интересные вещи, но они разбросаны среди воды, воды интерпретатора и переводчика.

Флоренского нельзя ставить на одну доску с Соловьевым. Флоренский бесконечно нервознее, зажат в тиски позитивистской культуры, а Соловьев эпичнее. Хотя у обоих уже русская философия совершенно новая, ничего общего не имеющая со Страховым, Тареевым. Со всей этой рванью богословской и философской Флоренский ничего общего не имеет: живой, нервозный, катастрофичный, который чувствует, что Россия стоит на краю гибели. Кто еще так чувствовал? Лев Тихомиров? Победоносцев? Иоанн Кронштадтский? Или великий князь Сергей Алексеевич, убитый не за что иное, как за свои убеждения? У него было отчаяние перед наступлением нового века… Но те были всё же политики, а Флоренский ненавидел политику. Он говорил, что две науки дурны, археология и политэкономия.

Соловьев не опознал декадентства, выступил против него с сатирой, а ведь все декаденты были соловьевцы. Эрн, Федор Степун, Булгаков, Иванов, да и Бердяев — все соловьевцы. Но они все уже тронутые 20 веком, а Соловьев не

заметил, что здесь у них попытка разбудить новые силы в человеке против Некрасова, базаровщины, против всего этого позитивизма. Соловьев высмеивает брюсовский сборник 1890 года пародийными стихами, не видит ничего положительного.

Спенсер и Конт — властители дум в течение 19 века. Полстолетия. Бальзак? В нем много романтизма всякого. Позитивизм — это другое.

«Скажите, отец Павел, вы видали гениальных людей?» — «Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Василий Розанов».

… Тут я стал на точку зрения внука, говорил с Ренатой [186]; они пришли со Спиркиным, на этом диване сидели. Рената, по-моему, согласилась с моим возражением, объяснила, что она имела в виду. Да и в этих возражениях ничего особенного нет; по всем ведь статьям была доработка. Тут только уж очень необычная фигура, Флоренский, никуда ее не заткнешь.

Ланда [187] трус, по воззрениям позитивист. И он еле сидит.

Флоренский продолжение Соловьева, но на другой ступени. Чрезвычайно нервозная натура, катастрофическая. Я помню его доклады начала революции: всё должно превратиться в муку, дойти до состояния бесформенности, и только тогда можно будет печь новые хлебы. Надо уметь видеть, в чем противоположность этих фигур, хотя, конечно, Соловьев в «Трех разговорах» подходит к тому же, что Флоренский. У обоих одна общая плоскость антипозитивистская, но они совершенно разные фигуры на этой плоскости. Рената это упустила. Спиркин, хотя и позитивист, встал на мою точку зрения; так что мне вроде бы удалось как-то совместить их точки зрения. И они согласились взять за основу мою характеристику Флоренского.

Не начать ли нам знакомства домами? — Но почему у нее такое имя?

Как относиться к Гегелю? У него настолько тонкая мысль, что она сама рвется к Христу. Это уже не логические категории. Я любил его логику и сейчас люблю, хотя гегельянцем никогда не был.

Ипполит Тэн в своей истории французской революции такое вспоминает… Конечно, если порыться в наших подвалах МГБ, найдется и что похуже. Я узнал, почему церкви сносили: потому что председателем Комитета реконструкции Москвы был Каганович.

Я бы не стал, как Аверинцев[188], по всем векам разбрасываться. Я очень любил Бергсона и Фрейда, Фрейд у меня почти весь. Или половина пропала…

— В отличие от Аверинцева у Вас нет непосредственности.

Ты жесточайшим образом ошибаешься! Ты говоришь, что Аверинцев говорит прямо, а Лосев прикровенно… У тебя превратное представление. Обрати внимание, какие мне ставят палки в колеса. Виссарионович как-то отверг мою статью о символе в ВОПЛях. В «Контексте-1974» не приняли мою новую статью о Кассирере. Хочешь еще пример, насколько к Лосеву отношение политическое и прикровенное? Из «Вопросов философии» ко мне обратился Фролов с просьбой принять

участие в совещаниях журнала: «Мы были бы очень рады…» Я послал им статью «Логика символа». Они в журнале искали авторов, которых считают немарксистами, чтобы расширить горизонты после Хрущева: меня, Аверинцева, Петрова антиленинца из Ростова на Дону. И вот всех напечатали, а о Лосеве моя разведка доносит, что статья была намечена и должна была пройти через редколлегию, но за несколько минут до редколлегии к Фролову в кабинет вошли Митин и Ойзерман, и после этого разговора Фролов не поставил мою статью.

— В чем дело? почему?

По той причине, какой нет у Аверинцева.

— Какая?

У Аверинцева всё прикровенно в противоположность тому, что я говорю, а у меня — опять символ, опять церковь, опять Христос. Ведь я всегда выражал то, что думаю, настолько ясно и понятно, что всякий согласится: да, без понятия символа нет ни философии, ничего. И это так ясно, что начинают кричать как истерическая женщина. Не терпят этой ясности. Аверинцева все терпят: «Конечно, он пишет не то, что думает, но золото, античность — это ничего, это пускай».

Что же ты говоришь, что я анахоретствую, что я единственный хранитель истины[189]. Конечно, разные мифы обо мне ходят, но, к счастью, не везде и не у всех. В трех местах мою теорию символа отвергли — Лотман, Фролов, Виссарионович; три издательства положили камень в эту руку; а другие одобрили. Аверинцева везде принимают, потому что Аверинцев пробивной, а я не пробивной. Аверинцев большой литературный талант, но еще больше пробивной талант. У меня уже не тот возраст, чтобы ходить по издательствам, а Аверинцев во всех издательствах крутится.

О моем предисловии к Платону один тут был, отозвался, что не марксистская трактовка рабства. Но я его уложил на обе лопатки. «У Платона семь пониманий рабства, какое вы имеете в виду?» Молчит, краснеет и потеет. Правда, этот заведующий отделом отомстил мне на Аристотеле, к которому меня не подпустили. А Аверинцев в

таких коллизиях никогда не будет.

?

Знает, что сказать. Если бы я был пробивной, я сказал бы: «Дорогой Всеволод Иванович, ты очень много мне полезного сказал, я это учту. Всё верно, у меня много непродуманного». Но я так не могу! Я говорю открыто то, что думаю, так, что и не возразишь. Я знал людей, которые не пробивные, Тарабукин, например. Ничего не печатали[190], потому что шел в открытую.

Подал книжку о Врубеле, безуспешно. Слишком откровенно писал, и его мариновали. Теперь его внук Юрий Дунаев работает, кажется, по Боттичелли, так тоже его клюют за излишнюю откровенность. Чтобы напечатать деда Дунаев стал ходить по разным издательствам; как так, человека загноили. Не помогло. У Тарабукина была прекрасная книга о разных типах пространства. Теперь ее используют, иногда даже ссылаются, а другие бесчестно дуют оттуда, ничего не упоминая.

— Вас интересует только открыто говорить…

А как я продержался весь сталинизм?! Если я беру цитату Сталина, так уж будьте уверены, я убежден. А если не убежден, я буду мямлить. Но все, студенты, все принимали bona fide. И все товарищи, и шпики, и партийные

руководители подсматривали и тайком стенографировали, но ни к чему не могли придраться. Я могу каждую строку защищать, всё продумано. А если я буду говорить то, что не продумано, то по выражению лица, по звуку голоса каждый сразу увидит, что это подхалимство. Сталин, Гегель, кто другой, это неважно, я могу орать вслух сколько угодно, на площади, перед всеми. Этим я и держусь. А кто говорит, что Лосев тарабарщину пишет, что-то скрывает, то уже враги, которым нечего говорить, и они встают на путь прямого мошенства. Им возразить нечего. Никто нич-чего не мог возразить. Правда, в «Вопросах литературы» мне отказали, сказав, что этими вопросами не интересуются. Но почему не интересуются, когда до Иванова, до Бердяева уже дотюкали.

— Да, это у Вас прямая позиция… *[191]*

Еще бы! Никакая собака мне ничего не скажет. Правда, можно копаться в сердцах и утробах: а, вот что вы на самом деле думаете! Но тогда можно и у Брежнева мало ли чего откопать. В утробах никто не может копаться. Конечно, я говорю не всё, а часть. Но всё, что я говорю, продумано, и это приемлемо для современной прессы. Ну кто может так сказать о Платоне и Аристотеле, как я? Потому что я всё это продумал.

— Ну да, вы как мастеровой, мастер своего дела. Вы пишете не исповедальное.

Ну конечно! Меня это не интересует, да и мое исповедание никого не интересует. А я вот: вода замерзает, а идея воды — не замерзает (лукаво). Никакая с-собака не придерется! Ясно, четко, понятно. Многим не нравится: как же, мы не говорим, что думаем, а Лосев прямо говорит то, что думает. Этого не выносят. Но человек в научной работе не выражает себя целиком, да никто от него такого и не требует.

— Можно быть, правда, и других мнений чем вы. Аверинцев пишет, что филология это всегда личное общение с автором и с

читателем.

Ты ошибаешься, и Аверинцев тоже. Филология это наука. Именительный падеж: ἄνθρωπος, дательный: ἀνθρώπω. Точная наука. Классификация. Подбор всех текстов. Почему это не точно? У Платона, например, 508 случаев текста с

эйдосом. «Мальчик хорош, но если его раздеть, то его эйдос будет лучше», это в «Хармиде» чувственно внешнее значение; а есть чисто идеальные. Научное описание текста! Филология это наука. При чем тут личность? Ты путаешь филологию с критической статьей. Есть критика, которая оценивает текст с точки зрения исторического момента, вкуса и так далее. Это свой жанр, как у Эйхенвальда, Гершензона, жанр литературно-критической статьи. Это уже не филология, а оценка художественного произведения с какой-нибудь точки зрения.

— Но вот я только так и пишу. И Ваши статьи 1916 года такие же.

Их писал мальчишка! Это филологически незрелые статьи.

Научился же я чему-нибудь за 50 лет. Я люблю впадать в этот тон, литературно-критический. Например, вступление к Платону у меня литературно-эссеистическое, там много вкусовых оценок. Но мы же должны разделять. Ничего нет худого в жанре литературной критики. Но по существу я филолог, как Лидделл-Скотг, как Папе.

Вошла хозяйка и принесла апельсины. Отвлекшись, А. Ф. заговорил о погоде. Люблю жару. Когда лето кончилось, я с грустью о нем вспоминаю. Жарко, дышать нечем — хорошо! Все задыхаются — хорошо! Я это люблю!

Интересный у нас сегодня разговор. Что у нас есть разногласия, это мы можем себе позволить, потому что у нас много общего. У других и до разногласий не доходит, потому что нет ничего общего.

— Важно течение жизни. Мне не нужно словесно переубеждать Вас. Жизнь покажет. Между Вами и Аверинцевым та разница, что Вы пишете с внутренней цензурой, а Аверинцев, у которого главное не напечатано, без. Одна девушка из провинции плакала о Вас, слушая Ваше выступление о Платоне в Институте философии. Плоха уже Ваша фиксация на мнении о Вас.

Эта девица должна была радоваться, что великая истина дошла до столь ясного выражения. Ну и правильно, что она плакала, потому что она дура. А то бы она радовалась, что впервые о Платоне услышала живое слово. Она дура, потому она и плакала! Это же целый подвиг был, выступать в Институте философии, в этой среде, в пасти зверя, среди шпиков, впервые.

— Но Мамардашвили, Пятигорский уже говорили также

независимо!

Но Мамардашвили хуже шпика. Я знаю, почему он возражал против символа, это всё мне доносили. Это всё мне просто и ясно. Кстати, его самого теперь выперли из «Вопросов философии». Я до сих пор благодарю Господа за то, что мне в пасти зверя, куда каждый день из ЦК звонят, что мне там удалось тоже живое слово сказать. Никакие Дынники, никакие Асмусы не могли бы этого, потому что они приспособленцы. Дынник только и делал, что доказывал, что он не эсер, а потом, когда его избрали в Академию[192], хулил Бога и делал филологические ошибки. Асмус порядочнее и ближе к источникам, но у него такой зализанный, продуманный стиль, что, конечно, он погубил и свои знания, и всё. Получился публицист средней руки. Ему, конечно, не удалось выразить себя. Очень углубленный, симпатичный по своим стремлениям, он — вот действительно, чего не нужно было делать, — так себя замазал и замуровал, что ник-какая собака не придерется ни к какому слову! У меня не так, у меня всё-таки всё предметно. Вода, идея воды… Это же подвиг десятилетий, перевести на советский язык — да и на язык современного сознания — платонизм и аристотелизм. Хвалить и поддерживать надо, а не упрекать за то, что я для кресел будто бы пишу! Виссарионычи и Лотманы всё понимают, но ведь Христа же распяли, так они продолжают и Лосева распинать. Лишь бы Бога убить. Они убеждены, что у меня истина, и они же эту истину отвергают.

— Но позвольте (я кричу), ведь Вы сами говорите, что у Вас предмет, а не личностная истина, что же распинают?!

А вот они понимают, что мне как личности от этого больно! На одни конференции зовут, а на другие не зовут! А мне важно, чтобы меня приглашали. Но Аверинцева зовут! Там либо пробивной неимоверный характер, либо чудо. А у меня не пробивной; и не чудо, потому что у меня продажа разных мук. А там продажа разных наслаждений и удовольствий. Может быть, удачник. Небывалая удача, чудо, может быть, но мало верится.

— Вы, конечно, обращаетесь ко всему народу… [193]

У меня еще недовольство от того, что Аверинцев беззаботно берет у меня и

не ссылается. Воровство. Он перехватывает даже мои темы. И так как он везде принят, а я не везде, он это сообразил. Например, в Литературной энциклопедии меня не приняли. Статью «Символ» пишет Аверинцев! А надо бы знать, что единственный теоретик символа Лосев.

— Правду сказать, Аверинцев давно занимается символом.

Всё взял у меня! Другой пример: статья «Логос» в БСЭ. Опять

Аверинцев! У Аверинцева там не приведены тексты, а приведено то, что можно написать на основании моей статьи. [194]

**6. 6. 1975**. А. Ф. иногда репетирует, что он скажет на людях. Похоже, так было и перед приглашением Ренаты. Он заговорил с ней о шестом чувстве, которое подсказывает ему… завел речь издалека, серьезно и в ожидании. Еще в августе прошлого года, кроме абсурдных подозрений («работает в научном коммунизме» — А. Ф. не знал, что Валю Ермолаеву, которая, подделываясь под Ренату, говорит, что их сектор, извините, научного коммунизма, Рената поправляет: научного, извините, коммунизма) и воспоминаний об обсуждении статьи «Флоренский», Лосев мало о ней думал. Возможно, он слышал о Ренате и еще от кого-то. Во всяком случае при своей обычной страшной июньской занятости он все равно хотел встретиться с нами обоими еще раз. На следующий день А. Ф. сказал мне прощаясь и очень важно: «Ну, а ты кланяйся… Нет, я не буду так обычно. Я ей не кланяюсь. Ты скажи ей, что она представляется мне бесконечностью, в феноменальном плане; золотой бесконечностью — именно золотой. Неопределенной и ненадежной, и может быть обманчивой, но все же бесконечностью». И еще раньше А. Ф. говорил мне о Ренате: «Она безусловно

не мещанка. И ее интерес к Бердяеву, Степуну не просто бабий интерес. У нее духовные интересы».

**15. 6. 1975**. Разговоры за столом с Ренатой. Что такое академик Константинов? Ну, маленький диамат за 5 копеек, а больше ему ничего не надо. Другое он не любит. Это слово, не любит, пишут отдельно, а он вместе.

А. Ф. вспоминает собрания у Маргариты Кирилловны Морозовой, величавой дамы в какой-то особенной длинной шляпе. Среди говоривших Степун был самый блестящий. Такой мудреный стиль.

— Хорошо ли что мудреный?

Хорошо! Я был влюблен в Федора Степуна. А кто любит, тот видит то, что есть.

— А кто ненавидит?

Ненависть есть уход от объекта, а любовь приход к объекту. Неокантианство тогда было всё. Виндельбанд в Гейдельберге считался главным авторитетом. Что-то от Канта и неокантианства было у Владимира Соловьева. А Степун был далек от неокантианства, хотя и учился в Гейдельберге. Он был совершенно оригинален. Основополагающе писал. Он из обрусевших шведов, Stepphun, причем вполне русский, просто Степанов. «Моя беда, жаловался он, в том, что я слишком люблю Россию.» Он говорил так, что его можно было слушать как

монолог актера. Но при этом — чистая философия немецкого романтического типа, или как у Владимира Одоевского. Да, иногда витиевато, но естественно, без какой-либо показухи. Витиевато получалось само, в порядке его гениальности. И сам по себе он был очень красив: плотный, высокий, ходил бритый, немецкий профиль; голос звучный, красивый, с переливами. Его манеру можно понять только в том смысле, что все было очень искренно. У него был философско-поэтический дар. Говорил ведь так, что дрожь пронимала… Возносил в такие дали, а я сидел и дрожал… Что же это такое творится, думал я, ведь это уже не речь, это что-то другое. Вдохновенное и простое.

Когда я туда появился — меня рекомендовали товарищи к Морозовой, — было объявлено, что в октябре 11 числа Иванов будет говорить о своей статье «Границы искусства», напечатанной в журнале «Труды и дни». К тому времени уже вышел его сборник стихов

«Борозды и межи». Я пошел. Меня встретила расфуфыренная изящная Морозова. Председателем собрания был Григорий Алексеевич Рачинский; его брат перевел De rerum natura Лукреция. Рядом с ним докладчик, Иванов, потом Евгений Трубецкой, и тут же был Бердяев. Его выступление было малозначительное. Он был за эстетику Вячеслава Иванова, но, сказал, нужно приблизить искусство к широкому кругу, для этого надо писать просто — хотя нелепо говорить такие вещи Иванову, он же не может писать как Пушкин. У Бердяева вообще очень сильна демократическая тенденция, от отца, который был вольтерьянски настроен. Мальчиком он[195] хулиганил за столом, анекдотец какой-нибудь рассказывал, и мать говорила, что перестань, а то уйду.

А к Бердяеву на квартиру я попал так. Религиозно-философское общество перестало собираться в 1917 году. Продолжало существовать еще какое-то время лопатинское университетское общество, в Мерзляковском переулке, психологическое. [196] Я читал там о сходстве «Парменида» и «Тимея» у Платона. Меня поддерживал Ильин; Франк очень ценил меня. Флоренский выступил и сказал, что отношение между «Парменидом» и «Тимеем» можно понимать глубже; Флоренский не любил абстрактную мысль.

— Флоренский любил магию вещества (Гальцева).

Тут дело немного в другом. У Флоренского все дрожит, каждая фраза дрожит. Это уже новое ощущение времени. Он в этом отношении декадент. Но Флоренский прекрасно разбирался в православии, не то что Бердяев. Флоренский не только знает догматы, но так их глубоко чувствует, так проникновенно, что

никто в 19, а тем более в 20 веке не сравнится. Булгаковское богословие это академия, а Флоренский социально трепетал.

Николай Александрович Бердяев любил поговорить. Это была его потребность, так что однажды он заметил: как же так, я еще сегодня не говорил! Говорил он обычно сдержанно, рассудительно. Не так страстно, как в «Смысле творчества». Бердяев оратор-писатель. Совершенно блестяще же пишет. Но

речь у него была спокойная, неагитационная, доступная. Когда разогнали его Вольную академию свободного духа, он сказал: «Ну ладно, буду говорить дома». Франк и Ильин мне об этом сказали. Так я к нему и пришел.

**31. 7. 1975**. По старому 11, по новому 24 июля Ольгин день, «Ольги, во святом крещении Елены», в отличие от дня памяти Константина и Елены 21 мая. А 15 июля по старому был твой день, «святого равноапостольного князя Владимира». *[197]*

**8. 8. 1975**. На обычный вопрос А. Ф. о Ренате я привел ее очередное mot: «Человек не зависит от обстоятельств, но он страдает от них».

Да… это энтимема, которую можно развернуть в несколько силлогизмов, например: «Следовательно, страдание не есть зависимость»; «Мы можем страдать, но мы не впадаем от этого в рабство».

Со Ждановым*[198]* ее (Ренату) нельзя объединить, ее вообще нельзя объединить ни с кем, она настолько оригинальна.

15. 8. 1975. А. Ф. был явно разочарован, когда Рената не пришла по его приглашению. Это было видно, хотя он ничего не сказал.

А. Ф. очень устает после занятий. Я на себе ощущаю отзвук этой усталости — заговаривание, голову (а не уши) «закладывает», острота мысли смазывается, начинаешь говорить всё более прямолинейные, даже грубые вещи. Работа превращается в механическое перекладывание понятий. Я чувствую себя попугаем, выкрикивающим свою роль и высмеиваемым. Фактически А. Ф. дает мне laissez-faire. Его вставки в мои рефераты превращаются в комментарии, попутные замечания, которые он делает ad libitum, как бы нехотя споря со мной. Я тогда невольно обостряю, драматизирую всякую вещь; он сразу подхватывает эмфазу как нечто должное. Когда он хочет писать из своей глубинной концепции, ему нужны отталкивание, критика, чтобы иметь откуда начать. Кажется, что он черпает силу в том, чтобы крушить, хотя это рискованное предположение.

**26. 8. 1975**. Идеями он (Аверинцев) не блещет. Но блестящее изложение. Переводит Иова, но ведь он этого не знает. Он может перевести потому, что уже есть масса научных изданий.

Я два года учил древнееврейский, начали читать 90 псалом, но тут я бросил. Это безбрежное море.

Ты знаешь, какую я вещь прочитал у Климента Александрийского: треть всех ангелов отпала от Бога! Конечно, их никто не считал, но во всяком случае, значит, огромное количество! Христианство есть, выходит, учение о величайшей мировой катастрофе! По Платону при перевоплощении души, правда, падают, но это происходит время от времени, катастрофа не принципиальная какая-то. Даже у орфиков, пифагорейцев, которые очень болезненно переживали пребывание души в теле и стремились к чистому духу, даже у них нет катастрофы. А у других вообще всё безмятежно: перевоплощение у Гераклита как туча и вода, вверх-вниз, вверх-вниз; путь вверх и вниз, говорит он, один и тот же. Ты собачкой стал, ну и что? А в следующем воплощении ты стал великим философом. И опять-таки, ну и что?

Посидоний не решает проблему зла. Человек это маленький Зевс, ну, маленькое добро делает. А зло откуда? Неизвестно.

Я христианин, как тебе известно, и решаю вопрос о зле как это решается в христианстве. Для меня важно только одно: что есть нечто, в чем нет зла. Тварь может быть злой и доброй — тварь! А творец не может быть зол! В античности, наоборот, всё превращается. Я не могу знать становления, если не знаю неизвестного. Не могу знать минуса, пока не знаю плюса.

**29. 8. 1975**. По преданию, лик Спасителя получился оттого, что ему дали полотенце, или полотно, на котором он отпечатлелся. И есть такой жанр Спаса, на убрусе.

В первую мировую войну некто ехал по русским железным дорогам и был поражен совершенной расхлябанностью железнодорожной службы. Ни один поезд не шел по расписанию. Скажите, спросил он проводника, почему так нерегулярно ходят поезда? — Война, ответил проводник, война! Тот же путешественник попал в Германию. С необыкновенной аккуратностью поезда приходили точно минута в минуту. Как вам удается достичь такой точности? спросил он немецкого проводника. — Война! отвечал тот.

В 1906 году французский летчик показывал чудеса пилотажа на своем

самолете, выписывал петли, перевертывался в воздухе. Люди специально собрались смотреть на его искусство. Восхищались. Пришел и один старый еврей. Он беспокойно глядел на небо и спрашивал всех: а что от этого будет евреям? Что, от этого евреям хорошо будет или плохо?

Во время войны и крайнего голода мальчишка зубрит наизусть басню Крылова по школьному заданию: «Вороне как-то

Бог послал кусочек сыру… Вороне как-то Бог…» — Брось, перестань ты это, сказал ему отец, всё ерунда, никакого Бога нет. Мальчишка сердито огрызнулся: «А сыр есть?»

Старушка просила Михаила Иваныча Калинина о выезде за границу. — Э, бабка, воображение всё это; всегда кажется, что там хорошо, где нас нет. — Да, я так и думаю, миленький, там хорошо, где вас нет.

Флоренский о ком-то: «Это не вера, а верочка».

Старый рабочий выписывает в 30-е годы газету «Безбожник»: «Очень вере помогает!»

23. 9. 1975. Впечатление осталось от всех них (Бердяева, Степуна) не только светлое, но ослепляющее. Читал в 1923 году «Философию неравенства» Бердяева — вдохновенная речь. «Что вы сделали с моей родиной!..»

А. Ф. отвечает на поздравления Ренаты: «Вы имеете память, а память это подобие вечности, присутствие вечности в нашей жизни…»

Факты мне не нужны. Фактов я знаю больше чем Наторп. Но вот оценки у него могут быть такие, которых я могу не заметить. Или, если замечу, то не решусь от своего имени высказать. А от имени На- торпа, который большой авторитет, смогу.

У Посидония мир переливается по мере перехода одного в другое. Это тебе не атомы Демокрита, которые упорно и топорно стоят друг против друга, так что на них нельзя даже воздействовать.

**26. 11. 1975**. После долгого перерыва я позвонил Лосеву. Он обижен, болен, горек. Все его покинули, к Лосеву приходят только тогда, когда Лосев нужен. Об одном писателе сказали, что он обладает всеми недостатками, необходимыми для того, чтобы быть писателем. То же Лосев: вполне достаточная сосредоточенность на своих планах, чтобы всё затмила одна цель, подержать в руках толстенький томик, пятый том истории античной эстетики.

Огромное внимание и память, редкостная машина знания устремлены к высотам, которые и раньше были невидимы окружающим, а сейчас, может быть, и самому Лосеву не видны, потерялись в туманной дымке. Что и кому он хочет доказать? Но не наше дело судить. Он в курсе дел и живо интересуется многим.

… Ты знаешь, в журнале «Наука и жизнь» напечатана статья о Флоренском, такого Крывелева. Этого Крывелева отовсюду выгоняли, пока он не осел в таком журнале. Статью он писал пять лет, потому что то, что он вначале предложил, ни в какие ворота не лезло. Даже было давление свыше, «не печатать такого отвратительного произведения» (буквально). В конце концов он

придал статье библиографический вид, и ее напечатали. Так у этого Крывелева, как мне сказали, есть целые фразы, целиком заимствованные из «Философской энциклопедии».

— А кто Вам сказал?

Да не кто иной, как внук о. Флоренского, Павел Флоренский. Он со смехом говорил мне, что вот, ругают, ругают статью, а потом печатают из нее целые фразы.

Я рассказал Лосеву, как Рената в Пицунде у берега моря купила в книжной тележке этот номер «Науки и жизни» и мы тут же прочли его. Комично то, что Крывелев восстанавливает репутацию Флоренского как верующего и священника против внука, против Палиев- ского и против Акчурина, которые затушевывают его духовность и мистику в пользу естественнонаучных и научных заслуг, кстати сказать, по компетентному мнению С. Хоружего, довольно раздутых.

1. 12. 1975. После двухмесячного перерыва А. Ф. снова дал мне много заданий, Атеней, Дион Хризостом, Прокл в источниках, из которых нужно почерпнуть что-нибудь интересное для пятого, эллинистического тома эстетики. Боюсь, на отношение ко мне у него начинает распространяться общая ко всем молодым суровость. Аверинцев зазнался и не приходит; Успенский заимствует у Флоренского и Тарабукина; Лотман выбрасывает из публикуемого текста Флоренского то, что уже использовано Успенским; компания вокруг «Литературной энциклопедии» не пригласила Лосева; и ученики к Лосеву приходят, когда некуда деться, а потом его бросают.

По просьбе А. Ф. я прочитал вслух статью Крывелева. «Вы видели его? Он

страшный, как бес», сказала Аза Алибековна. [199] Лосев уточнил подробности отмены крывелевской статьи четыре года или пять лет назад: через дочь академика Константинова, которой рекомендовал Флоренского в ее бытность в посольстве в Египте некий молодой человек переводчик. Этот Крывелев хотел бы вообще уничтожить «Философскую энциклопедию», а ее деятелей пересажать за религиозный цикл.

А. Ф. поправил Крывелева: Флоренский окончил Университет не в 1904, а в 1902 году; он не был практикующим священником, а священство принял «для личного удовлетворения»; нелепо называть его «церковным деятелем», иначе всякую старушонку, которая крестится, ложась в постель, тоже пришлось бы называть религиозным деятелем; и тем более нелепо без всяких доказательств, как делает Крывелев, приписывать Флоренскому «реакционные взгляды». В самом деле, официальная церковь всегда косилась на Флоренского; защита его диссертации

продолжалась два дня по 8 часов, и Тареев гремел в кабинетах Духовной академии: «Надо положить конец мистическому гностицизму Флоренского!» Против обыкновения, Святейший синод ни через месяц, ни через год диссертацию не утвердил, и надо было ректору Академии епископу Феодору[200] поехать туда и пустить в ход всё свое влияние и авторитет. А к советской власти Флоренский относится бесконечно лояльнее чем, скажем, Бердяев, который громил ее в «Философии неравенства», чем Ильин и другие. Кстати сказать, друг А. Ф. был на одном заседании ГПУ (именно ГПУ), где удивился присутствию человека в рясе и особенно тому, как некое официальное лицо объявило, что «теперь попросим уважаемого Павла Александровича председательствовать на нашем заседании», после чего Флоренский поднялся в президиум и вел собрание. Вот жалко, заметила тут Аза Алибековна, что вы ничего не записываете: как интересно!

В том исключительность и гениальность Флоренского, что его ни в какую

тесную каморку не заткнешь: он не был профессором немецкого типа, типа Виндельбанда, как Соловьев, хотя был ученейшим человеком; не был богословом в официальном смысле, не был ученым-исследователем. Кем он был? И вообще все они (гении той поры) страшно сложные. Вот например Розанов: тоже невозможно его определить. Это какой-то новый тип человека.

А. Ф. высоко ставит искусствоведческий анализ иконы у Флоренского. Он считает первоклассными и полупроводниковые достижения Флоренского, разделяя, боюсь, распространенное заблуждение.

А. Ф. упомянул о Шестове, которого опять-таки несколько раз слушал, кажется, в 1917 году в Москве в Психологическом обществе, хотя Шестов, собственно, киевский. Шестов был высок, худощав, еврейского вида; говорил остроумно и увлеченно, громя Гуссерля, — обычное занятие в то время. Шестовская антигуссерлиана была напечатана в «Вопросах философии и психологии» под заглавием «Memento mori», помнит А. Ф.

Общий тон, когда А. Ф. говорит на эти темы — у меня чуть не сказалось, об этих древностях, — составляет безусловный исходный вывод о погиблости прекрасного начала века, о безвозвратной смерти его, происшедшей в тридцатые годы; и, как давно уже переживший шок крушения, А. Ф. говорит о содержимом могил спокойно, отрешенно.

# 1976

**11. 1. 1976.** — Вы прекрасно выглядите сегодня, Алексей Федорович. — Мой вид… Это сама конструкция организма такая, что вид хороший. Стараюсь меньше работать. Но мысли не дают покоя. Не дает спать напор, который целую жизнь бьется в мозгах и в душе. Додумываю, дополняю, и самые лучшие мысли приходят ночью. Я запутался. Обычно у стариков вырабатывается норма и схема, а у меня нет. То есть есть схема, читать и писать; но и только. А всё это бурлит, постоянно новые идеи. Ложусь то в 12, то в 3 ночи. Когда приходят гости, разговоры продолжаются до часа, до двух. Никакой схемы дня нет.

По дому тоже много работы, у Азы. Раньше люди делятся на дворян и на хамов. Теперешние дворяне тоже имеют домработниц, начиная например с заместителя министра. Но мне — я был всю жизнь хамом — домработницы помогают только на милость победителей.

Вот Соболькова была у меня, потом ушла. Выйти замуж решила, в 50 лет. Я с ней не разговариваю, хотя это и мелко. Я терпеть не могу быть обиженным, но тут я обижен. Я считаю это предательством, у меня с ней была многолетняя дружба. А теперь, они не регистрировались. И я ей так и говорил: «Если ты думаешь, что Мишка с тобой распишется, то ты дура». Этот Мишка, зная, что она в него влюблена как кошка, просто спокойно пользовался ею как бесплатное удовольствие. И прехарактерно, что хотя он ей сказал, «переезжай ко мне», однако не она к нему переехала, а он к ней. В ее маленький домик в Серебряном Бору. Там домик оставлен, хотя вся Москва теперь безумствует в перестройке. Говоришь, против этого возражают? Твои возражатели опоздали… Вот Арбат, уже всё разрушено, все дворики, переулки; генеральские коробки понастроили. Редчайшие особняки сносят. Генералам бы жить в них; но они в бездарные коробки селятся. Гонятся за Нью-Йорком. Только в Нью-Йорке еще до первой мировой войны были здания в 100 этажей, а здесь нет до сих пор. Явно мощи не хватает.

А Миша? Он симпатичный человек. Он по художественным образцам занимается художественным литьем, у него профессорский оклад, так что они живут безбедно. Но он у нее живет потому, что каждую минуту может от нее съехать; а если она бы у него жила, ее не спихнешь.

Но сейчас дело кончено. Сначала мы переживали очень тяжело, потому что много потеряли, но вот уже три года как разрыв. Общественная верхушка, конечно, живет нормально. Всё

нормализовано. Ну, другое дело хамы, хам так и должен в своей грязи копаться.

Я могу заниматься и 10, и 15 часов, и круглые сутки могу заниматься, но, видно, природа против. Природа могущественна, но ее порождения ничтожны. Казалось бы, должны быть чугунные люди, железные сердца. Но на этом безбрежном море природы появляются какие-то мошки, которые что-то делают, или ничего не делают, а чаще просто страдают.

Возрождение оборотень, не ухватишь. Такой сумбурной эпохи, такого переплетения я не слыхал. Схватишь за рукав, а это не рука, а нога; схватишь за ногу, а это не нога, а нос… Оборотень. У Боттичелли хрупкость, слабость субъекта. У Леонардо бахвальство тоже только показное. Это чеховский герой, Леонардо да Винчи. Конечно, на первое место выходит субъект. Но ведь что

получилось? Само себя возрождение снимает. Посмотри Шекспира: эти титаны мысли друг друга поедают, уничтожают. Судьбу отвергли, но появляется судьба неведомых законов психики. И у Джордано Бруно субъект расплывается в пантеистическом начале. Это несравнимо ниже не только Николая Кузанского, но и флорентийской академии. А декартовское cogito ergo sum — это уже не возрождение.

Время обыденное, оно ущербное. Вот вечность — это мгновение, в котором зажато всякое время.

… Не знаю, куда я вставлю эти твои заметки в свои пируэты.

**17. 1. 1976**. Рената говорила у Лосевых без отклика о двух эстетиках, ориентированной на искусство, на художественно-изобразительные каноны, и экзистенциалистской, ориентированной на жизнь.

**15. 2. 1976**. Значение есть знак, осуществленный в какой-либо области. Sensus есть то или иное значение знака, а не сам знак. Значение в отличие от знака бесконечно разнообразно. Если приложить к умственной области, то sensus будет смысл; если к настроению, то это будет чувство; если к человеку, то это будет настроение. Так что в одном и том же знаке sensus приобретает разные значения. Значение закреплено не за знаком, а за теми областями, к которым знак применяется.

**28. 4. 1976**. Пасха — Христос воскресе! — Воистину воскресе! А. Ф вспоминает:

Я там (на родине) впервые появился в 1936 году, и зря сделал, что появился, потому что кроме слез ничего не было… Озверение… Бороться с ветряными мельницами нельзя. Отшибет.

**23. 5. 1976**…. Я всегда держался абсолютного долготерпения и стойкости. Но теперь не хочу работать. Ничего не хочу делать.

Сейчас болею, потому что эти дьяволы сумели как-то у меня… сумели как-то в последний период жизни подорвать почву под ногами.

А. Ф. рассказывает о Вяче и о своем нежелании идти к Долгову[201].

Сейчас я оказываюсь каким-то всадником без головы. Потому что моя история эстетики без последних двух томов всё равно что всадник без головы. И этот всадник без головы стал немного дрейфовать… Не знаю, придется ли мне еще с тобой работать. Может быть, я тебя еще вызову. А может быть, уже и никогда не вызову.

1. 6. 1976, вторник. В прошлый четверг А. Ф. звонил мне, прося две страницы изложения De pulchritudine Николая Кузанского. Сегодня я пришел, и он забыл о назначении, второй раз подряд. Он отослал своего нового мальчика, который пришел заниматься; он лежит с радикулитом. Он меня все-таки принял; он с трудом говорил, и когда расспрашивал меня о неоплатонизме у Николая Кузанского, то мысль его срывалась; тем заметнее обнажилось, как цепко он держался и держится основной схемы неоплатонизма: Единое, Эманация, Исхождения, Ум.

Он отдыхал на своей узкой кушетке, покрывшись легким одеялом. Боль расходится по всему телу. «Я валялся на даче на траве, вот и приобрел радикулит». От боли он как в кошмаре что-то снимал с губ, но лежал ровно и терпеливо. Аза Алибековна считает, что дело в излишке снотворного; этот излишек сказывается каждый год. А. Ф. жаловался, что не успеет до отъезда на дачу доделать работу, ему уже ясную.

… Я же не могу слушать музыку без всякого анализа, тупо слушать. Я анализирую: вот одна тема, вот другая. Так что я всё равно думаю (доктор посоветовал ему не думать).

**4. 7. 1976.** Сегодня отъезд на дачу; три дня назад А. Ф. вдруг поправился, а то ведь как болел: не мог выйти совсем на улицу даже погулять, не работал. Что его взбодрило? Удача в издательстве, новый прилив здоровья или то и другое? Это опять прежний Лосев, хотя жалуется на постоянные боли, в пояснице и во всем теле:

«К моему удивлению, у меня вчера нашлось время написать отзыв на статью Ренаты. Отзыв положительный, безусловно положительный, хотя замечания есть. Ошибки, как я пишу, такие, что исправить их может только сам автор. Да и в самом деле, ведь нет других знатоков Флоренского, которые могли бы так разобраться в нем. Кто Флоренского понимает? Только еще в моем круге кое-кто…»

После рассказа о своей болезни А. Ф. дает себе расслабиться в сладкой

сплетне. Спиркин (к которому переезд на дачу) болеет. У него тоже сложные издательские дела. Да и не только издательские. А в Академии что творится!

?

Да вот видишь ли, академики бывают скромные, а бывают нескромные. Скромный член-корреспондент получает за звание 250 рублей в месяц, даже если нигде не работает и никуда не ходит; академик получает 500. Это деньги неприкосновенные, до конца жизни. Но скромными академики не хотят быть. Хотят заведовать академическим институтом, это 900 рублей в месяц, а замдиректор 700 рублей; или в издательстве директорствовать, или еще где-нибудь. Многие гоняются за этим. И Спиркин тоже. Я ему как-то говорю: ты членкорчик хороший, я тебя люблю. Только вот у тебя одна страстишка есть. Он было испугался, насторожился, что же это такое? — Уж очень ты хочешь быть академиком. Он засиял как самовар начищенный, согласился без обиды: да, это есть. Так вот, Спиркин в качестве членкора еще и председатель философского общества фактический, Константинов только номинально там числился. Ну, у Спиркина как председателя общества есть небольшие суммы в распоряжении, тысяч сто в год. Помимо этих деньжонок, разные преимущества, связь с периферией, устроение конференций, контакты с иностранцами. Константинов предоставил ему всё это, потому что он был академик-секретарь отделения философии и права. Там же ведь Академия разделена на отделения, и каждому отделению что-то подчиняется; например, отделению философии и права подчиняется институт философии, институт социологии, психологии, рабочего движения, кажется (А. Ф. перечисляет всё точнее чем я когда-нибудь смогу сделать), всего 4–5 институтов. И всё это возглавляется фигурой буддийской этого Константинова. Константинов и был занят всеми этими делами: приемы, конференции, заграничные конференции, хотя Константинов никаких языков не знает; ну, у него штат переводчиков есть. К тому же он и член президиума. Как академик-секретарь он получал около тысячи и как член президиума тоже получал какие-то свои деньги; он несколько тысяч в месяц зарабатывал. Там ведь возможны любые совмещения, не то что у нас, кому специальное разрешение требуется. Словом, это кормежка такая. И всё было ничего.

Спиркин был рад; открывает конференции, закрывает, ему полная свобода.

Теперь. В прошлом году Константинову исполнилось 75 лет.

А сейчас уже начиная с 70 лет смотрят косо. Ну, он старый член партии, сталинист такой дубинноголовый, держался. Однако теперь сняли, поставили другого — Егорова, что ли, по эстетике такой академик. Константинов, сталинист, который не признает ничего теперешнего, полон энергии, очень крепко стоит на ногах. Ему мало 500 рублей, он скромным академиком быть не хочет, и вот он сейчас вошел в дела философского общества, хочет уже сам всем заниматься. И у них со Спиркиным конфликт. Между прочим, Спиркин у него раньше страшно подхалимничал, просто лакеем был. Дача у Константинова рядом со спиркинской. Он иногда приходил. Видел и меня там: папахен такой расхаживает. Подходил, хлопал по плечу: да, да… Завидую; вот человек работает. — А ты, говорю? Давай прямо сейчас сядем да и будем заниматься. — Нет, отвечает, у меня заседания, приемы… Ну и завидует! Нашел, кому завидовать! Лосеву!

— А Вы с ним на ты?

А я со всеми на ты. Только со старой интеллигенцией не могу, не получается, а со всей этой шпаной я на ты. Они же сами меня приучили, с 20-х годов приучили кепку носить, я ее и до сих пор ношу; и на ты говорить, демократия так называемая. — Так вот теперь там драка ужасная, с подкопами, интригами, доносами. Майя недавно звонила, жена Сашки Спиркина. Очень плохо дело. Хотя Спиркин бы мог сидеть спокойно у себя в институте философии, у него учебник диалектики мирового значения, на всех языках по нему учатся. Он мог бы и директором института стать. Теперь болеет. Но не только от издательских дел. У него дизентерия старая, разыгралась.

Не знаю, как у них всё кончится. Ведь драка, без малейших принципов или идейности. Все уже давно материалисты и все советские. В 20-х годах мы еще различали: вот идейный человек, идеалист. А теперь нет, все правоверные, все материалисты, так что просто дикая драка идет, личная, ради своей выгоды. Вот между прочим и новый директор института философии (Украинцев); дни его, видно, сочтены. Было заседание партийного собрания, оно продолжалось 8 часов. Его критиковали за устаревшие методы, которые и Сталин только в исключительных случаях применял. Так ему наклали, что едва ли он теперь

удержится. У меня друзья рассказывали. Я отлично знаю, что в институте философии происходит, хотя сам ни во что не

вмешиваюсь. Говорят, что этот директор сторонник Ягодкина.

?

А ты не знаешь? Как же это ты ничего не знаешь? Ягодкин был раньше секретарем парткома университета, важная шишка,

все равно что ректор, но проштрафился. Его назначили секретарем МК КПСС, но он и тут проштрафился с художниками, которые хотели выставку устроить на свежем воздухе. Ты, наверное, слышал. Ягодкин вызвал милицию и всех этих художников разогнали. Однако в ЦК решили, что это слишком. Решили: выставку разрешить, хотя и не на открытом воздухе, но с санкции власти, чтобы была видимость официальности. Ягодкина сняли. Теперь он 6-й заместитель какого-то министра. Это конечно не для такого деятеля как он. Вот и Украинцев из его компании. Его не оставят на должности. Перебирали в институте возможные кандидатуры, и ни на ком остановиться не могут кроме Спиркина. Как бы Сашку директором не выбрали. Но это хорошо, он все-таки порядочный, не то что этот инженер, который решил философией распоряжаться, как хочет[202].

Всё это, между прочим, связано с нашими политическими делами. У нас вид сейчас очень гордый, вплоть до военного захвата целых континентов, но не без оглядки. Действуют всё же с учетом, прислушиваются. Вот в Берлине что-то произошло, хотя мне и не удалось подробно узнать; но я слышал, что это была полная реабилитация Дубчека и пражской весны. Один испанец говорил: в первый период коммунистического движения оно обладает признаками религии, иначе оно не может утвердиться. В нем появляются религиозные правила и установления, мученичество, догматы. Но теперь коммунизм настолько созрел, что он не нуждается в этих догматах, в религии.

Так что Украинцев едва ли удержится. Да мне всё равно! Всё равно мои статьи там лежат по 5–6 лет. Бесконечно маринуют. Потом однако они выходят всё-таки. Так получилось и со сборником Платона. Кессиди им заведует. Но у этого сборника есть могущественный враг, Ойзерман. Ойзерман его читал, и у него получилась мрачная картина, что никакого изучения Платона за все годы советской власти не было. Кессиди ему говорит: и верно, не было, было одно

оплевание, только один Лосев им занимался. Нет худа без добра, институт сейчас постоянно проверяют, и профсоюз проверяет, и райком. И оказывается, что один и тот же сборник три года записывается в план. Чтобы избежать такого скандала, его по-видимому будут издавать.

Мы с Азой Алибековной провожали А. Ф. под руки вниз по лестнице. «Как архиерея…» И он не хотел опираться. В машину сел сам, отметив, что холодно. — Лето как раз для занятий. — Да я и в жару очень хорошо занимаюсь. Он ведь южанин. Как всегда в дни отъезда, вокруг него легкое, но и важное и серьезное настроение. Он без суеты и основательно переживает отъезд.

Старый опыт, старый мир, старая школа.

**20. 9. 1976**…. Тажуризина[203], у нее трагедия. У нее разочарованность в атеизме. Что такое а-, это всякий дурак знает, а вот что такое — теизм? Она теперь убеждается, что должна это узнать. Я читал ее книгу о Кузанском, некоторые главы, и ты знаешь что? Сказать, что книга неплохая, это будет отзыв на три с минусом, а назвать достижением будет уже четыре с минусом. Так вот, это достижение. Человек из такой грязи, из такого хлама вышел к Николаю Кузанскому. Конечно, мрачное начало ее работы оставит след, потому что атеизм оставляет след в душе, тягостный…

Сергей Петрович Кондратьев изучал применение цитаты в античности[204]. Античный автор излагает, например, Ксенофонта и не ссылается, как если бы сам всё это писал.

Гегеля я очень люблю. Но он сумасшедший.

— То есть единственный несумасшедший среди всех сумасшедших?

Гегеля ценят за логику и эстетику, а у него гениальные мысли в «Истории философии». И он всё читал в источниках. И всё цитирует. Это удивительное явление в истории философии.

Даже Иуетин Философ, Ориген — у них всё еще эманация, субординация. Церковь решила самих их признать праведниками, а их учения осудить. Они пользовались стоическими терминами. Если бы они взяли в образец неоплатоников, ничего бы такого не было. У Попова есть книга «Личность и мировоззрение блаженного Августина»[205]; там доказывается его полнейший неоплатонизм. (Имена старых авторов всплывают в памяти А. Ф., произносятся очень уважительно.)

На втором Вселенском соборе церковь признала Богом не только Христа, но и Духа Святого, «Господа животворящего, иже от Отца исходящего».

В христианстве не сложилась einheitliche Intuition, цельная интуиция, т. е. не было единого опыта Христа. Опыт распадался на интуиции трех видов: symbolische Intuition, Восток; romantische Intuition, Запад; klassische Intuition, Греция.

**9. 12. 1976**. В Голубой гостиной Дома ученых, где нежные музы игриво выступают из потолка и стен, отражаясь в старинных зеркалах, молчаливый чествуемый античный хор в единственном лице Алексея Федоровича Лосева воссел за столом президиума, справа от него поместилась взволнованная Аза Алибековна, слева Арсений Владимирович Гулыга, и при полном зале начались рискованные, дерзкие и наивные выступления новых муз, раздались голоса думающей, страдающей, изверившейся, изуверской и верящей Москвы. Первым говорил Спиркин. С

невообразимым смешением первобытной наивности, горестной искушенности в политических дрязгах и гегельянского апломба он прокричал что-то надрывное и бездумное о том, что «итак, мы установили, что без свободы не может быть духовного развития» и что мысль, чувство, творчество процветают лишь в ее теплых ладонях, и навсегда умолк. Темноглазый улыбчивый Гулыга объявил правила игры, согласно которым говорящий долее 15 минут делает заявку на великого ученого, и началась вереница докладов.

Вышел Аверинцев и, в который раз признавшись, как жутко и робко говорить в таком присутствии, несколькими фразами отчетливого и размеренного, заметно за последние год или два установившегося голоса создал

в зале ту обстановку, которую невольно хотелось назвать по-немецки — Feierlichkeit, и которая, к сожалению, затем была быстро разъедена Благим. Заведя речь издалека, от той трудности, с какой всякий истинно мыслящий определяет ныне свое положение перед загадочным двойником, античной мыслью, и от того детского вопроса о смысле и сути, который снова и снова разрушает все хитроумные попытки вконец разобъяснить крошечные по пространству и времени события, происшедшие некогда в некоем хронотопе, оставшемся доныне фокусом всего нашего европейского бытия (причем крошечность эта сознавалась и подчеркивалась самими протагонистами тех событий), Аверинцев растекся по филологическим ассоциациям, и лишь лучшим умам, не нашему, дано было уловить единую нить повествования, блуждавшего от Винкельмана к Ницше, от Ницше к Готфриду Бенну, от Готфрида Бенна к не названному «несколько легкомысленному, но притом весьма ясно видящему вещи писателю двадцатого века, который заметил, что всех просторов персидской империи оказалось бы недостаточно, чтобы вместить работу мысли, совершившуюся на небольшом клочке греческой земли, и что это справедливо, ибо лишь в кукольном театре возможно представить всё мироздание»; от «легкомысленного писателя» — надо гадать, сохраняется ли этот эпитет лишь за Честертоном или вместил теперь уже и кого-то еще, — Аверинцев перешел к немецкому филологу, сделавшемуся потом к несчастью национал-социалистом, чьей фамилии я не упомнил, тем более что окончательно потерялся в прихотливом плетении имен и событий, и лишь отдельные образы — узких и рискованных троп, по которым ходили греки, избранники и тонкие избиратели, а потому и добровольные изгнанники; непрестанного мучительного агона, в котором совершался их художественный и философский труд, — еще как-то проступали

из филологических дебрей, пока наконец поднялся терпко улыбающийся Гулыга и Аверинцев внезапно и неожиданно заявил, остановившись на полуслове, что сказал всё что хотел сказать. После этого он в полноте взял реванш за всю сумятицу, которую могли приписать его речи, как он ее назвал. Громко и ясно, до последнего слова понятно он прочел свой маленький латинский гимн виновнику торжества, и молчаливый античный хор сразу сменил свое прежнее довольно-таки кислое выражение на растроганную и счастливую улыбку.

*Salve dux philosophorum, salve lux philologorum, perscrutator archanorum,*

с тревожащей душу наивной отчетливостью средневекового латинского хорея говорил своему старому учителю Аверинцев, и казалось, что действительно на миг воздвиглись колышащиеся стены волшебного кукольного театра и мучительная жизнь замкнулась наконец в крошечном, теплом и уютном, звонком круге, оставив где-то в ненужном вовсе мятущийся и бестолковый мир:

*Iste mundus furibundus non est purus sed immundus,*

соглашался Аверинцев с тем, что писал его учитель ровно за полвека до того в двух работах, о Платоне и о Римском-Корсакове, и звал, и уже начинал вместе с ним созерцать нетронутые, возвышенные небесные звезды; и мягкий, но настойчивый упрек слышался в приглашении рассмотреть сперва вечное, а потом уже временное:

*Respice realiora, posthac et realia.*

Но Аверинцев в конце концов сел под гром аплодисментов, и к столу вышел Благой, жутко помолодевший после чествования своего восьмидесятилетия[206] три или четыре года назад (на котором Лосев приветствовал его по-латыни). Не знаю, что говорил Благой в начале, потому что я вышел в коридоры Дома ученых, где в это время у касс и буфетов шла интенсивная раздача разнообразных дефицитных благ избранникам. Когда я вернулся, Благой разворачивал официальную диалектическую благоглупость о том, как «с одной стороны» нельзя вполне отказываться от традиции, чтобы не оказаться голым человеком на голой земле (в том, что официально допускают неофициальных авторов, есть то большое неудобство, что их получают возможность цитировать люди, которые иначе благонамеренно воздержались бы от этого), а «с другой стороны», как нельзя и замыкаться от нового в традиции, по поводу чего Благой вспомнил Петра, который Россию вздернул на дыбы, а по Белому на дыбу, что в

обоих случаях, согласно Благому, было хорошо, потому что, сказал он, в упор глядя на широко обросшего Бычкова, которого как секретаря незадолго перед тем пригласили в президиум, «бородатую московскую традиционность нельзя было дальше растить, ее надо было отрезать», и Бычков, глядя на голого Благого, видимо смущался и от смущения бычился. Потом Благой начал радоваться тому, что жуткий тысячелетний период Средневековья не смог вполне затмить античность, и — с благодарностью глядя на Лосева, который, наверное, в эту минуту твердил Иисусову молитву, — эта античность вновь расцвела после благотворного Возрождения. Потом — Благой никогда не забывает себя и никогда не обходится без мелких гадостей — он сказал, как нужно и как хорошо возможно шире использовать лучшие творения лучших умов и как один американский критик в пику Белинскому назвал «Евгений Онегин» литературной энциклопедией, поскольку там упоминается не менее 200 писателей. На Благого трудно смотреть; у него такие красные щеки, что кажется, будто он пьет для здоровья кровь. Под конец он читал свои стихи, в честь Лосева, литературно довольно беспомощные, где он, Благой, смотрит на звездное небо и понимает, как его душа соединяется в это время с душой Пифагора, Платона и Сократа, но — читалось между строк — одновременно также и в немалой мере превосходит эти души, как бы восполняя их и окончательно устраивая их на вечный покой в той «копилке», какою является (конечно, не для всякого, а для «овладевшего всеми богатствами» и т. д.) культурная традиция. Античный хор был серьезен и не встал.

Затем вышла к зеркалу Пиама Павловна Гайденко в черной шали (или не в черной шали, но всегда кажется что она в ней) и завязала свою темную головокружительную интригу. Наше поколение смогло в «Античном космосе» и подобных книгах Лосева живо почувствовать и пережить античную традицию, но — куда и как мы теперь должны идти, в каком направлении продолжать работу? Она взяла лишь одну тему: античная математика и новая идеалистическая философия. Казалось бы, что — математика? Но уже с первых слов таинственный ночной пейзаж развернулся перед зачарованными слушателями, где в небе ярко блистали звезды-идеи, под ногами легла туманная и чреватая эмпирия, а между этими двумя противоборствующими сферами развернулась таинственная стихия Сна, Сноподобной реальности, наполненной

треугольниками, квадратами, гипотенузами, не существующими ни на небе, ни на земле, а витающими в труднопостижимой платонической %шра, полуреальности, за

которой мы гонимся и тянемся во мраке, никогда не в силах ее ухватить. Умом мы созерцаем звезды, осязанием ощущаем землю, а чем постигаются, откуда возникают геометрические образования? Они ткутся, они прядутся из нераздельности Ума с помощью той способности, которую Прокл называет cpavTaata, способности, превращающей идеи ума в образы, придающей фигурность неделимому в уме. Словно из глубокого сна извлекаются они из Единого пограничной инстанцией фантазии, оформляя мир отчетливостью своих очертаний. Не очевидно ли в этом набрасывании на мир математических сетей сходство с кантианскими априорными формами апперцепции? Оказывается, говорила Гайденко своим и школьным, и интригующим, и хрипловатым от волнения голосом (но уже любезный Бычков принес купленные за свой счет две бутылки лимонада), что у Канта гораздо больше чем мы думали, необыкновенно много прямых продолжений неоплатонизма; однако — завершила она, поставив вдруг в загадочную и тревожно-значительную связь Платона, Канта и Хайдеггера, — если у Платона число есть идея, постижимая умом, и потому Платон укореняет число в вечности, то Кант, следуя сдвигу, наметившемуся за два столетия до него, укореняет число во времени.

Вышел Шалва Хидашели из Тбилиси и начал маловразумительно читать по бумажке на удивительную тему: как поверить в существование этого мира? как добыть философское обоснование ценности земного? как при этом, по возможности, не оскорбить и не проигнорировать небесное? Но слышалось в его речах, что трудно, почти невозможно это сделать и что в случае печальной неудачи предприятия не сдобровать небесному. Немалую помощь в решении вопроса Хидашели ожидал от лосевского перевода «Первооснов теологии» Прокла, редактором первого, тбилисского издания которого он, Хидашели, является.

Вышел Будагов, побледневший и похудевший от своего академс- тва, потерявший мягкую игривость, ввязавшийся уже в жестокий истощающий оборонительный бой за кресло и оттого внутренне пошатнувшийся. Он притянул Лосева в свои союзники и выявил, что Лосев не декларативно, а на

деле доказывает, что филология единая наука; что он всегда умел показать различие между искусственными и естественными языками. (Думаю, Алексей Федорович действительно смог бы показать это различие, если бы захотел.) И продолжая жаркий спор с невидимыми противниками, Будагов в пику им, заумным и некорректным, привел лосевское определение слова: «Слово не есть понятие, но слово есть определенным образом выраженное

понятие». Античный хор хранил слабую снисходительную усмешку, как бы желая сказать: «Много ты понимаешь в наших определениях!»

Но унылым, безулыбным, мрачным стал античный хор, когда к нему обратился Юрий Бородай с обещанием осуществить тут же, на месте, психоаналитический анализ текстов Нового Завета. И мало утешило Лосева суждение Бородая, что «методология, т. е. самый подход к материалу, характерный для Лосева, окажется плодотворен для книжки, которая возникнет из этой конференции, если авторы этой книжки действительно будут придерживаться этой методологии». Трудно было понять, на что намекал Бородай. «Речь идет о наборе первообразов, эйдосов, что-ли», не то воскликнул, не то провыл он с неведомой тоской. После этого оратор поведал, что занимается проблемой рациональности и рационализма в процессе становления капитализма. А чтобы такая тема не показалась аудитории слишком узкой, он пояснил, что имеется в виду вопрос о европейском духе вообще, европейской культуре — есть, говорят, такая — в целом. Говорят еще, продолжал он, что культура эта основана на христианском мифе, так надо серьезно, т. е. при помощи психоанализа, этот миф и разобрать. Но еще не начал он его разбирать, как Гулыга предупредил, что остается ему на весь разбор две минуты. Тогда я кончу, смиренно сказал Бородай, и прозвучало из зала: «Вот молодец!» Прочитаем ваши мысли в тезисах, пообещал Гулыга, и Бородай послушно сел.

Макаев вышел, похожий на редкостного заморского скворца. Я нахожусь в положении известного объекта Буридана, сказал он вежливо и недоуменно. Передо мной выбор, быть обвиненному в mania maiestatis или остаться бездоказательным. «Выберу второе». И действительно, бездоказательным казался критерий, по которому он приговаривал одно к нетрадиционности, другое относил к традиции. Выступление Макаева было безукоризненно корректным филологически, изящным до блеска.

Он говорил о русском символизме, который понимает как «мощное движение в области культуры начала 20 века в России, охватившее литературу, музыку, живопись и некоторые направления метафизической мысли». Тем самым он снял брюсовское определение символизма как техники русского стиха. «Традиция есть диалог прошлого с современностью» — диалог такого накала, с романтической произвольностью прибавил Макаев, каким характерны романы Достоевского. Традиции еще нет в простом повторении «поверхностных структур». Этим термином оратор дал понять, что он представитель могущественного Языкознания, самой оснащенной и передовой

из всех гуманитарных наук; и небывало серьезен стал вдруг античный хор. Нет; традиция должна утверждать свое бытие в современности. На уровне поверхностных структур остается «Фрина» Семирадского[207]; недаром Семирадский не побывал в Элладе; нет, он написал полотно всего лишь по стихотворению «Фрине» Льва Александровича Мея. Тут, согласно Макаеву, не может быть и речи о традиции. Не традиция и фрагмент Гретри в «Пиковой даме» Чайковского, даже не транспонированный, перенесенный как есть. Традиция требует мудрого отбора, гармонического единства старого и нового, прошлого и настоящего. Поверхностным структурам принадлежало и молодое увлечение Блока пифагорейством (о котором свидетельствуют его письма к невесте); и здесь Макаев не видит никакой традиции. Но вот истинная традиция: когда у русских символистов речь заходит, уже на уровне глубоких структур (тут Макаев отчетливо дистанцировал себя от прочих лингвистов, которые невежественно переводят deep structures Хомского через «глубинные» структуры), о символе. Мы невольно и постоянно оказываемся вынуждены здесь конфронтировать античный символизм с русским, современным. Заговорив о символе, Макаев заспешил и заволновался, он с тревогой помнил о своем обещании — «я не выйду из рамок 15 минут и буду бездоказательным», — и, наверное, печально убеждался, как легко ослу съесть по очереди обе охапки сена. Иванов, Белый, Блок, замелькали великие и, видно было, прикипевшие к его сердцу имена. Начнем с Блока, торопился Макаев; вспомним о гениальной третьей книге его стихов. Мало кто говорит об этом, но несомненно вся она,

особенно пляски смерти, ушла корнями в землю греческой драмы, и ближе никого не было к Блоку во всей мировой литературе здесь чем Софокл (с двумя яркими о корректно выговорил Макаев), Софокл в его

Но чего здесь у Блока больше, возрождения античной трагедии или создания нового мифа? грандиозного мифа внутреннего человека? Такой же грандиозный миф творит Белый. Через неизбежного пушкинского «Медного всадника», через Достоевского он достигает в «Петербурге» вершин мифа о северной столице. И не менее грандиозен другой созданный Белым миф, миф детского сознания в «Котике Летаеве». Иванов. Иванов взял лишь один фрагмент из всего античного наследия: дионисийство, идею которого он развивал в течение всей своей жизни, вплоть до последних итальянских лет. Почему только один этот фрагмент греческого мира взят его знатоком,

гениальным поэтом и мыслителем? идет ли речь о восстановлении кусочка греческой традиции или о продолжении традиции мифотворчества? не новый ли перед нами миф? Иванов трижды говорит о Ницше как филологе, в частности, ссылаясь на Соловьева. Но как мог говорить это человек, сидевший в ногах Теодора Мом- мзена, человек, несомненно знавший о том (вдохновенный Макаев спешил теперь всё больше, его время кончилось, увлеченный зал просил дать ему еще несколько минут, Макаев обещал, что уложится в 30 секунд) — несомненно знавший, что через четыре месяца после появления книги Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» в статье объемом в два листа начинающий тогда талантливый и многообещающий ученый филолог вполне разоблачил… (вздох в зале: «Но всё-таки это был не Лосев!»)… вполне разоблачил Ницше как филолога, показав его несостоятельность и в датировке источников, и в их атрибуции… Этим молодым филологом был не кто иной, как Виламовиц-Мёллендорф!.. Я кончаю. Позвольте мне обратиться к тому, ради кого мы собрались здесь сегодня, со словами благодарности за его последнюю книгу о символе; замечательная эта книга полна молодым задором, полна благородным желанием доказать, что истинное искусство всегда символично;

как всё истинное символично; как символично и это наше собрание, посвященное Алексею Федоровичу (ох, что говорит Макаев! и зачем он цитирует заключительные слова второго «Фауста»! он не ведает, что творит: неужели всё не на самом деле!). — И впервые за 2 часа 30 минут античный хор встал, растроганный.

Вышел Юрий Николаевич Давыдов и как волшебный фокусник взмахнул перед аудиторией магической палочкой взрывающейся гегелевской диалектики, как лентой оплел умы колдовским кругом; и то, что было лишь названо в предыдущем макаевском докладе, что было лишь отдаленно именовано, теперь как волк в басне как раз там, где его нельзя было, кажется, ожидать, среди речей о рационализме, — подлинное дионисийство робко выглянуло из зеркал и постепенно всё смелее стало заполнять голубую гостиную. И странно: античный хор всерьез задумался, потом ухмыльнулся, потом впервые позволил себе не следить за своим лицом, расслабился, позабылся и видимо увлекся; потому что только Дионис имеет силу развязывать. Мы все привыкли говорить о близости философии и искусства; истина эта превратилась в трюизм. Трюизм, унылая видимость самопонятности, есть на самом деле проблема, забывшая саму себя. Против него имеет силу только детское почему, задаваемое без страха перед эрудицией. Почему

же, спросим себя, философия тяготеет к искусству? Только в первые минуты была какая-то неопределенность; потом стало ясно, чего хочет громкий не нарочито поставленный голос: вести с собой слушателей в тот первобытный водоворот, где мысль прикасается к истокам бытия и, полная собой, намеривает из своей изобильной полноты живые миры, вовлекая в них всё чуткое и ищущее мира. Констелляция современности — образованная схождением таких событий, как превращение традиционного общества в буржуазно-рациональное, обезбожение мира, — взвесила в пустоте человеческое сознание, поместила пространство, в котором живет и движется человек, между могущественными полюсами философии и искусства, на пересечении силовых линий которых загорается интеллектуальный роман, сплетающий ту сеть нравственных и ценностных координат, которая размеряет собою отныне жизненную сферу. Эта сеть есть подлинный миф. Намеренная философией-искусством сеть координат — вот какая шаткая почва остается человеку в наш век глобальной универсализации. Несостоятельны два других

пути, якобы имеющихся у человека (и здесь состоялось, надо думать, самое громкое, самое дионисийское место всего доклада, когда всякая душа должна была вздрогнуть от неожиданного совпадения холодно-логических вещей, о которых кричал громкий голос, и ежеминутных ее живых страхов и предчувствий): не поверить процессу рационализации, не поверить тому, что он действительно хочет дойти до конца и подорвать, поднять на воздух всё, — и второй: поверить, будто наука всё восстановит заново, подпасть научному мифу, оказаться жертвой сциентистского слабоумия. Философия-искусство «полагает новую систему координат». Но вот трудность: полагание это возможно только когда и художником и читателем эта система сначала пред-положена. Интеллектуальный роман, завязывающий новый роман человека с бытием, каждый раз новый роман, каждый раз захватывающий человека целиком, странным и непостижимым образом требует, чтобы сетка координат уже хотя бы в возможности как-то всё-таки существовала; и здесь роман имеет свои жесткие пределы, которые он может сформулировать, переопределить, украсить, но которые не может перейти. Философия — вот те скалы, внутри которых бьется и плещет дионисийская вакханалия творчества и пляшущих под его чарующую музыку человеческих множеств. (Но не верится в то, что эти скалы, эти пределы действительно философия; слишком не человеческое, слишком титаническое это дело, и не на земле, видно, оно совершается. И с разочарованием слышишь вывод —

или за ним скрытое лукавство?) Интеллектуальная романистика должна следить за последним криком философской моды, и модами этими были сначала философия жизни, потом экзистенциализм и, наконец, неомарксистский и неофрейдистский миф. Что дальше? Какой новый роман? (Не утомительны ли бесконечные новые романы, напрашивается мысль.) Загадочно умолкнув, оратор садится на свое скромное место под одним из зеркал.

Растерянность загорается на лице античного хора, когда следующий оратор объявляет своим предметом цветомузыку и просит приготовиться к тому, что в голубой гостиной выключат свет.

# 1978

**7. 5. 1978.** После нашего с Ренатой поздравления дому Лосевых Аза Алибековна пригласила нас. Она выглядит как-то глаже и спокойнее. Алексей

Федорович вышел из своего темного кабинета, где он думает сидя боком к изразцам бывшей печки, побледневший, чуть припухший лицом, и сказал слабым нарочито дрожащим голосом, еще не вполне выплыв из таинственного молчания, заготовленную фразу: «Спасибо, спасибо, что вспомнили старика и опустились в мои низины, такие высокие гости…» — «Высокие тем, что из своих окраинных ущелий поднялись на такую высоту, придя сюда». Перед этим он коротко и деловито сказал, обнимаясь с Ренатой: «Христос воскресе!» Меня он тепло обнял и трижды поцеловал. Ренате он дал сиреневое яичко («сиреневые дали»), мне желтое (царского цвета, но и скуки и измены). Вначале он опять казался нечутким и усталым, потом разошелся. Сообщали друг другу впечатления от светлой Утрени. Мутное, мутное впечатление, повторил он несколько раз. Нет культуры поведения в церкви, нет желания учиться, знать; да и некого винить, потому что нет учителей. То, что в Елоховском соборе были места для правительства, ничего не значит: правительство и Америку поздравляет с годовщиной республики, хотя ему наплевать на республику; и Керенский присутствовал на открытии Собора 1917 года. Это присутствие правительства ничего не значит. Тем более Рената вот говорит, что никто из пришедших по билетам в патриарший собор не крестился, и хор пел из Большого театра. А раньше артистам петь в церкви запрещалось. Священство теперь больше мужицкое, в неприятном смысле этого слова. Иерархи трусливы с самого начала, с Тихона и Сергия. Теперешний патриарх верующий, но…

Рената возразила, что на этот раз даже пьяные молодые люди усердно держали свечку и крестились. А. Ф. от «пьяных», наверное, содрогнулся в душе, потому что даже ничего не сказал. О пьянстве у него свои и крайние мнения; в его доме никогда, кроме редких случаев, не бывает не только вина, но и пива. Я не пью и не курю, говорил он вчера, так что вместо этого люблю сладкое. Он продолжал настаивать на своем мутном впечатлении от молодых людей и только через 100 лет (уже не через 200–300, как предсказывал раньше) готов был допустить какие-то улучшения. Вера ведь сохранилась только в мещанстве, говорил он, имея в виду хороший городской слой.

Рената сказала, что если около церкви есть что-то мутное, оно идет от национал-большевизма, от людей типа Небольсина, который называет Струве Стрювом и бранит Владимира Соловьева за презрение к людям. Мелкая сошка,

заметила о Небольсине Аза Алибековна. Как же, ведь он с Палиевским, а Палиевский славянофил? недоумевал было вначале А. Ф., но потом стало ясно, что он вполне готов ожидать от Палиевского чего угодно. «Я знаю, что есть западники и славянофилы, но ненавижу и тех и других». Какой-то немец однажды, желая сделать Лосеву комплимент, отозвался о его книгах, что в них есть русская традиция. Ничего более обидного для А. Ф. он не мог сказать. Какая такая русская традиция? Когда я слышу о ней, я начинаю щупать у себя в кармане, заряжен ли пистолет. Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, вот вам эта традиция. Было, говорите, и другое, онтологизм, нравственный пафос? Может быть, единицы. Да и всё вообще развалилось в несколько дней; двадцатимиллионная армия разошлась по домам за три месяца.

Правда, тут же оказалось, что мы едим пасху, рецепт которой Аза Алибековна получила от старушки, которая в свою очередь получила его от другой, жившей, возможно, еще в середине прошлого века. Рената заметила, что вот, оказывается, для поддержания традиции достаточно двух старушек. Я заговорил о борьбе Александра Исае- вича Солженицына против небрежного очернения русской истории. А. Ф. слушал с таким вниманием, что Рената тут же высказала свою догадку: высмеивание русской традиции и сведение ее к Белинскому и Чернышевскому у А. Ф. только бегемотство, не правда ли? А. Ф. не отозвался.

Все вещи Солженицына он знает по радио, восхищается изображением Ленина в Цюрихе: прекрасно описан, и как показан чудовищный имморализм. Рената возразила, что, наоборот, Ленин изображен в каком-то смысле самоотверженным аскетом, готовым на бытовые жертвы ради замысла, сатанинского, и тем хуже, страшней оказывается образ. Но мораль А. Ф. понимает по-старому как страх Божий и серьезную, поверяющую себя веру, и с этой точки зрения у Ленина конечно не самоотверженность, а разверзлись бездны имморализма.

По поводу литературы перешли на Болтуна[208], который Ренате нравится всё больше. Оказалось, что А. Ф. относится к нему почти без участия, и по двум причинам. Во-первых, Зиновьев «по головам ходил». В середине войны А. Ф.

специально для него «историю логических учений». Из-за Зиновьева должны были уйти и некоторые другие люди. Правда,

потом вытеснили самого Зиновьева. Но с нами, слабосильными, ущербными, с миллионщиком (отец был суконным фабрикантом) Поповым Зиновьеву справиться было легко.

А вот вторая причина, почему Зиновьев не нравится Лосеву, для которого края философии и веры сходятся во всеобъемлющем символизме: презрение к диалектике, дьяволектике, диа-дурочке, плоский позитивизм.

Рената восторгалась этими рассказами. Записывает ли что-нибудь А. Ф.? Нет, ничего. Нас отучили записывать в 30-е годы, сказала Аза Алибековна. Записывать, вести дневники тогда отучились даже дети.

Как-то разговор снова перешел на Флоренского, и А. Ф. совсем разгулялся. Пошел рассказ о том, как в 30-м году, когда А. Ф. посадили на 11 месяцев, он в Бутырках говорил с епископом Феодором[209] и спрашивал, как он, епископ Феодор, мог в ноябре 1912 назначить Флоренского редактором «Богословского вестника». — «Да потому что никого уже не оставалось верующих. Тареев безбожник, Попов [210] тюбингенец, и так далее». О тюбингенце Алексею Федоровичу рассказывал в свое время и сам Флоренский; после его лекции, где каждая фраза Евангелия возводится к разнообразным источникам, выходишь с потерянным чувством, а где же Евангелие? Нет его! Научитесь им доказывать, молодой человек, говорил Лосеву Флоренский, что есть достоверность Евангелия как целого. Самому Флоренскому удалось найти такое армянское Евангелие (или отрывок?) 2-го (предположительно?) века, где есть стихи, объявленные у тюбингинцев позднейшими послесоборными вставками.

**3. 7. 1978.** В пятницу 30 июня утром я стал неожиданно думать, что Лосевы не звонили с Пасхи и что они переезжают. За завтраком позвонила Аза Алибековна. В субботу 1 июля я был на их переезде. А. А. сказала, что А. Ф. почти не спал и утром она едва его добудилась. На даче у Спиркина опять три голодные собаки, одна из которых утащила громадный батон колбасы при мне; я

даже и не стал отнимать, представив себе их голод. Майя зато очень полна. Александр Георгиевич растерян, глуховат и криклив. Он долго сплетничал с А. Ф. о передвижениях в Академии, жалуясь на всеобщую философскую некомпетентность, потом они внезапно перешли на собак. Одна пропала, а я думаю, что ее погубили. Я давал Малышу хлеб и сосиску отдельно, он ел и то и другое.

А. А. радовалась вышедшей в Детгизе книге о Платоне, где А. Ф. принадлежат 8 и 14 главы, мемориальной доске, установленной ее деду на их доме в Орджоникидзе, своей

опубликованной работе о Дионисии как гимнографе. Я согласился, что это ее открытие: я не знаю, кто бы еще так разбирал Ареопагита, а это открывает ключ и к атрибуции, и к жанру, и к позднему происхождению Ареопагитик.

А. Ф. постепенно разгулялся. Он даже выпил прекрасного псоу из обкомовских подвалов Орджоникидзе, объявив, правда, что может пить разве что только как на пире во время чумы. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю», возгласил он, когда пил второй раз. Меня поразило, как его мучит воспоминание о 30-х годах. Я ведь был подлипала, говорил он снова[211], я ведь выходил на кафедру и говорил, что, товарищи, никаких индоевропейских языков не существует, это реакционная теория об арийском племени. Лосев ведь был такой подлиза и верноподданный. А после своих выступлений плакал и каялся: что же это я говорил?

— Но, Алексей Федорович, ваш тон всегда многозначительный; возможно, слушателям западала другая мысль, что, может быть, всё-таки эти индоевропейские общности есть?

Аза Алибековна быстро меня прервала, переведя разговор на кавказские сказки: о посещении Макаевым католикоса[212], о Константине Гамсахурдия, который встретил Белецкого в своем миллионном парке, держа сокола на руке в кожаной перчатке, а рядом гуляли олени. «Да как же? — с провокативным злорадством спросил Лосев, — ведь Звияд раскаялся?» Володе Жданову Лосев деловито и обстоятельно объяснял, почему нельзя иметь землю и держать огород: ты посадил цветы, вышел в од

но прекрасное утро и видишь, что твоих цветов нет. Их сорвал мальчишка, который в это время продает их на рынке. Вот сколько мы старались с картошкой, и ее всю вырыли. В наше время ничего выращивать нельзя. А. А. сказала, что в 1942—43 годах А. Ф., поливая картошку по 4–5 ведер в день, нажил себе кровоизлияние в глаза и в тех пор стал терять зрение. В другой раз Лосев вспомнил, что у него тогда случился удар.

А. Ф. поручил мне сделать выписки из фрагментов Аристотеля, по которым они с Азой Алибековной напишут для Детгиза такую же, как «Платон», книгу об Аристотеле. А. Ф. в который раз рассказал легенду о моих первых никудышных рефератах (видит Бог, все, кроме одного первого, благополучно пошли куда надо) и о быстром научении и пообещал заплатить больше чем издательство в десять раз. Я на минуту было подумал о другой форме сотрудничества. История с аристотелевским томом Истории античной эстетики меня ничему не научила.

Меня ничто ничему не может научить. А. Ф. опять долго держал мою руку на прощанье, передавал приветы Ренате, всё в модусе и в роли, которую он живо переживает, разигрывая в шутку государственного человека.

**23. 9. 1978**. Поздравительная телеграмма Ренаты: «Нашему дорогому Гейдельбергскому университету…» Ее зачитывал торжественно Спиркин, на почте спрашивали, где в дачах открылся университет. — Рената в застольном разговоре о ком-то: «Скука, но не партийная».

А. Ф.: «Остроумно сказано».

Начало лета 1979. Я опоздал на защиту Гасана Гусейнова. Я ехал из «Мысли», в который раз перебирал возможности поворота дела[213]; наконец, меня оштрафовал в троллейбусе вежливый изувер, хотя я точно помню, что билетик купил и даже оторвал от него для экономии водителя лишь малую часть. В большую аудиторию на первом этаже после хождения по верхним коридорам и разузнавания я вошел уже только при заключительном слове Лосева — и сразу был зачарован, как пятнадцать лет назад, его голосом, дерзким, поднимающим.

«Одно дело миф сам по себе, другое — миф в каком-то своем инобытии. Это нагрузка мифа, которая самому мифу еще не принадлежала. Гусейнов умеет читать Эсхила таким образом, что форма и содержание как-то не различаются. Убедительно, ясно, с умением так хорошо сказать, что вопросов не возникает! Интересно, что образы Эсхила мифологичны и немифологичны одновременно. Сказать, что Эсхил сводится к художественным образам, мало. Образы искусства служат предметом любования. А у Эсхила образ есть и огромная жизненная образующая сила. Правда, на дворе уже 5 век и миф перестает существовать, однако миф составляет всё-таки еще мировоззрение Эсхила, и трудно сказать, где у него миф, а где не миф. Тут и не художество и не проза, и не миф и не реальность. Это и не просто искусство, и это не миф, и это не отсутствие мифа. После ознакомления с диссертацией я понял, что Гусейнов хочет еще раз развернуть и в сотый раз прочитать Эсхила. Теперь, после Гусейнова, мы знаем, что Эсхил это и не искусство, и не миф. Тогда что же? А

вот!., (загадочно и вызывающе). Это такая специфика, которая заслуживает изучения! Я тоже рекомендую развернуть Эсхила и прочитать его иначе. Еще близки тени прошлого, когда Эсхил излагался как? Содержание излагалось! Ну, разве что кто-то разбирал немного образы. Так как эти тени прошлого еще не ушли и так как еще есть тенденция излагать содержание — прошло 20–30 лет, как они ушли, но они еще не ушли, они еще летают между нами, — то я прошу вас: посмотрите, как поднялась

филология! Она ставит проблему стиля! Мы дошли до стиля! Даже мои профессора, они не занимались стилем. А? Почему? Время тогда еще не пришло. [214] А теперь пришло. Так что Гусейнов очень современный исследователь. Он изучает образы, символы, не знаю как назвать — судьбы; я не люблю этого словоупотребления и только по старинке им пользуюсь. Есть место, где судьбу, например, взвешивают. Судьбой является и сам Олимп. И есть мойры, богини судьбы, насельницы Олимпа, которые явно подчинены Зевсу. Я всегда объяснял это исторически. Раньше судьба считалась выше Бога. Потом было признано всемогущество Зевса, рядом с которым уже не было никакой самостоятельной судьбы. И, наконец, когда люди перестали бояться судьбы, она стала подчинена разумным обстоятельствам. Это тройное подразделение, тройственное отношение к судьбе структурно сохраняется, по-моему, до конца античности. — Тут мне хотелось бы уже задать вопрос Гусейнову, который выступает перед нами как крупный исследователь…»

Пока Гусейнов отвечал на лосевский вопрос в том смысле, что судьба это как бы и есть жизнь, снова севший на свое место в президиуме Лосев на вид заснул и словно ничего не слышал. Но после слов Нахова: «Вы удовлетворены ответом Гасана?» оказалось, что А. Ф. весь внимание. «Вот я скажу еще два слова. То, что ты сейчас возразил, относится к драматической специфике 5 века, а в общем, вижу, ты со мной согласен. И дай мне еще два слова, Исай. Не могу не повторить: Эсхил заново сейчас читается! Свежесть нового подхода! Из тысячекратно прочитанного текста возникает новый образ!»

Владимир, ты слышал только часть моего выступления? Жалко.

— Я заслушался. Вы говорили вне времени.

Все, и диссертант, и оппоненты, и Нахов, все говорили так скучно, вяло, что

даже мое обычное выступление показалось замечательным.

— Вам удается показать то, что другие только понимают: что мысль это драма.

## 1979

**17. 8. 1979**. Александр Абрамов спросил через меня мнение А. Ф. о краткой персоналии, подготовленной им для одного эстетического издания: «Г. И. Челпанов, ЭЛ. Радлов, Г. Шпет, А. Ахманов, П. Блонский, А. Лосев, П. Флоренский и другие остались после революции в России и принимали активное участие в научной и общественной жизни советского государства. Г. И. Челпанов долгое время был директором Московского психологического института. Позиция, занимаемая им, была такая, что допускала распространение марксистского мировоззрения на социальную психологию, но не на общую психологию. Последняя, по Челпанову, должна быть свободна от какой бы то ни было философии. В 1928 году на соискание звания академика был выдвинут ЭЛ. Радлов[215] (Известия, 1928, 5 октября). В системе ГОЭЛРО работал П. А. Флоренский, бывший в годы советской власти редактором и одним из авторов Технической энциклопедии. А. Ахманов и П. Блонский стали известными советскими педагогами, историками философии. А. Ф. Лосев, издавший много философских книг (Античный космос и современная наука, М. 1927; Философия имени, М. 1927; Музыка как предмет логики, М. 1927; Диалектика художественной формы, М. 1927; Диалектика числа у Плотина, М. 1928; Критика платонизма у Аристотеля, М. 1929; Очерки античного символизма и мифологии, М. 1930), в которых излагал свою философскую систему, представляющую собой своеобразную переработку философии Гуссерля на основе диалектических идей Платона, Плотина и Прокла, определенное отождествление феноменологии с универсальной диалектикой, которая и есть не что иное как собственно философия, эволюционировал в сторону марксистского миросозерцания и является в настоящее время гордостью советской историко-философской науки».

А. Ф. ответил опять через меня Абрамову:

«Дорогой Саша!

Ввиду глухого времени летних отпусков твой вопрос ко мне дошел до меня

только через несколько рук и только сегодня, 17-го августа. Отвечу тебе следующее.

1) Твоя общая оценка моей научной работы за 30-годы, вообще говоря, достаточная и правильная. Я бы считал только, что надо было бы пометить еще одну книгу моих тогдашних лет, которая имеет большое значение в истории моего развития. Это — Диалектика мифа, М. 1930.

2) Далее, меня интересует вопрос, будут ли характеризоваться в издании, для которого ты пишешь, 1940–1970 годы в истории советской эстетики. Если этого не будет, то к посвященным мне строкам нужно было бы сделать замечание в роде следующего: Историей и теорией эстетики А. Ф. Л. особенно много занимался в 1950–1970 годы, когда им был издан не один десяток трудов из этой области. Библиографию моих трудов можно найти в приложении к III тому моей Истории античной эстетики: Высокая классика, М., 1974, а также в посвященном мне сборнике Традиция в истории культуры, М.: Издательство Наука 1978, где мне посвящена специальная статья о моих работах по античной культуре.

3) На всякий случай сообщаю, что в эти годы мною изданы пять томов Истории античной эстетики, Эстетика Возрождения, Античная музыкальная эстетика, статьи по эстетике Р. Вагнера и ряд теоретических статей.

4) Если кто-либо пишет или написал о 1950–1970 годах, то небезынтересно было бы узнать, кто и что писал обо мне и ознакомиться с этими материалами, как ты дал мне возможность ознакомиться с твоими.

Если можешь, то прими зависящие от тебя меры. Лучше писать на мой московский адрес: 121002, Москва Г-2, Арбат 33, кв. 20 (письма мне привозят на дачу).

Прими от меня искреннюю благодарность за твое внимание к моей научной работе и за высказанные тобой правильные мысли обо мне.

С дружеским уважением

А. Лосев

Отдых

17 августа 1979».

И письмо мне:

«Дорогой Владимир!

Ты меня тронул своим дружеским вниманием к тому, что пишется обо мне в издании по Истории советской эстетики. Без твоего посредства я, живя на даче, вероятно, совсем не получил бы никаких сведений от ААбрамова. Так как на частный адрес письма доходят лучше, чем на учреждение, то мой ответ Абрамову я направляю именно тебе и прошу тебя передать лично А. Абрамову.

Еще и еще раз обнимаю тебя и шлю благодарность.

Мой изысканнейший привет передай Ренате.

Твой всегда

АЛосев

Отдых

17/VIII—79
Мой поклон Володе и Ренате
А. А.»

Да не мог я этого говорить! Что же, он не знает, что такое Лосев? Я же знаю всех этих богословов, и не из вторых и не из третьих рук.

# 1980

**13.1.1980.** Написал и не осмелился послать Лосеву латинский протест на его эллинистически-римскую эстетику. Почему так черно говорится о греческой скульптуре? о римском праве? о Плотине, якобы прислужнике жестокого монарха? зачем столько плохого о Западе?[216]

20. 7. 1980, воскресенье. Сегодня Валентина Ильинична Постова- лова была с сестрой Лидой и сыном Илюшей у Лосева. Печальное настроение у А. Ф.; но он рад, что «Валентина» приехала «просто так». Он был необыкновенно искренен, говорил, что ему хочется «ласки человеческой». Аза Алибековна переводила разговор на другое; она, очевидно, имеет основания бояться, что А. Ф. «заговорится».

Всю жизнь много работал, говорил А. Ф., и вот вышел даже шестой том, Плотин, а нет радости. Совсем другое нужно, ласка (в голосе горечь). В. И. заметила в нем беззащитность и открытость. В молодости, говорил он, брал темы непопулярные, за которые не брался никто, и так остался мало известен.

— А. Ф., какое в Вашей жизни время и событие было самое счастливое?

Ну что за вопрос! быстро вступила Аза Алибековна. А впрочем, А. Ф. сейчас скажет, что самое счастливое время у него было в гимназические годы, ведь правда, А. Ф.? Он мрачно воротит голову.

— Что же помнится Вам, А. Ф., как самое счастливое?

Но ведь правда, что гимназическое время? вновь перебивает А. А. И после выразительной паузы А. Ф. говорит: Правду сказать нельзя. А если придумывать, что сказать, то получится — брехня. Позднее он все-таки сказал, что самое «сильное счастье» знал, когда отстаивал всенощную в монастырях,

длившуюся несколько часов, и еще, такое же счастье, когда слушал Вагнера.

Говорил о связи между музыкой, философией, математикой. И музыка, и математика обходятся без вещественного; высокая философия тоже. Во мне погибли математик, музыкант и оратор.

— Рано ли помнит себя А. Ф.?

Рано, с трех лет, но тут заслуга не памяти, а другое: ему навстречу шла женщина с кастрюлей кипятку, и случилось несчастье. Месяц его держали в оливковых ваннах. Вот такое первое впечатление ребенка. Поскольку вся семья были музыканты, он мог бы пойти по музыкальной линии, но, повторил несколько раз А. Ф., исполнительство мне не врождено. А на

скрипке играл с 8 лет.

Принесли клубники, и опять: «Хорошо, что вы приехали низачем. Это вот хорошо. Мне нужна ласка. Вот за что мне нравится Валентина? Просто так, ни за что».

— А. Ф., скажите, для чего нужна философия, когда есть религия?

Религия всеобъемлюща. Философия нужна для ее осмысления.

— Как Вы относитесь к другим религиям? Что Вы скажете, когда в Христе видят йога, показавшего часть своих умений?

Христос высшее; при Его божественности в Нем в полноте сохраняется человеческое я, и здесь ценность. В христианстве на первом плане человек и Бог, особенно в православии. В католицизме берут верх чувственность и психологизм, стихия души; душонка всегда плачет, пищит, сопротивляется, но есть более надежная реальность. Ум, он постоянен и надежен, а что такое страсти? К религии самый прямой путь ведет через ум, а не через чувства; эмоции, чувства непостоянны, ум не подведет.

— Почему Вам нравится Вагнер?

Вагнер первый передал катастрофу западного человека. Катастрофу этой жизни, когда человек по заведенному порядку встает, ест, пьет, спит… Последняя бездуховность. Разговор перекинулся на Прокофьева, и о его популярном вальсе, часто передаваемом по радио, Лосев отозвался как о воплощенном в музыке сне наркомана.

Валентина Ильинична шокирована абсурдной стилизованной отрешенностью многих верующих людей, жутким оптимизмом настроения, которое хоть сейчас готово к смерти как желанному покою. У высоких людей

верующих, наоборот, натура, дух, не дающий им искусственно успокоиться. У Лосева она как раз не заметила этого дурацкого оптимизма, когда радуются приближению смерти; только простая трагичность; Лосев на редкость целостный человек. Бывает гордость духа, требующая умерщвления плоти, а Лосев целостный, двухприродный. Грусть у него как у настоящего земного человека, необратимая. Осмысляя, она думает, что слова о шестом томе были сказаны А. Ф. из-за подавленности; в действительности он не так уверен, что не рад. «Я написал 350 работ — и что толку? Счастья у меня нет». «Но если бы Вы их не написали?» «Ну, может быть, было бы хуже».

У него с Азой Алибековной, заметила В. И., очень разные природы. Конечно, А. А. ежеминутно ему необходима, она продолжение его тела, но духовно, кажется, он очень тоскует по своей первой жене; видно, он знал минуты созвучия с ней[217].

Лида (она практический психолог) заметила, что любая другая, даже неграмотная женщина поняла бы, что меланхолику надо высказаться; Аза Алибековна — нет. Оттенок в их отношениях: Аза Алибековна, наверное, ценит его как памятник, но, главное, он для нее рабочий человек, которому нужно создать условия. Она не душевная.

— Алексей Федорович, Вам нравятся маленькие дети?

А. Ф. охватил руками Илюшу, и В. И. удивилась красоте этих рук, длинных пальцев. «Не знаю»; наивно, беспомощно так сказал. У А. Ф. жестокие ревматические боли. Молодой человек массажист, очень опытный, позволил себе эксперимент, массаж «по корешкам» при боли и несмотря на боль. А. Ф. молчаливо терпел. Через некоторое время другие врачи указали на то, что при боли, во время ее обострения, массаж противопоказан.

А. Ф. занимается с Сашей (Столяровым) дважды в неделю, в воскресенье раз, в какой-то другой день второй раз. В. И. послушала даже однажды, как он диктует: ровно, и с точностью до запятой. «Во мне погиб оратор; а ведь люди с других курсов приходили послушать мои лекции.»

Валентина Ильинична однажды проводила к А. Ф. врача. Пока Валерий Иванович пошел говорить с ним в особую комнату — и они там долго о чем-то

говорили, — Аза Алибековна осталась с ней. Занимая ее, она заговорила об А. Ф., сказав внезапно, что по ночам он молится и плачет. И в этот раз Валентина Ильинична спросила А. Ф., как он чувствует связь с Богом? как Бог его поддерживает? не знал ли он духовных откровений? Нет, ответил А. Ф. Религия должна стоять на интеллектуальной основе.

# 1981

**11. 7. 1981.** Последнее время я сразу в нескольких делах понадеялся на себя больше чем имел для того действительных оснований. Получился целый ряд тревожных огорчений, хотя, признаться, в глубине души было и какое-то чувство успокоения: человек так любит определенность, предел, что рад даже сознанию предела своих сил и возможностей. Так или иначе, мне случилось и раз, и два подряд оттянуть свой приход к Лосеву. Как же было радостно увидеть, что они не сердиты! Лосев любезно меня выслушал, как он всегда слушает, даже с жадностью, крепко запоминая, — я рассказал о своих бедах с Петраркой. Они спросили почему-то об ученых степенях Ренаты, и когда оказалось, что таковых нет, то А. Ф. предложил мне самому написать за нее текст, и тему назвал: Юркевич, чистый идеалист, но совсем безобидный, в отличие от Соловьева и Розанова. Недавно я взялся писать о Розанове в «Историю эстетики», по наивности даже не задумываясь о том, какой злобой окружено это имя. Алексей Федорович посмеялся над моей неполитичностью и очень точно припомнил историю моего изгнания из трех высших учебных заведений, где я пробовал обучать молодых людей — Бог знает чему. Рассказывал он, как всегда, с актерским мастерством и создавая впечатление упорной, занудной наивности. Ни о чем плохом я студентам не говорил — так, получалось у него, отвечал я обследовавшим мою работу старшим преподавателям, — а только о политике и экономике, об экономике и политике.

Алексей Федорович тверже меня помнил, что завтра 29 июня, праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и прочел тропарь, «Апостолов первопрестольницы, вселенныя учителие, Владыку всех молите, мир вселенней даровати, и душам нашим велик) милость».

# 1983

**15. 2. 1983.** Лекция Лосева о мифе в малом зале Дома литераторов. Рената дала ей название «Борьба за миф». Первым говорил Арсений

Владимирович Гулыга. Рядом сидела Андреева-Выхристюк и, боюсь, слышала, как я сказал о риторике Гулыги каша. А. Ф., ему в этом году будет 90 лет, говорит, как всегда, вызывая, вытягивая зал, даря ему свою молодость:

Надо еще сначала приучить себя к мифу. К «Фаусту». А то мы, собственно, до сих пор относимся к нему несерьезно. Все говорят о мифах и никто не говорит, что такое миф. За этим словом большинству рисуется какая-то фантастика Гофмана. Ну и что толку? У Гофмана, конечно, полно мифа, но объяснения, что это такое, мы там тоже не найдем.

Мощная мифология «Кольца Нибелунгов» с золотом Рейна, с валькириями реальна. Это исступленное пророчество гибели капитализма. Когда золото поднято со дна и пошло по рукам, стало ясно, что пока оно не будет возвращено Рейну, не будет покоя. Вальгалла пылает мировым пожаром, потому что идет неудачная эпоха человечества. Тут у Вагнера невероятная мифология, революционная, провидческая; предрекается гибель мировой власти золота.

Или возьмем начало 20 века. Царят декадентство, эстетство. Но опять же, например, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда — ведь это сплошная мифология. Пороки, чудом оставляющие нетронутой внешность порочного человека, отражаются на его спрятанном портрете. Искусство однако побеждает. Портрет в конце концов снова сияет своей нетленной высокой красотой, а человек видит себя чудовищно обезображенным своей отвратительной жизнью. Это конечно миф.

Продолжая свою пропаганду и агитацию, скажу и о русской литературе. Самая строгая, крупная классика в ней полна мифологизма. В «Медном всаднике» изваянный всадник начинает гнаться за несчастным бедным Евгением, и это полноценный миф. А Гоголь? А Лермонтов? А «Бесы»? Существует ли историко-мифологический анализ этого произведения? Дмитрий Дмитриевич Благой смог бы нам ответить на этот вопрос. А я не знаю. Я чувствую в этом романе что-то такое великое, что-то страшное и что-то крупное. Но проанализировать сам эту вещь я не берусь.

Ранний и поздний Гоголь, разве он не один и тот же? Если сказать откровенно, то можно ли считать «Мертвые души»

произведением бытового реализма? Например, Собакевич. Да ведь это же душа\

Мертвая душа! Это, товарищи, мифология. Гоголь кружится здесь вокруг мифологии. А Тургенев? А Щедрин с фаршированной головой градоначальника? Голову чинили и удалось, починили. Это вам реализм? Мифология? Это одновременно и реализм и мифология! Да да да, одновременно!

Мало вам, может быть, Салтыкова-Щедрина? Возьмем Некрасова. Это уж не так далековато от нас. Как-то проходят мимо его произведения «Мороз-Красный нос». Напомню вам, о чем там идет речь. Роскошный зимний лес. Мороз хвалится: какая красота, всё блещет. А бедная женщина умирает в это время от тоски и от голода и от усталости. Мороз оборачивается ее мужем, и в этих объятиях деда Мороза несчастная женщина умирает. Бесправная забитая

уничтоженная женщина

погибает

умирает

замерзает.

Некрасов хочет донести до нас, насколько природа равнодушна к человеку. Как показать эту великую идею? А вот как! Через миф! И в «Железной дороге», там тоже покойники встают с мест. Они, покойники-то, лежат в могиле, сырые холодные голодные

столько потерявшие бесправные.

Они обличают мировую неправду. Тут же выкатывают вполне реалистическую бочку вина, кричат ура — а покойники-то рядом! Или возьмите «Кому на Руси жить хорошо». Там среди беспросветной жизни единственное утешение — скатерть-самобранка, опять же миф. Да мы ведь реалисты, мы соцреалисты! Но мы должны признать: рядом с реальностью в литературе живет миф.

В «Братьях Карамазовых» Иван Карамазов ведет разговор с чертом и ругается на него: ты кто, ты никто, ты моя дрянь ты моя мерзость

ты моя пакость ты моя гадость ты моя галлюцинация иди вон.

Такие разговоры с самим собой дело психиатра, да. Но ведь я не психиатр, и вы, и другие читатели Достоевского не психиатры. Литературовед не обязан быть психиатром. Важно осмысление факта, а факт в том, что человек дошел до крайности самосознания — и оказался внутри мифа. Всю гадость, всю пакость своей души он выволакивает наружу. Индивидуалист, гордый, дошел до исповеди своей гадости, своего ничтожества. Он переживает предельное состояние, но где? Разве в реальности?

У Достоевского всё выглядит как сон: стакан после разговора с чертом стоит на столе, никто никакого стакана, оказывается, не бросал. Величайшее духовное осознание своей мерзости и исповедь совершаются — внутри мифа.

Давайте теперь возьмем что-нибудь поближе — да, 20 век. Ну хотя бы такую вещицу как Куприна «Молох». Опять миф, причем странный. Чудовище беспощадное, человеконенавистническое вторгается в совершенно обыденную реальность среди бела дня.

Уже в советское время жил такой замечательный мифолог, как Александр Грин. И эту мифологию исследователи сейчас оценивают очень высоко.

Вы ждете, что я скажу вам о Михаиле Булгакове? В отношении его много разногласий, его можно критиковать, но мифологии у него не меньше чем у Гоголя, и его Воланд это все равно что гоголевский Вий.

Дальше. Фантастический роман ведь тоже мифология. Люди летают на Марс и производят там революции.

Много других примеров можно привести. Я не буду этого делать. Я выставляю тезис: и после Средних веков не было эпохи, школы, писателя, который не отдал дань мифологии. Эт-та штука не умирает — столетиями!

Так будьте добры, изучите миф. Ну, в древности всё ясно, с них нечего брать, там Зевс, Юпитер. 19 век к нам ближе и сложнее: Каин, Гофман, Рихард Вагнер — всё полно мифа. Пока мы не отдадим себе отчет во всем этом, нечего думать об определении мифологии.

Я дал несколько жалких, несовершенных примеров. Теперь скажу о задачах перед нами.

(1) Надо выяснить специфику мифа. Это не сказание, не культ, не религия. Хотя, с другой стороны, бывает ли религия без мифов? Вы скажете, у Льва Толстого? Он выкинул всю мифологию, всю фантастику; вот вам, казалось бы, религия без всякого намека на миф. Что же получилось в результате? Мистика рисовых котлеток, мораль, гигиена, но не религия. Мораль одно, религия другое. Религия не мифология, но ее нет без мифа. Словесность не мифология, но и ее без мифа нет.

Теперь приведу пример, противоположный Льву Толстому. Бог войны Арес у Гомера бегает вокруг сражающихся под Троей и хохочет от удовольствия. Абсолютный имморализм. Вот вам миф без морали.

Мифология, повторяю, не религия, не мораль и не фантастика. Мифология есть воплощение действительности. Чеховский «Вишневый сад» это мифология. «Вся Россия есть вишневый сад» — стало быть, дело не в вишневом саде, а в

России. Страшный период, абсолютно катастрофический, мировой, космический период рисует в своем вишневом саде Чехов. Тут субстанциально выразилась гибнущая Россия, гибнущая феодальная Россия. На взгляд какие бытовые люди в этой пьесе, какие у них мелкие страстишки, делишки, и всё равно: перед нами высокая мифология, без фантастики. А Москва, о которой мечтают три сестры? Она тоже миф.

Григорий Мелехов в «Тихом Доне» видит черное солнце. Это миф.

У меня был приятель, Михаил Павлович Анциферов, который целую диссертацию защитил «Петербург Достоевского». Где существует этот Петербург? А Нью-Йорк в изображении Горького? «Город желтого дьявола…» Петербург миф, Москва миф, Нью-Йорк миф, и другие города тоже миф. А земля? А эфир?

Творец из лучшего эфира
Создал живые струны их.
Они не созданы для мира
И мир не создан был для них…

Между тем эфир — одно из центральных понятий аристотелевской

философии. Вы думаете, греки имели представление о фантастике? Для них миф был абсолютная реальность. Поэтому я предложу вам пробное определение: миф есть субстанциальное объединение идеального и реального; он есть сама вещь, в ее сути.

(2) Надо осмыслить универсальность мифа. Ему мало отразить жизнь, ему надо исправить ее, для этого нужны общие понятия, и миф постоянно обобщает. Чуть побольше обобщить реальность — и это уже будет миф.

(3) Мифология есть один из типов реализма, есть и другие. Надо понять, какой именно реализм мы имеем в мифологии.

Вот вам первоочередные задачи.

В заключение приведу одно любопытное суждение Маркса. Возьмем этот стол. Как только стол выходит на рынок, его деревянная башка начинает строить планы, начинается пляска, свара. Тут люди вступают в борьбу, сражаются, умирают. Только старая мифология религии способна отобразить всю фантастику, которая происходит со столом после того, как он стал товаром. Марксу принадлежит термин «товарный фетишизм». Выходит, самое обыкновенное движение товаров на рынке может быть изображено только с помощью мифа. Маркс тут, по-моему, прекрасно понял мифологический метод, и понял, как надо им пользоваться.

О мифе сейчас начинают пописывать, поговаривать. Надо

усилить эту тенденцию. Надо отнестись к мифу интимно. Надо работать, работать и работать.

Товари-щи!

За работу!

Лосев произносит эти слова неожиданно плачевно, надувшись как обиженный ребенок.

**7. 4. 1983.** Во вторник 5. 4. 1983 я позвонил Азе Алибековне и предложил занести моего недавно вышедшего Петрарку. В тот вечер они гуляли в арбатском дворике, значит, всё относительно хорошо. А. А. пригласила меня на четверг, и сегодня я зашел к ним около 2. 30. А. Ф. сидел в кабинете и тепло меня приветствовал; я принес еще сборник «Утопии» Вики Чаликовой со статьей Ренаты о Шестове. Говорили (А. Ф.) о страхе Запада перед нами, о высылке (я) 47 человек из Франции, о новой книге Оливье Клемана. «Да разве есть там на

Западе теперь ищущие? Они только дрожат перед нами». А. Ф. спросил о Сахарове; потом о Солженицыне.

Весь их Арбат разрыт. Это объясняют водопроводом, но, как догадывается А. Ф., это подземные улицы. Говорили (я) о том, как судьба — зажатость между Европой и Азией — диктует нам, поверх нашей воли, неохватные задачи.

Лосевы подарили мне №№ 4, 8 и 12 «Студенческого меридиана» с диалогами, которые А. Ф. ведет с воображаемым студентом Чали- ковым — по-видимому, современным искаженным человеком. Наверное, в них содержится какое-то страшное проклятие, но всё так запутано, что мне понравилась только фраза о том, что как любовь тайна двух, так общество тайна трех и более[218]. Ирина Бенционовна Роднянская припомнила, что это из русской религиозной философии, кажется, из Булгакова, которым она занимается. Я прочел все три статьи на следующий день, и у меня было то впечатление грязи, от которого Андрею Лебедеву, как он говорит, приходится страдать несколько дней после чтения страницы Лосева.

А. Ф. поручил мне — к сожалению, я сам вызвался при первом намеке — изложить книгу итальянца Содано о «Письме к Анебону» Порфирия. О Порфирии я уже писал для А. Ф. в 1981.

**12. 4. 1983.** Я пошел к А. Ф. только прочитав итальянца, но не сделав реферат — не хватило времени, потому что 10 и 11 апреля было двое суток (и ночью) сплошной чистки Гумбольдта, из Тбилиси приехал Гурам Валерьянович Рамишвили. Я оправдывался перед А. Ф., что не знаю как подступиться к Содано, что было правда. Взявшись сгоряча по старой памяти за реферат, я скоро почувствовал обычную сухую горечь, как во все последние годы моих «изложений». Думать, что моё сырье опять

прямо пойдет в книгу, было невыносимо. А. Ф. обиделся и рассердился, как всегда в подобных случаях (почему, кстати сказать, их и было-то очень мало). Он выслушал мое устное изложение, оно ему не очень понравилось, потому что противоречило его концепции: философский экстаз у Порфирия вместо, как А. Ф. считает, его растущей религиозности. Сказал, что диктовать ему не хочется, что скоро придут аспиранты для занятий. Всё спуталось,

я был смущен и согласился всё-таки изложить на листке то, о чем рассказывал устно. А. Ф. вышел. Всё вернулось на десять лет назад. С мучениями я написал грубое и небрежное нечто, с четвертого приступа, и прочел ему. Перед этим звонила маленькая Рената, и А. Ф. не понял, в чем дело, понял только, что суета. Как он этого не любит. Я поцеловался с ним на прощанье, не попрощался с Азой Алибековной и бежал.

**6. 11. 1983**. Сон. Я и Лосев стоим, как над надписью на земле, над словом Геркулес, и я говорю с восторгом: ведь это слово — фотография! и вижу, что он таинственно и благожелательно улыбается, словно услышав свою заветную мысль. Живому уму отвратительны все эти подсовываемые ему знаки, которые внутри пусты; ему нужен загадочный намек, задача, вопрос, тайна. Геракл — таинственная фотография, она близка к заглядыванию в темное от блеска лицо Бога.

**21. 11. 1983**. «Античность как тип культуры» в Доме ученых, вокруг А. Ф. Лосева. Князевская: выдающийся ученый нашей страны. Гулыга: он представляет (с яростью) целый спектр! научных дисциплин. Благородный пример: журнал в ГДР поместил рецензию на его книги.

Лосев: моя тема «Философия культуры и античность» сформулирована слишком широко, но это нарочито, чтобы указать круг работ. Мы не выносим оголтелого позитивизма. Указание на факты — скажем, какой-то физик любит поесть или попить — мало что дает. О культуре можно говорить что угодно, но условимся, что такое культурные факты. Мне хотелось бы начать с теории. Для культуры надо установить принцип деятельности, модель как закон для всего, структуру. Я хочу в этом плане говорить об античной: рабовладельческой культуре. Михаил Александрович Дынник писал предельно ясно: Платон хотел запутать мозги рабам. Но что такое раб? Об этом говорится очень мало (Ира: об этом мы все хорошо знаем). Опишем раба: он instrumentum vocale (Рената: единственный сторонник и настоящий теоретик марксизма), самодвижная, самодовлеющая вещь (Ира: так же он скажет о космосе). Рабовладелец тоже лишь момент человека и личности, у него нет опыта личности, есть

лишь интеллект (я: обращение к аудитории?). Интеллект этот, конечно, очень богат, если сравнить с феодализмом, капитализмом, социализмом

(Ира: смеется над нами). По Энгельсу, рабство принесло первое разделение труда. Сам человек свободен, и греки классические спорщики, потому что они уже не работают. Их интеллект и мышление в себе, и превращение всего окружающего в мышление.

Мы должны раба и рабовладельца объединить уже потому, что в полис входят и рабы. Будем же объединять. Раб есть вещь, какая? Космос. Вещественный. Космос чувственно-материальный как живое существо есть создание рабовладельческой культуры (Ира: sic!). Это и самодвижный космос, который приводит себя в движение сам. Кроме этого космоса рабовладельческая мысль ничего не признает. Факты (издевательски) требуют… Этот космос есть еще и интеллект (Рожанский сидит закрыв глаза).

Такой космос, товарищи, это и есть то, что мы называем мифологией. И я хочу сделать марксистско-ленинский вывод: такое мировоззрение есть пантеизм. Боги здесь результат обожествления сил природы, а не какой-нибудь абсолютный дух; они слитны с материей, в которой есть недостатки. Так из базы, рабовладения, возникает надстройка, пантеизм.

Мне часто говорят: товарищ Лосев, вы слишком снижаете античность. Разве космос материальная чувственная вещь и больше ничего? Все такого рода возражения идут от христианизации античности или делаются с точки зрения новоевропейского субъективизма. Никакой теории абсолютного духа в античности не было. Разве Платон не говорит о том, что нужно подражать звездам, космосу? Говорит идеалист! Даже наибольшие идеалисты были лишены абсолютного духа (Ира: его как на ковер вызвали, в ЦК). По Энгельсу и Марксу, греки были нормальными детьми. Плохо и неприятно, когда ребенок кажется слишком взрослым. Для ребенка мир это его комната, или две, или целый дом, потом двор и так далее. Человечество дошло в конце концов до того, что человек населяет всю Землю. А Земля микроскопический шарик! Вот где наш дом! Для греков дом был звездное небо. Лосев не унижает греков, он просто любит детей. Не хочет вернуться в детство, а любит детство, если оно было нормальным. Дети и таблицу умножения не всегда знают. Надо любить греков за эту наивность. Рабовладение тоже наивный способ производства. Вы сравните его с теперешним: машинист двинул одной рукой поезд в сто вагонов. Конечно у нас более высокая культура. Но там было детство человечества. Мне

говорят: что это за античные боги, глупые, порочные? А мне

всякое детство нравится. Всё там стоит на чувственном восприятии. Земля, вот она; дальше звезды; за ними ничего не видим — и нет ничего! Как ни глупо, как ни наивно, я это люблю.

Но величественный Парфенон? но Платон и Аристотель? Эсхил, Софокл? Еврипид? Да. Вся эта красота и великолепие имеет под собой отвратную рабовладельческую базу. Вишнёвый сад что-то очень прекрасное, на него бы любоваться. Но в пьесе Чехова есть один герой, Петя Трофимов, который говорит, что все эти листики держатся на крови и поте крепостных. Да. Ничего не поделаешь. История трагична. Парфенон? Да. Страшная трагическая диалектика. А наши розы, наши жасмины разве не на навозе? Вы этому не удивляетесь. А почему же вы удивляетесь, узнав то же о культуре?

**12. 12. 1983.** Девяностолетие Лосева в Ленинском институте. «Ломовая лошадь науки, ходившая в упряжке от зари до зари», он о себе. Спиркин опоздал. Полная аудитория. Официальные хвалы. Аверинцев и Михайлов прямо напротив Лосева в первом ряду. Гулыга: хвалы, дерзание + философия = служение истины. «Диалектика мифа». Некоторые античники рядятся в античную тогу, другие, знатоки Ренессанса, думают, что они уже вскарабкались на высоту. Нахов: пустое. Лосев не философ, а главное филолог. Нахов после долгого говорения: «Известно изречение, что краткость сестра таланта» (горячие аплодисменты в аудитории). Карпушин: Арсений Гулыга прав, действительно Лосев это наша национальная гордость; но он и в мире один единственный и неповторимый. Палиевский (посытел, покруглел): в знании проснулась мысль, разобщение преодолено. Вот типичный немецкий профессор, одним словом Гегель. А между тем, никогда не открещивавшийся от Гегеля, это донской казак, где возникли «Тихий дон» и «Слово о полку Игореве», ничем не поступившийся. Исток диалектики Гегеля, Шеллинга и меньших братьев присутствует в Лосеве; вспомним о Константинополе, где впервые встретились Восток и Запад. Плоды трудов Лосева и в истории античной литературы, изучением которой у нас руководит Сергей Сергеевич Аверинцев. И в Возрождении. И всё же каждая эпоха для Лосева частность, он возвращает нас к основному стволу человеческой мысли, смысл движения которой еще не решен.

Борьба в невидимой области духа ведется с большим ожесточением чем вооруженная борьба. Кто-то пытается заменить ствол, отменить его в пользу плюралистического разнообразия. Алексей Федорович сильно и активно участвует в этой борьбе. Еще в послесловии к Хюбшеру он написал: «Некоторым всё еще кажется, что центр в Европе. Прогрессивное человечество думает

на этот счет иначе». Обращается с поздравлениями к юбиляру: у Вас всё есть, и жена, друг, соратник и помощник, и труды, и библиотека, разгромленная варварами, как александрийская, но не в пример александрийской восстановленная. Степан Иванович Шишаков: не помню юбилея без лишних преувеличений, но здесь любые преувеличения уместны. Мы за 40 лет работы всегда считали Алексея Федоровича учителем нашим (кричит). Дорожа здоровьем А. Ф., наш факультет хочет на этом остановиться. Огородникова от Союза писателей: текст моего приветствия опубликован в «Литературной газете»; в области теории перевода у нас нету учителя такого масштаба, как А. Ф. Владимир Лазарев, писатель: Лосев принадлежит русской культуре; он интеллигент, и хочу, чтобы все специалисты превращались в интеллигентов. То, что он не академик, возможно, знамение времени; возможно, это к его чести. Обратившись к А. Ф.: Вы рождаете в нас чувство устойчивости и надежды, что русская культура выживет; явившись на изломе времени, Вы видели и гибель и возрождение классической филологии; передаю Вам привет от Георгия Васильевича Свиридова.

Другие говорили, что Лосев чудо нашего времени, открыл нам Платона, которого мы до него не знали, великий деятель русской культуры, выдающийся советский историк и одновременно историческая личность. Леонард Максимов: помню 1953 год, Калошин переулок; мы чувствовали пульс, живую связь времен; за какие-то два часа занятий выходили обновленными, отказывались от суеты жизни; мы не становились философами, но выходили людьми. Николай Федоров приветствует на латинском и А. Ф. сразу отвечает ему так же. Уваров из Белорусского университета читает стихи. Студент Скупцов жалуется, что Арсений Гулыга и другие украли у него почти всё, кроме одного: А. Ф. музыкант, скрипач; чистота звука поразительная, нигде ни промаха, бесконечная глубина; он служил не только истине, но и любви к красоте: мы ждем от него еще много и много книг; молодежи нужны однако и его ранние книги.

Аверинцев вышел с красными гвоздиками[219]. Столович из Тартуского университета читает тоже на латыни «несовершенные стихи», Лосев отмахивается от этой характеристики платком, левой рукой. Платон, Аристотель, Вагнер, Владимир Соловьев, продолжает Столович, соединились в А. Ф. Пусть другие мера всех вещей, но он мера духа. Он выстоял… как музыка и как античный космос. Есть имя, что звучит как звание, Лосев. Чертихин от издательства «Искусство»: мы Вас любим и готовы страдать с Вами и дальше (хорошая ядовитая злость Москвы,

здоровая сплетня, доносящая всё до всех). Рождественский (веселый, сладко улыбается, но shabby, уже дряхлый): «Толчок, толчок…»; потом зачитывает поздравления Поспелова и Журова своему младшему современнику. Виктор Ноевич Ярхо (говорит, как бы падая вперед): некоторые студенты мечтали бы прикоснуться к Вам, как к папе римскому; у Вас преимущество, с папой не спорят, сказанное им вне обсуждения, ipse dixit; Ваши труды provozieren, этим они награда для ученого, хотя многое в них спорно (обнимает А. Ф., смеется).

Кессиди жалеет: древнегреческие философы не имели Вас среди себя; неделю назад я вернулся из Эллады и принес этот скромный лавровый венок (надевает; Лосев через полминуты снимает; Аверинцев и Михайлов аплодируют как сумасшедшие). Я воздух привез оттуда, дух Эллады! Греки просили передать Вам: ερροxσο! А вот кусок мрамора от храма Ники, который я добыл, сильно рискуя; если я не смогу прочесть, то тут Аверинцев, но кажется, что сказано: нет ничего дороже свободы (А. Ф. напряжен и сосредоточен, Аверинцев кисло и остро полуулыбается, наклоняясь вперед). Григорий Петрович Калюгин, поэт: «Вы гордо поднимались на Голгофу, но путь в Каноссу — это не для Вас… Не угашайте духа, Дон Кихоты!». Татьяна Вадимовна Васильева (уже очень располневшая): «В моем лице выступает древнелатинская поэзия…» Леонид Лутковский, изящен, красив, прекрасно одет, черная борода: от Киевского государственного университета, кафедра классической филологии, тоже на латинском языке.

Читают правительственные телеграммы, в том числе от зам. министра

просвещения, от министерства высшего и среднего образования Литовской ССР. Работы Лосева выдвинуты на соискание Ленинской премии на 1984 год. Приветствия от центра по проблемам Ареопагитик в Тбилиси, от семинара славистов Франкфуртского университета, от Александра Ничева из Болгарии, из Марбурга, Италии, из Магдебурга, от «Советской энциклопедии».

Встает Лосев. Не буду говорить о похвалах. Ни о себе. Пришли отметить юбилей сотрудника? Но сотрудник сегодня есть, завтра его нет. А наука-то вечно молодая. Так что не просто отметить сотрудника: мы поклоняемся перед наукой вообще, которая не знает возрастов. А отдельные Лосевы? Только наука есть вечная молодость, и, как напоминает Бенвенист, оба, вечность и молодость, входят в понятие aicov. Корень этого слова тот же, что — юн, и он же в iuvenis. Оказывается, индоевропейские народы считают, что вечность есть молодость.

Малое дело, что жизнь длится; главное, что есть вечная молодость. Возражения отпали. Наука есть вечная молодость. Вот вам завет умирающего Лосева: если хотите быть вечными и молодыми, занимайтесь науками, до старости, как Ньютон, как Менделеев. Настоящая наука не знает возраста. Она неувядающая, требовательная, возрождающаяся. Наука величественная дама, которую я почитаю издалека.

О, не уходи, единая и верная…

Тут говорили про количество моих работ. Но эти 450 статей кто печатает? Если бы Лосев не находил отклика, было бы такое возможно? Нет, Лосеву есть за что благодарить наше советское руководство. Я — поэтому — и—благо — да — рен…

Сказал дрожащим голосом и сел. Плачет. Платок синенький к глазам, левой рукой, тот, которым обмахивался. Все долго стоят и очень серьезно хлопают. Последнее слово он произнес так, как у меня записано, с надрывом и слезами. Так могла сказать Марина Фридриховна[220]. В этом была загнанная, смертельно обиженная душа.

# 1984

**2. 5. 1984.** Сон. Лосев, он ведет себя сложно, как отец в «Осуждении» Кафки.

Нервно подходит он ко мне, целует и спрашивает как бы безумно, но потом я понимаю смысл слов: «Скажи мне, кто же я, в конце концов, Лютер или просто Иван Дмитрия Рожанский?»

**15.11.1984**. Лосев Джимбинову: сколько лет ты имеешь дело с советскими издательствами? — Ну, лет шесть-семь. — А я шестьдесят семь, так что сиди. Ты сиди и помалкивай; ты не знаешь, что это такое. А. Ф. жалуется, что 68 авторских листов 7-го тома его «Эстетики» год бездвижно лежат в «Искусстве». Он мрачен, вспоминает историю с «Соловьевым»[221]. Думаю, с тайной радостью. Он достиг.

**22. 12. 1984.** Празднование 50-летия кафедры классической филологии, 9-я аудитория МГУ. Долго читали поздравления. 10 минут говорил А. Ф. Лосев, потом он сидел задумчиво, внимательно прислушиваясь — наклоняя слегка набок голову, потирал руки, держа их перед лицом. Наука классической филологии, сказал он, от своего возникновения в 14 веке не сводится к словарям и пособиям, тем ранним людям был важен культурный космос как единая скульптура, что вдохновило и породило огромную литературу 19 и 20 веков. Одна классика это мелкота, нужна тонкость работы + эта интуиция космоса. Аверинцев, Гаспаров, Федоров работают красиво и тонко, Савельева — красиво и тонко. Поэтому не надо петь в студенческом гимне gaudeamus igitur, это глупая радость; и зачем говорить juvenes dum sumus, когда мы можем быть молодыми всегда когда хотим. Надо петь так:

Laboremus igitur cum gaudio Dum homines sumus vivi.

# 1985

**23. 1. 1985**. «Дорогие Аза Алибековна и Алексей Федорович! Благодарю за 'крещенское послание'. Я этого номера 'Правды' с беседой Алексея Федоровича раньше не видел, хотя много разговоров слышал. Конечно, вместо Луначарского 'замечательным лектором' можно было бы назвать для примера Федора Степуна, а вместо 'безумных крайностей буржуазно-капиталистической цивилизации' сказать просто — 'технической цивилизации', цензура бы вполне допустила. 'Материалистическое понимание истории' и 'классовый враг' — тоже лишний

кус сторожевым собакам, как бы их не перекормить, они ведь и без того уже сыты. Но в целом в газете для таких миллионов, наверное, в первый раз послышалось сильное и веселое слово бодрого ума. Оно сказано человеком, 'имущим власть' и умеющим поставить на место косную материю. Между прочим, Алексей Федорович, если бы был менее скромным, имел право назвать интервьюерам еще одну причину своей 'высокой работоспособности': долг, вызванный его единственностью. Если бы он не говорил и не писал, то некому было бы вот так ворожить и колдовать мыслью и словом. Или, вернее, голосом, потому что у Алексея Федоровича всё начинается с интонации. — В.

Поздравляем с прошедшими праздниками и желаем здоровья и вдохновения, вдохновения и здоровья. — Р. и В.»[222]

Моя запись в тот же день: Лосевы прислали «Правду» от 17. 1. 1985 с «беседой» Лосева, пометив 19. 1. 1985. Какое Крещение? Я перелистал свои записи, 15 лет. Могло быть больше, но я отдал свою тетрадь, где записи были вперемешку с греческой грамматикой, красотке-аспирантке. Уже тогда, в 1966, я «заедал», сбивал свои увлечения. Негде было жить. Я сбивал их и в 1956. «Состарился, а жить не уставился». Не сумел примирить растительное с огненным. Больше думал всё-таки о растительном. «Берег себя». Я смущал и провоцировал Лосева. До действительного понимания, на которое он все-таки был способен, мы не дошли. Впрочем, такое понимание у него, кажется, и ни с кем не сложилось. Когда я чувствовал его возможность в 1970, 1971, почему я не расстраивался, не горевал, что оно не сбылось? Понимание, чувствовал я тогда, это много, это достаточно. В таком тепле может вырасти мысль, школа, культура. Но мне мешала семья, ему издательские интересы. — Я сразу написал Лосеву, что он, боюсь, перекармливает сторожевых псов, но в целом всё у него — свежо, круто, бодро.

**1. 2. 1985**. В МГУ выступали Лосев — о важности переходных Боэция, Макробия (старый мастер, филологический волшебник), Гаспаров о старшем Ярхо, Аверинцев опять о риторике, Пиама о Фоме Аквинском.

## 1986

**27. 9.1986**. Джимбинов и Аверинцев были у Лосева на Отдыхе, рядом с домом Спиркина был пожар, испуганные Лосевы с бумагами вышли из дома. Лосев очень бледен, он повторял, что его книгу не печатают, ждут, когда он умрет; мрачен; работает каждый день, пишет 8 том «Эстетики» со Столяровым.

# 1988

**19. 5. 1988**. Рената то и дело вспоминает Лосева. Марта мне сказала, что он почти не дышит без кислородной подушки.

**24. 5. 1988**. Звонит Валентина Ильинична Постовалова. Алексей Федорович умер в 5. 30. Последний раз она его видела в пятницу 20, достала лекарства для печени. Она не заметила, чтобы он нуждался в кислородной подушке. Он был в ясном сознании. Начал с расспросов о Солнцеве, их новом директоре в Институте языкознания. С обычных жалоб о непечатании. Она захотела его перебить, стала говорить о выступлении священника в Доме художника. Священник был в светском или в облачении, спросил Лосев. В рясе; и Валя стала говорить о подобных случаях, с увлечением. Ему, ей показалось, было очень интересно слушать, он улыбался во весь рот. Но я лично не думаю, чтобы она могла заметить и распознать, преодолел ли он свое вечное недоверие. Час шел такой разговор; Валя пользовалась тем, что А. А. Тахо-Годи была на кухне. Она потом пошла с обычными речами — декламациями — что Алексею Федоровичу надо отдохнуть, сколько людей хотят от него интервью, как много он должен написать, прежде всего о крещении Руси. «Ну, иди, Валентина; я устал».

Сегодня утром Аза Алибековна услышала неладное, а спала — к удивлению Ренаты — отдельно. Пришла. Он просил «посадить». Как-то посадила. Он лепетал имена ее и Валентины, «как ребенок», не различая ее, «очень хорошую женщину», и Азу. Он лепетал, т. е. твердя сквозь за 45 лет осевшую в душе «Азу» — давнюю Валентину.

Мы с Ренатой въехали на знакомый двор, поднялись по ступенькам и там Гусейнов (молодой, конечно), медиевист Столяров и другие молодые люди. Постовалова и последний секретарь Алексея Федоровича, молодой человек,

похожий на Пастернака, читали псалмы. Я немного почитал с ним, вместо Вали. А. Ф. в шапочке и очках, тихий учебный вид. Всё казалось, что он вот-вот пошевельнется, чуть повернет голову. Аза Алибековна рассказывала: когда утром, приехав не сразу, Валя Постовалова начала читать молитвы, пальцы у А. Ф., давно не дышащего, сложились троеперстием. И я думаю, что ум продолжал жить, присутствовать около тела, без сердца и без крови, распоряжался телом так, прямо. Потом, конечно, ум должен был совсем выдвинуться из окосневшего тела и сделал это привычно, делав ранее уже столько раз. Substantia separata, а что бы вы думали. Потом займется вообще своими propriae

actiones et operationes. Но, я думаю, только теми, которые имела навык делать при теле: только в качестве так навыкшей она individuata, а то — общая для всего рода человеческого. Вокруг Лосева уже деловитые взвихрения. Аза Алибековна тут же, у лежащего на столе фоба, говорит новые дежурные речи: А. Ф. прожил бы больше, если бы Владимир Сергеевич Походаев не оказался таким черствым, прислал бы только что вышедший сигнал 7-го тома «Эстетики», и т. д. Ее установка теперь печатать как можно больше, восходить на дрожжах новой славы. Алексей Федорович теперь популярнее Аверинцева, устраивает ббльшие массы.

Аверинцев звонит, он пишет некролог для «Литературной газеты» и хочет уточнить, когда А. Ф. был под следствием. Я перелистал свои записки, и они в сущности однобокие. А. Ф. в них не раскрылся, потому что я не располагал раскрыться, или потому что он в принципе не мог этого, глухо закрытый человек. Однобокое, болезненное впечатление от записей. Я должен буду прибавить свое, много своего.

**26. 5. 1988**. Покупаем цветы, но к А. Ф. я еду один. И подхожу к его дому без пяти двенадцать; двенадцать было время начала его занятий. Реально, конечно, сытного — для меня — завтрака, потом занятий в кабинете [223] Но волшебные минуты, когда юный А. Ф. оживленно ходил со мной по аллее спиркинской дачи, когда мы шли с ним пешком от его института до Арбата: тепло, солнечное и человеческое. И полное равенство во время долгих, почти каждый день час, два, больше, разговоров о жизни. «Интересный разговор».

Там Нина Брагинская без цветов, Александр Михайлов с большим букетом, очевидно, от ИМЛИ, хлопотливый серьезный Гусейнов, стремительный

Шичалин, хтонические Сукач и Половинкин, может быть сто человек, а на Ваганьковском, наверное, двести. Теплый и мягкий день. И пока не говорили речей — а Алексей Федорович expressis verbis потребовал, чтобы не было гражданской панихиды, — было тихо и торжественно. Отпевали степенно, долго Салтыков, Асмус и неизвестный мне нестарый священник, которого я принял было за Ведерникова; но, думаю, Ведерников не стал бы отпевать человека, не бывшего в церкви 60 лет. Он ведь, пожалуй, не был в церкви 60 лет. Я подошел, в числе не очень многих, приложился к венчику и к руке, он так исхудал, очень отдалился со вторника, когда еще казался одним из людей, присутствовавших в комнате. Когда священник предал тело земле и закрыли гроб, я быстро ушел, невыносимо было уже по дороге на кладбище слышать щебет светской дамы Бокадоровой, а тут могло быть что и

похуже. Наталья Петровна потом мне сказала, что я правильно сделал: говорили Н. и Ш., трескучий наглец и пустой бочонок, два символа Московского университета им. Ломоносова. Аза не могла их остановить: она нуждается в упрочении своего положения. Нашла с помощью кого.

**1. 6. 1988**. Некролог Аверинцева в «Литературной газете». Теплый, любящий. Лосев — явление природы, гора, всегда стоящая в глазах и теперь вот вдруг отсутствующая. Подсознательно: загораживавшая вид и свободу движения. Подсознательно: такой вот крупный. —

Лосев похож на Хайдеггера и в юности — нервной напряженностью; но Лосев более угловатый, потерянный. С годами у обоих вдруг совсем непредвиденная округлость и благодушие, но у Лосева — с хитрецой, с отрешенностью.

**23. 9. 1988.** Едем с Наташей на Ваганьковское. Там около 30 человек. В Тбилиси готовится конференция, участникам которой предлагается непременно говорить о Лосеве. Алексей Федорович на портрете (фото) на стандартном уродливом железном кресте с завитушками, слева от простой плиты его первой жены, умершей в 1954. Как хорош А. Ф., сколько детского, как укладывается в сердце его образ, отсеиваются тысячи бессмысленных печатных страниц. — Во время службы Олег Широков стоял лицом к священнику и Асмусу, думая, наверное, о фонетике. Немногие поехали потом на Отдых.

# 1989

**1. 2. 1989**. Воспоминания Ефимовых. Там о Лосеве: он сразу схватывает и отражает, как рефлектор, с такими людьми душно.

**30. 8. 1989**. Лосев, «Очерки античного символизма и мифологии». Никакой мысли. Отравлен платоновским «Парменидом» и хочет продолжать «диалог», с кем? С рассуждающей Россией. Поскольку кричат громче всех социальные публицисты, то с ними. При том что имеет немереный ум, выдавать не хочет, требует ответа и требует, чтобы его самого поправили.

**21. 10. 1989.** Болгарин Радостин, второкурсник философского факультета. Читает Лосева и испытывает экстаз. Вот что главное. Лосева нет. Скоро не будет нас. Этот вот экстаз, как огонь, всего важнее передать.

У него впечатление, что с 1945 года власти играют как спектакль, шитый белыми нитками. И шире: обо всей болгарской истории, что ею распоряжаются другие. Понимаю, как ему должно быть тоскливо. Русский язык, ему кажется, может больше чем болгарский.

# 1991

**10. 2. 1991**. Берусь за Лосева для моей «Энергии», и это живая, веселая, опасная работа. «Русская мысль».

**12. 2. 1991.** Лосев («Энергия» дошла до «Философии имени»). И тут я немного приобадриваюсь, мне интересно и весело.

**14.2.1991**. Прочел верстку моих «Разговоров Лосева» и мне не понравилось. Отчасти потому, что меня стесняли; отчасти из-за действительной слабости тех моих старых записей, которые только в общей массе возьмут свое.

# 1992

**22.7.1992**. Зана Николаевна Половинская… Лосев мягкий любезный, который свел ее девочку по ступенькам веранды (уже и тогда Отдых или Заветы Ильича, Рязанка густая сытная песчаная сосновая купеческая) и подтолкнул к качелям — его жест, его отношение к детям, погладить и отодвинуть. В доме Лосева парализованная жена и молодая красавица Аза, красавица Аза, повторяет Зана (какие имена давали интеллектуалы, профессора); «и наверное между ними что-то было, Аза была такая красивая».

**25. 7. 1992**. Венец победы над ἡδονή, пиши по Лосеву — над зудом.

## 1993

**5. 5 1993.** Надо выбирать, научная работа или дети, говорил А. Ф.

**4. 12. 1993**. Школа меня смущает, стыдит, что я ее люблю и не прошел. И с Лосевым была не школа — подмастерье не ученик, Лосев не думал обо мне. Жажда учиться, но как. — Лосев давит меня сейчас так же тогда, как и теперь, не величием, а распорядительностью, он имеет право и должен занимать место, наследие царского благополучия.

# 1995

**29.1.1995**. Вчера у Азы Алибековны. Она и старый мир в осаде, за шторами, чудом отразив Игоря (таким ему давали распределение после университета от Азы Алибековны с новогреческим в КГБ), теперь Иоанна Экономцева, и его рук в Православном университете, диакона Кураева и Саврея с женой латиниста Федорова, которая — при Экономцеве соблазнительница его романов — претендовала быть комендантшей нового дома, с кабинетом для ректора Православного университета, сауной, комнатой тихих игр, трапезной, домовой церковью и экспресс-буфетом, А. А. показывала готовый шикарный проект. К библиотеке прочно присосалась масса народу, даже еще не прочнее ли чем прежде. — Интересно, что Лосев вполне продолжает жить, и его осваивают с той стороны, где он подставился.

**29. 12. 1995**. Следственное дело Алексея Федоровича. Аза Алибековна не спала ночь от волнения и тревоги, получив его от «органов». Она не захотела мне его показать. Но я могу представить: там, возможно, Алексея Федоровича так же повело, как в последние уже, 1986–1988, годы зажима, когда он печатался в «Коммунисте», бросившись на шею мощной, как он думал, машине.

# 1996

**14.1.1996.** Вдруг вспоминаю: мы с Лосевым на Пироговской, идем пешком через город, он почти ничего не видит, я его веду, он домашний, теплый, сам целый город воспоминаний, о своих университетских экзаменах, о людях, грустный, но все же словно отпущенный со мной на свободу, с безусловно не допытывающимся, никаким ничего не искателем. — Щелкачев, сын которого преподает в Свято-Тихоновском богословском институте с сыном Асмуса, говорил мягко о Лосеве: «Он наговорил конечно много лишнего». Асмус не советует даже просить у Азы Алибековны следственное дело, она не даст и будет недовольна, Лосев якобы многих оговорил. Он решил тогда, говорил он мне, что его место не в сибирских лесах, а всё-таки в московском кабинете.

**20. 7. 1996**. Сон. Алексей Федорович Лосев с того света или с Арбата звонит ровным замогильным голосом, его беспокоит вся концовка «Античной эстетики».

# 2000

**25. 5. 2000.** У Азы Алибековны в уютной гостиной дома, который она отстояла. Я легкий, нет сил шевельнуться, но со звоном в голове все же говорю, бойко, и меня хвалят, одобряют, спрашивают, как записывались разговоры Лосева и когда будет напечатано целиком. — Дмитрий Вячеславович Иванов, 1912 г. р., итальянец, римлянин, остроносый как птичка, склонив голову, тихий, почти засыпая, мягкий и отзывчивый в улыбке, вскидывает веки при повторяющемся имени отца. Явно живет в его колее, но иначе, спокойнее чем Аза Алибековна, хранительница при «светлой памяти». Бочаров с осторожным уважением к Лосеву, большинство с любопытством просто, при этом стойком хранении, без которого конечно ничего бы не было. У Азы Алибековны достоинство и сила семейной памяти домов, супружеств, библиотек, болезней, детей, бед конечно, темных в основном скрываемых интриг. Она бодра, ей удалась камерная конференция, ей нравится Котрелев, она уважает Лаврова, ей льстит приезд американцев, согласие известного пианиста Константина Лифшица играть в центре Рериха. — Я ушел с перерыва конференции и не видел кабинета, но с улицы в окне горшок с цветами, штора в том окне.

# 2003

**11. 8. 2003**. Лосев в письме 19. 2. 1932: мы хороши и умны и строим жизнь, науки, веры, вежества. Почему, кто смеет нас разорять?

**15. 8. 2003.** Слишком понятные хлопоты Азы Алибековны вокруг печатания и известности. Это как если бы LW не занимался делом в Норвегии, а предлагал издательствам тексты. — Дочитал ее «Лосева». Он дает право жить порядливее, спокойнее? это победа над пошлостью или сдача? Если сдача, то на почетных условиях, после сложной борьбы. Не на канале, а на Арбате.

**16. 8. 2003.** Для Азы Алибековны он проблема, большая малоподвижная машина, выдающая томы. Это уж его ответственность, какие, — важно, что на выходе они вот, как там восемь, так тут восемь, между ними еще восемь, стоят. Почему так мало. Потому что закрыли другие выходы и оставили только этот.

— Мысль, т. е. бытие, хочет быть. Я не уверен, что настоящий Лосев другой. Его Вершинин, который как все помавает своим ландышем и неизменно получает страшно по носу, — его выставляют как себя вперед и остаются в спасительной тени. Идеальная (не обязательно реальная) девственность воздержится и остережется, ландыш будет мотором томов, надежным. «Я не буду страдать от смерти Томил иной, Радиной, потому что выбрал для себя блестящее, звонкое (звонарь)».

Мои записки не очень важны. У Лосева размах Кассирера, Гадамера. «Русский Гуссерль», сходное воздвижение жизни на мысли. Разбирать, додумывать его не очень хочется. Но через него, в той мере, в какой мысль продолжается…

**29. 8. 2003**. Лосев написал рассказы о Томилиной, устраиваясь впредь на жизнь, определяясь в отношениях с людьми: раз навсегда. Ты скажешь: он это сделал кривовато, чего-то недосмотрев и не додумав. Я разумно отвечу: это не твое дело, успей позаботиться о том, за что ты отвечаешь, о своем; ты о Лосеве в 1932 году на канале позаботиться не можешь, там уже случилось как случилось.

**26.9.2003.** Мои записки о Лосеве. Во мне было сколько угодно мути, но всегда, в каждую минуту — готовая способность загореться, восторга. Без чего LW не терпел человека.

**6. 3. 2004**. Позавчера у Азы Алибековны. Подписал, первым, письмо от «общественности» в правительство Москвы, против

директора лосевской библиотеки, который вот уже 2, 5 года только занимает помещение.

# 2004

**16.4.2004.** Мы с Сережей Хоружим у директора библиотеки Дома Лосева. Какое богатое место: философские книги, в центре старого Арбата, с мебелью, движущимися стеллажами, в евроремонтированном доме; рядом Аза Алибековна и кабинет (в нем сейчас Елена Аркадьевна). Но вот уже 6 лет в библиотеку не пускают людей, штат из 7 или 8 человек описывает 6 тысяч книг 6 лет? Ах, люди уютно уселись в теплом месте, работать они хотят, могут и будут, прирастая к креслу. Директор человек сложный; тяжкий антропософ; совсем не страшно далекий. — Потом у Азы Алибековны. И она, как десять лет назад, в осаде, в войне, как умеет ее вести. Семейное, дружественное только до момента разрыва и обиды — наивное, игровое, потом не будет брать телефон, как уже сейчас берет только услышав, после автоответчика, кто говорит. С нее же и начался Дом Лосева, остальные только продолжили. Но разве она не служит Алексею Федоровичу, издает его много? Продолжается выход толстых томиков. Что скажешь, он этого хотел. Внутри этого предприятия только тот, кто вполне принадлежит, включился в него. Старая гвардия, Джохадзе, Савельева, Завьялова, Нахов. Маханьков слегка взбунтовался. Я схожу за верного, пока не печатаю свои записки. Моя жалкая поза посредника между Азой Алибековной и бунтовщиком в войне, которую она умеет вести так, как мне не снилось.

28. 4. 2004. Интенсивный эпизод с Домом Лосева: мы было согласились с С. С. вести там семинар, но я позвонил Азе Алибековне, и она ждет, наоборот, финансовой проверки библиотеки и разоблачений. Я тогда понял: придешь говорить в хорошее красивое место, а тебя вскоре попросят. Дом, библиотека, дело Лосева словно горят; оставленное им сжигают, и у меня восторг пожара. Дело не движется, учеников он не оставил, привязанные к нему теперь не бескорыстны. Сережа говорит: это признак общего конца.

Такие чистые уютные читальные залы, книги, словари, мемориальная комната. Дом Лосева. Здесь должна продолжаться русская философия, на семинарах, конференциях, собраниях Лосевского общества, вокруг его международного бюллетеня, вокруг электронного сайта. Здесь заработает уникальный центр русской мысли. Собрания царского философского общества, вечера у Морозовой, бердяевская Вольфила, несчастные подсоветские философские кружки, как тот, имени Надежды Варзарь в Вешняках, — всё оживёт. Не так ли?

**25. 5. 2004**. Вчера у могилы Лосева и Соколовой, у темных торжественных крестов. Шел осенний дождь, Джимбинов сказал что на эту годовщину впервые. Служил о. Валентин, бесконечно возвышенный, белый и уверенно правящий, с потемневшим красивым о. Александром. В тесных проходах между оградами могил стояли со свечами под зонтиками почти те же 30 человек старой гвардии и двое детей, кроме наших. Валентина Ильинична Постовалова и другие хорошо пели. Азе Алибековне врачи не разрешили приехать из-за дождя.

**notes**

# Примечания

# 1

История эстетических категорий, М. 1965.

## 2

См. А. Тахо-Годи, Лосев, М. 1997, с. 244 (дальше просто: Лосев).

2 См. Лосев, с. 319–320.

cardinalis, главный, соотносят с лат. cardo, дверная петля, на чем всё висит.

# 5

Аракин Владимир Дмитриевич (1904–1983), в первой половине 60-х гг. занимался филиппинистикой (моногр. Индонезийские языки, М. 1965).

Θῡ́ω родственно нашему дую, θελλα— буря.

# 7

Ольга Сергеевна Соболькова, см. Лосев, с. 322, 352, запись 11. 1. 1976 и passim.

# 8

Тем характернее исключения, см. запись 4. 8. 1970

# 9

Моя тогдашняя заметка в скобках: «Старая мудрость. Как у Пришвина». Сейчас см. запись Пришвина о Лосеве, сделаную 17. 11. 1937 (Лосев, с. 212): «Чем дальше человек от действительности — вот удивительная черта, — тем прочнее держится он. Пример — я как писатель, Лосев как философ».

# 10

См. Лосев, с. 308.

# 11

Моя запись в скобках: по Кроче

# 12

См. Лосев, с. 32–33.

# 14

У меня в скобках: Мир etabli.

## 15

Ср. Лосев, с. 33.

# 16

Герман Кайзерлинг, см. 4. 1. 1972.

# 17

Моя приписка в скобках: у А. Ф. не вдохновение, а какая-то длящаяся благодать.

# 18

То же: У него мир расписан.

# 19

То же: Всё принимает. Но хочет знать суть, смысл; иметь то, о чем говорим. Авторитеты для него немцы конца 19 в.

# 20

Елены Аркадьевны Тахо-Годди

# 21

, О диктовке без поправок см. Лосев, с. 161.

# 22

Дачи Спиркина на пл. Отдых казанской дороги, см. Лосев, с. 329 слл..

# 23

См. Лосев с. 251

# 24

См. Лосев с 309

# 25

Галич (Говоров, Никифоров) Александр Иванович (1783–1848), преподавал русский и латинский языки в Царскосельском лицее, философию в Педагогическом институте (с 1819 — Петербургский университет). В «Опыте науки изящного» (1825) критик классицистского подражания, романтик.

# 26

См. Лосев с 332

# 27

См. Лосев с. 197

# 28

В лосевском смысле мира.

# 29

Не спросил

# 30

См. Лосев с.244

# 31

Не помню какой

sic. Всякое мнение открыто для понимания и непонимания. Высказывающий его должен быть готов к тому и другому.

# 33

Вне мнений есть общепризнанный научный фонд фактов и проблем. Он неприкосновенен.

# 34

Скульптор и архитектор 4 в. до н. э., поздняя классика.

Беккер (Берлинская академия наук), в 5 тт.

Издательство Дидо.

# 37

«Заросший пруд» В. Д. Поленова? «Проселок» А. К. Саврасова?

# 38

Аристотель, Поэтика 1452b 34. Аристотель, Об истории животных 488b 16.

[38] Кажется, о трехтомнике (фактически четырехтомнике) Платона в изд. «Мысль».

# 39

Аристотель Об истории животных 488b 16

# 40

Кажется о трёхтомнике (фактически четырёхтомнике) Платона изд «Мысль»

# 41

Ср. 2.2.1975

# 42

Смещение перигелия Меркурия на 43 секунды за столетие, важное экспериментальное подтверждение специальной теории относительности Эйнштейна.

# 43

См Лосев с 242, 303, 354 — 356

Хороший термин вместо имплицировано.

# 45

Аби Мориц Варбург (1866–1929), историк Ренессанса. В создании библиотеки участвовала однако в разной мере вся большая благополучная семья финансистов и ученых Варбургов.

# 46

Б. С. Чернышев (1896–1944), с 1940 зав. кафедрой истории философии МИФ- ЛИ, с 1943 декан философского факультета МГУ.

См. Лосев с. 233, 239, 240

48 А. Л. Штейн, историк испанской литературы.

И. И. Ревзин, работы по моделям в языкознании, машинному переводу.

# 50

Ср. Лосев, с. 134, 159–160 и ниже запись 7. 5. 1978.

## 51

*51* Подразумевается человеческая, в таком случае получаем ересь несторианства.

Ср. 15. 7. 1974.

# 53

Ср. Лосев, с. 132.

Национал-социализм.

# 55

См. Лосев 246

# 56

*56* Большой театр, 1925. Брунгильда — К. Г. Держинская, Вотан — А. С. Пирогов, дирижер А. М. Пазовский.

## 57

*57* Е. М. Штаерман, исследования по истории рабства, в основном в Риме.

# 58

Роберт Ф. Кеннеди, смертельно ранен 5. 6. 1968.

# 59

59 Д. М. Петрушевский (1863–1942), историк-медиевист.

# 60

Константин Константинович Случевский(1837–1904), стихотворный сборник «Песни из 'Уголка'», 1902.

# 61

Константин Михайлович Фофанов (1862–1911), сборник стихов «Тени и тайны», 1892.

# 62

62 Вчитавшись впервые во вторую его часть, я начал неудержимо хохотать от восторга; добрался до конца в том же настроении, но чтения в привычном смысле, прав А. Ф., не получилось.

# 63

См. 20. 9. 1976.

В четкости, с какой А. Ф. говорил такие учебные фразы, слышалась воля к чистоте. Дух стремился в них к свободе. Он сбивался, увязая в плотном сопротивлении, например, хотя бы в моей косности. Всегда можно было различить между блестящей мыслью, которой ничего не надо кроме света, и жизненными лабиринтами, из которых она искала выхода.

# 65

Мне здесь вспоминается Витгенштейн: «Часто чувствуешь, что фраза слишком длинна и тогда хочешь ее сократить, отбрасывая слова; через это она приобретает принужденную и неудовлетворительную краткость. А возможно, что для настоящей краткости ей не хватает слов». (Дневниковая запись 11. 4. 1937).

# 66

Р. Ю. Виппер (1859–1954) в 1897–1922 был профессором Московского университета.

# 67

Борис Робертович Виппер (1888–1967) преподавал в Московском университете с 1915 до 1924 года, когда вместе с отцом перешел в Латвийский университет в Риге.

«Человек человеку бревно».

# 69

69 Диог. Л. ix 64, 9 (ἀρχίερέα, hapax).

А. И. Малеин, переводчик «Записок» Зигмунда Герберштейна.

## 71

См. Лосев, с. 282–284.

Институт философии Грузинской академии наук

e. R. Dodds, работы по неоплатонизму, затем по досократикам, Платону, греческой драме.

*74* Werner Beierwaltes, историк платонизма.

«Ученик дьявола» (первая постановка в 1897). Действие развертывает эпизод американской войны за независимость.

В действии III Шоу вводит реальное лицо, генерала Джона Бэргойна, командующего экспедиционным корпусом, посланным для усмирения американских мятежников, рисуя его свободным умом, немного драматургом. Шоу о нем: «Бэргойн это человек, который живет, как бы играя роль, и все ее острые моменты он исполняет в стиле прирожденного мастера высокой комедии». Бэргойн в пьесе Шоу предвидит свое поражение под Саратогой (17. 10. 1777), оно подготовлено «бездарностью и легкомыслием, нерадивостью и волокитой» правительства в Лондоне. У его собеседника не укладывается в голове, что конечная победа американской революции может иметь причиной то, что кто-то в Лондоне забыл послать необходимый приказ, спеша на загородный отдых. «Суиндон. Я не могу этому поверить. Что скажет история? Бэргойн. История, сэр, солжет, как всегда.» (Бернард Шоу. Полное собрание пьес в шести томах. Т. 2. Ленинград: Искусство 1979, с. 108).

# 77

Градоначальник Петербурга генерал Федор Федорович Трепов (1812–1889) был тяжело ранен 28. 1. 1878 Верой Ивановной Засулич (1849–1919) у себя на петербургской квартире в часы официального приема просителей; Засулич была оправдана судом присяжных под председательством А. Ф. Кони 31. 3. 1878. Дмитрий Федорович Трепов (1855–1906), с 11. 1. 1905 петербургский генерал-губернатор, после увольнения в отставку в октябре 1905 умер через год в Петербурге. Александр Федорович Трепов (1862–1928) умер в эмиграции в Ницце.

# 78

Комиссия Палаты представителей США в 1979 г. подтвердила имевшиеся у многих подозрения, что Ли Харви Освальд был не единственным убийцей президента Джона Кеннеди в Далласе 22. 11. 1963.

## 79

Ср. Лосев, с. 437–438.

Л.Н.Столович. Категория прекрасного и общественный идеал. М. 1969; Природа эстетической ценности, М. 1972;

# 81

П. Н.Сакулин (1868–1930) читал курс истории русской литературы в Московском университете (1902–1911)

# 82

**[82]** r. w. wallach. Uber Anwendung und Bedeutung des wortes Stil, 1919. 83 H

83 nohl. stil und weltanschauung. jena 1920

Тимофеев Леонид Иванович, доктор филологических наук, профессор МГУ и др. вузов, в 1941—70 заведующий отделом советской литературы в институте мировой литературы АН СССР. Работы по стиховедению, поэтике, стилю, учебники по теории и истории литературы для вузов и школ: Советская литература. Метод, стиль, поэтика, М., 1964; Основы теории литературы, 4 изд., М., 1971; Советская литература и художественный прогресс // Новый мир, 1973, 11. Награжден 4 орденами.

# 85

См. 30. 9. 1971.

«Проблемы литературного стиля», 1970.

# 87

Cp. 1. 1. 1971, 27. 9. 1971.

# 88

Вошло в книгу: Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев 1973.

# 89

89 Результаты всей этой работы см. А. Ф. Лосев. Проблема художественного стиля. Киев 1994, с. 130 слл. и др. (Есть другие издания.)

# 90

Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969), академик АН СССР с 1946. Проблема авторства и теория стилей, М. 1961; Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М. 1963.

# 91

Белецкий Александр Иванович (1884–1961), Избранные труды по теории литературы, М. 1964. Ср. Лосев, с. 201 слл.

97 Томсон Александр Иванович (1860–1935), член-корреспондент Петербургской ДМ (1910), профессор Новороссийского университета в Одессе (1897–1932).

# 93

Рождественский Юрий Владимирович.

Юрий Сергеевич (р. 1930).

# 95

Дынник Михаил Александрович (1896–1971), член-корреспондент АН СССР (1958), с 1943 старший научный сотрудник, с 1968 заведующий сектором истории философии Института философии АН СССР. Государственная премия СССР (1943) за участие в создании трёхтомной «Истории философии» (т. 1–2, 1940-41).

«Ямбы».

Возможно, речь шла о книге: Горнунг Б. В., Из предыстории образования общеславянского языкового единства, М. 1963.

# 98

Ср. 18.8.1971

Будагов был однако прав, Нахов и Ахманова спутали class и classic.

Пушкин о Вольтере («Городок»),

# 101

Старая память и чутье не подвели А. Ф., chez Нотёге с liaison во Франции литературная норма, хотя встречаются исключения (Maurice Grevisse, Le bon usage. Grammaire franˆaise. Refondue par Andre Goosse. P.: Duculot 1993, p. 62).

# 102

Генерал Александр Васильевич Самсонов (1859—30. 8. 1914).

# 103

См. 5. 12. 1971.

Зелинский Ф.Древние религии. П. 1922 и др.

# 105

См. выше прим 76.

# 106

См. 27. 9. 1971.

# 107

*107* В «Вопросы теории литературы» Жирмунского (Л. 1928) входил раздел об ОПОЯЗе (Задачи поэтики. К вопросу о «формальном» методе).

108 Хюбшер А., Мыслители нашего времени, М. 1962.

«Избранные философские труды» (М. 1969).

# 110

Василий (Васо) Иванович Абаев в работах о языке и мышлении (Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление, вып. 2, М. -Л1. 1934).

# 111

Речь, кажется, о Георгии Владимировиче Степанове (1919–1986).

*АА. Зализняк*, Русское именное словоизменение, М. 1967.

# 115

*115* Алексей Алексеевич.

# 116

«Связи с заграничными книжными магазинами у нас в Москве не было решительно никакой в течение нескольких лет» (Очерки античного символизма и мифологии, М. 1930, с. 685).

# 117

См. 30. 9. 1971.

# 118

118 Ср. 13. 2. 1972.

# 119

Ср. 30. 5. 1975.

# 120

См. 8. 8. 1971 и др.

# 121

См. 23. 5. 1976.

Соболькова.

# 123

Юрий Кашкаров был в годы этих записей редактором в «Искусстве». Потом он уехал на Запад, сейчас довольно известный писатель.

# 125

Соединение через и. Ср. у Виноградова «герои союза и».

herrmann Alexander Graf von Keyserling (1880–1946), Das Reisetagebuch eines Philosophen, 1919

# 127

Так (Щерба, глокая кудра).

Джамбаттиста Вико, Основания новой науки об общей природе наций, пер. А. Губера, вступ. ст. М. А. Лифшица, М. 1940.

# 129

Cp. 8. 12. 1971.

## 130

Едва ли имеется в виду Виктор Ноевич Ярхо, выпустивший книгу «Эсхил» в 1958 году. Скорее всего речь идет о переводчике Петрония (Петроний, Сатирикон, пер. Б. И. Ярхо в кн. Ахилл Татий, Левкиппа и Клитофонт…, М. 1969).

# 131

Фадцей Францевич. См. 13. 2. 1972, 6. 7. 1972.

# 132

Иван Иванович Толстой (1880–1954).

# 133

Так (Вальгалла).

Так (Брунхильда).

# 135

Так (Парсифаль).

Так (Граль).

# 137

137 В. Гаузенштейн, Искусство и общество, М. 1923.

# 138

138 М. А. Лифшиц отнес Гаузенштейна к вульгарному социологизму.

Лосевская анти буржуазная резкость в этой статье многих приводила в замешательство

# 141

141 Не помню, о ком говорил А. Ф.

# 142

*142* А. Я. Гуревич, Категории средневековой культуры, М. 1972.

# 143

Одиссея viii 44 и др.

# 144

Ср. 4. 1. 1972.

# 145

Переселение душ.

# 146

Теперь этот акафист не включается в богослужения Святой Троицы и Духова дня, см. Настольная книга священнослужителя, т. 4, М. 1983, с. 591–594.

# 147

Ср. 30. 7. 1972.

# 148

*148* О нем 22. 2. 1973, 19. 3. 1973.

# 149

Фил 2,6

# 153

Старого стиля.

Э. Хонигман, Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, Тбилиси 1955.

# 156

В доме Лосева я видел старые тетради с хвалебными посланиями Сталину на древнегреческом языке.

# 157

Кажется, для двухтомника ренессансной эстетики под ред. Шестакова.

## 158

Термин Николая Кузанского. Я заменил его на предположение.

# 159

У Алексиуса фон Мейнонга (1853–1920) интенциональный объект, о котором мы не знаем, существует он реально или нет, конституируется как предмет в акте познания. Темы учителя Мейнонга Брентано и самого Мейнонга развиты Гуссерлем в теории интенциональности.

# 160

Об эстетике Николая Кузанского.

# 161

Считается, что у Ксенофонта нет такого сочинения.

# 163

Cp. 15. 6. 1973.

# 167

Скрябин был профессором Московской консерватории по классу фортепиано в 1898–1903.

# 168

*168* Василий Родионович Петров (1875–1937).

# 169

Петров Осип Васильевич (1807–1878) пел на петербургской оперной сцене.

# 170

Филин Федот Петрович (1908–1982).

Я встречался с ним тогда на семинарах Вячеслава Всеволодовича Иванова по хеттскому языку.

Б. Я. Бухштаб, Русские поэты, Л. 1970.

# 173

Марк Борисович Митин в 30-х годах был зам. директора Академии коммунистического воспитания, зам. директора Института философии, гл. редактором журнала «Под знаменем марксизма», входил в Президиум АН СССР.

Сам я потом перевел только краткое «Таинственное богословие».

# 175

Имя нарицательное.

# 176

Ипотеса (предпосылка, предположение) см. Платон, Государство 51 Oьc, 511a-c, 533c и др. По Лосеву, ипотеса — смысл, принцип, закон вещи, мост между рассеянной чувственностью и упорядоченной идеей.

# 177

Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1942, по другим справочникам 1865–1937).

# 178

Щербатской Фёдор Ипполитович (1866–1942).

## 179

Эта книга Щербатского на английском языке была издана в Ленинграде в 1927 году.

# 180

Мф 28, 19.

# 181

Ср. Ин 14, 13.

# 182

А. Ф. произносит Харнак. Он помнит скорее всего работу: А. Гарнак, История догматов // Общая история европейской культуры, т. 6, СПБ 1911.

# 183

Мой брат служил тогда в музее Толстого. Зачитывался он Толстым и тогда, и после.

Примерно в это время Михаил Михайлович Бахтин говорил мне: «Лосев очень интересный автор. Непонятно только, почему он цитирует философские тетради Ленина. Мы все вели в молодости такие конспекты немецких авторов, ленинский не лучше других, зачем же ссылаться именно на него?»

*Мина АлибековнаТахо-Годи.*

# 187

*Достижением Симона Федоровича Ушакова (1626–1686) считается объемность живописного изображения.*

*[187]* Тогда зав. философской редакцией в «Мысли».

Тогда зав. Философской редакции в «Мысль»

# 189

В то время долго решали, издавать ли Николая Кузанского. Составленый мною двухтомник, где было две трети моих переводов, вышел в 1980 г.

Виктора Никитича Лазарева. Он, кажется, что-то советовал о Николае Кузанском.

# 191

Антуан Мейе (1866–1936), Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М. -Л. 1938.

# 192

Ср. 29.9.1971

# 193

Трипеснец Козьмы Маюмского на великий Пяток, ирмос песни 5.

fr.j.kovac, die asthetik des thomas von aquin, Walter de Gruyter 1961.

[194].. „

Не помню начала этой мысли.

# 195

«Солома», так Фома Аквинский назвал свои сочинения перед смертью.

# 196

Рим 1, 16

# 197

Не помню начало этой мысли

# 198

Мысль Николая Кузанского.

*144* Такого, конечно, не могло быть. Скорее всего, догадка самого А.Ф. о моей молчаливой критике.

# 200

Ср. 19.3.1973.

# 201

См. 24.8.1972.

Книгу Клайва Льюиса «Чудо» переводила Н. Трауберг

# 203

Об Оле Собольковой см. passim.

Не помню чья.

# 205

Петр Григорьевич Редкин (1808–1891), Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще, т. 1–7, 1889–1891 (не издано до конца).

Ср. 15. 12. 1971 и 9. 2. 1972.

# 207

Юдин Павел Федорович (1899–1968), в 1932–1938 директор Института красной профессуры, в 1938–1944 директор Института философии АН СССР, в 1937–1947 директор Объединения государственных издательств, сотрудник аппарата ЦК.

# 208

208 Праздников без работы у А. Ф. не было.

# 209

В шести..

# 210

Ураном

# 211

Cp 30.7.1972

e. Panofsky, Abbot Suger on the Abbey Church of St. Denis and Its Art Treasures, 1946.

# 213

Ср. 9. 12. 1973.

# 214

*214* В тот год до июля я был захвачен строгим благочестием Натальи Леонидовны Трауберг.

# 215

Книгу дала Н. Л. Трауберг.

# 217

Федор Васильевич Константинов был в 1958–1962 гг. всего лишь главным редактором журнала «Коммунист», с 1967 г. он уже академик-секретарь Отделения философии и права АН СССР.

# 218

Бонифатий Михайлович Кедров в 1958 году вернулся в Институт философии АН СССР, в 1973 году в возрасте 70 лет стал его директором.

# 219

А. Ф. не знал, что в 1970 г. Ольга Сергеевна Ахманова уже уволила меня с кафедры иностранных языков в МГУ. В 1980 г. началась моя долгая борьба в издательстве «Искусство» против цитаты Маркса в предисловии к переводам Петрарки. Цитата была вставлена начальством, но с пометой Прим. ред.

# 220

Ср. 24. 8. 1972.

# 221

Витольд Ян Дорошевский (1899–1976). Родился в Москве, с 1929 г. профессор Варшавского университета, с 1952 академик Польской АН.

# 222

Ср. 25. 2. 1973.

# 223

Ср. 25. 11. 1973.

Важная для А. Ф. мысль: христианская жизнь не то, что осмысливается, а сам смысл. Хайдеггер, у которого бытие первичнее христианской экзистенции, представляет здесь кричащее и красиво решаемое противоречие. А. Ф. не занимался Хайдеггером. В 1971 г. я показал ему перевод «Учения Платона об истине». А. Ф. спросил только, как стоит в заглавии, Plato или Platon. Я тогда еще не знал, что в неформальной обстановке Хайдеггер говорил вообще Blato.

# 225

Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892–1970), ученик Л. В. Щербы, профессор московских вузов в 1935–1947, МГУ с 1947 по 1954.

Не помню, какая книга на каком языке попалась А. Ф.

Приезжая из Америки в 1990-е годы по приглашению МГУ, Шаумян с теплотой расспрашивал у меня об А. Ф.

# 228

См. 16. 1. 1972, 30. 4. 1972.

С. Л. Епифанович, Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие, Киев 1915; С. Л. Епифанович, Материалы к изучению жизни и творений преподобного Максима Исповедника, Киев 1917.

В «Богословских трудах» готовилось издание (не состоявшееся) «Триад» Па- ламы в моем переводе.

# 231

Неоплатонизм.

П. П. Блонский, Философия Плотина, М. 1918.

# 233

В смысле седмица.

# 234

Переехали не его. В июле 1975 вся редакция истории философии в «Мысли» — три женщины, не пожелавшие осудить на собрании отъезжавшего за границу Финкельберга, — была уволена. Чтобы жить, они приходили в ИНИОН к Ренате Гальцевой за работой.

# 235

См. 6. 12. 1972.

Об этом обсуждении статьи о Флоренском в «Философской энциклопедии» см. ниже.

Зав. Редакции философии издательства «Энциклопедия»

А. Ф. скоро напишет статью «Аверинцев С. С.» для «Краткой литературной энциклопедии», т. 9, М. 1978, стб. 26–27.

# 239

Никогда такого не говорил.

# 240

В годы Вхутемаса вышла книга: Н. М. Тарабукин, От мольберта к машине, М. 1923.

# 241

*241* Срыв А. Ф. начал меня беспокоить, я хотел сократить разговор.

# 242

В 1958 Михаил Александрович Дынник стал членом-корреспондентом АН СССР.

# 243

Спохватившись, я снова хочу снять напряжение.

Записывая это почти 30 лет назад, я был целиком за Аверинцева, чью каждую лекцию с восторгом слушал, как все тогда. Лосева сильно подводил срыв в бессильное раздражение, мало понятное ему самому. Теперь я выше оцениваю трезвость А. Ф., предсказывавшего еще 300 или как минимум 100 лет большевизма в России. Податливость социализма, от которого стратегически откатывала власть, обманула демократов. Не забывается одна передовица многомиллионных «Известий» в 1990 году. Там предупреждалось об армии некомпетентных деятелей, готовых занять любые должности в обновляющемся государстве. Подпись была: С. С. Аверинцев, депутат Верховного совета СССР. Лосевские слова о «продаже разных наслаждений и удовольствий» я слышу теперь как пророчество о демократической риторике, прикрывшей в 1987–1993 годах перестройку власти.

# 245

Отец или сын хулиганил? Мне помнится, сын.

Московское психологическое общество, председателем которого в 1899–1918 был Лев Михайлович Лопатин (умер 64-летним 21. 3. 1920).

# 247

Через четверть века всё для меня собралось вокруг этих двух дат.

Редактор в издательстве «Энциклопедия».

# 249

*249* Аверинцев рассказывал, как однажды столкнулся в издательстве с Крывелевым, который взяв за пуговицу начал его отчитывать. После бессонной ночи за работой Аверинцев видел всё странно и вдруг без слов расхохотался Крывелеву в лицо. Тот мгновенно куда-то исчез.

# 250

См. 5. 7. 1971.

# 251

Сложный Вече Самвелович Григорьян, занявший место Василия Григорьевича Кисунько во главе редакции эстетики издательства «Искусства» после погрома этой редакции. К. М. Долгов был неблагоприятным директором издательства.

# 252

Борис Сергеевич Украинцев окончил Грузинский индустриальный институт.

# 253

Зульфия Абдулхаковна Тажуризина, зав. кафедрой атеизма МГУ. В начале 80-х она многое знала и с горечью говорила мне: вы хотите религии; но ведь, вернув ее, они (!) сделают народ нищим.

# 256

См. 22. 2. 1973.

# 257

«Фрина на празднике Посейдона в Элевсине» (1889) Хенрыка Семирадского.

«Эдип в Колоне» 1224–1225.

## 259

Персонаж популярных тогда «Зияющих высот» Александра Зиновьева.

Лосев, с. 242–243.

# 261

В 1940–1947 годах Георгий Федорович Александров (1908–1961) заведовал Управлением пропаганды и агитации ЦК.

# 262

Cp. 5. 6. 1971.

# 263

Иван Васильевич Попов

Cp. 19. 1. 1973.

# 265

Ср. 27. 6. 1970.

# 266

Кавказская война продолжается, пророчески говорила она мне.

# 267

Ср. 17. 11. 1971.

Ренаты Скотт, см. Лосев, с. 345.

Ренаты Гальцевой.

Многомесячная, в конце успешная война за отмену переправления

В. Соколовым и З. А. Тажуризиной одного термина в моих переводах Николая Кузанского.

По А. Ф., увлечение стилем приходит с последним декадансом культуры.

Умер в декабре того же года 74-летним.

*273* Булгаков Михаил Петрович (1816–1882).

*г*
Бердяев.

vir ille mirabilia potest, novit et admirabile facit. Nemo par illi, nemo itinere illo sequere possit. Quid autem vidimus? Auctor admirandus alta pulchritudinis exemplaria atque virtutis imagines spernit exhortaturque ad diffidentiam. Alios deos aliumve Deum constituit? Minime; immo non solum lectorem in dubio atque desperatione relinquit, sed etiam exsultat in monstruosis et nescio quid atrum pollicentibus perversionibus. lam vulgus insane exsultat cibum inveniens suae invidiae atque odio omnium pulchro- rum. Ecce enimvero, magister noster reverendus Dantem poetam catholicum carpit, in sculptura attica nescio quid monstruosum invenit, Plotinum comitem imperatoris atrocis facit, iurem romanam necessario cruentem insinuit. Non potui tacere de quibus cruciabar nonnullas dies, praesertim quia de homine notissimo atque reverendissimo agitur. И еще много в том же духе.

Ср. 27. 5. 1975.

# 277

Ср. 6. 12. 1972.

См. аверинцевскую часть 12. 12. 1983.

# 279

Эидук.

# 280

Книга А. Ф. «Вл. Соловьев» (1983), вышедшая, остановленная властями, полулегально расхватанная.

Разрыв, конечно, нельзя было обойти. Наступил он на самом деле давно. Но мое гражданское возмущение конформизмом Алексея Федоровича скоро кончилось. Через два года после этого письма я заметил за собой, что хочу помочь падающему социализму, хочу его упрочения, стабилизации. Чутье подсказывало мне, что единственный надежный способ ослабить самодержавие требует отнять у него право менять идеологию, т. е. заставить его держаться принятых обещаний.